Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал
2020 – № 1 (20)

Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Ярославль
2020

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevolzhski Philological Bulletin : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. – № 1 (20) – 191 с. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20
2020, № 1 (20). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(главный редактор)*; **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **И. Ю. Лученецкая-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора)*; **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского *(зам. главного редактора, ответственный редактор)*; **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершуерен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Викулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Дементьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **С. А. Засорин,** кандидат исторических наук, доцент, директор Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сяотао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Ренате Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федуленкова,** доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухуни,** доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, **Яо Хай,** доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий, г. Сучжоу (КНР).

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение, культурология, исторические науки)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии и независимыми экспертами.

Адрес редакции:
150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Регистрационный номер средства массовой информации:
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.
Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»
см. на сайте: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2020
© Авторы статей, 2020

FOUNDER:

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski philological bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2020. – № 1 (20). – 191 pages. – ISSN 2499-9679. – DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20

2020, № 1 (20). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, doctor of historical sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, head of theory and methods of professional education department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (editor in chief); **N. N. Letina**, doctor of cultural sciences, associate professor, department of culturalogy, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **O. V. Lukin**, doctor of philological sciences, professor, head of department of theory of language and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina,** doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, doctor of philological sciences, associate professor, department of theory of communication and advertising, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, professor of russian language, Middleberry college (USA); **E. I. Boichuk**, doctor of philological sciences, associate professor of department of roman languages, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **E. M. Boldyreva**, doctor of philological sciences, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **E. G. Borisova**, doctor of philological sciences, professor, department of public relations, Moscow state linguistic university; **E. V. Bykova**, doctor of philological sciences, associate professor of department of public relations in business of St. Petersburg state university; **Jef Verschueren**, doctor of philology, professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, deputy director of Institute of foreign languages, Moscow city pedagogical university; **E. I. Goroshko**, doctor of philological sciences, doctor of social sciences, professor, head of department of cross-cultural communication, Kharkov polytechnical institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, doctor of philological sciences, professor; department of theory, history of language and applied linguistics, Institute of philology and journalism, Saratov state university named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, doctor of cultural sciences, professor, deputy rector of Yaroslavl state theatre institute; **S. A. Zasorin**, candidate of historical sciences, associate professor, director of Institute of foreign languages of Moscow pedagogical state university; **T. S. Zlotnikova,** doctor of arts, Honoured scientist of Russian Federation, professor of culturology department,Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **Nelya Ivanova**, doctor of philological sciences, professor, University named after professor doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, doctor of philological sciences, professor, department of theory and methods of teaching philological sciences, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **V. I. Karasik**, doctor of philological sciences, professor of general and russian linguistics department of State university of russian language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, doctor of philology, professor, faculty of journalism, Sofia university (Bulgaria); **N. I. Klushina**, doctor of philological sciences, professor, department of russian stylistics, faculty of journalism, Lomonosov Moscow state university; head of stylistics board, International slavic committee**; G. E. Kreidlin**, doctor of philological sciences, professor, department of russian language, Institute of linguistics, Russian state university for humanities; **A. D. Krivonosov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of communication technologies and PR, St.-Petersburg state university of economics; **E. N. Laguzova**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **A. V. Ledenev**, doctor of philological sciences, professor of department of contemporary russian literature and modern literary process, philological faculty of Lomonosov Moscow state university; **Li Xiaotao**, doctor of russian language and russian literature, professor of Institute of foreign languages of South-West university, Chóngqìng (China); **V. A. Maslova**, doctor of philological sciences, professor, department of general and russian linguistics, Vitebsk state university (Belarus); **A. D. Petrenko**, doctor of philological sciences, professor, director of Institute of foreign philology, head of department of theory of language, literature and sociolinguistics of Crimean federal university named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, doctor of philological sciences, professor, department of english language, Military university of Ministry of defence (Moscow); **Ivo Pospishyl**, doctor of philology, professor, head of Institute of slavic philology of philosophy faculty of Masayk university, Brno (Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, doctor of philological sciences, professor, head of department of social communications, Mariupol state university (Ukraine); **Renate Rathmayr**, doctor of philology, professor, head of department of slavic languages, Vienna university of economics (Austria); **I. B. Rubert**, doctor of philological sciences, professor of department of language theory and theory of translation of humanitarian faculty of Saint-Petersburg state university of economics and finance; **E. F. Serebrennikova**, doctor of philological sciences, professor, department of romance philology, Euroasian linguistic university in Irkutsk (branch of Moscow state linguistic university); **V. N. Stepanov**, doctor of philological sciences, professor, vice-rector, head of department of mass communications, international Academy of business and new technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, doctor of philological sciences, professor, Honoured scientist of Russian Federation, director of center of communicative researches, professor of department of general linguistics and stylistics of Voronezh state university; **L. A. Trubina**, doctor of philological sciences, professor, head of department of russian literature, vice-rector for education of Moscow pedagogical state university; **N. A. Fateeva**, doctor of philological sciences, professor, a chief research worker, head of scientific center of interdisciplinary researches of literary text of Institute of russian language named after V. V. Vinogradov of Russian academy of sciences; **T. N. Fedulenkova**, doctor of philological sciences, professor, department of foreign languages in professional communication, Vladimir state Stoletov university; **G. Yu. Filippovsky**, doctor of philological sciences, professor, department of russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky; **G. T. Khukhuni**, doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and anglistics of Moscow state regional university; **Evelyne Enderlein**, doctor of philology, professor Emeritus of Strasburg university, vice-president of russian philology association in France (France); **T. V. Yurieva**, doctor of cultural sciences, professor, department of journalism and publishing, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky ; **Yao Hai**, doctor of historical sciences, professor of Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou (China).

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of doctor and candidate of sciences on the following scientific specialities:
10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism, culturalogical sciences, historical sciences)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and independent experts

Address of the editorial office
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)
Internet addresses http: //yspu.org/; http://vv.yspu.org/

Mass media registration:
The federal service for supervision of communications, information technology, and mass media
PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the publishing article in the scientific journal «Verhnevolzhski philological bulletin»: https://vv.yspu.org/for-authors/terms/

© Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, 2020
© Authors of the articles, 2020

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 1 (20) – 2020

«Родное слово есть именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания…»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «Память скрыла столько зла...»: память и забвение в художественном мире русских авторов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов» ____ ***8***

Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») ____ ***19***

Федотова А. А. Пародия в прозе Н. А. Некрасова 1840-х гг. ____ ***28***

Филонова Ю. А. Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» ____ ***36***

Короткова Н. С. Два варианта мифологизма в романах Л. Е. Улицкой ____ ***43***

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

Беглова Е. И. Внутренний источник развития лексики русского литературного языка в XX–XXI веках ____ ***50***

Фокина М. А. Метафорические характеристики персонажей в повести А. П. Чехова «Дуэль» ____ ***59***

Цзян Юань Отображение короткого счастья в трагической жизни средствами номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова ____ ***66***

Бринюк Е. В. Специфика репрезентации концепта «человек» в учебном креолизованном тексте по русскому языку как иностранному ____ ***73***

Кулаковский М. Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте ____ ***80***

Мельникова Е. М., Метёлкина С. С. Формы степеней сравнения собственно качественных прилагательных в современной речи ____ ***86***

Труханова Д. С. Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе ____ ***94***

Теория языка

Вишневская Г. М., Абызов А. А. ‘Канадизм’ как локально-маркированная лингвистическая единица (лексикографическая трактовка термина) ____ ***104***

Степанов В. Н., Зарина Е. Н. Речевой жанр сентенции в социальных сетях: от изречения к мему ***109***

Лукин О. В. Роль немецких лингвистов в формировании научных взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (к 150-летию вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете) ***119***

Гунько Л. А. Структура кодовых переключений в романах Питера Мейла «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра» ***126***

Столярова А. Г. Особенности восприятия времени через призму грамматических структур ***134***

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Злотникова Т. С., Соболева М. А. Мотив двойничества в художественном мире Д. Рубиной ***143***

Хренов Н. А. Вторая мировая война как вызов: роль культуры в его преодолении ***149***

Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949) ***160***

Юрьева Т. В. Иконописец П. М. Софронов в Западной Европе: сложение стиля ***175***

Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий ***181***

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 188

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Scientific Journal
Published since 2015
№ 1 (20) – 2020

"The word of your native tongue is nothing else but the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge for it to become a true achievement of human thought…"

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

Boldyreva E. M., Asafieva E. V. «Memory hides so much evil...»: memory and oblivion in the artistic world of the Russian Gulag authors and Chinese MistyPoets ***8***

Bogdanova O. V., Nekrasov S. M. The tendentious dualism of the author's vision (*The Priestling* chapter in the context of *Who is Happy in Russia?* poem by Nikolai Nekrasov) ***19***

Fedotova A. A. Parody in N. A. Nekrasov's prose of the 1840s ***28***

Filonova Y. A. Description of a disabled boy's inner world in A. A. Likhanov's story «The Boy who Feels No Pain» ***36***

Korotkova N. S. Mythologism varieties in L. E. Ulitskaya's novels ***43***

LINGUISTICS

Russian language

Beglova E. I. Internal source of the russian literary language vocabulary development in the XX–XXI centuries ***50***

Fokina M. A. Metaphorical features of characters in short novel «Duel» by A. P. Chekhov ***59***

Jiang Yuan Representation of short happiness in tragic life through nomaination and predication means in N. S. Leskov's novella «Lady Macbeth of the Mtsensk District» ***66***

Brinyuk E. V. Representation of concept of «human» in creolized educational texts for learners of russian as a foreign language ***73***

Kulakovsky M. N. Clarifying functions of parenthetic constructions in literary text ***80***

Melnikova E. M., Metyolkina S. S. Degree forms of absolute qualitative adjectives in modern speech ***86***

Trukhanova D. S. Government hour as communication event in russian parliamentary discourse ***94***

Language theory

Vishnevskaya G. M., Abyzov A. A. 'Canadianism' as a specific locally determined language entity (lexicographic approach to meaning and use) ***104***

Stepanov V. N., Zarina E. N. Maxim as a speech genre in social media: from saying to meme ***109***

Lukin O. V. Role of german linguists in the formation of I. A. Baudouin de Courtenay's scholarly views (marking the 150th anniversary of his introductory lecture at university of St Petersburg) ***119***

Gunko L. A. Structure of code switches in Peter Mayle's novels «The Marseille Caper» and «The Corsican Caper» ***126***

Stolyarova A. G. Peculiarities of time perception from the perspective of grammar structures ***134***

CULTURAL SCIENCE

Zlotnikova T. S., Soboleva M. A. Duality motif in Dina Rubina's artistic world ***143***

Khrenov N. A. Challenge of World War II: role of culture in its overcoming ***149***

Zhang Zonghua, Jiang Yanhong Russian nobility and east-asian culture in Shanghai (1917-1949) ***160***

Yuriyeva T. V. Icon-painter Pimen Sofronov in Western Europe: development of personal style ***175***

Tyukina L. A. Memory and historical memory: term correlation ***181***

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS **190**

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

УДК 821.161.1

Е. М. Болдырева **https://orcid.org/0000-0003-2977-7262**
Е. В. Асафьева **https://orcid.org/0000-0003-0933-0068**

«Память скрыла столько зла...»: память и забвение в художественном мире русских авторов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов»

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР

Для цитирования: Болдырева Е. М., Асафьева Е. В. «Память скрыла столько зла...»: память и забвение в художественном мире русских авторов ГУЛАГа и китайских «туманных поэтов» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 8-18. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-9-19

В статье анализируется специфика поэтической репрезентации категории памяти в творчестве русских поэтов ГУЛАГа и китайской «туманной поэзии». Анализ производится в контексте типологически сходных тенденций в российском и китайском литературном процессе – отечественная литература ГУЛага и китайская литература «ран и шрамов», творчество поэтов рассматривается как мощное противостояние трезвого разума абсурдным проявлениям эпохи. Множество мотивных перекличек свидетельствует о сходстве духовно-психологических комплексов «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, для которых творчество и память являются способом выживания и преодоления зла, несправедливости и смерти. В статье проанализированы различные аспекты категории памяти в художественном мире поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов»: оппозиция память – забвение, память как связь прошлого и будущего, память как месть, память как поэзия, память камня и память природы. Память и забвение в творчестве поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» рассматриваются как амбивалентные понятия: с одной стороны, это боль и тяжесть воспоминаний, память как травмирующий фактор, а забвение как анестезия, позволяющая вычеркнуть из измученного сознания страшные страницы прошлого, но с другой – атрофия памяти безнравственна, ибо позволяет забыть «всемирное зло» и тем самым дать ему шанс на повторение, а память важна не только сама по себе как месть несправедливости и режиму, старающемуся уничтожить все живое и самобытное, но и для освобождения от тяжести прошлого через письмо, через самовыгорание, саморазрушение. В статье делается вывод, что одна из важнейших задач и литературы ГУЛАГа, и китайской «туманной поэзии» – сохранение исторической и культурной памяти о трагических событиях истории.

Ключевые слова: поэзия ГУЛАГа, туманная поэзия, литература ран и шрамов, категория памяти, лирический герой, художественный образ, мотив, литература XX в., аллегория, метафора.

LITERARY CRITICISM

Russian literature

E. M. Boldyreva, E. V. Asafieva

«Memory hides so much evil...»: memory and oblivion in the artistic world of the Russian Gulag authors and Chinese MistyPoets

The article analyzes the specifics of the poetic representation of the category of memory in the works of the Russian poets of the Gulag and the Chinese Misty Poetry. The analysis is carried out in the context of typologicallysimilar trends in the Russian and Chinese literature processes – home literature and the scar literature,or the literature of the wounded, – the works of the poets areconsidered as a powerful confrontationof the sober mind to the absurd

© Болдырева Е. М., Асафьева Е. В., 2020

manifestations of the era.A lot of likeness in the motives proves the unity of spiritual and psychological complexes of the Misty Poets and Gulag poets, for whom writing and memory are a means of survival and overcoming evil, injustice and death.The article analyzes various aspects of the category of memory in the artistic world of the Gulag Poets and Misty Poets: the opposition of memory and oblivion, memory as a connection between the past and the future, memory as revenge, memory as poetry, memory of stone and memory of nature.Memory and oblivion in the works of the Gulag and Misty Poets are considered as ambivalent concepts: on the one hand, painful and grievous memories, memory as a traumatic factor, is opposed to oblivion as anesthesia, allowing to black out the agonizing pages of the pastfrom the tormented consciousness; on the other hand, though, memory deadening is offending against morals, because it makes it possible to forget the *universal evil* and thereby gives it a chance to recur; additionally, memory is both intrinsically important as vengeance on injustice and the regime, which is trying to destroy everything alive and distinctive, and as a form of liberation from the dead hand of the past by means of writing, burnout, and self-destruction. The article concludes that one of the most important tasks of the Gulag literature and the Chinese Misty Poetry is the preservation of the historical and cultural memory of the tragic events of history.

Keywords: Gulag Poetry, Misty Poetry, Scar Literature, Literature of the Wounded, memory category, narrator, artistic image, motive, literature of the 20th century, allegory, metaphor.

«Память скрыла столько зла без числа и меры. Всю-то жизнь лгала, лгала. Нет ей больше веры» [Шаламов, 2019б], «Полем судьбы иду безмолвно. Былое не возвратить. Оно накатывает, точно волны, и рвется, как тонкая нить [Азиатская медь…, 2007, с. 106] – эти строки из стихотворений русского поэта Варлама Шаламова и китайского поэта Лян Сяо-биня, представителей двух типологически сходных тенденций в русской и китайской литературных процессах – российская поэзия ГУЛАГа и китайская «туманная поэзия». В нечеловеческих условиях жизни и труда на Дальнем Севере зародилась поэзия ГУЛАГа. В так называемой «подпольной литературе» периода «культурной революции» в Китае лежат истоки литературного течения «туманная поэзия». Творчество этих поэтов – пример сопротивления физическому и моральному распаду, к которому приводило длительное заключение в лагерях Дальнего Севера и пребывание на «трудовом перевоспитании», мощное противостояние трезвого разума абсурдным проявлениям эпохи, когда «выстраданное собственной кровью выходит на бумагу как документ души, преображенное и освещенное огнем таланта» [Шаламов, 2019в]. Творчество российских поэтов ГУЛАГа, таких как А. Прядилов, А. Жигулин, А. Баркова, Б. Ручьев, Д. Андреев, В. Боков и многих других не раз становилось объектом исследования отечественных [Виленский, 2005; Горбачевский, 2015; Михайлик, 2009; Романов, 1989; Таганов, 1998] и зарубежных литературоведов [Пьералли, 2008; Gullotta, 2009; Gullotta, 2016; Jurgenson, 2016; Jurgenson, 2013; PieralIi, 2008]. Феномен китайской «туманной поэзии» и творчество его представителей (Ян Лянь, Ван Цзя-Синь, Гун Лю, Линь Мань, Ни Хань, Шу Тин, Ши Джи и др.) в последнее также вызывает активный интерес российских [Демидо, 1990; Лебедева, 1992; Надеев, 1969; Рябченко, 2009; Тугулова, 2014; Тугулова, 2014; Тугулова, 2015; Черкасский, 1988] и китайских ученых [洪子诚,、程光炜, 2009; 李丽中, 1988; 朦朧诗论争集, 1989; 姜娜, 朱小平, 1994; 倪伟, 2005; 舒婷的 诗, 2005; 中国现代诗选 60 首, 2010; 杨健, 1993]. Однако в этих работах практически не изученным остается сравнительно-типологический аспект исследований, тогда как подобные исторические параллели дают основания для сопоставления российской литературы ГУЛАГа и «туманной поэзии» Китая. Множество мотивных перекличек (сходные мотивы мести, тени, отсутствия виноватых, погубленной молодости, неотделимости судьбы человека от судьбы родины, страдания во благо, веры в будущее, сопротивления природы, телесной деструкции, голосов из-под камня, терпения ради жизни и сохранения истины) свидетельствует о сходстве духовно-психологических комплексов «туманных поэтов» и поэтов ГУЛАГа, для которых творчество является способом выживания и преодоления зла, несправедливости и смерти. Именно поэтому интегральным мотивом в творчестве русских и китайских поэтов становится память и его антипод – забвение, а также сложное взаимодействие этих явлений в измученном мучительной рефлексией сознании человека, ставшего жертвой безжалостного колеса истории.

Невыносимая тяжесть воспоминаний и счастье забвения – одна из ключевых тем в творчестве таких поэтов, как Лян Сяо-бинь, Линь Ман, Ю. Домбровский и В. Боков, которые убеждены, что в воспоминаниях нет истины и благородства, что прошлого не вернуть, а помнить о нем – зна-

чит напрасно себя разрушать. В стихотворении «Звук капающей воды» Азиатская медь … , 2007, с. 85] Линь Ман утверждает идею, что как бы тяжело ни приходилось, время излечит все раны, что река забвения принесет облегчение и покой, а воспоминания так же бессмысленны, как и человеческая жизнь:

Как жестко бы ни скручивалась жизнь
Но сквозь неряшливость твоей судьбы
Всё так же мерно капает вода
И всех равняет под одну гребенку
Бессмысленность исходного пути [Азиатская медь … , 2007, с. 85]

Тем не менее, мерный звук, похожий на тиканье часов, вытаскивает из глубин сознания героя его тяжелое прошлое, а луч света делает воспоминания еще ярче. Вода природная сама по себе является забвением, однако водопроводная, искусственная, она служит памяти, смешивается с жестью и пульсирует, гипнотизирует человека. Он был бы рад погрузиться в сон, но монотонные звуки препятствуют этому, и он «с болью» воскрешает все былое, о чем не хочется помнить и что приносит муки. А кольцевая композиция стихотворения возводит эти страдания в абсолют.

Страдает и герой стихотворения «Китай, я потерял свой ключ» [Азиатская медь … , 2007, с. 106] Ляна Сяо-биня. «Сердце <его> от боли заскорузло» [Азиатская медь … , 2007, с. 106], но он пытается жить надеждой на светлое будущее. В отличие от героя Линь Мана, он утратил светлые воспоминания в потоке «колючей» жизни. Это определение свидетельствует о том, что настоящее враждебно по отношению к лирическому субъекту. Он пытается воскресить его книгами, но солнце спряталось за тучи, а ключ от счастливого детства утерян, и герой вынужден слоняться по пустыне отчаяния и думать о возможном счастье. Но надежды эти призрачны, поскольку будущее невозможно без прошлого, а оно забыто. Воспоминания призрачны, и герой сам не знает, были ли они или только казались: «Был ли тот ключ на самом деле?» [Азиатская медь … , 2007, с. 106]. Ключ в данном случае является аллегорией самопознания и национальной самоидентификации, поскольку его Китай изменился, перестал быть источником счастья, как в детстве, где был отец и ясное небо. Призрачные воспоминания о «золотом веке» детства и одновременно невозможность его вернуть и становятся причиной боли в душе героя.

Осознанное избирательное забвение выбирает для себя лирический герой стихотворения В. Бокова «Память» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Как и многие представители передовой интеллигенции, в 30-ых гг. он подвергся репрессиям и отбывал заключение на Дальнем Севере. Об этом он и старается забыть, подменив жуткие воспоминания счастливыми и таким образом вытеснив из сознания страшное прошлое. Все четыре катрена строятся на антитезе «память – забвение», где герой сознательно обращается к светлой стороне своей жизни, всемирному культурному наследию, природе, животным – свободе, и изгоняет из памяти все плохое: выстрелы конвоиров, наручники, смуглокожего тирана, темницы, густо населенные людьми и женские слезы – заключение. А использование анафоры «помню» как интегрального технического элемента возводит стихотворение в ранг заклинания, молитвы о том, чтобы злая память навсегда исчезла из его измученного сознания. Но в действительности это вряд ли возможно, поскольку та старательность, с которой герой произносит заклинание, наталкивает на мысль, что прошлое не отпускает его и возвращает в тот страшный мир, из которого ему посчастливилось вернуться.

В амбивалентном состоянии пребывает герой Ю. Домбровского в стихотворении «Солдат – заключенной» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Он тоже находился в лагере, но в качестве охранника. Это важно, поскольку утверждается идея, что зона одинаково губительна как для заключенных, так и для тех, кто их сторожит на вышках и приисках Дальнего Севера. Герой вспоминает о девушке, с которой, возможно, был некогда близок. Он вспоминает о том, как ее разрушил лагерь, как некогда прекрасные ее руки покрылись мозолями от тяжелой работы, как растрепались и потемнели волосы. Он вспоминает смерть невинных людей, которых убили якобы при побеге, но на самом деле от скуки или для устрашения иных. Думая об этом, герой проклинает и себя, и свой долг и память:

Не забыть мне проклятую зону,
Эту мертвую память твою
<...>
Это я своим долгом проклятым
Дотянулся к страданьям твоим
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Поскольку память о прошлом угнетает героя, он бы хотел забыть о ней, и, видимо, делал такие попытки, но они оказались безуспешными. Лири-

ческий герой Ю Домбровского пребывает как бы на границе между невозможностью забвения и необходимостью воспоминания. И затем герой приходит к пониманию, что эта самая память необходима для того, чтобы отомстить миру за поруганное детство его любимой, несмотря на то, что воронка времени затянет этот период советской истории:

Только я, став слепым и горбатым,
Отпущу всем уродством своим -
Тех, кто молча стоит с автоматом
Над поруганным детством твоим
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Иное отношение к памяти мы встречаем в творчестве таких поэтов ГУЛАГа, как А. Обросов, С. Граховский, О. Берггольц, которые убеждены, что память – единственное оружие в борьбе с несправедливостью. Временами лирические герои вступают в конфликты с собой. Так происходит, например, в стихотворении О. Берггольц «На воле» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. В нем память пробивается смутным потоком, и героиня сомневается, был ли лагерь, решетки. Рутина постепенно вымарывает острожные образы, но полностью избавиться от прошлого не получается:

Я забыла б – сердце не забыло
Это унижение и страх.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Разум героини находится в конфронтации с чувством, с ее душой, которая понимает, что если воспоминания исчезнут, никто не узнает о тех страшных преступлениях, которые претерпевала героиня. И против воли своей героиня подчиняется сердцу:

«Помни»,– говорит оно мне... Помню!
Рада бы забыть – не суждено...
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

А уже в следующем стихотворении «Нет, не из книжек наших скудных» [Поэзия узников ГУЛага. Антология] этого же автора сердце окончательно берет верх. Эпиграфом к данному тексту послужили слова Лютера «...и я не могу иначе...» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Память о прошлом обрушилась на героиню, она думает о том, как ее избивали на допросах, как темны были ночи на Колыме и как она подвергалась унижениям. Несмотря на это соратники героини продолжали жить во что бы то ни стало, жить, потому что больше им ничего не оставалось и гордиться тем, что никого не предали и не сбежали, не обрекли себя на всеобщее недоверие:

И не было людей бесстрашней
И горделивее, чем мы.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Именно память становится спасением, доказательством того, что эти многочисленные страдальцы были когда-то и сгинули на благо родины:

Но если жгучего преданья
Дойдёт до вас холодный дым, –
Ну что ж, почтите нас молчаньем,
Как мы, встречая вас, молчим… [Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Память как спасение от забвения представлена в стихотворении А. Обросова «Беглец» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где в центре лирического повествования – отчаявшийся человек, решивший бросить вызов системе. Лирический герой посылает ему добрые слова и пожелания спастись от судьбы быть убитым при попытке к бегству или быть пойманным и возвращенным в снежный ад. Лучше ему погибнуть на свободе, чтобы природа спрятала тело, не дала растерзать врагам. Стихотворение представляет собой своего рода диалог тех, кто спасся при побеге, и тех, кто навсегда остался на снежных просторах Колымы и кто вмешивается в настоящее героя:

Я мог, наверно, счастлив быть
Тем, что живу и день мой светел.
Но сгинувших нельзя забыть,
И в сердце вновь стучит их пепел.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Эта мысль практически повторяется у В. Шаламова в поэме «Авакум в Пустозерске, где герой произносит в заключительном катрене :

Нет участи слаще,
Желанней конца,
Чем пепел, стучащий
В людские сердца
[Шаламов, 2019б]

А. Жигулин прямо призывает «Не надо бояться памяти» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], поскольку страх этот может привести к фатальным последствиям. В одноименном стихотворении. Его речь обращена не к сгинувшим безвестно, а к тем, кто сопротивлялся. О страданиях напишут иные, погибших найдут. Задача его героя – «разглядеть <...> человека – / Современника/И борца» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Он в прошлом видит не ужасы, а школу выживания и в некоторой степени благодарен ударам судьбы за то, что помогли обрести друзей и стать мужественным и выносливым. В заключительной строфе он восклицает:

Как же мне не писать об этом?!
Как же свой рассказ не начать?!
Нет! Не быть мне тогда поэтом,
Если я
Смогу
Промолчать!
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

К памяти призывает и герой Д. Андреева в стихотворении «Гипер-пэон» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где средством сохранения культурного и исторического прошлого он считает поэзию. Текст – попытка создания нового стихотворного размера – гипер-пэона. На эту идею его натолкнуло тяжелое прошлое, которое невозможно выразить в привычных формах стиха: «Не подскажут мне закатившиеся эпохи /Злу всемирному соответствующий размер» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Пэон – редкий размер, используемый русскими поэтами, его стопа состоит из четырех слогов. Гипер-пэон предполагался как пятисложник с третьим сильным слогом, и общая метрическая схема текста выглядит так: UU–UUUU–UUUU–U с редкими отступлениями. Стихи подобного рода как бы вызывают у читателя артикуляционную и акустическую дисгармонию. Так автор мыслил заключить зло в наиболее подходящую для него форму, поскольку привычные размеры не годились для подобных явлений духовно-нравственного распада: «О триумфах, иллюминациях, гекатомбах, / Об овациях всенародному палачу, / О погибших / и погибающих /в катакомбах / Нержавеющий и незыблемый стих ищу» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Огромный, могущественный, нержавеющий, этот стих должен был сохранить прошлое, подобно граниту, для потомков. Долгие междуиктовые интервалы воссоздавали страдание и тяжесть, судороги и пытки, испытываемые предшественниками адресатов послания. Автор выстраивает взаимосвязь между понятиями «зло» – «ритм» – «мрак» – «встань» – «зримый», поскольку именно эти слова нарушают общий ритмический рисунок текста, заменяя преобладающую в стихотворении двусложную анакрузу нулевой. Автор акцентирует внимание именно на этих понятиях, отражающих интегральную идею стихотворения, которая заключается в преодолении зла через сложную форму стиха, его ритм, который, пробившись сквозь тьму, встанет, точно монумент, и потомки смогут разглядеть историческую несправедливость и человеческие страдания, описанные в первой строфе. В последней строфе появляется образ уицраора – хищного демона из параллельного мира, олицетворяющего государство, который становится аллегорией всемирного зла и подчеркивает авторскую мысль о памяти не столько личной, сколько универсальной и исторической.

Память в произведениях жертв политических репрессий хранят не только люди. Сама природа является свидетелем исторических преступлений. Она долговечнее человека, и потому больше знает о боли, несправедливости, смерти, страданиях, подлости. Она неподвластна режиму, ее нельзя уничтожить силами государства. Вечная мерзлота, деревья, камни, снега являются не столько событийным фоном, сколько самобытными героями. Она преодолевает те же испытания, что и человек: деревья сопротивляются смерти от ветра и холода, реки уносят все прожитые невзгоды, а камень хранит воспоминания для потомков, чтобы в нужный момент явить миру страшную истину. И потому одним из интегральных мотивов творчества поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» является голос камня.

В стихотворении Цао Хань-цзюня «Китай, ты стоишь высоко на лесах» [Азиатская медь … , 2007, с. 154] герой обращается к античным мифам, согласно которым земля держалась на китах, слонах, черепахах и иных животных, и отражает процесс развития общества и научной мысли, которые привели к техническому прогрессу. Люди научились проектировать здания, использовать природные ресурсы. Однако цена подобного развития – многочисленные человеческие жертвы:

Вырастает Китай на худых новостях,
Между строчек читай – на народных костях. [Азиатская медь … , 2007, с. 154]

И каменные плиты хранят тела усопших граждан. Эти трупы служат фундаментом для городских стен. Но, принесенные в жертву во благо процветания государства, они не могут быть упокоены, их голоса прорываются сквозь камень, препятствующий скорому разложению трупа:

Но хрипят голоса из-под каменных плит:
Там, где город стоит – твой народ был зарыт. [Азиатская медь … , 2007, с. 154]

Однако эта участь не просто не пугает героя, но и кажется ему привлекательной, поскольку от-

дать жизнь на благо процветающей стране – счастье для любого гражданина:

И меня ты возьми в свой могучий котел,
<...>
Чтоб держался Китай не на сборных лесах –
На дозорных воспевших его голосах,
Да на наших сердцах, да на наших плечах. [Азиатская медь … , 2007, с. 154]

Камень как хранитель человеческой жертвы встречается и в стихотворениях русских авторов, в частности у М. Фроловского. В стихотворении «Тяжело сдавили своды» [Поэзия узников ГУЛага. Антология] герой описывает ночную тюрьму с тяжелым дыханием замученных и уставших заключенных. Тоска и стон узников безразличны для всех, кроме молчаливого камня. Он терпеливо ждет своего часа, чтобы донести вопли многочисленных жертв истории до Создателя. Очевидно, речь здесь идет о часе Страшного Суда, где праведные загубленные души обретут покой и счастье, а грешники и мучители будут жестоко наказаны. Камень, являющийся свидетелем преступлений против человеческой личности, явит Богу истину и вспомнит о каждой душе, сдавленной тюремным бременем:

Вспомнит камень равнодушный
Каждый вздох и каждый стон.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Таким образом тюремный камень выступает хранителем справедливости, истины, он равнодушен и неподкупен, подобно Фемиде, и потому объективен, тверд, и готов многое выдержать, в том числе и страшную правду о лагере и смерти, сохранить его до нужного часа и предъявить Богу, спасши таким образом невинные души от Божьего гнева.

Камень как хранитель справедливости и Божьей истины представлен и в стихотворении М. Фроловского «Кресты» [Поэзия узников ГУЛага. Антология], где описана скала Голгофа с тремя символами христианской веры. Согласно Новому Завету, это место священно, ибо на нем принял смерть Иисус. И именно к ее подножью низвергнет земля своих мертвецов в нужное время:

Из недр земли, со дна пучины
Немой, испуганной толпой,
Комки проснувшиеся глины,
Мы соберемся под скалой.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

И тогда одни мертвецы вознесутся, подобно Дижману, иные же навсегда исчезнут, как Геста. Потому и испуганы тени, что знают о своей греховности. Но те, кто раскается в своих грехах, будут прощены. А до тех пор неприступная скала будет ждать и хранить покой голгофских крестов.

Наиболее подробно и полно характер камня раскрыт в творчестве Варлама Шаламова. Так же, как и у М. Фроловского, он является немым свидетелем и хранителем колымской «тайны». Наряду с вечной мерзлотой он служит сохранению исторической памяти жертв политических репрессий – хранит их тела и сохраняет в нетленности лица, чтоб можно было узнать, кто именно зарыт в общей яме, без креста и погребальных почестей. Камень не помнит имен, но помнит самих людей и многое может рассказать потомкам о своих мертвецах: о причинах смерти, физическом их истощении, болезнях и т. д.

Камень, впрочем, не бесстрастен. Он покровительствует мертвым, но сопротивляется живым, мстит им за собственную смерть и боль. Люди, вторгаясь в самобытность природы, пытаются подчинить камень, сломать его волю, как, допустим, в стихотворении В. Шаламова «Моими ли руками» [Шаламов, 2019б], где люди сознательно вмешивались в жизнь камня, извлекали из привычной среды обитания, сносили в поля, нанося вред не только ему, но и траве: «Тебя свели с утесов/Навек в поля зеленые» [Шаламов, 2019б]. Они старались истребить его, смешать с такими же, уничтожить его индивидуальность:

Твое забыли имя
Не только по беспечности,
Смешали здесь с другими
И увели от вечности.
[Шаламов, 2019б]

Таким образом люди пытались уничтожить прошлое, историческую память, хотели заставить камень молчать о несправедливости и разрушительности системы. И потому камень ненавидит живых и способствует их гибели, становясь на некоторое время союзником зла. Однако познав смерть и претерпев муки, люди очищаются и тела становятся частью природы, и камень принимает их, сочувствует их страданию.

Камень – это совесть Севера, его справедливость и истина. Об этом сказано в стихотворении «О, Север – век и миг!» [Шаламов, 2019б] Варлама Шаламова. Герой возвращается на колымские просторы, где, вероятно, много лет находился в заключении, и вспоминает не об ужасах смерти и

физического распада, а о красоте мест и его нравственном величии. Белый ад, несмотря на свою враждебность, великолепен безотносительно людей. Природа живет по своим законам, она сурова и к себе, но больше к человеку, ибо он – угроза, инородный элемент, потому она и стремиться его запутать, уничтожить. Среди прочего герой упоминает о камне: «И – совести дневник/Твой каменный язык» [Шаламов, 2019б]. И назван он так потому, что хранит память о ежедневно безвинно погибающих людях, и он так же принимал их тела, как принимает бумага наши мысли и чувства, изложенные на страницах дневника.

Природа не только хранит воспоминания о несправедливости и смерти, страхе и боли, подлости и ненависти. Она служит и нравственным примером для человека, является символом физического и морального сопротивления. Это человек может пасть духом, ибо он слаб и беспомощен, но природа из последних сил будет цепляться за жизнь, сопротивляться ветру и холоду, и таким образом дарить надежду тем, кто устал и готов сдаться и навсегда сгинуть в вечной мерзлоте, только бы избавиться от страдания.

Мотив сопротивления природы особенно значим как для китайских, так и для русских поэтов. У первых большинство верований связано с обожествлением природного начала земли. Они черпали из нее мудрость, силу. Вторые восхищались ее красотой и гармонией. Для поэтов ГУЛАГа и «туманных поэтов» она стала спутником их тяжелой судьбы и встречается в стихотворениях Цзэн Чжо, Ню Ханя, Шу Тин, Анатолия Жигулина, Виктора Василенко, Варлама Шаламова и других.

Одним из символов сопротивления является дерево. В стихотворении Ню Ханя «Дерево в полствола» [Азиатская медь … , 2007, с. 30] описан гордый пень, который не боится опасностей и невзгод, а мужественно их встречает. Какие бы ни произошли с ним неприятности, он остается прямым и уверенным в себе. За свое непокорство он вызвал гнев неба, которая пустила в него молнию. Ствол раскололся на две части, однако даже это не смогло поколебать уверенность пня и его самолюбие и гордость. Герой услышал от людей, что молния снова ударит в это дерево, ибо оно прямое и высокое, можно даже сказать, высокомерное, и потому небо вновь попытается сломить его волю: «С небес далеких/Молния следит/За непокорным деревом упрямо» [Азиатская медь … , 2007, с. 30]. Его стойкость и самолюбие должны послужить примером человечеству, поскольку всякий должен стремиться достойно переносить страдания, выпавшие на его долю, и не дать обстоятельствам победить себя.

Подобные мотивы есть и в стихотворении Цзэн Чжо «Дерево на обрыве» [Азиатская медь … , 2007, с. 27]. В центре его – одинокое дерево, стоящее на краю пропасти. Герой не знает, как оно появилось в этом месте и почему оно такое одинокое. Это дерево умеет мечтать и думает о родной роще, от которой, по всей видимости, оторвано ветром. Лишенное возможности находиться с близкими, оно изогнулось от жизненных невзгод, стало послушным ветру, однако не утратило волю к жизни и упрямо стоит на обрыве, цепляясь корнями за почву. Несмотря на свою податливость, дерево мечтает о свободе и готовиться взлететь. Оно не боится сорваться в ущелье и разбиться о камни, поскольку уверено в том, что дух его свободен и способен вознестись:

Но дерево вот-вот сбежит в ущелье,
Но дерево вот-вот расправит крылья...
[Азиатская медь … , 2007, с. 27]

Символом стойкости, любви и веры является дуб в одноименном стихотворении Шу Тин. Он воплощает крайние проявления лучших человеческих качеств. Будучи мощным по природе, дуб не терпит неопределенности и непочтения. И если героиня способна его полюбить, то полностью, раз и навсегда:

Если полюблю, то совсем –
как солнечный полдень,
как дождик, который весну удивит.
[Азиатская медь … , 2007, с. 97]

Дерево так велико, что чувства девушки с трудом могут охватить его. Она одна способна понять дуб и говорить с ним. И готова защищать его от любой опасности, несмотря на то, что он большой и могущественный:

Но если злой ветер издалека, –
пусть побоится биенья наших сердец.
[Азиатская медь … , 2007, с. 97]

Героиня дополняет его, дуб мощный, ветки его подобны ножам – это олицетворение мужской силы. Она же, напротив, нежна и легка, состоит из цветов. Вместе они органичны, создают единство, на котором основано мироздание – инь и янь. И потому сила их несокрушима, воля неподвластна никаким бурям:

Мы выстоим бури, зимы и грозы,
Мы выпьем на равных горчайшие росы,

ветра мед и радуги семицвет.
Это и есть воплощение великой и вечной любви.
[Азиатская медь … , 2007, с. 97]

Дуб силен, поскольку крепко связан с почвой, его взрастившей. Родная земля дает ему силы и кормит. Корни дерева настолько глубоко проникли в недра ее, что он практически неуязвим. Любовь к родине столь же велика, сколько любовь к женщине, и потому дуб является символом могущества родной земли, первозданной силы и крепости духа.

У китайских поэтов не только природа сопротивляется жестокой судьбе, но и животные. В стихотворении Ню Ханя «Хуананьский тигр» [Азиатская медь … , 2007, с. 31] внимание героя приковывает тигр, заточенный в клетку и вынужденный развлекать толпу обывателей. Гордый тигр не желает подчиняться желаниям жестоких и глупых людей, и поэтому он поворачивается к свистящим зрителям задом и дергает время от времени хвостом. Герой, потрясенный силой воли и мужеством гордого зверя, который сам нанес себе раны, спасаясь от неволи, приходит в смятение и, спеша выбраться из зоопарка, слышит доходящий до небес рык тигра, который не нуждается в человеческой жалости, ибо дух его крепок и свободен:

И будто в забытьи услышал громкий звук –
Сотрясший небо рык тигриный,
Крик вольной, несмирившейся души!
[Азиатская медь … , 2007, с. 31]

У поэтов ГУЛАГа природа наделяется теми же качествами и свойствами, что и у «туманных поэтов». Деревья сопротивляются ветру и холоду и из последних сил стараются выжить и сохранить душу свою непокорной, показывая человеку пример нравственного и физического сопротивления. Одним из таких примеров являются сосны из стихотворения А. Жигулина «Сосны на скалах» [Поэзия узников ГУЛага. Антология]. Эти растения отчаянно спорили с ветром. Они росли не в роще, а на голой скале, и корни их входили глубоко в камень, а не в плодородную почву. Однако это и сделало их гордыми, сильными и неуязвимыми. Деревья договорились с камнем – хранителем истины – и он стал защищать их от ветра, корни прочно укрепились в граните. Все испытания, выпавшие на долю камня, сосны делили вместе с ним и стали еще сильнее. Они бросили вызов ветру, будучи высокими и худыми, однако не сломались и продолжают расти, и камень питает их уверенностью:

Они в гранит вросли корнями,
И зной и холод с ним деля.
Суровый, твердый этот камень
Для них –
Родимая земля.
[Поэзия узников ГУЛага. Антология]

Отчаянно сопротивляются и осины в аллегорическом стихотворении Варлама Шаламова «Кусты разогнутся с придушливым стоном» [Шаламов, 2019б], где описана разная реакция деревьев на бурю в лесу, и чем они ниже, тем менее болезненно переживают жизненные трудности. Легче всего кустам, поскольку они широкие и низкие. Им не приходится наклоняться даже вполовину. Шаламовские клены, тоже сравнительно невысокие, однако они сгибаются низко, склоняются трусливо перед бурей, которая презирает их за малодушие, потому как «клена поклоны уже не нужны» [Шаламов, 2019б]. Тяжелее всего приходится осинам. Они высокие и худые, жестокий ветер клонит их в разные стороны. При малейшей буре они теряют устойчивость, но не стойкость, и поэтому герой больше всего сочувствует именно им, поскольку они мужественные, стойкие и жаждут жизни, преодолевая ради нее жестокость и безразличие ветра, поэтому именно осины оказываются двойниками лирического героя:

И видно, ценою каких напряжений,
Каких цирковых, безобразных движений
Держались осины, ворча до конца,
И тяжесть осин тяжелее свинца...
[Шаламов, 2019б]

Таким образом, сохранение исторической и культурной памяти о трагических событиях истории – одна из важнейших задач и литературы ГУЛАГа, и китайской «туманной поэзии»: «Донести правду о пережитом, высветить словом гибельный для страны путь, оберечь ее, пусть даже ценой своей жизни» [Виленский, 2005, с. 11]. Память соединяет прошлое и будущее: это и дань памяти людям, которых несправедливо забыли, и летопись для потомков, для будущих поколений. И память, и забвение оказываются в творчестве русских и китайских поэтов категориями амбивалентными: с одной стороны, это боль и тяжесть воспоминаний, память как травмирующий фактор, а забвение – своего рода анестезия, позволяющая вычеркнуть из измученного сознания страшные страницы прошлого, но с другой – атрофия памяти безнравственна, ибо позволяет забыть «всемирное зло» и тем самым дать ему шанс на повторение, а память важна не только сама по себе как

месть несправедливости и режиму, старающемуся уничтожить все живое и самобытное, но и для освобождения от тяжести прошлого через письмо, через самовыгорание, саморазрушение: «В этом стуке горестном и тёмном различаю слово я одно: «Помни», – говорит оно мне... Помню! Рада бы забыть – не суждено...» [Поэзия узников ГУЛага. Антология].

Библиографический список

1. Азиатская медь: Антология современной китайской поэзии / сост. Лю Вэньфэй. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 2007. 256 с.
2. Виленский С. С. Предисловие // Поэзия узников ГУЛАГа. Антология / сост. С. С. Виленский. Москва : Материк, 2005. 990 с.
3. Горбаческий А. Ч. Мотив утраченных иллюзий и мотив тишины в текстах бывших колымских заключенных // Мир русского слова. 2015. II. С. 108-114.
4. Демидо Н. Ю. О Некоторых проблемах и тенденциях развития «литературы реформ» // Вопросы экономики, истории, внешней и внутренней политики стран Дальнего Востока. Информационный бюллетень ИДВ АН СССР. Часть II. 1990 (№ 10). С. 47-49.
5. Ивлев Л. А. Десять абзацев о «литературе шрамов» // San Wen : сайт. URL: https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/ (дата обращения: 19.12.2019)
6. Лебедева Н. А. Лики времени: китайская литература XX века на переломах истории // Россия и АТР. 1992 (№ 1). С. 102-110.
7. Михайлик Е. Не отражается и не отбрасывает тени: «закрытое» общество и лагерная литература // Новое литературное обозрение. 2009 (№ 6). С. 356-374.
8. Надеев И. М. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. Москва : Наука, 1969. 149 с.
9. Поэзия узников ГУЛага. Антология // URL: https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predislovie.htm (дата обращения: 19.12.2019)
10. Пьералли К. Поэзия ГУЛАГа как литературное свидетельство: теоретические и эпистемологические обоснования // Studia Litterarum. 2018. Т. 3 (№ 2). С. 144-162.
11. Реквием: стихи русских советских поэтов / сост., авт. предисл. Б. Романов. Москва : Современник, 1989. 430 с
12. Рябченко О. Н. Литература Северо-Востока КНР в период реформ // Ойкумена. Регионоведческие исследования. Ойкумена, 2009 (№ 3). С. 40-51.
13. Таганов Л. Н. Потаенная литература: поэзия ГУЛАГа // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература. Исследования и материалы / сост. А. Ю. Морыганов. Иваново : Ивановский гос. ун-т, 1998. С. 80-87.
14. Тугулова О. Д. Поэтический дискурс китайского андеграунда улова // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. Вып. 8. Востоковедение. С. 67-71.
15. Тугулова О. Д. Особенности функционирования «подпольной поэзии» в Китае // Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке. 2014 (№ 1). С. 5-13.
16. Тугулова, О. Д. Китайская поэзия «нового периода» (1980-е гг.): смена художественных парадигм : монография. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета, 2015. 164 с.
17. Черкасский Л. Е. «Туманная поэзия» // Азия и Африка сегодня. 1988 (№ 1). С. 46-47.
18. Шаламов В. О человеке и мире // Shalamov.ru : сайт. URL: https://shalamov.ru/library/21/76.html (дата обращения: 19.12.2019а)
19. Шаламов, В. Стихи // Shalamov.ru : сайт. URL: https://shalamov.ru/library/14/ (дата обращения: 19.12.2019б)
20. Шаламов В. Эссе // Shalamov.ru : сайт. URL: https://shalamov.ru/library/21/ (дата обращения: 19.12.2019в)
21. 洪子诚、程光炜Хун Цзычэн, Чэн Гуанвэй. 朦胧诗新编 Новое издание Туманной поэзии. 武汉 Ухань：长江文艺出版社 Чанцзян вэньи, 2009.
22. 李丽中Ли Личжун.朦胧诗. 新生代诗百首点评 Сто стихотворений «туманных поэтов» и «поэтов нового поколения» с комментариями. 天津 Тяньцзинь ：南开大学出版社 Изд-во Нанькайского университета, 1988.
23. 朦腿诗论争集 Сборник критических статей о «туманной поэзии» / 姚家华编 под ред. Яо Цзяхуа. 北京 Пекин : 学苑出版社 Сюэ юань,1989.
24. 姜娜，朱小平Мэй На, Чжу Сяопи .朦胧的死亡Смерть туманной поэзии / 姜娜 朱小平著 Мэй На, Чжу Сяопин. 北京：华艺出版社. Пекин : Китайское искусство, 1994.
25. 倪伟. 朦胧诗的旧魂新魄 Ни Вэй. Старая душа, новая душа «туманной поэзии» // 文景.2005.第 3 期.
26. 舒婷的 诗 Поэзия Шу Тин / 舒婷著 под ред. Шу Тин. 北 京：人民文学出版社. Пекин : Народная литература, 2005
27. 中国现代诗选 60 首 Современная китайская поэзия: антология (60 избранных стихотворений) / 张同吾主编 под ред. Чжан Тунъу; 李英男等译пер. с кит. Ли Иннань и др. 北京：现代出版社. Пекин : Современность, 2010.
28. 杨健.

墓地与摇篮一文化大革命中的地下文学.

北京：朝华出版社. 1993 Ян Цзянь. Могила и колыбель: подпольная литература периода Великой культурной революции. Пекин : Чаохуа, 1993.

29. Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press // Studi Slavistici. VIII. 2009. P. 95-117.

30. Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? // F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany : Universitatsverlag Winter, 2016. P. 175-192.

31. Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag // LEA – Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente. V. 2016. P. 267-283.

32. Jurgenson L. Les représentation du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques // Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris : Seuil, 2013. P. 183-196.

33. PieralIi C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS // PieralIi C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze : University Press, Accesso ONLINE all'editore. P. 281-310.

Reference List

1. Aziatskaja med': Antologija sovremennoj kitajskoj pojezii = Asian Copper: Anthology of Modern Chinese Poetry / sost. Lju Vjen'fjej. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 256 s.

2. Vilenskij S. S. Predislovie = Preface // Pojezija uznikov GULAGa. Antologija / sost. S. S. Vilenskij. Moskva : Izd-vo Materik, 2005. 990 s.

3. Gorbacheskij A. Ch. Motiv utrachennyh illjuzij i motiv tishiny v tekstah byvshih kolymskih zakljuchennyh = The Motive of Lost Illusions and the Motive of Silence in the Works by Kolyma Ex-Prisoners // Mir russkogo slova. 2015. II. S. 108-114.

4. O Nekotoryh problemah i tendencijah razvitija «literatury reform» = On Some Problems and Tendencies of Development of the Reform Literature // Voprosy jekonomiki, istorii, vneshnej i vnutrennej politiki stran Dal'nego Vostoka. Informacionnyj bjulleten' IDV AN SSSR. Chast' II. 1990 (№ 10). S. 47-49.

5. Ivlev L. A. Desjat' abzacev o «literature shramov» = Ten Paragraphs on the Scar Literature // San Wen : sajt. URL: https://sanwen.ru/2012/01/04/desyat-abzacev-o-literature-shramov/ (data obrashhenija: 19.12.2019)

6. Lebedeva N. A. Liki vremeni: kitajskaja literatura XX veka na perelomah istorii = Faces of Time: Chinese Literature of the 20th century at the Turns of History // Rossija i ATR. 1992 (№ 1). S. 102-110.

7. Mihajlik E. Ne otrazhaetsja i ne otbrasyvaet teni: «zakrytoe» obshhestvo i lagernaja literatura = Got No Reflection or Shadow: The Locked Community and the Prisoners Literature // Novoe literaturnoe obozrenie. 2009 (№ 6). S. 356-374.

8. Nadeev I. M. «Kul'turnaja revoljucija» i sud'ba kitajskoj literatury. = Cultural Revolution and the Destiny of Chinese Literature Moskva : Nauka, 1969. 149 c.

9. Pojezija uznikov GULaga. Antologija = Gulag Prisoners' Poetry. Anthology // URL: https://www.agitclub.ru/museum/memorial/poesia/predislovie.htm (data obrashhenija: 19.12.2019)

10. P'eralli K. Pojezija GULAGa kak literaturnoe svidetel'stvo: teoreticheskie i jepistemologicheskie obosnovanija = Gulag Poetry as Literature Evidence: Theoretical and Epistemological Grounds // Studia Litterarum. 2018. T. 3 (№ 2). S. 144-162.

11. Rekviem: stihi russkih sovetskih pojetov = Requiem: Poems by Russian Soviet Poets / sost., avt. predisl. B. Romanov. Moskva : Sovremennik, 1989. 430 s

12. Rjabchenko O. N. Literatura Severo-Vostoka KNR v period reform = Literature of North East China during the Reform // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija. Ojkumena, 2009 (№ 3). S. 40-51.

13. Taganov L. N. Potaennaja literatura: pojezija GULAGa = Secret Literature: the Gulag Poetry // Voprosy ontologicheskoj pojetiki. Potaennaja literatura. Issledovanija i materialy / sost. A.Ju. Moryganov. Ivanovo : Ivanovskij gos. un-t, 1998. S. 80-87.

14. Tugulova O. D. Pojeticheskij diskurs kitajskogo andegraunda ulova = Poetic Discourse of the Chinese Underground Poetry // Vestnik Burjatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. Vyp. 8. Vostokovedenie. S. 67-71.

15. Tugulova O. D. Osobennosti funkcionirovanija «podpol'noj pojezii» v Kitae = Underground Poetry in China during the Cultural Revolution // Gumanitarnye issledovanija v Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2014 (№ 1). S. 5-13.

16. Tugulova, O. D. Kitajskaja pojezija «novogo perioda» (1980-e gg.): smena hudozhestvennyh paradigm = Chinese Poetry of the New Period (1980s): Changes of Art Paradigm: monografija. Ulan-Udje: Izd-vo Burjatskogo gosuniversiteta, 2015. 164 s.

17. Cherkasskij L. E. «Tumannaja pojezija» = Misty Poetry // Azija i Afrika segodnja. 1988 (№ 1). S. 46-47.

18. Shalamov V. O cheloveke i mire = About the Man and the World // Shalamov.ru : sajt. URL: https://shalamov.ru/library/21/76.html (data obrashhenija: 19.12.2019a)

19. Shalamov, V. Stihi = Poems // Shalamov.ru : sajt. URL: https://shalamov.ru/library/14/ (data obrashhenija: 19.12.2019b)

20. Shalamov V. Jesse = Essays // Shalamov.ru : sajt. URL: https://shalamov.ru/library/21/ (data obrashhenija: 19.12.2019v)

21. 洪子诚、程光炜Hun Czychjen, Chjen Guanvjej. 朦胧诗新编 Novoe izdanie Tumannoj pojezii. = New Edition of Misty Poetry. 武汉 Uhan'：长江文艺出版社 Chanczjan vjen'i, 2009.

22. 李丽中Li Lichzhun.朦胧诗. 新生代诗百首点评

Sto stihotvorenij «tumannyh pojetov» i «pojetov novogo pokolenija» s kommentarijami. = A Hundred Poems by Misty Poets and the New Generation Poets with comments. 天津 Tjan'czin' : 南开大学出版社 Izd-vo Nan'kajskogo universiteta, 1988.

23. 朦腿诗论争集 Sbornik kriticheskih statej o «tumannoj pojezii» = Corpus of Critical Essays on Misty Poetry / 姚家华编 pod red. Jao Czjahua. 北京 Pekin : 学苑出版社 Sjuje juan',1989.

24. 姜娜，朱小平Mjej Na, Chzhu Sjaopi .朦胧的死亡 Smert' tumannoj pojezii = Death of Misty Poetry / 姜娜 朱小平著 Mjej Na, Chzhu Sjaopin. 北京：华艺出版社. Pekin : Kitajskoe iskusstvo, 1994.

25. 倪伟. 朦胧诗的旧魂新魄 Ni Vjej. The Old Soul, the New Soul of Misty Poetry = Staraja dusha, novaja dusha «tumannoj pojezii» // 文景.2005.第 3 期.

26. 舒婷的 诗 Pojezija Shu Tin = Shu Ting Poetry / 舒婷著 pod red. Shu Tin. 北 京 : 人民文学出版社. Pekin : Narodnaja literatura, 2005

27. 中国现代诗选 60 首 Sovremennaja kitajskaja pojezija: antologija (60 izbrannyh stihotvorenij) = Modern Chinese Poetry: Anthology (60 selected poems) / 张同吾主编 pod red. Chzhan Tun#u; 李英男等译per. s kit. Li Innan' i dr. 北京：现代出版社. Pekin : Sovremennost', 2010.

28. 杨健.

墓地与摇篮一文化大革命中的地下文学.

北京：朝华出版社. 1993 Jan Czjan'. Mogila i kolybel': podpol'naja literatura perioda Velikoj kul'turnoj revoljucii. = Grave and Cradle: Underground Literature during the Great Cultural Revolution. Pekin : Chaohua, 1993.

29. Gullotta A. A new perspective for Gulag Literature Studies: the Gulag Press // Studi Slavistici. VIII. 2009. P. 95-117.

30. Gullotta A. Gulag poetry: un almost unexplored field of research? // F. Fischer von Weikerstahl, K. Taidigsmann. (Hi-)Stories of the Gulag. Fiction and reality. Heidelberg, Germany : Universitatsverlag Winter, 2016. P. 175-192.

31. Jurgenson L. La testimonianza letteraria come fonte storica: il caso della letteratura dei Gulag // LEA – Lingue e Letterature d'Oriente e Occidente. V. 2016. P. 267-283.

32. Jurgenson L. Les représentation du Goulag dans la littérature testimoniale: approches épistémologiques // Dosse F., Goldstein C. Paur Ricoeur: penser la mémoire. Paris : Seuil, 2013. P. 183-196.

33. PieralIi C. Poesia del Gulag o della 'zona'? Problemi e prospettive per una descrizione del corpus poetico dei prigionieri politici in URSS // PieralIi C., Delaunay C., Priadko E. Russia, Oriente slavo e Occidente europeo. Fratture e integrazioni nella storia e nella civiltà europea (Biblioteca di Studi Slavistici). Firenze : University Press, Accesso ONLINE all'editore. P. 281-310.

УДК 82-32

О. В. Богданова **https://orcid.org/0000-0001-6007-7657**
С. М. Некрасов **https://orcid.org/0000-0003-3606-1262**

Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00272 «Н. А. Некрасов: pro et contra. Личность, деятельность, творческое наследие Некрасова в оценках отечественных мыслителей и исследователей»

Для цитирования: Богданова О. В., Некрасов С. М. Тенденциозный дуализм авторского видения (глава «Поп» в контексте поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо») // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 19-27. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-20-28

В статье анализируется поэма Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» и в частности одна из первых ее глав – «Поп». В работе делается попытка взглянуть на хрестоматийный текст русского классика с новых, современных позиций и задуматься над вопросом о том, насколько поэма – «эпос народной жизни» – в действительности отвечает эпической направленности и в какой мере художник объективно подготавливает ответ на вопрос, поставленный в названии поэмы. В ходе анализа авторы работы сопоставляют канонический текст главы «Поп» с черновыми рукописями, заметками, дополнениями, постраничными правками, которые суммированы исследователями-некрасоведами и представлены в комментариях к Собранию сочинений поэта. Сопоставление различных вариантов главы позволяет авторам исследования показать, как кардинально и неожиданно менялась точка зрения Некрасова на изображаемый персонаж и каким тенденциям следовал поэт. В работе показано, что основой первого варианта образа попа из одноименной главы стал не фольклор, как традиционно принято считать, но главным образом легендарное письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, которое при сопоставлении с текстом некрасовской поэмы обнаруживает буквальное (буквалистское) сходство, подсказывая мысль о непосредственном следовании Некрасова точке зрения «неистового Виссариона». Однако, как показано в работе, устойчивой и самостоятельной точки зрения на создаваемый образ попа (не священника, как специально оговорено в работе) у Некрасова не было, он находился под влиянием то одного идейного соратника, то другого. Так, в статье продемонстрировано, что окончательный образ попа сложился в поэме под влиянием уже иного кумира, Н. А. Добролюбова, «поповского сына», который, как видно из текста, помог Некрасову скорректировать окончательный характер героя главы «Поп». В статье делается вывод о том, что ранний псевдоним Некрасова – Перепельский – и в работе над «Кому на Руси жить хорошо» продолжает незримо присутствовать и находит свою семантическую мотивацию: Некрасову был свойствен талант изменять точку зрения и с готовностью следовать доминирующей (коммерчески прибыльной, по словам М. С. Макеева) тенденции. Таким образом, суммарность тенденциозных факторов, сопровождающих текст поэмы в целом и главу «Поп» в частности, и их неустойчивость позволяют автору статьи говорить о сниженном «народном» – объективном и эпическом – потенциале поэмы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н. А. Некрасов, поэма «Кому на Руси жить хорошо», авторская позиция, идейный дуализм, аксиологическая неустойчивость.

O. V. Bogdanova, S. M. Nekrasov

The tendentious dualism of the author's vision (*The Priestling* chapter in the context of *Who is Happy in Russia?* poem by Nikolai Nekrasov)

The article analyzes the poem by Nikolai Nekrasov *Who is Happy in Russia?* and in particular, one of its first chapters, *The Priestling*. The author makes an attemptto look at the paradigmatic text of the Russian classic from modern new positions and to speculate about the issue of how much the poem – the so called epic of folk life – actually gets in line with the epic mentality and to what extent the poet objectively draws up the answer to the question posed in the title of the poem. In the course of the analysis, the authors of the work compare the canonical text of *The Priestling* chapter with draft manuscripts, notes, additions, and page amendments which are summarized by Nekrasov scholars and published in the comments to the poet's collected works. Comparison of various versions of the chapter allows the authors of the study to show how crucially and unexpectedly Nekrasov's attitude to his characters changed and what

© Богданова О. В., Некрасов С. М., 2020

tendencies the poet followed. The work shows that the basis for the first version of the image of the priestling from the eponymous chapter was not folklore, as is traditionally believed, but mainly the legendary letter written by Vissarion Belinsky to Nikolai Gogol, which, when compared with the text of Nekrasov's poem reveals a literal (hard-line) similarity, thus, suggesting the idea that Nekrasov directly followed the view point of frantic Vissarion. However, as shown in the work, Nekrasov did not have a sustained and independent concept of the image of the priestling (not a priest, as is explicitly specified in the work). He kept being influencednow by one ideological ally, then by another.So, the article evidentiates that the final image of the priestlingin the poem was formed under the influence of another icon – Nikolai Dobrolyubov, a priest's son himself. It was he, as you can judge from the text, who helped Nekrasov to rectify the final features of the character in the chapter *The Priestling*. The article concludes that Nekrasov's early pseudonym –Perepelsky– continues to be invisibly present during the poet's work on *Who is Happy in Russia?*and finds its semantic motivation in it: Nekrasov was notable for his talent to change his point of view and readiness to follow the dominant tendency (a commercially profitable one, according to Mikhail Makeev).Thus, the total of the tendentious factors accompanying the text of the poem as a whole and The Priestling chapter in particular, and their instability, allow the author of the article to speak about the reduced folk – objective and epic – potential of the poem.

Keywords: Russian literature of the 19th century, Nikolai Nekrasov, *Who is Happy in Russia* poem, author's position, ideological dualism, axiological instability.

Творчество Н. А. Некрасова получило обширное освещение в критике и литературоведении, породив сотни трудов некрасоведов – как отечественных, так и зарубежных, среди которых такие известные российские исследователи-классики, как Б. Я. Бухштаб [Бухштаб, 1989], В. Е. Евгеньев-Максимов [Евгеньева-Максимов, 1953], В. А. Кошелев [Кошелев, 1999; Кошелев, 1993], Б. В. Мельгунов [Мельгунов, 1989], Н. Н. Пайков [Пайков, 2000], Ф. Я. Прийма [Прийма, 1987], Н. Н. Скатов [Скатов, 1994; Скатов, 1986; Скатов, 1985], Н. Л. Степанов [Степанов, 1962], А. Ф. Тарасов [Тарасов, 1989] и др. Но сегодня ведущие позиции в некрасоведении занимают и современные ученые, подходящие к творчеству Некрасова с новых позиций и открывающие неожиданные ракурсы в его лиро-эпическом наследии, – Р. Ю. Данилевский [Данилевский, 2006], М. С. Макеев [Макеев, 2017; Макеев, 2006; Макеев, 2007; Макеев, 2008; Макеев, 2009], С. Смирнов [Смирнов, 2009], C. Gatto [Gatto, 1975], A. Luisier [Luisier, 2005] и др. В этом плане поэма «Кому на Руси жить хорошо» (1863-1877) все чаще становится в современном литературоведении тем текстом художника, который актуализирует ряд важных и спорных вопросов о характере эволюционирования и доминантных тенденциях русской литературы середины XIX века.

Поэма «Кому на Руси жить хорошо», названная «эпопеей современной крестьянской жизни» [Некрасов, 1982, с. 601], кажется, емко и многогранно охватывает все стороны российской действительности пореформенной поры. Между тем возникает сомнение: действительно ли поэтическое творение Некрасова обретает размах эпический и не просматривается ли в нем отчетливая демотическая тенденциозность? не выглядит ли изображение российской действительности односторонним и необъективным?

Напомним, что об «однобокости» изображения российской действительности («преимущественно "ненарядной" ее стороны») в «Кому на Руси…» исследователи-некрасоведы говорили неоднократно (см. работы В. А. Кошелева [Кошелев, 1999], Л. А. Евстигнеевой [Евстигнеева, 1971], Ю. И. Красносельской [Красносельская, 2016] и др.), но, как правило, опускали аксиологическую составляющую этого наблюдения.

Итак, с одной стороны, замысел поэмы, в которой герои-странники отправляются в дальнее путешествие в поисках ответа на вопрос «Кому живется счастливо, вольготно на Руси?», несомненно, масштабен и уже в исходной интенции эпичен. Главный вопрос, который ставят перед собой герои, обширен и всеобщ: *кому*… Между тем сразу возникает дилемма: почему пытливыми персонажами, ищущими истину, у Некрасова оказываются крестьяне, герои малоопытные, необразованные, как определено в самой поэме – далеко не умные. Например, о Луке: «Лука – мужик присадистый / С широкой бородищею, / Упрям, речист и *глуп*» [Некрасов, 1982, с. 17]. И позже о нем же – «дубина деревенская» [Некрасов, 1982, с. 25].

Социальный статус героев существенно локализует (сужает) эпический ракурс поэтического обозрения, тем более что центральные персонажи поэмы оказываются выходцами из бедных и скудных деревень – «Подтянутой губернии, / Уезда Терпигорева, / Пустопорожней волости, / Из смежных деревень: / Заплатова, Дырявина, / Разутова, Знобишина, / Горелова, Неелова – / Неурожайка тож» [Некрасов, 1982, с. 5]. Ономасиологически значимые – «говорящие» – имена сёл заставляют предположить, что представление о сча-

стье «крестьян-лапотников» [Некрасов, 1982, с. 16] сконцентрировано вокруг проблем житейского достатка, а точнее *богатства,* или *«богачества»* [Некрасов, 1982, с. 22], как звучит в поэме. Неслучайно, желая знать, кому живется счастливо на Руси, герои-крестьяне сразу и уверенно называют представителей состоятельных слоев общества – «Роман сказал: помещику, / Демьян сказал: чиновнику, / Лука сказал: попу. / Купчине толстопузому! – / Сказали братья Губины, / Иван и Митродор. / Старик Пахом потужился / И молвил, в землю глядючи: / Вельможному боярину, / Министру государеву. / А Пров сказал: царю...» [Некрасов, 1982, с. 5]. Задуманная и создаваемая в первые годы после отмены крепостного права поэма о народной жизни оказывается исходно ориентирована на господ, а не на крестьян, только что получивших волю, хотя применительно к последним именно таковая установка – «живется *вольно/вольготно*» – была бы эпична по размаху. То есть философский вопрос «*кому* живется счастливо…», масштабно заявленный на титульном уровне, уже на этапе завязки поэмы стремительно сворачивается в тенденциозный ракурс, ориентированный на социальное неравенство: крестьяне ↔ господа. Народ, только что получивший долгожданную свободу, исходно оказывается вне пределов авторского поэтического исследования, его герои из низов a priori признаются несчастными.

Условность и раздифференцированность сюжетной установки вскоре обостряется парадоксом – из текста поэмы становится ясно, что на самом деле герои-странники – не бедняки, а вполне зажиточные крестьяне, «мужики степенные» [Некрасов, 1982, с. 17]. Повествователь сообщает о героях, что «По делу всяк по своему / До полдня вышел из дому: / Тот путь держал до кузницы, / Тот шел в село Иваньково / Позвать отца Прокофия / Ребенка окрестить. / Пахом соты медовые / Нес на базар в Великое, / А два братана Губины / Так просто с недоуздочком / Ловить коня упрямого / В свое же стадо шли» [Некрасов, 1982, с. 6]. Иными словами, у каждого из персонажей есть собственный достаток, будь то пасека Пахома, дающая мед, несомый на базар, или «свое же» лошадиное стадо братьев Губиных. У кого-то из них есть дела в кузнице, кого-то заботит праздненство крещения. И если так обстоят дела в деревнях Заплатове, Дырявине, Разутове, Знобишине, Горелове, Неелове и Неурожайке, то, можно предположить, в селах Иваньково, Великое, Кузьминское, куда направляются странники, дела должны идти еще лучше.

По ходу сюжетного развития отойдя от своих деревень «верст <на> тридцать» [Некрасов, 1982, с. 7], спорящие крестьяне-герои «сваливают» собственную оплошность «на лешего» [Некрасов, 1982, с. 7] и устраиваются на ночлег в лесу. Примечательно, что и в данной ситуации герои не голодают и не бедствуют: «Зажгли костер, сложилися, / За водкой двое сбегали, / А прочие покудова / Стаканчик изготовили, / Бересты понадрав» [Некрасов, 1982, с. 7]. И уже вскоре: «Приспела <…> водочка, / Приспела и закусочка – / Пируют мужички!» [Некрасов, 1982, с. 7]. В подобной ситуации назвать героев несчастными вряд ли представляется возможным, особенно на фоне того, что вскоре они сказочным образом обретут скатерть-самобранку и будут благополучно и счастливо – без забот о еде и «одёже» [Некрасов, 1982, с. 13], без дум о работе и семье – продолжать свое бесконечное (в прямом смысле – *неоконченное*) странствие.

Созданная в ориентации на устное народное поэтическое творчество, густо пронизанная устойчивыми мотивами, поэма Некрасова сочетает в себе собственно литературные и фольклорные стратегии, совмещает приемы художественной литературы и народного творчества. И – в традиции фольклорной и литературной – первая глава, где крестьяне-странники встречаются с одним из претендентов на звание счастливца – с попом, открывается пейзажем, картиной русских просторов. «Широкая дороженька, / Березками обставлена, / Далеко протянулася, / Песчана и глуха. / По сторонам дороженьки / Идут холмы пологие / С полями, с сенокосами…» [Некрасов, 1982, с. 15].

Время, которое изображает Некрасов, – весна: «подходит месяц май» [Некрасов, 1982, с. 16]. Традиционно лексемы «весна» и «май» появляются в литературе (и в фольклоре) в контексте мотивов, связанных с пробуждением природы, оживлением жизни, с ожиданием начала счастливой солнечной поры. Однако Некрасов «нарушает» традицию и, согласно своему «горестному» замыслу, прием природно-психологического параллелизма использует для нагнетания бедственной атмосферы, создает пейзаж убогий, холодный, печальный. «Но вы, поля весенние! / На ваши всходы бедные / Невесело глядеть! / <…> / Поля совсем затоплены, / Навоз возить – дороги нет…» [Некрасов, 1982, с. 16]. Очевидно, что столь неприветливой могл*а* быть весна в год путешествия героев. Однако Некрасов не ограничивается печальным зрелищем природных явлений, воли Божией – на его героев наводит грустные мысли и

вид крестьянских строений. «Нелюбо и на старые, / Больней того на новые / Деревни им глядеть. / Ой избы, избы новые! / Нарядны вы, да строит вас / Не лишняя копеечка, / А кровная беда!..» [Некрасов, 1982, с. 16].

Понятна печаль лирического повествователя-нарратора, лицезреющего убогие и покосившиеся домишки гоголевских поместий Манилова или Плюшкина. Отчего же так нелюбо и больно смотреть некрасовским персонажам на новые нарядные дома и деревни? Зачем Некрасов столь однозначно связывает появление новых изб с пожаром или иным бедствием? См. в одном из вариантов текста: «Ой вы! пожары лютые / Что вы пустили на вет<ер> / Крестьянского труда...» [Некрасов, 1982, с. 259]. Но очевидно, что Некрасову важна тенденция – он исходно намерен показать убогость и нищету жизни русского крестьянина, и потому повествователь и герои безапелляционно отметают иную мотивацию нарядности и новизны деревень, не иначе как по причине пожара или иного несчастия. Именно на таком фоне выразительнее и пропагандичнее могла быть выписана и акцентирована встреча героев-странников со священником, у которого в хоромах, по словам Луки, «малина – не житье»: «Попы живут по-княжески. / Идут под небо самое / Поповы терема, / Гудит попова вотчина – / Колокола горластые – / На целый божий мир. / <…> / Попова каша – с маслицем, / Попов пирог – с начинкою, / Поповы щи – с снетком! / Жена попова толстая, / Попова дочка белая, / Попова лошадь жирная, / Пчела попова сытая, / Как колокол гудет!» [Некрасов, 1982, с. 25-26]. Антитеза «народ ↔ поп» формируется Некрасовым исходно.

Как известно, главу «Поп» писатель перерабатывал несколько раз. В комментарии к главе в Собрании сочинений Некрасова значится: «При доработке главы из прежней рукописи был вынут двойной лист с началом текста и заменен двумя вставочными листами. При этом в характеристике попа добавлены строки, подчеркнувшие его совестливость, озабоченность крестьянскими нуждами и непричастность к взяткам с раскольников. В рассказе попа исключен отрывок, в котором он сетовал на упадок религиозного чувства в народе и отсутствие “рвения” к православию» [Некрасов, 1982, с. 621]. Если воспользоваться приемом «обратного хода», то можно «реконструировать» первоначальный вариант главы. В ней (как очевидно) поп был без совести, не был озабочен крестьянскими нуждами, был причастен к взяткам с раскольников, сетовал на упадок религиозного чувства в народе. В подобной интерпретации образ попа выглядел сатирически-лубочным, сниженным – зловещим, лукавым, безнравственным и бесчестным. Едва ли не в духе желчных сатир М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако либо собственное творческое чувство меры Некрасова, либо советы первых слушателей главы, посвященной счастью церковнослужителя, приводят к тому, что глава «Поп» перерабатывается, и образ святого отца получает иные коннотации.

Поп первым среди героев поэмы «Кому на Руси жить хорошо» отчетливо формулирует представление о счастье, каким видит его сам и каковым счастье представляется мужикам: «– В чем счастие, по-вашему? / *Покой, богатство, честь* – / Не так ли, други милые? – / Они <крестьяне> сказали: „Так”» [Некрасов, 1982, с. 19, выд. нами. – *О. Б., С. Н.*]. Формула счастья выведена, и она кажется абсолютной – принимается представителями разных социальных слоев (условно – счастливцев и несчастливцев). Однако из рассказа попа становится очевидным, что покоя у «счастливого» героя нет: «Болящий, умирающий, / Рождающийся в мир / Не избирают времени: / В жнитво и в сенокос, / В глухую ночь осеннюю, / Зимой, в морозы лютые, / И в половодье вешнее – / Иди – куда зовут!» [Некрасов, 1982, с. 19].

Можно было бы снисходительно-недоверчиво отнестись к этим жалобам священника на трудности и непокой, однако сходные сетования обнаруживает и переписка (откровенные признания в частных письмах) абсолютно авторитетного врача и писателя – А. П. Чехова. Доктор Чехов (как известно, профессии священника и врача в чем-то близки) в период разгула эпидемии холеры в центральной России писал своему другу и издателю А. С. Суворину в Петербург: «Я одинок, ибо <…> работа, требующая постоянных разъездов, разговоров и мелочных хлопот, утомительна для меня…» (1 августа 1892 г. [Чехов, 1974]). В следующем письме он снова признавался: «Душа моя утомлена. <…> Не принадлежать себе, вздрагивать по ночам от собачьего лая и стука в ворота, ездить на отвратительных лошадях по неведомым дорогам и читать только про холеру и ждать только холеры и в то же время быть совершенно равнодушным к сей болезни и к тем людям, которым служишь, – это, сударь мой, такая окрошка, от которой не поздоровится» (16 августа 1892 г. [Чехов, 1974]). Вряд ли можно всерьез упрекнуть Чехова в равнодушии к больным и нуждающимся, к *человеку*, но и ему (самоотверженному врачу и тонкому писателю-психологу) не были чужды уста-

лость и раздражение, тоска и даже злость на постоянный непокой, требующий немедленного выезда «куда зовут».

Более того, «переработанный» некрасовский поп, герой второй редакции главы, привносит в свой рассказ моральную составляющую – с усталости физической перенося акцент на «боль душевную»: «Не верьте, православные, / <…> / Нет сердца, выносящего / Без некоего трепета / Предсмертное хрипение, / Надгробное рыдание, / Сиротскую печаль!» [Некрасов, 1982, с. 20].

Не менее пронзительно звучит и рассказ священника о том, как он вынужден брать крестьянские медяки за требу: «Страшна семья крестьянская / В тот час, как ей приходится / Кормильца потерять! / Напутствуешь усопшего / И поддержать в оставшихся / По мере сил стараешься / Дух бодр! А тут к тебе / Старуха, мать покойника, / Глядь, тянется с костлявою, / Мозолистой рукой. / Душа переворотится, / Как звякнут в этой рученьке / Два медных пятака!..» [Некрасов, 1982, с. 25]. Рассказчик делает акцент на нравственном аспекте службы – «душа переворотится…»

Процитированные слова укрепляют в сочувствии к доле попа, актуализируют в его образе человеческие, нравственные слагаемые. Тем более несправедливыми и скабрезными выглядят обвинения (шутки?), которыми сопровождает попов простой народ. «– Скажите, православные, / Кого вы называете / Породой жеребячьею? / <…> / – С кем встречи вы боитеся, / Идя путем-дорогою? / <…> / – О ком слагаете / Вы сказки балагурные, / И песни непристойные, / И всякую хулу?.. / <…> / Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?..» [Некрасов, 1982, с. 20-21].

Счастье «почета», который должен был заслужи(ва)ть священник, оказывается дискредитированным. И, кажется, Некрасов в подобном отношении к попам опирается на фольклор, на народно-поэтическое творчество, на сатирические сказки и балаганные вертепы, немилосердно осмеивающие жадных, хитрых, завистливых и глупых церковнослужителей. Даже само слово «поп», используемое Некрасовым в тексте поэмы, имеет очевидную эмоционально-стилевую окраску, выполняет функцию не столько номинативную, сколько оценочную: именно так именуют священников в сатирических народных сказках, прибаутках, пословицах и поговорках. Заметим, что в одном из ранних вариантов главы *поп* у Некрасова назывался *священником*. Но в окончательном варианте произошла замена: «Каков покой [*священнику*?] / Каков покой *попу*?» [Некрасов, 1982, с. 261, строки 544а и 544б]. При этом в окончательном тексте герои-путники, непосредственно обращаясь к попу, используют (кажется) уважительную форму диалогического общения: персонажи-странники обращаются к нему «честной отец» [Некрасов, 1982, с. 18]. Обратим внимание, не «*святой* отец», что было бы более традиционным и каноничным, но «честн*ой*», используя эпитет фразеологически прочно прикрепленный к другому слову – честной народ. Подобная характеристическая переподстановка семантически значима – Некрасов намеренно отказывается от почтительной формы обращения к священнику, настойчиво отдаваясь вырисовываемой тенденции.

Среди народных сказок (в том числе в сборнике А. Н. Афанасьева, 1855-1863) действительно можно найти много примеров негативной аксиологии в отношении к служителям церкви. Уже только по названиям сказок легко констатировать негативный ракурс отношения простого народа к попам: «Жадный поп», «Как поп быка украл», «Как поп работников морил», «Поп теленка родил» и мн. др. Однако наблюдения показывают, что образ попа в первоначальном варианте поэмы Некрасова был спровоцирован не фольклорными текстами Даля или Афанасьева, но непосредственно вырастал из мнения учителя и наставника поэта – В. Г. Белинского. Надо полагать, что в течение долгого времени выполняя обязанности секретаря «неистового Виссариона», Некрасов должен был хорошо усвоить суждения критика, детально знать и помнить его переписку. Так, если обратиться к открытому письму Белинского к Гоголю из Зальцбрунна от 3(15) июля 1847 года, то обращает на себя внимание удивительное сходство, даже лексическая близость суждений Белинского и той поповой характерологии, которую предлагает поэт.

Из письма Белинского Гоголю: «Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника. Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, жеребцы? – Попов. Не есть ли поп на Руси, для всех русских, представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого Вы не знаете? Странно! По-Вашему, русский народ – самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать. Приглядитесь при-

стальнее, и Вы увидите, что это по натуре своей глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности. Суеверие проходит с успехами цивилизации; но религиозность часто уживается и с ними: живой пример Франция, где и теперь много искренних, фанатических католиков между людьми просвещенными и образованными и где многие, отложившись от христианства, всё еще упорно стоят за какого-то бога. Русский народ не таков: мистическая экзальтация вовсе не в его натуре; у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме; и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем. Религиозность не привилась в нем даже к духовенству; ибо несколько отдельных, исключительных личностей, отличавшихся тихою, холодною, аскетическою созерцательностию – ничего не доказывают. Большинство же нашего духовенства всегда отличалось только толстыми брюхами, теологическим педантизмом да диким невежеством. Его грех обвинить в религиозной нетерпимости и фанатизме; его скорее можно похвалить за образцовый индиферентизм в деле веры. Религиозность проявилась у нас только в раскольнических сектах, столь противуположных, по духу своему, массе народа и столь ничтожных перед нею числительно» [Белинский, 1936].

В приведенной большой цитате много примечательного. Структурно-стилевая риторика Белинского – «Про кого русский народ рассказывает *похабную сказку*? <…> Кого русский народ называет: дурья порода, колуханы, *жеребцы*?» – очень напоминает повествовательную стратегию Некрасова и напрямую проецируется на нее. Ср.: «Кого вы называете / *Породой жеребячьею*?» или «О ком слагаете / Вы *сказки балагурные,* / И *песни непристойные,* / И *всякую хулу*?..»

В комментариях к главе «Поп» исследователями-некрасоведами специально оговаривается то обстоятельство, что строка «Кому вдогон, как мерину, / Кричите: го-го-го?» была особенно важна для Некрасова. По наблюдениям текстологов, поэт переносил ее с одного листа рукописи на другой: «В главе „Поп” он <Некрасов> смягчил строки о бранно-пренебрежительной кличке, которой народ честит духовенство („Кому вдогон, как мерину, Кричите: го-го-го?..”), хотя, *видимо, дорожил ими*, так как трижды вписывал их в рукопись, подыскивая подходящее место» [Некрасов, 1982, с. 624-625; выд. нами. – *О. Б., С. Н.*]. Столь «дорогими» эти строки для Некрасова, несомненно, были потому, что для осведомленных современников они стали прямым указанием на Белинского, на апелляцию к его знаменитому гоголевскому письму.

В опоре на письмо Белинского и его характеристику священства можно еще образнее представить себе, каким был поп Некрасова в первой редакции поэмы. Попы «по Белинскому» действительно охарактеризованы как *бессовестные, не озабоченные крестьянскими нуждами*, сетующими на *упадок религиозного чувства*. И что не менее репрезентативно – вслед за Белинским некрасовский поп обращается к мотиву *раскольничества*: «Потом статья... раскольники... / Не грешен, не живился я / С раскольников ничем. / По счастью, нужды не было: / В моем приходе числится / Живущих в православии / Две трети прихожан. / А есть такие волости, / Где сплошь почти раскольники, / Так тут как быть попу?» [Некрасов, 1982, с. 23]. Как помним, цитируемый Белинский не только поминает раскольников, но и указует на их численную «ничтожность». Совпадения буквальны.

То есть без дополнительных текстологических изысканий можно с уверенностью констатировать, что Некрасов при создании образа попа, несомненно, опирался на ставшее легендарным письмо Белинского – в большей мере следуя ему в первой редакции главы, но сохраняя стилевую близость и во второй. (Обратим внимание, что на связь главы «Поп» с письмом Белинского указывал современник Некрасова Н. И. Барсов: «„Поп” поэмы буквально повторяет те прозвища, какие, по словам критика, усвояет священнику народ» [Барсов, 1874, с. 494]). Некрасов в данном случае, с одной стороны, эксплуатирует освоенную им еще в начале творческого пути стратегию подражания и следования чужой мысли (не случаен псевдоним, которым пользовался начинающий поэт, – Перепельский), с другой – поэт акцентированно подчеркивает солидарность и созвучие взглядам учителя-наставника. Другое дело, что ко времени начала работы над поэмой «Кому на Руси жить хорошо» Белинский уже ушел из жизни, и при создании второй редакции главы «Поп» Некрасов мог находиться под влиянием иных суждений и мнений авторитетных современников (на наш взгляд, речь должна идти не о самоцензуре, как полагают составители комментария к Собранию сочинений [см.: Некрасов, 1982, с. 621, 624-625], но о влиянии кого-то из некрасовского окружения). И этим авторитетом в период работы над главой мог быть, прежде всего, *поповский сын* Н. А. Добролюбов, со второй половины 1850-х годов плотно сотрудничавший в некрасовской ре-

дакции, не по книгам знавший тяготы жизни духовенства и к тому моменту уже пользовавшийся уважением работодателя и единомышленника-издателя. Это только гипотеза – но как бы то ни было, образ попа был скорректирован поэтом и в характере героя были актуализированы более объективные (реалистичные) черты.

В целом получившийся «натуралистичным» (в духе «натуральной школы») образ попа у Некрасова в какой-то момент развития сюжетной линии насыщается избыточными чертами «демократа». Из стана условных противников крестьян («счастливцев») герой-поп неожиданным образом оказывается в стане (почти) их союзников и исповедует убеждения далеко не поповские, не господские, не богаческие. Так, в комментариях к главе «Поп» исследователи приводят реплику героя-попа: «Так вот друзья любезные / Каков почет священнику / В крестьянстве. А помещики... / *Да вы их сами знаете,* / *Что много толковать!*» [Некрасов, 1982, с. 264, выд. нами. – *О. Б., С. Н.*] – священник как будто бы выказывает осуждение помещикам. Поп оказывается едва ли не в положении угнетаемых крестьян – и ему милость господская достается «недешево».

Очевидно, что подобный демотический пафос объективно должен был быть чуждым речи священника. И в окончательном варианте эти строки о недовольстве попа помещиками Некрасовым изъяты, их место заняло сочувствие, которое герой выражает былому помещичьему укладу и всему строю поместной жизни: «Хоть часто крутонравные, / Однако доброхотные / <…> Ой холеные косточки / Российские, дворянские! / Где вы не позакопаны? / В какой земле вас нет?» [Некрасов, 1982, с. 23].

Готовность Некрасова поменять *плюс* на *минус* (и наоборот) примечательна и любопытна – эта поэтическая легкость свидетельствует о том, что при создании образа героя поэт следовал не собственным прочным убеждениям, но потворствовал толпе или (как справедливо утверждает М. С. Макеев [Макеев, 2017]) заботился о коммерческой успешности поэмы. Образ попа раз от раза меняет у Некрасова аксиологический ракурс, демонстрируя поверхностность «убеждений» поэта.

Подобно тому, как повествователь глазами героев-крестьян видит вокруг них только запустение и бедность, так и поп почти *бытийно* сокрушается по поводу неурожаев. Особенность его суждений такова, что (как и в представлении крестьян, созданных Некрасовым) какими бы ни были погода, земли, урожай, новые дома, деревни – *всё плохо*. «Угоды наши скудные, / Пески, болота, мхи, / Скотинка ходит впроголодь, / Родится хлеб сам-друг, / А если и раздобрится / Сыра земля-кормилица, / Так *новая беда*: / Деваться с хлебом некуда! / Припрет нужда, продашь его / За сущую безделицу, / А там – неурожай! / Тогда плати втридорога, / Скотинку продавай» [Некрасов, 1982, с. 24]. Как у крестьян из «Пролога» майские солнечные дни, полевые всходы, новые избы не вызывают отрадного чувства, так и в представлении некрасовского попа плох неурожай, но плох и избыток урожая. Иными словами – герои Некрасова (и богатые, и бедные) видят окружающую их жизнь *однобоко*, сознательно нагнетая впечатления горя и нужды, которые должны неизменно (с точки зрения поэта-демократа, революционера-народника) сопровождать российское крестьянство. «Деревни наши бедные, / А в них крестьяне хворые / <…> / Господь прибавь им сил!» [Некрасов, 1982, с. 24-25]. В итоге объективной эпической картины у Некрасова не возникает – субъективная тенденция доминирует. Ни рассказ попа, ни комментарии крестьян-странников не могут приблизить к ответу на вопрос «Кому живется весело, вольготно на Руси…»: поэт столь стремительно меняет аксиологию характеров, что в итоге исчезает глубина видения проблемы, намечается уход от ответа, эксплицируется философская «гибкость» в разрешении дилеммы. Эпический размах, замысленный поэтом при создании поэмы о народе, уже в Прологе и в первой главе «Поп» дискредитируется нарушением законов реалистического письма, ослабляется односторонностью авторской тенденции, нацеленностью на отчетливо социологизированный ракурс осмысления народной жизни. Как *неустойчивы* образы героев-крестьян (Вступление), так *гибок* и образ попа (глава «Поп») – подвижность аксиологических ракурсов эксплицирует (выдает) *вторичность* авторской позиции, уход от реальных проблем действительной жизни, зависимость поэта от далеко не эпических интенций.

Библиографический список

1. Белинский В. Г. Письмо к Гоголю. Москва : Художественная литература, 1936. URL: https://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (дата обращения: 14.01.2020).

2. Бухштаб Б. Я. Н. А. Некрасов: проблемы творчества : монография. Ленинград : Советский писатель, 1989. 349 с.

3. Данилевский Р. Ю. «Между искусством, коммерцией и революцией» // Русская литература. 2006. № 3. С. 255-257.

4. Евгеньев-Максимов В. Е. Творческий путь Н. А. Некрасова : монография. Москва ; Ленинград : Наука, 1953. 282 с.

5. Евстигнеева Л. А. Спорные вопросы изучения поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // Н. А. Некрасов и русская литература : сборник научных статей. Москва : Наука, 1971. 512 с.

6. Кошелев В. А. «Кому на Руси жить хорошо»: о великой поэме и вечной проблеме : монография. Новгород Великий: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1999. 166 с.

7. Кошелев В. А. Некрасов и «джентельменский кодекс» охоты // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 1993. Вып. 2. 355 с.

8. Красносельская Ю. И. Стоит ли искать «ключи от счастья»? (Об источниках и смыслах одного мотива у Некрасова и Салтыкова-Щедрина) // Карабиха: историко-литературный сборник. Ярославль, 2016. Вып. 9. С. 127-139.

9. Макеев М. С. Николай Некрасов : монография. Москва : Молодая гвардия, 2017. 464 с.

10. Макеев М. С. Поэт и покровитель: из истории издания сборника Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2006. № 5. С. 90-101.

11. Макеев М. С. О «странности» и «искренности» стихотворения Н. А. Некрасова «Я за то глубоко презираю себя...»: «экономический» подтекст лирического произведения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2007. № 6. С. 9-21.

12. Макеев М. С. Роберт Бернс и Томас Карлейль в поэтическом самоопределении Н. А. Некрасова в середине 1850-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2008. № 2. С. 62-71.

13. Макеев М. С. «Стих, как монету, чекань»: «поэтическая экономия» Некрасова в цикле «Подражание Шиллеру» (1877) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2009. № 3. С. 55-59.

14. Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы : монография. Ленинград : Наука, 1989. 280 с.

15. Н. Б. (Н. И. Барсов). Мнения и отзывы нашей светской литературы о русском духовенстве // Христианское чтение. 1874, март. С. 494.

16. Некрасов Н. А. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5. Кому на Руси жить хорошо. Ленинград : Наука, 1982. 687 с.

17. Пайков Н. Н. Феномен Некрасова: избранные статьи о личности и творчестве поэта. Ярославль : Яросл. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского, 2000. 120 с.

18. Прийма Ф. Я. Некрасов и русская литература: монография. Ленинград : Наука, 1987. 264 с.

19. Скатов Н. Н. Некрасов: монография. Москва : Молодая гвардия, 1994. 411 с.

20. Скатов Н. Н. Некрасов: Современники и продолжатели: очерки. Москва : Советская Россия, 1986. 336 с.

21. Скатов Н. Н. «Я лиру посвятил народу своему…»: о творчестве Н. А. Некрасова: монография. Москва : Просвещение, 1985. 174 с.

22. Смирнов С. Монументализация фантомов: некоторые особенности бытования идеологической биографии Н. А. Некрасова // Вопросы литературы. 2009. № 6. С. 77-99.

23. Степанов Н. Л. Н. А. Некрасов: монография. Москва : Гослитиздат, 1962. 261 с.

24. Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе: монография. Ярославль : Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1989. 224 с.

25. Чехов А. П. Полное собр. соч.: в 30 т. Москва : ИМЛИ РАН, 1974-1983. Т. 25. Письма 1897-1898. URL: http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?/feb/chekhov/texts/che-te02.html (дата обращения: 14.01.2020).

26. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. P. 194-195.

27. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

Reference List

1. Belinskij V. G. Pis'mo k Gogolju. = The Letter to Gogol. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1936. URL: https://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (data obrashhenija: 14.01.2020).

2. Buhshtab B. Ja. N. A. Nekrasov: problemy tvorchestva = Nikolai Nekrasov: Problems of Creative Works: monografija. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1989. 349 s.

3. Danilevskij R. Ju. «Mezhdu iskusstvom, kommerciej i revoljuciej» = Amid Art, Commerce and Revolution // Russkaja literatura. 2006. № 3. S. 255-257.

4. Evgen'ev-Maksimov V. E Tvorcheskij put' N. A. Nekrasova = Nekrasov's Career as a Poet: monografija. Moskva; Leningrad : Nauka, 1953. 282 s.

5. Evstigneeva L. A Spornye voprosy izuchenija pojemy Nekrasova «Komu na Rusi zhit' horosho» = Controversial Aspects of the Studies of Nekrasov's Poem Who Is Happy in Russia // N. A. Nekrasov i russkaja literatura : sbornik nauchnyh statej. Moskva : Nauka, 1971. 512 s.

6. Koshelev V. A. «Komu na Rusi zhit' horosho»: o velikoj pojeme i vechnoj probleme = Who is Happy in Russia: on the Great Poem and the Eternal Problem: monografija. Novgorod Velikij: NovGU im. Jaroslava Mudrogo, 1999. 166 s.

7. Koshelev V. A. Nekrasov and Gentleman's Hunting Code = Nekrasov i «dzhentel'menskij kodeks» ohoty // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 1993. Vyp. 2. 355 s.

8. Krasnosel'skaja Ju. I. Stoit li iskat' «kljuchi ot schast'ja»? (Ob istochnikah i smyslah odnogo motiva u Nekrasova i Saltykova-Shhedrina) = Should One Look for the Keys to Happiness? (On the Sources and Meanings of the Motive of Nekrasov and Saltykov-Shchedrin)// Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. Jaroslavl', 2016. Vyp. 9. S. 127-139.

9. Makeev M. S. Nikolaj Nekrasov = Nikolai Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 2017. 464 s.

10. Makeev M. S. Pojet i pokrovitel': iz istorii izdanija sbornika N. A. Nekrasova «Mechty i zvuki» = The Poet and Patron: Glimpses on how Nekrasov's Dreams and Sounds collection of poems was published // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2006. № 5. S. 90-101.

11. Makeev M. S. O «strannosti» i «iskrennosti» stihotvorenija N. A. Nekrasova «Ja za to gluboko preziraju sebja...»: «jekonomicheskij» podtekst liricheskogo proizvedenija = On Oddity and Sincerity in Nekrasov's Poem 'I deeply despise myself for that…': the economic dimension of the lyric verse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2007. № 6. S. 9-21.

12. Makeev M. S. Robert Berns i Tomas Karlejl' Robert Berns i Tomas Karlejl' v pojeticheskom samoopredelenii N. A. Nekrasova v seredine 1850-h gg. = Robert Burns and Thomas Carlyle in Nekrasov's Poetic Identity Formation in mid-1850s // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2008. № 2. S. 62-71.

13. Makeev M. S. «Stih, kak monetu, chekan'»: «pojeticheskaja jekonomija» Nekrasova v cikle «Podrazhanie Shilleru» (1877) = 'Mint verse like a coin': Nekrasov's 'Poetic Economy' in his Cycle of Poems 'Imitation of Schiller' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2009. № 3. S. 55-59.

14. Mel'gunov B. V. Nekrasov-zhurnalist. Maloizuchennye aspekty problemy = Nekrasov as a Journalist. Understudied Aspects of the Problem : monografija. Leningrad : Nauka, 1989. 280 s.

15. N. B. (N. I. Barsov). Mnenija i otzyvy nashej svetskoj literatury o russkom duhovenstve = Opinions and Reviews of Our Secular Literature on the Russian Clergy // Hristianskoe chtenie. 1874, mart. S. 494.

16. Nekrasov N. A. Sobranie sochinenij: v 15 t. T. 5. Komu na Rusi zhit' horosho. = Nekrasov's Collected Works issued in 15 Volumes. Vol.5 Who is Happy in Russia? Leningrad : Nauka, 1982. 687 s.

17. Pajkov N. N. Fenomen Nekrasova: izbrannye stat'i o lichnosti i tvorchestve pojeta. = Nekrasov's Phenomenon: Selected Articles on the Poet's Personality and Works. Jaroslavl' : Jarosl. gos. ped. un-t im. K. D. Ushinskogo, 2000. 120 s.

18. Prijma F. Ja. Nekrasov i russkaja literatura = Nekrasov and Russian Literature : monografija. Leningrad : Nauka, 1987. 264 s.

19. Skatov N. N. Nekrasov = Nekrasov : monografija. Moskva : Molodaja gvardija, 1994. 411 s.

20. Skatov N. N. Nekrasov: Sovremenniki i prodolzhateli = Nekrasov: Contemporaries and Successors : ocherki. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1986. 336 s.

21. Skatov N. N. «Ja liru posvjatil narodu svoemu…»: o tvorchestve N. A. Nekrasova = 'I have dedicated my lyre to my people' : on Nekrasov's Works: monografija. Moskva : Prosveshhenie, 1985. 174 s.

22. Smirnov S. Monumentalizacija fantomov: nekotorye osobennosti bytovanija ideologicheskoj biografii N. A. Nekrasova = Monumentalization of Phantoms: Some Features of the Existence of Nekrasov's Ideological Biography // Voprosy literatury. 2009. № 6. S. 77-99.

23. Stepanov N. L. N. A. Nekrasov = Nikolai Nekrasov: monografija. Moskva : Goslitizdat, 1962. 261 s.

24. Tarasov A. F. Nekrasov v Karabihe = Nekrasov in Karabikha : monografija. Jaroslavl' : Verhne-Volzhsk. kn. izd-vo, 1989. 224 s.

25. Chehov A. P. Polnoe sobr. soch.: v 30 t. = Complete Works in 30 Volumes. Moskva : IMLI RAN, 1974-1983. T. 25. Pis'ma 1897-1898. URL: http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp?/feb/chekhov/texts/che-te02.html (data obrashhenija: 14.01.2020).

26. Citato in E. Lo Gatto. Nikolai Nekrasov // Citato in E. Lo Gatto. Profilo della letteratura russa. Milano: Mondadori, 1975. R. 194-195.

27. Luisier A. Nikolaj Nekrasov: Ein Schriftsteller zwischen Kunst, Kommerz und Revolution. Zürich: Pano Verlag, 2005. 301 s.

УДК 821.161.1

А. А. Федотова **https://orcid.org/0000-0002-9629-6154**

Пародия в прозе Н. А. Некрасова 1840-х гг.

Для цитирования: Федотова А. А. Пародия в прозе Н. А. Некрасова 1840-х гг. // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 28-35. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-29-35

В преддверии двухсотлетнего юбилея со дня рождения Н. А. Некрасова возрастает актуальность исследования творчества писателя с точки зрения современных литературоведческих подходов. В рамках подобного рода направления и написана данная статья, которая посвящена анализу малоизученной прозы Некрасова 1840-х гг., в частности комической повести «Макар Осипович Случайный». Повесть рассмотрена с точки зрения творческого диалога писателя с прозаической литературой романтизма, расцвет которой пришелся на 1830-е гг. Центральной проблемой статьи выступает рецепция Некрасовым романтической литературы в процессе индивидуального творчества. В статье исследуется разностилевое пространство некрасовского текста, в котором пародийный романтический пласт соседствует с описательными фрагментами, созданными в духе все более интересующей Некрасова натуральной школы. Рассмотрение повести в основных аспектах поэтики (композиционном, нарраториальном, образном) позволяет увидеть, каким образом и с какой целью актуализирует писатель те или иные штампы романтической литературы. Результатом анализа становится конкретизация представлений о проблематике и поэтике ранней некрасовской прозы, механизмах интертекстуального обогащения смысла произведений писателя, своеобразии используемых автором рецептивных стратегий. Автор статьи приходит к выводу, что основных стилистических пластов в повести два: пародийно-романтический и социально-физиологический. Она не вступают в сложную композиционную связь, а соседствуют, порой даже противопоставляясь один другому. Гетерогенность нарратора заставляет читателя постоянно переключаться из одного стилевого регистра в другой и лишь догадываться об авторской точке зрения до самого финала произведения, когда в морализаторском итоге Некрасов расставит все точки над и. Пародия у Некрасова не самоценна, а служит для утверждения новых социальных идеалов «от противного». В произведении нет героев, которых можно было бы отнести в разряд «положительных». Эту роль берет на себя автор, выражая свои мысли с помощью фигуры имплицитного недиегетического нарратора.

Ключевые слова: русская литература XIX в., Н. А. Некрасов, романтизм, натуральная школа, жанр, нарратив, рецепция, мотив.

A. A. Fedotova

Parody in N. A. Nekrasov’s prose of the 1840s

The article deals with the question of studying N. A. Nekrasov’s works from the viewpoint of modern literary approaches. The relevance of the research appears obvious and immediate with the 200 anniversary of the writer's birthday coming soon. This article analyzes Nekrasov’s prose of the 1840s that has been poorly studied so far. The research centers around the comic novel «Makar Osipovich Random». The story is considered from the viewpoint of the creative dialogue the writer holds with the prosaic literature of romanticism which flourished in the 1830s. The central problem of the article is Nekrasov’s reception of romantic literature in the framework of individual creativity. The article explores the multi-style space of Nekrasov’s text in which a parody of a romantic layer is adjacent to descriptive fragments created in the spirit of natural school that increasingly interested the writer. The main aspects (compositional, narrative, figurative) of poetics in the story are considered. It allows the reader to see how and for what purpose the writer actualizes certain clichés of romantic literature. The result of the research is a detailed analysis of the ideas concerning the problems and poetics of early Nekrasov's prose, the mechanisms of enriching the writer's works with intertextual concepts, the originality of his receptive strategies. The author of the article concludes that there are two main stylistic layers in the story: parody-romantic and socio-physiological. There is no complex compositional relationship between them but they are adjacent, sometimes even contrasting one another. The narrator’s heterogeneity makes the reader constantly switch from one style to the other and only guess at the author’s point of view until the

© Федотова А. А., 2020

moralizing end of the work where Nekrasov dots the i's and crosses the t's. Nekrasov's parody is not intrinsically valuable but serves to assert new social ideals «by contradiction». There are no heroes in the novel who could be described as «positive». The author takes on this role expressing his thoughts with the help of an implicit narrator.

Keywords: Russian literature of the XIX century, N. A. Nekrasov, romanticism, natural school, genre, narrative, reception, motif.

1840-е гг. в творчестве Н. А. Некрасова были переломными. Когда в 1840 г. в Петербурге увидела свет книга «Мечты и звуки. Стихотворения Н. Н.», ее автору было 19 лет. Не получив той быстрой известности, на которую рассчитывал, Некрасов, молодой провинциал, приехавший покорять столицу, принялся – по выражению А. С. Немзера – за «изнурительный труд литература-профессионала, бравшегося подчас за самую черную работу» [Немзер, 1985, с. 443]. Как писал К. И. Чуковский, Некрасов «в 1840 и 1841 гг. написал столько стихотворений, рассказов, сказок, фельетонов <…> комедий, водевилей, сколько другому не написать во всю жизнь» [Чуковский, 1956, с. 17].

Раннее творчество Некрасова сегодня привлекает все большее внимание исследователей, однако прозаическое наследие писателя 1840-х гг. до настоящего времени изучено неравномерно. В последние годы наиболее плодотворно над этой проблемой работают Н. Л. Вершинина [Вершинина, 1991; Вершинина, 2001; Вершинина, 2004] и Г. А. Шпилевая [Шпилевая, 2006; Шпилевая, 2014; Шпилевая, 2018; Шпилевая, 2019]. Так, в монографии Г. А. Шпилевой [Шпилевая, 2006] рассматриваются структурные параметры различных прозаических жанров, в которых в эти годы активно работал Некрасов, автор указывает на неоднородность и разностильность ранней некрасовской прозы.

Современные исследования обращают внимание на необходимость изучения тех произведений Некрасова, которые находятся на границе «высокой» и «массовой» литературы [Кучерская, 2016]; [Шпилевая, 2014]. Действительно, Некрасов-прозаик – это автор не только знаменитых «Петербургских углов» (1845), которые стали одним из манифестов «натуральной школы», но и повествования о «Трех странах света», созданного совместно с А. Я. Панаевой, а также многочисленных произведений комического характера: «Макар Осипович Случайный» (1840), «Без вести пропавший пиита» (1840), «Двадцать пять рублей» (1841), «Карета» (1841), «Капитан Кук» (1841). Исследование последних произведений важно не столько для уяснения ценностной позиции раннего Некрасова, но прежде всего для понимания генезиса его индивидуального стиля, для поиска источников уникального новаторства лирики автора, к которой Некрасов стал все чаще обращаться с середины 1840-х гг., чтобы в основном расстаться с прозой в 1850-е.

В рамках данной статьи остановимся на анализе малоизученной ранней повести Некрасова «Макар Осипович Случайный». «Макар Осипович Случайный» был опубликован в знаковый для Некрасова 1840-й год – год уничтожения тиража сборника «Мечты и звуки» – в издании Ф. А. Кони «Пантеон русского и всех европейских театров». Рассмотрение повести в основных аспектах поэтики (композиционном, нарраториальном, образном) позволяет увидеть, каким образом произошло окончательное «прощание» Некрасова с романтизмом.

В повести «Макар Осипович Случайный» Некрасов обращается к традиционному для натуральной школы типу героя и сюжетной ситуации: центральные персонажи произведения – это два чиновника в поисках выгодного места службы. Во-первых, это господин Случайный, именем которого названа повесть и, во-вторых, некто по фамилии Зорин. Некрасов пытается представить «в разрезе» один из хорошо знакомых ему слоев петербургского общества, который автор определяет как «средний круг» [Некрасов, 1985, с. 5], подчеркивая, что общество «тянется непрерывной цепью через все ступени гражданской жизни» [Некрасов, 1985, с. 5].

Между тем, основное действие происходит в повести не в канцелярии, чего можно было бы ожидать, а во время бала и маскарада. В духе «физиологий» Некрасов дает обобщенную характеристику бала как общественного явления: «эти балы бывают довольно скучны, потому что большинство гостей стеснено аристократией», «балы этого

рода бывают обыкновенно у людей случайных, ставших, по заслугам или иначе, на видную степень» [Некрасов, 1985, с. 5]. В следующей главе автор детально препарирует разные типы «гостей» маскарада: «худощавого невысокого старичка, беззаботно стоящего у колонны» [Некрасов, 1985, с. 20], «очаровательную 17-летнюю девушку <…> которая привлекает всех» [3, с. 21], наконец, «высокую пожилую деву 27 лет» [Некрасов, 1985, с. 21] Характерно, что первые два развернутых абзаца этой главы, как показал Немзер, представляют собой выдержку из повести Н. Ф. Павлова «Маскарад».

При создании праздничного хронотопа писатель не ограничивается характеристикой типов посетителей бала и маскарада, но вводит свое произведение в контекст одного из наиболее влиятельных жанров 1830-х гг. – жанра светской повести. Последнее наиболее ярко проявляется в том, какие несколько эпизодов выбирает писатель для демонстрации их «крупным планом». Во-первых, это эпизод мазурки, во время которой молодой чиновник Зорин упускает возможность танца с супругой господина Случайного, который мог бы оказать ему протеже по службе. Во-вторых, сцена в доме Случайного, где Зорин, которому Случайный отказывает в месте, пытается соблазнить молодую супругу последнего. В-третьих, эпизод водевильного типа на маскараде, в котором Случайный преследует даму, принимая ее за свою жену. И, наконец, в 4 главе автор вновь «дает» крупным планом эпизод мазурки. На этот раз в комичном положении оказывается пожилой господин Случайный, который нелепо танцует с девушкой, давшей отказ стать супругой Зорину. Повесть имеет зеркальную композицию: пошедший «в рост» Зорин мстит господину Случайному и отказывает ему в протекции по службе («В эту минуту карета, в которой сидел Зорин, проехала мимо окон. Это напомнило Случайному что-то давно минувшее. Он вспомнил, как когда-то точно так же увидел из дверец своей кареты в приемной своей огорченного просителя. Все ему объяснилось!..» [Некрасов, 1985, с. 45]).

В динамичный любовный сюжет вовлечены все герои, он руководит и собственно читательским интересом. Некрасов настолько мастерски сопрягает любовную и социальную линии, что они совпадают в каждом из элементов сюжета. От завязки, когда Зорин ждет места и ожидает свою невесту, через кульминацию (циничное и доходящее почти до гротеска описания танца Случайного и бывшей невесты Зорина) до развязки – отказа от места, который теперь получил господин Случайный. Любовная и социальная линии объединяются и в ироничном авторском посткриптуме: «Жена Случайного подарила его, чрез несколько времени, прекрасным мальчиком, который очень похож – на отца…» [Некрасов, 1985, с. 45]. Выделение финальной фразы с помощью тире и многоточия напоминает читателю о романе жены господина Случайного с Зориным и намекает на реального отца сына героя. Очевидно, что каждый из ключевых для рассказа эпизодов имеет отчетливо мелодраматический характер и указывает на последовательную ориентацию Некрасова на светскую повесть.

Помимо занимательного сюжета и хронотопа, Некрасов перенимает у романтиков-прозаиков 1830-х гг. манеру повествования и особенности организации диалога с читателями. Для повести не характерна гомогенная фигура нарратора, одинаковая на протяжении всего повествования. В объективных повествовательных фрагментах, которые ориентированы на складывающийся канон натуральной школы, Некрасов прибегает к фигуре имплицитного недиегетического повествования: «Бал. Комнаты набиты самым пестрым народом. Много различных пехотинцев» [Некрасов, 1985, с. 5]. Подобный стиль наррации характерен и для фрагментов, выписанных Некрасовым у Павлова: «Посмотрите, например, на этого худощавого, невысокого старичка, беззаботно стоящего у колонны… Я беру его теперь в любопытную минуту вечера и, может быть, в самую счастливую минуту старости» [Некрасов, 1985, с. 20]. Главная функция резюме подобного рода традиционна для натуральной школы, это обобщение, типизация. Однако Некрасову такой вид наррации необходим и для того, чтобы продемонстрировать внутренний мир героев: «И как кстати я теперь явлюсь к нему, когда он уже предупрежден письмом! – думал Зорин. – Потом мои убеждения подкрепят письмо» [Некрасов, 1985, с. 7]. Так в произведении появляются элементы психологизма.

Для повести характерен и нарратор другого типа, в речи которого постоянны фрагменты такого рода: «Мне показалось, что Леленька сказала своим взглядом: вы бы не были без дамы. Может быть, я и ошибаюсь. Впрочем, я уверен, что она, несмотря на слова свои, рассердилась бы на Зорина и из мщения танцевала бы с гвардейцем… мщение извиняет все» [Некрасов, 1985, с. 9]. Бросаются в глаза конструкции с вероятностной модальностью («показалось», «может быть»), а также личные формы глаголов и местоимений. Эти дейктические элементы демонстрируют смену нарратора на эксплицитного, диегетического, не принимающего участия в действии (наблюдателя). Фигура такого нарратора характерна, например, для прозы А. Бестужева-Марлинского, она придает повествованию субъективность, иллюзию достоверности, особенную интимность, не свойственную произведениям, написанным в традициях натуральной школы.

Именно на этом уровне повествования появляется и фигура эксплицитного условного читателя, столь частая в прозе первой половины XIX века: «Нашего чиновника звали Зориным» [Некрасов, 1985, с. 6], «И вот наш Зорин» [Некрасов, 1985, с. 7], «Но зачем веду вас туда?» [Некрасов, 1985, с. 29], «Мы войдем в эту комнату без церемоний» [Некрасов, 1985, с. 29]. Благодаря использованию личных местоимений множественного числа Некрасов моделирует фигуру эксплицитного нарататора, придает повествованию интимность.

Наконец, третий вид нарратора в рассказе – это имплицитный повествователь сказового типа, фрагменты речи которого напоминают о сказовых повестях Н. В. Гоголя, творчество которого было досконально известно Некрасову. Показательно, что в повести, включающей достаточно много интертекстуальных элементов (Некрасов цитирует самые разные источники, от К. Н. Батюшкова и В. Л. Пушкина до Н.-Р. Лесажа и Дж. Г. Байрона) имя Гоголя не упоминается прямо. Однако в явно сказовой манере дано, например, ретроспективное описание господина Случайного: «А наш Случайный хоть и на медные деньги выучился, а бойко строчил, когда случалась оказия <…> И Случайный не засиделся <…> Это его, так сказать, послужной список; но и в домашних делах он был не менее счастлив <…> До густых эполет у него были различные любовишки» [Некрасов, 1985, с. 11]. В эпизоде нарратор представлен как непрофессиональный и творящий монолог на глазах слушателей, о чем свидетельствуют повторы и нарушения логики, скачки мыслей: «Ей, то есть жене, 19 лет; впрочем, я сказал уже это, извините за повторение. Теперь несколько слов о его наружности <…> но слышны шаги из другой комнаты» [Некрасов, 1985, с. 12].

На языковом уровне фрагменты выделяются большим количеством инверсий, включением лексики и конструкций разговорного стиля. О безусловном влиянии на раннего Некрасова гоголевского стиля свидетельствует и ряд детализированных описаний героев: «Струны лопались, натягивались новые, а между тем суетливая молодежь осаждала музыкантов вопросами <…> а какой-то франт, украшенный реденькими рыжеватыми усиками и лысиной, в синем фраке, с virtuti militari в петличке, кричал громче всех, прыгал и требовал Хлоповицкого» [Некрасов, 1985, с. 6], «Рыжие волосы, прикрывавшие его голову, были только на волос от перемены своего обыкновенного жилища, выражение лица было смешно и трогательно» [Некрасов, 1985, с. 24]. Фрагменты подобного рода, не связанные напрямую с сюжетом, придают повести комический и даже водевильный колорит.

Введение сказового нарратора в произведение, построенное по «канону» светской повести, усиливает общую юмористическую направленность «Макара Осиповича Случайного». В целом Некрасов начала 1840-х гг., безусловно, оценивает романтический жанр светской повести как уходящее в прошлое явление. Поэтому вполне целесообразно вести речь не только и не столько о заимствовании Некрасовым ряда героев и сюжетных ходов у писателей-романтиков, сколько о пародийной направленности произведения.

Пародия в «Макаре Осиповиче Случайном» направлена не только на жанровые клише светской повести, но и в целом на проблемное поле, свойственное романтическим текстам. Одними из тех проблем, которые были глубоко разработаны в романтической литературе и получили в них экзистенциальную окраску, были проблемы безумия, таинственного и роли рока в человеческой судьбе. В романтизме безумие, часто выступающее в роли метафоры особой свободы духа и являющееся

знаком творческой реализации, отчетливо эстетизировалось. Различные аспекты безумия в русском романтизме 1830-х – 1840-х гг. раскрывались в произведениях Н. А. Полевого («Блаженство безумия» (1833), «Эмма» (1834), В. Ф. Одоевского («Последний квартет Бетховена» (1830), знаменитых повестях Н. В. Гоголя («Невский проспект» (1833-34), «Нос» (1832-1833), «Записки сумасшедшего» (1834)).

Некрасов неоднократно упоминает о том, что главные герои его рассказа не вполне адекватно воспринимают изображенную в произведении действительность. Так, не получивший места Зорин «ненавидел все человечество; Случайный казался ему злым гением его жизни, которого назначение состояло в том, чтоб разрушать малейшую надежду, малейшую его попытку уловить счастие <…> опять впадал в неописанное беспокойство, душа его испытывала мучения пытки; все неудачи, все последствия их, даже непонятные улыбки Леленьки приписывал он коварству злого гения – Случайного» [Некрасов, 1985, с. 14]. В зеркально построенном эпизоде отказа от места – теперь уже в роли просителя выступает Случайный – Некрасов прибегает еще к более сильным выражениям: «Нужно ли говорить, что почувствовал Случайный, услыша эти роковые слова? <…> Его дергало, корчило, ежило, трясло как в лихорадке; сердце его, или, точнее, кусок карельской березы, обточенный наподобие сердца, готово было выпрыгнуть из груди и отравить черной злостью и желчью своей треть человечества, корыстолюбивая душа, съежившись в гривенник, ушла, как говорится, в пятки; физиономия обнажилась во всем своем безобразии» [Некрасов, 1985, с. 44].

У писателей-романтиков, а впоследствии у Гоголя безумие героя осмысляется как философская проблема. Так, у Гоголя безумная мания чина – один из часто встречающихся мотивов («Нос», «Ревизор», «Записки сумасшедшего»), который свидетельствует о нравственной деградации человека. У Некрасова мотив безумия переосмысляется в комическом ключе за счет несоответствия бытовой ситуации и того контекста, в которой она воспринимается героем. Так, в случае Зорина знаком безумного поведения героя выступает его отказ ангажировать даму на танец.

Пародийно осмысляются Некрасовым и романтические проблемы роли таинственного и рокового в человеческой жизни. Наиболее очевидны комические намеки на эти проблемы в главе, посвященной маскараду. Как точно отмечает В. А. Мильчина, «маскарад как исходная точка в развитии сюжета – традиционный мотив русской прозы 1830-х – 1840-х гг. [Некрасов, 1985, с. 458]. Некрасов сохраняет все внешние признаки маскарадного «нарратива» – таинственная незнакомка, погоня за ней влюбленного героя, уверенность Случайного в том, что под маской скрывается его супруга. Однако Некрасов обрисовывает сцену не в высоком драматическом ключе, а в низком, бытовом: погоня за маской завершается комическим эпизодом в гоголевском духе. Итогом последнего выступает ревизия в канцелярии Случайного и потеря им места. Некрасов до предела снижает ситуацию, отправляя господина Случайного «в буфет» «с горя выпить шампанского» [Некрасов, 1985, с. 24].

Мотив рока – в несколько сниженном виде – задается Некрасовым в названии повести. В фамилии героя «Случайный» отчетливо слышится лексема «случай». А. С. Немзер предложил такую трактовку названия: Некрасов использует говорящую фамилию, в XVIII веке случайными называли людей из низких сословий, сделавших неожиданно удачную карьеру» [Немзер, 1985, с. 458]. Согласно этой точке зрения, заглавие служит тому, чтобы создать эффект обманутого читательского ожидания и является средством выражения авторской иронии. Некрасов реализует в тексте устойчивые фразеологизмы: «попасть в случай», «вытянуть счастливый жребий».

Не менее интересен тот факт, что понятие «случай» как нельзя лучше характеризует принцип построения сюжета рассказа. В каждом из его эпизодов описан конкретный случай о поисках героем «удачи». Особенно не благоволит случай к господину Случайному в эпизоде маскарада. Принципиально, какую мотивировку Некрасов дает этой нерасположенности судьбы к герою в финальном монологе, написанном от лица имплицитного недиегетического нарратора (в этой нарраториальной форме Некрасов раскрывает наиболее близкие ему мысли): «В патетических местах трагедий талантливый актер, забывая себя, усваи-

вает себе характер и действия представляемого лица: в минуты душевных потрясений человек забывает притворство и является таким, каков в самом деле. Потому-то весь запас трусости, бесхарактерности и душевной низости ясно отразился на лице Случайного <…> в этом взгляде (взгляде Зорина – А. Ф.) он прочитал себе приговор страшный, неумолимый; он многое, многое напомнил ему. Ему показалось, что когда-то он уже встречал подобный взгляд; несколько минут Случайный был в отчаянном положении, близком к сумасшествию» [Некрасов, 1985, с. 44].

В этом патетическом монологе писатель, кажется, говорит словами писателя-романтика, но в сюжете рассказа он полностью выхолащивает их смысл, сохраняя лишь словесную оболочку. Действительно роковому случаю у М. Ю. Лермонтова или Дж. Г. Байрона, когда на кону находится жизнь и судьба героев, Некрасов противопоставляет поиски того, как быстро и без усилий попасть «в случай».

Пародия сама по себе является весьма сильным средством комического, однако Некрасов использует в рассказе и другие дополнительные приемы комизма:

1. Вымышленные автором эпиграфы. Например, эпиграф к первой главе: «- Милостивый государь! Как вы смели наступить мне на ногу и не извиниться?! Вы забываетесь! Из этого может выйти история!

- А по мне хоть география! Разговор на бале» [Некрасов, 1985, с. 5]. В основе эпиграфа – комизм положений («вы смели наступить мне на ногу») и языковой комизм, возникающий за счет каламбура и сниженной разговорной конструкции («а по мне хоть…»).

Кроме того, ко второй, самой абсурдной по содержанию главе о маскараде Некрасов дает почти гротескный эпиграф, который намекает на странность происходящих в главе событий: «Человек есть усовершенствованная обезьяна. Из записной книжки Ф.» [Некрасов, 1985, с. 17]. Эпиграфы – неизменная черта романтической прозы – у Некрасова имеют ярко выраженную юмористическую направленность.

2. Интертекстуальные элементы. Некрасов отсылает читателей к наиболее известным русским и зарубежным писателям-романтикам: К. Н. Батюшкову [Некрасов, 1985, с. 15], Дж. Г. Байрону [Некрасов, 1985, с. 29], Е. А. Баратынскому [Некрасов, 1985, с. 32]. Наиболее комична отсылка к творчеству А. А. Бестужева-Марлинского, романтическую прозу которого в основном и переосмысляет пародийно Некрасов. Она звучит в самом начале повести, настраивая «камертон» читателя на комическое восприятие описанных в рассказе событий: ««Извините мою жену!» – зазвенело в ушах Зорина, и, как звук страшной трубы, эти слова, проникая до мозга костей, раздирали, говоря a la Марлинский, тимпан его слуха» [Некрасов, 1985, с. 13]. Некрасов явно иронизирует над языковой манерой Марлинского, ставшей к тому времени одним из самых узнаваемых примет авторского стиля последнего.

С помощью интертекстуальности Некрасов прибегает и к комизму не самого высокого сорта. Так, описывая карьерный рост господина Случайного, Некрасов отмечает: «…справедливо кто-то сказал, что прямой талант везде найдет защитников» [Некрасов, 1985, с. 11]. Эта кажущаяся невинной фраза является неточным стихом из неподцензурной поэмы В. Л. Пушкина «Опасный сосед», который используется в описании публичного дома.

Прямая оценка Некрасовым изображенных в рассказе событий морализаторски заканчивает произведение. Характерно, что излагая близкие себе мысли Некрасов выбирает достаточно выразительный язык, для которого свойственно использование повторов («многое, многое»), инверсий («приговор страшный, неумолимый»), сравнений («трясло как в лихорадке»), метафор («сердце его, или, точнее, кусок карельской березы, обточенный наподобие сердца»). С помощью зеркальной композиции Некрасов ясно формулирует нравственный итог, к которому он приходит в рассказе: зло, нанесенное одному из героев (Зорину) возвращается к герою, его совершившему (господину Случайному).

Фактически не изученная исследователями повесть Некрасова «Макар Осипович Случайный» является пробой пера молодого писателя в качестве прозаика. Она основана на реальной истории. Еще В. П. Горленко писал, что в повести «рассказывается действительная история некоего чинов-

ника Сл-ского, наделавшая в то время некоторого шума в Петербурге» [Цит. по: Некрасов, 1985, с. 456]. Однако факт в некрасовской повести получает причудливое преломление, в котором описательность натуральной школы сочетается с комизмом водевиля и динамичным сюжетом мелодрамы. Некрасов еще, безусловно, не вполне самостоятелен, однако разного рода источники формируют в произведении оригинальный синтез.

Основный стилистических пластов в повести два: пародийно-романтический и социально-физиологический. Она не вступают в сложную композиционную связь, а соседствуют, порой даже противопоставляясь один другому. Гетерогенность нарратора заставляет читателя постоянно переключаться из одного стилевого регистра в другой и лишь догадываться об авторской точке зрения до самого финала произведения, когда в морализаторском итоге Некрасов расставит все точки над и. Пародия у Некрасова не самоценна, а служит для утверждения новых социальных идеалов «от противного». В произведении нет героев, которых можно было бы отнести в разряд «положительных». Эту роль берет на себя автор, выражая свои мысли с помощью фигуры имплицитного недиегетического нарратора.

Стиль ряда эпизодов повести, как и выбор Некрасовым героев-чиновников, указывает на то, что в момент написания повести Некрасов находился под влиянием Гоголя. Однако, несмотря на многие сходства, важно подчеркнуть принципиальную разность подходов писателей к важной для них обоих проблеме природы и форм комического. Если у Гоголя смех – это всегда «смех сквозь слезы», то у Некрасова едкая, а порой и злая насмешка, пронизывает все повествование. Неслучайно писатель с иронией заставляет читателя вспомнить стихотворение К. Н. Батюшкова «Счастливец», в трансформированном виде цитируя одну из его строчек («Сердце девы – кладезь мрачный»: «Сердце наше – кладезь мрачный: / Тих, покоен сверху вид, / Но спустись ко дну… ужасно! / Крокодил на нем лежит!» [Некрасов, 1985, с. 458]).

Библиографический список

1. Вершинина Н. Л. Анекдот и идиллия в структуре беллетристической прозы Н. А. Некрасова 1840-х гг. // Некрасовский сборник : к 180-летию со дня рождения Н. А. Некрасова. Санкт-Петербург : Наука, 2001. Т. 13. С. 104-108.

2. Вершинина Н. Л. Н. А. Некрасов о В. К. Тредиаковском // Чтения Отдела русской литературы XVIII века. 2004. № 3. С. 148-162.

3. Вершинина Н. Л. Проблема сатирического изображения в ранней прозе Некрасова и «романтическая ирония» // Двадцать шестая Некрасовская конференция : (к 170-летию со дня рождения). Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1991. С. 11-12.

4. Кучерская М. А. Байронизм Некрасова: к постановке проблемы // Карабиха: историко-литературный сборник. 2016. № 9 (9). С. 8-25.

5. Некрасов Н. А. Избранная проза. Москва : Правда, 1985. 480 с.

6. Немзер А. С. Поэт и проза // Некрасов Н. А. Избранная проза. Москва : Правда, 1985. 480 с.

7. Чуковский К. И. Н. А. Некрасов // Некрасов Н. А. Полное собрание стихотворений в 3 т. Т. 1. Ленинград : Советский писатель, 1956. 684 с.

8. Шпилевая Г. А. Беллетристика Н. А. Некрасова в свете эйхенбаумовской концепции «массовой литературы» // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2014. № 4 (265). С. 95-96.

9. Шпилевая Г. А. Динамика прозы Н. А. Некрасова. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. 271 с.

10. Шпилевая Г. А. О мифотворчестве Н. А. Некрасова (автомиф, формирование образов национального мифа в прозе 1840-50-х годов и их коррекция в зрелой лирике писателя) // Филология и культура. 2019. № 2 (56). С. 260-265.

11. Шпилевая Г. А. Стилистическая эклектика русской прозы 1840-х годов: путь к реализму (на материале произведений молодого Н. А. Некрасова) // Русская и немецкая литература – взаимодействие культур Материалы осенней научной школы-конференции ВГПУ. Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2018. С. 123-127.

Reference List

1. Vershinina H. L. Anekdot i idillija v strukture belletristicheskoj prozy H. A. Nekrasova 1840-h gg. = Anecdote and Idyll in the Structure of Fiction Prose by Nikolai Nekrasov of the 1840s. // Nekrasovskij sbornik : k 180-letiju so dnja rozhdenija H. A. Nekrasova. Sankt-Peterburg : Nauka, 2001. T. 13. S. 104-108.

2. Vershinina H. L. N. A. Nekrasov o V. K. Trediakovskom = Nikolai Nekrasov about Vasily Trediakovsky // Chtenija Otdela russkoj literatury XVIII veka. 2004. № 3. S. 148-162.

3. Vershinina N. L. Problema satiricheskogo izobrazhenija v rannej proze Nekrasova i «romanticheskaja

ironija» = The Problem of Satirical Image in Nekrasov's Early Prose and "Romantic Irony"// Dvadcat' shestaja Nekrasovskaja konferencija : (k 170-letiju so dnja rozhdenija). Jaroslavl' : Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1991. S. 11-12.

4. Kucherskaja M. A. Bajronizm Nekrasova: k postanovke problemy = Nekrasov's Byronism: to the Problem Statement // Karabiha: istoriko-literaturnyj sbornik. 2016. № 9 (9). S. 8-25.

5. Nekrasov N. A. Izbrannaja proza. = Selected Prose. Moskva : Pravda, 1985. 480 s.

6. Nemzer A. S. Pojet i proza = Poet and Prose // Nekrasov N. A. Izbrannaja proza. Moskva : Pravda, 1985. 480 s.

7. Chukovskij K. I. N. A. Nekrasov = Nikolai Nekrasov // Nekrasov N. A. Polnoe sobranie stihotvorenij v 3 t. T. 1. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1956. 684 s.

8. Shpilevaja G. A. Belletristika N. A. Nekrasova v svete jejhenbaumovskoj koncepcii «massovoj literatury» = Nekrasov's Fiction in the Light of the Eichenbaum's Concept of "Mass Literature" // Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2014. № 4 (265). S. 95-96.

9. Shpilevaja G. A. Dinamika prozy N. A. Nekrasova. = The Dynamics of Nekrasov's Prose. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2006. 271 s.

10. Shpilevaja G. A. O mifotvorchestve N. A. Nekrasova (avtomif, formirovanie obrazov nacional'nogo mifa v proze 1840-50-h godov i ih korrekcija v zreloj lirike pisatelja) = On Nekrasov's Myth-Making (auto-myth, formation of national myth images in prose of the 1840-50s and their correction in the writer's mature lyrics) // Filologija i kul'tura. 2019. № 2 (56). S. 260-265.

11. Shpilevaja G. A. Stilisticheskaja jeklektika russkoj prozy 1840-h godov: put' k realizmu (na materiale proizvedenij molodogo N. A. Nekrasova) = The Stylistic Eclecticism of Russian Prose of the 1840s: the Path to Realism (based on the works by young Nekrasov) // Russkaja i nemeckaja literatura – vzaimodejstvie kul'tur Materialy osennej nauchnoj shkoly-konferencii VGPU. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 2018. S. 123-127.

УДК 82

Ю. А. Филонова **https://orcid.org/0000-0001-9582-1888**

Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно»

Для цитирования: Филонова Ю. А. Изображение внутреннего мира ребенка-инвалида в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 36-42. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-36-42

В статье впервые предлагается развёрнутое исследование особенностей психологизма в одной из последних повестей А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» (2009). Научная новизна и актуальность работы определяется и тем, что изображение внутреннего мира нового для А. Лиханова типа героя – ребенка-инвалида – еще не становилось предметом специального изучения в литературоведении.

Констатируя тот факт, что обращение к жизни ребенка-инвалида – достаточно редкая для детской и подростковой литературы тема, мы сопоставляем повесть А. Лиханова с произведениями Т. Ш. Крюковой «Костя + Ника =» и Е. В. Мурашовой «Класс коррекции».

В отличие от произведений Т. Ш. Крюковой и Е. В. Мурашовой в повести А. А. Лиханова нет сентиментальности. Создается реалистичный образ ребенка, преодолевающего тяжелые испытания. Основу его характера составляет терпение. Одиночество, изолированность от внешнего мира, общества ровесников «переключают» героя на общение с книгами, природой, взрослыми членами семьи. Развитое воображение, внимание к обыденным вещам, размышление над ними позволяют ребенку увидеть интересное в самых незаметных и неожиданных для обычного человека предметах, явлениях. Наблюдательность, чуткость к проявлениям чувств окружающих людей, жизни природы расширяют границы его мира.

В повести использована прямая форма психологического изображения: герой сам раскрывает свой внутренний мир. Среди приемов психологизма следует выделить организацию повествования от первого лица; называние героем своих чувств и описание своих поступков, поведения, их мотивов; передачу внутреннего состояния через детали речи (в том числе внутренней), вещного мира, портрета, пейзажа; использование образов–метафор для передачи мысли и чувства); цветопись.

Ключевые слова: психологизм, А. А. Лиханов, формы и приемы создания психологизма.

Y. A. Filonova

Description of a disabled boy's inner world in A. A. Likhanov's story «The Boy who Feels No Pain»

The article is the first one to present a complex study of the specific features of psychologism in one of A. A. Likhanov’s recent stories – «The Boy who Feels No Pain» (2009). The inner world of a disabled boy – a hero type entirely new for the writer – has never been in the focus of previous literary research, which defines the novelty and relevance of the study in hand.

The author indicates that the life of a disabled child has rarely been used as the subject of literature for children and young adults. In this regard A. Likhanov’s story can be put into comparison with «Kostya+Nika=» by T. Sh. Kryukova and «Remedial Class» by E. V. Murashova.

In contrast to the works of T. Kryukova and E. Murashova, A. Likhanov’s story is not sentimental creating a realistic image of a child facing most severe challenges. Patience is the core of his character. Loneliness as well as isolation from the outer world and peers makes him turn his attention to reading, communing with nature and communicating with adult family members. The boy’s vivid imagination, scrutiny of and reflection on trivial matters allow him to see unusual and surprising things hidden from ordinary people’s eye. His power of observation, empathy and sensitivity to nature expand the boundaries of the boy’s world.

The writer uses a direct form of psychological characterization, where the boy himself is revealing his inner world. The psychologism techniques comprise first-person narration; hero’s verbal expression of feelings, description of behaviour and its motives; indication of the state of mind through speech nuances (including inner speech), details of the material world, portraits and scenery; metaphors revealing thoughts and feelings; colour rendering.

Keywords: psychologism, A. A. Likhanov, forms and techniques of psychologism conveyance.

© Филонова Ю. А., 2020

Значительным событием в творческой биографии А. А. Лиханова нулевых – две тысячи десятых годов стала публикация повести «Мальчик, которому не больно» (2009). Повесть продолжает основную тему творчества Лиханова – трагедии детства. Как и герои других произведений писателя, герой «Мальчика, которому не больно» сталкивается со злом, предательством, равнодушием. Однако к этим испытаниям добавляется еще одно: неизлечимая болезнь. Лиханов создает тяжелейшую сюжетную ситуацию: на маленького Мальчика, больного детским церебральным параличом, не чувствующего ног, жизнь обрушивает еще удар – мать оставляет семью, чтобы родить ребенка в новом браке. Такого потрясения не выдерживают и взрослые члены семьи: Папа погибает в аварии, Бабушка попадает в больницу с тяжелым сердечным приступом. Но оставшийся в одиночестве ребенок не только выживает в мучительных условиях интерната, но и обретает чувствительность ног, а с ней – надежду на лучшее.

Что же помогает выстоять в такой ситуации? Каким видит А. Лиханов внутренний мир, психологию ребенка-инвалида? Какими приемами изображает его состояние, переживания, чувства? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Повесть «Мальчик, которому не больно» еще не получила достаточного рассмотрения в литературоведении. Исследователи обращаются к ней в контексте анализа произведений о горьких детских судьбах: Т. А. Федяева [Федяева, 2015, с. 6-11], Л. У. Звонарева [Звонарева, 2015, с. 87-97] дают отсылки к повести, обращаясь к разбору таких произведений А. Лиханова, как «Сломанная кукла», «Слётки», «Никто». Н. Ю. Жуланова в статье «Рыцарь детства: о парных книгах А. Лиханова» [Жуланова, 2015, с. 78-86] анализирует сюжет, нравственную проблематику повести, рассматривает некоторые приемы поэтики. К изучению же мастерства А. А Лиханова в раскрытии внутреннего мира ребенка-инвалида пока делаются первые подходы [Филонова, 2019, с. 91-96].

Актуальности нашего исследования способствует и тот факт, что изображение жизни ребенка-инвалида – достаточно редкое явление в детской и подростковой литературе. Книги на эту тему можно перечесть по пальцам, и не каждому автору удается правдиво сказать о трагедии ребенка. Например, повесть Т. Ш. Крюковой «Костя + Ника =» (1996) [Крюкова, 2001] о любви между мальчиком из небогатой семьи и больной девочкой, неспособной ходить, дочерью преуспевающего художника, часто вызывает негативные высказывания. Критики указывают на «незнание правды о больном человеке и даже намеренную неправду о его психологии», говорят о том, что «читать эту „мыльную оперу" смешно и неприятно» [Распопин, 2019а].

На наш взгляд, Т. Крюкова создает образ несчастной девочки-подростка, целиком следуя «заезженным» мелодраматическим клише: за внешней капризностью, резкостью, жалостью к себе скрывается ранимая, жаждущая любви и понимания душа. Образ Ники трудно назвать характером: в нем нет индивидуальности, в повести отсутствует художественное исследование психологии, внутреннего мира ребенка-инвалида.

Содержание и язык произведений Т. Крюковой жестко оценивает и О. Громова, главный редактор журнала «Библиотека в школе». В предисловии к статье О. Корф «О книгах Т. Крюковой» она указывает на штампы, неуместные красивости, «языковое дурновкусие» в текстах писательницы [Корф, 2008].

Разноречивые критические оценки высказываются и в адрес повести Е. В. Мурашовой «Класс коррекции» [Мурашова, 2007] о трагической судьбе мальчика Юры, прикованного к инвалидному креслу. По словам В. Н. Распопина, критика и обозревателя Новосибирской областной детской библиотеки им. А. М. Горького, «Юра получился слишком линейным, слишком, с первых страниц, обречённым и в итоге безжизненным. Впрочем, тут, думаю, не вина писательницы, а её беда. НЕ ЧИТАЕТСЯ вся эта фэнтезийная история как несбыточная мечта о невозможном счастье несчастного мальчишки-инвалида, а видится как пришитые друг к другу наспех белыми нитками тетрадки из разных книжек» [Распопин, 2019б]. Л. Тибонье рассматривает повесть как «приглашение читателя-подростка к работе над собой, урок в преодолении внутренних конфликтов и травм, возможность найти ключи к решению своих личных психологических проблем» [Тибонье, 2015, с. 160].

Художественная убедительность, правдивость произведений А. Лиханова не вызывает сомнений ни у литературоведов, ни у критиков. Его коллега по писательскому цеху В. Железников утверждает: «Лиханов не спекулирует на горестях жизни, на откровенности, на интимном. От откровенности он идет к откровению» [Железников, 2015, с. 5]. В творчестве писателя обнаруживается живая связь с духовным и художественным миром русских классиков: Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева и

Ф. М. Достоевского [Железников, 2015, с. 6].

Безусловно, А. Лиханов, создавая образ ребенка, страдающего детским церебральным параличом, не следует буквально психофизиологическим характеристикам детей с ДЦП, данным в медицинской литературе. Психика героя основывается на авторском замысле, неизбежно являясь художественной условностью.

Рассматривая приемы создания внутреннего мира героя, мы будем использовать термин «психологизм». В отечественном литературоведении проблему художественного психологизма исследовали Г. Н. Поспелов [Поспелов, 1970], В. В. Компанеец [Компанеец, 1980], И. В. Страхов [Страхов, 1973], Л. Я. Гинзбург [Гинзбург, 1971], А. Б. Есин [Есин, 2003], [Есин, 1988] и др. В понимании термина мы опираемся на определение А. Б. Есина: «Психологизм – это достаточно полное, подробное и глубокое изображение чувств, мыслей и переживаний вымышленной личности (литературного персонажа) с помощью специфических средств литературы» [Есин, 1988, с. 18].

Исследователи говорят о двух доминирующих формах психологизма в литературе:

1. Изображение внутренней жизни человека «извне», с точки зрения стороннего наблюдателя, через описание, характеристику внешних проявлений тех или иных эмоций, состояний – мимика, жест, поступок, психологический портрет и пейзаж и т. п. Читатель должен осмыслить, сопоставить предложенные ему факты и сделать выводы о том, что происходит в душе героя произведения – *косвенная форма*.

2. Герой раскрывается «изнутри» – через внутренний монолог, исповедь, дневники, письма, в которых он сам рассказывает о своем состоянии, либо через прямые авторские комментарии, размышления о чувствах персонажа – *прямая форма*.

А. Б. Есин указывает на возможность еще одного, третьего способа сообщить читателю о мыслях и чувствах персонажа – с помощью называния, предельно краткого обозначения тех процессов, которые протекают в его внутреннем мире, и предлагает назвать такую форму психологизма «*суммарно-обозначающей*» [Есин, 1988, с. 13]. «Суммарно-обозначающая» форма не предполагает аналитических усилий со стороны читателя – чувство точно названо, обозначено.

Помимо форм литературоведы выделяют *приемы* и *способы* изображения внутреннего мира человека. О сложности систематизации приемов и способов психологизма в литературе свидетельствует попытка исследования этой проблемы в работах А. Б. Есина. Он отмечает, что существует множество приемов психологического изображения: это и организация повествования, и использование художественных деталей, психологический анализ и самоанализ, внутренний монолог, пейзаж и др.

Все названные формы и приемы создания психологизма существуют как во взрослой, так и в детской (подростковой) литературе.

В повести «Мальчик, которому не больно»» использована прямая форма психологического изображения: герой сам раскрывает свой внутренний мир. Он прямо называет свои чувства, эмоции, говорит о своем состоянии. Среди приемов психологизма следует выделить

− организацию повествования от первого лица: герой одновременно выступает и в качестве рассказчика;

− называние героем своих чувств и описание своих поступков, поведения, их мотивов;

− передачу внутреннего состояния через детали речи (в том числе внутренней), вещного мира, портрета, пейзажа;

− использование метафорических образов для передачи мысли и чувства);

− цветопись.

Покажем их проявления в произведении.

Повествование от первого лица дает возможность услышать голос самого ребенка, увидеть его внутренний мир непосредственно, вне авторского объяснения его поступков и переживаний. Мальчику (у героев повести нет имён собственных, это обобщенные образы ребенка, Папы, Мамы, Бабушки, Священника), вероятно, около семи лет. Точного указания на возраст нет, но по некоторым деталям его можно восстановить: в одном из эпизодов говорится, что герой должен пойти в школу; в другом – упоминается, что третьеклассники, которых приводят к нему для общения, старше Мальчика на два-три года.

Однако порой при чтении возникает чувство, что повествование ведется взрослым человеком – умным, с большим жизненным опытом, хорошо образованным, тонко чувствующим слово. Вот, например, одна из пейзажных зарисовок: «Трава, пробиваясь острыми копьями сквозь прошлогодние пожухлые листья, взлетает ввысь, застилая землю ковром, и так вокруг ясно и чисто, что мне почему-то хочется плакать» [Лиханов, 2009]. Трудно поверить, что так думает и говорит ребенок 6-7 лет. Или в философских разговорах с Папой и Бабушкой встретится его сентенция: «Дети бывают глупы, потому что не знают. А взрослые –

потому что знают». Папа даже переспрашивает сына: «Как-как?» [Лиханов, 2009]

Можно рассматривать эти фрагменты как примеры несоответствия мышления и речи возрасту героя, но мы объясняем эту «взрослость» авторской убежденностью в том, что болезнь обостряет эмоции, усиливает переживания, делает более зрелым ум. Не случайно Мальчик объясняет: «Наверное, они [*герои-взрослые*] не думали, что больные люди могут оказаться чувствительнее их. Догадливее. Смышлёнее.

Болезнь лишает человека чего-то важного в одном месте. Зато добавляет в другом.

Слепые, я думаю, лучше слышат. А глухие лучше видят.

А могут ли, к примеру, дети с церебральным параличом лучше соображать? Уверен в этом» [Лиханов, 2009].

Болезнь сделала Мальчика и гораздо более терпеливым, чем сверстники. Терпение как одна из черт его характера лейтмотивом проходит через все произведение: о терпении он разговаривает с паучком, с Бабушкой, с другими детьми в интернате:

— Я восхищаюсь твоим терпением, Чок! – говорил я ему. И говорил за него в ответ:

— Так уж всё устроено, Чик. И у нас, и у вас. Надо терпеть. Тот, кто не может вытерпеть, погибает [Лиханов, 2009].

Лишь раз прорывается в нём ропот на свое положение: «…Что со мной будет? Вот пройдет Ангина, исчезнет, отбежит в сторону. Но никуда не уходил Паралич-Параличевич.

Какое же у него нерусское имя! И какой он неотступчивый, в конце-то концов! Что мне делать, если он схватил меня за ноги и держит их изо всех сил! Почему я всю жизнь должен лежать в кровати, так и не научившись ходить? За какие-такие мои провинности и грехи?

Их у меня нет!» [Лиханов, 2009].

Недетский ум и чувствительность объясняются и постоянным одиночеством Мальчика. Да, рядом семья: часто заходит в комнату Бабушка, вечером приходит Папа, изредка забегает Мама, но … «…я один в своей комнате», «Я снова один, как Чок в своём гамаке» [10]. Одиночество располагает к тому, чтобы постоянно о чем-то думать. Мальчик так и говорит о своем времяпрепровождении: «Подумаю, почитаю». Степень одиночества героя такова, что его другом становится … паучок, который свил паутинку рядом с тумбочкой. С ним Мальчик разговаривает, о нем думает и заботится. В размышлениях о паучке виден сам процесс «думания» ребенка, его умения подобрать нужное, точное слово: «Зачем он сделал эту свою сеть?

И так ясно – чтобы поймать кого-нибудь. Какую-нибудь мошку, муху, комара, моль. Вообще, что-нибудь живое. Поймать – и съесть. Вернее, высосать соки.

Насытиться (курсив наш. – Ю. Ф.). Вот.

Не скажешь же – пожрать, полопать или даже – покушать. Все эти слова не подходят.

А насытиться? Пожалуй, подходит. И для чего – ясно: чтобы жить [Лиханов, 2009].

После знакомства с таким размышлением, поиском нужного слова красивые пейзажные зарисовки или умные мысли уже не кажутся несоответствием.

Богатый словарь, книжные обороты речи происходят от любви к чтению, которую привили Мальчику Папа и Бабушка: «Папа прочитал мне много сказок и вместе с Бабушкой выучил грамоте. Теперь я люблю читать. Папа – единственный человек, который привозит мне новые цветные книги – ведь бабушка не выходит из дому из-за меня, а Мама работает допоздна» [Лиханов, 2009].

Одиночество и чтение развили в герое необычайную наблюдательность, внимание ко всему, что окружает. Мальчик замечает мельчайшие изменения в мире семьи, для этого ему достаточно одной детали: надпись «Мальчику» на шоколадке, сделанная не маминой рукой, щетина на щеках у Папы, новый звук бабушкиных тапочек при ходьбе красноречиво говорят о горе, обрушившемся на семью после маминого предательства. Внимательный взгляд Мальчика усиливается говорящей деталью: один из любимых предметов героя – лупа, «чудесная линза в золотом ободке с белой ручкой» [Лиханов, 2009], через которую он разглядывает Чока.

Детали внешнего мира, пейзажа также связаны с внутренним миром героя, здесь уместно говорить о приёме психологического параллелизма: «А в тот раз, когда мы покормили Чока и ушли, было ещё холодновато. Сияло вечернее солнце, повесили головки подснежники. Настало время между ночью и вечером. По имени «сумерки».

Сумерки были и на душе – и у меня, и у Папы. А я не хотел, чтобы они были не только в природе, но и на душе» [Лиханов, 2009].

Созвучие чувств ребенка и состояния природы очевидно в этом эпизоде.

Помимо наблюдательности герой обладает и богатым воображением: так, он представляет ангину в виде женщины, «белой, как пломбир, в широком кружевном платье – одной рукой по-

старинному держалась за край подола, а улыбка у неё была холодная, даже мёрзлая, совсем застывшая, неживая» [Лиханов, 2009].

Вполне естественно, что такой умный, наблюдательный, с развитой речью ребенок может точно выразить в слове чувства и переживания, владеющие им. В каждом важном с психологической точки зрения эпизоде Мальчик называет свои чувства. Например, когда перестала приезжать Мама: «*Я не хмурился, не злился, не плакал*. Я просто просил Бабушку отложить посылку в сторону»; или когда в семье начались тревожные для Мальчика разговоры: «*Меня охватил какой-то озноб от этого обсуждения.* В первый раз обо мне при мне говорили как об отсутствующем»; «*Я сразу сжался.* Я совсем в кокон свернулся. Была бы моя воля, замотался бы бинтами с головой. Или хотя бы одеялом накрылся» [Лиханов, 2009].

Еще один приём изображения мыслей и чувств Мальчика – образы-метафоры. Первой появляется метафора подземного озера. Так называет Мальчик больницу, в которую его отправляют «усиленно лечить». Попав туда, дети становятся «невидимками» для обычных здоровых людей: «Не видно же в песочницах детей, завербованных Церебральным Параличом. Нету в детсадах ракушников – больных раком. Нету вичей, ВИЧ-инфицированных, есть такая неизлечимая зараза. А туберкулезников вы видали?» Герой представляет, что неизлечимо больные дети «сливаются» через огромную трубу в это подземное озеро и «бултыхаются в нём при свете факелов – в тёплой, морской, очень прозрачной воде» [Лиханов, 2009].

Одно упоминание о том, что нужно будет снова туда лечь, вызывает у рассудительного, спокойного ребенка истерику. Причина такой реакции в том, что в больнице особенно остро сознается невозможность излечения, в поведении медиков Мальчик видит лишь «беспомощное враньё», а на их лицах – «лживые медицинские улыбки». Безысходность, ощущение того, что ещё при жизни оказываешься в темноте подземного озера, передаёт эта страшная метафора.

Контраст, которым заканчивается глава, придает особую силу переживаниям Мальчика. Его ждет «подземное озеро», а Мама вместо того, чтобы быть с ним, улетает на Лазурный берег. Солнечный свет, благополучие, здоровье так и исходят от этого словосочетания.

В одной из заключительных глав появляется метафора черного поля. Произносит эти слова Священник, навещая Мальчика в интернате: «Ты многое умеешь, но теперь надо поучиться другому: перейти это… чёрное поле». Метафора не только воплощает все беды, которые пришлось пережить ребенку: предательство матери, смерть отца, болезнь бабушки, но и передает его внутреннее ощущение черноты жизни: «Я переворачивался с боку на бок в своей черноте, я валялся в ней. Мне не хватало воздуха и света. Их не было вообще» [Лиханов, 2009].

Одна из самых ярких метафор, рисующих психологическое состояние героя – метафора порога. Такое название – «Порог» – дано последней главе повести, отчего значение образа усиливается. В литературе, философии порог – символ перехода, переходного состояния человека. Часто – перехода в мир иной. Однако для Мальчика этот порог, «порожек» – олицетворяет не смерть, а жизнь, новое рождение: «Я ползу через него, к нему тесно прижимаясь зачем-то. < > Ползу, обдираясь. Причем больно не только животу, плечам, рукам, но и спине тоже. Будто сверху такой же шершавый порожек. И по бокам. Словно пролезаю я через какой-то плохо обработанный деревянный ящик». Боль, выход наружу и – встреча с матерью, не во сне, наяву: «И Мама кричит, обнимая меня: – Слава Богу! Ему больно!» [Лиханов, 2009]. Развязка повести – хэппиэнд, свершившееся чудо. Оно настолько поражает Мальчика, что в душе его соединяются два противоположных чувства: «Я в ужасе. И в восторге» [Лиханов, 2009].

Цветопись также становится приемом передачи эмоций и чувств. Особенно контрастны цвета в финальной главе. Дверь в палату становится границей света и тьмы: «И тут я вижу, что дверь в нашу палату раскрывается.

У нас – темно, а там, в коридоре, ярко горит лампочка, и она освещает сверху фигуру Батюшки». На черном фоне рясы еще более ярким становится свет от золотого креста: «широкие рукава его чёрной одежды почти закрывают дверь, и на его груди сияет золотой крест» [Лиханов, 2009].

Не только золотой крест, – «всё сияет» в этой сцене: золотая риза богородицы на иконе, серебряный плащ матери, даже боль, «как молния», пронзает героя. Свет пронизывает героя даже изнутри: «И тут всё во мне вспыхивает». Это не только вспышка боли, это свет надежды на исцеление, не только физическое, но и душевных ран.

Таким образом, в повести создается образ ребенка, преодолевающего тяжелые испытания, способного побороться за свою жизнь. Основу этой силы составляет терпение – качество, часто несвойственное, незнакомое ребенку здоровому. Внутренний мир больного ребенка оказывается не

менее, а порой и более богатым, чем у его обычного сверстника. Одиночество, изолированность от внешнего мира, общества ровесников «переключают» его на общение с книгами, природой, взрослыми членами семьи. Развитое воображение, внимание к обыденным вещам, размышление над ними позволяют ребенку увидеть интересное в самых незаметных и неожиданных для обычного человека предметах, явлениях, найти друга даже в паучке. Наблюдательность, чуткость к проявлениям чувств окружающих людей, жизни природы расширяют границы его мира.

А. А. Лиханов использовал в повести как традиционные для литературы приемы создания психологизма: повествование от первого лица; детали речи, портрета, пейзажа, вещного мира; называние чувств, состояния, переживаний, так и специфические, свойственные его писательскому мастерству: цветопись, образы-метафоры. Комплекс этих приемов многосторонне изображает внутренний мир ребенка-инвалида, а также воздействует на читателя, который проникается к герою не только и не столько жалостью, сколько сочувствием и уважением.

Библиографический список

1. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Ленинград : Советский писатель, 1971. 464 с.

2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. Москва : Флинта, Наука, 2003. 248 с.

3. Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы Москва : Флинта, НОУ ВПО «МПСИ», 1988. 176 с.

4. Жуланова Н. Ю. Рыцарь детства: о парных книгах А. Лиханова // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 78-86.

5. Железников В. К. К 80-летию А. А. Лиханова // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 5-6.

6. Звонарева Л. У. Сострадательное наклонение по Альберту Лиханову // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 87-97.

7. Компанеец В. В. Художественный психологизм в советской литературе (1920-е годы). Ленинград : Наука: Ленингр. отделение, 1980. 113 с.

8. Корф О. О книгах Тамары Крюковой // Библиотека в школе. 2008. № 19. URL: https://lib.1sept.ru/index.php?year=2008&num=19 (дата обращения: 10.09.2019)

9. Крюкова Т. Ш. Костя+ Ника. Москва :АСТ, Астрель, 2001. 320 с.

10. Лиханов, А. А. Мальчик, которому не больно. URL: https://royallib.com/book/lihanov_albert/ malchik_kotoromu_ne_bolno.html (дата обращения: 03.02.2020)

11. Мурашова Е. В. Класс коррекции. Москва : Самокат, 2007. 192 с.

12. Поспелов Н. Г. Проблемы литературного стиля. Москва : МГУ, 1970. 330 с.

13. Распопин, В. Н. О плохом романе, хороших страшилках и замечательном путешествии на остров, где откармливают лемуров. URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (дата обращения: 05.09.2019а)

14. Распопин В. Н. Полоса отчуждения Екатерины Мурашовой, или Три ступени вниз по лестнице, которая должна была вести вверх (повести «Обратно он не придёт!»; «Барабашка – это я»; «Класс коррекции», «Гвардия тревоги»). URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (дата обращения: 05.09.2019б)

15. Скафтымов А. П. О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого // Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. Москва : Художественная литература, 1972. 543 с.

16. Страхов И. В. Психологический анализ в литературном творчестве. В 2 ч. Ч. 1. Саратов, 1973. 118 с.

17. Тибонье Л. Путешествие к истокам психики в повестях Ольги Колпаковой «Как рассердилась кикимора» и Екатерины Мурашовой «Класс коррекции» // Детские чтения. 2015. Т. 8. № 2. С. 160-172.

18. Федотова Е. В. Герой и время в повестях А. Лиханова // Тверской государственный университет. Тверь, 2006.

19. Федяева Т. А. Детство как территория счастья и трагедии // Вестник детской литературы. 2015. Вып. 10. С. 6-11.

20. Филонова Ю. А. Приёмы создания психологизма в повести А. А. Лиханова «Мальчик, которому не больно» // Детская книга: издательские стратегии и актуальные читательские практики. Ярославль, 2019. С. 91-96.

Reference List

1. Ginzburg L. Ja. O psihologicheskoj proze. = On Psychological Prose. Leningrad : Sovetskij pisatel', 1971. 464 s.

2. Esin A. B. Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija. = Principles and Techniques of Analysis of a Literary Work. Moskva : Flinta, Nauka, 2003. 248 s.

3. Esin A. B. Psihologizm russkoj klassicheskoj literatury. = Psychologism of Russian Classical Literature. Moskva : Flinta, NOU VPO «MPSI», 1988. 176 s.

4. Zhulanova N. Ju. Rycar' detstva: o parnyh knigah A. Lihanova = Knight of Shildhood: about Albert Likhanov's Paired Books // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 78-86.

5. Zheleznikov V. K. K 80-letiju A. A. Lihanova = On Occasion of Albert Likhanov's 80th Anniversary // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 5-6.

6. Zvonareva L. U. Sostradatel'noe naklonenie po Al'bertu Lihanovu = Compassionate Mood by Albert Likhanov // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 87-97.

7. Kompaneec V. V. Hudozhestvennyj psihologizm v sovetskoj literature (1920-e gody). = Artistic Psychologism in the Soviet Literature (1920s). Leningrad : Nauka: Leningr. otdelenie, 1980. 113 s.

8. Korf O. O knigah Tamary Krjukovoj = On Books by Tamara Kryukova // Biblioteka v shkole. 2008. № 19. URL: https://lib.1sept.ru/index.php?year=2008&num=19 (data obrashhenija: 10.09.2019)

9. Krjukova T. Sh. Kostja+ Nika. = Kostya+Nika. Moskva :AST, Astrel', 2001. 320 s.

10. Lihanov, A. A. Mal'chik, kotoromu ne bol'no. = The Boy who Feels No Pain. URL: https://royallib.com/book/lihanov_albert/malchik_kotoromu_ne_bolno.html (data obrashhenija: 03.02.2020)

11. Murashova E. V. Remedial Class Klass korrekcii. Moskva : Samokat, 2007. 192 s.

12. Pospelov N. G. The Problems of Literary Style = Problemy literaturnogo stilja. Moskva : MGU, 1970. 330 s.

13. Raspopin, V. N. O plohom romane, horoshih strashilkah i zamechatel'nom puteshestvii na ostrov, gde otkarmlivajut lemurov. = About a Bad Novel, Spook Stories and a Remarkable Trip to the Island where They Feed Lemurs. URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (data obrashhenija: 05.09.2019a)

14. Raspopin V. N. Polosa otchuzhdenija Ekateriny Murashovoj, ili Tri stupeni vniz po lestnice, kotoraja dolzhna byla vesti vverh (povesti «Obratno on ne pridjot!»; «Barabashka – jeto ja»; «Klass korrekcii», «Gvardija trevogi»). = The Isolation Space of Ekaterina Murashova, or Three Steps down the Stairs, which was Supposed to Lead up (the stories ‘He will not come back!’; ‘The Boggart is me’; ‘Remedial Class’, ‘Anxiety Guard’). URL: www.maxlib.ru/page.php?article=45 (data obrashhenija: 05.09.2019b)

15. Skaftymov A. P. O psihologizme v tvorchestve Stendalja i L. Tolstogo = On Psychologism in the Works by Stendhal and Leo Tolstoy // Nravstvennye iskanija russkih pisatelej: stat'i i issledovanija o russkih klassikah. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1972. 543 s.

16. Strahov I. V. Psihologicheskij analiz v literaturnom tvorchestve. = Psychological Analysis in Creative Writing. V 2 ch. Ch. 1. Saratov, 1973. 118 s.

17. Tibon'e L. Puteshestvie k istokam psihiki v povestjah Ol'gi Kolpakovoj «Kak rasserdilas' kikimora» i Ekateriny Murashovoj «Klass korrekcii» = A Journey to the Origins of the Psyche in the Stories by Olga Kolpakova ‘How the Witch Got Angry’ and ‘Remedial Class’ by Ekaterina Murashova // Detskie chtenija. 2015. T. 8. № 2. S. 160-172.

18. Fedotova E. V. Geroj i vremja v povestjah A. Lihanova = The Hero and Time in the Stories by Albert Likhanov // Tverskoj gosudarstvennyj universitet. Tver', 2006.

19. Fedjaeva T. A. Detstvo kak territorija schast'ja i tragedii = Childhood as a Territory of Happiness and Tragedy // Vestnik detskoj literatury. 2015. Vyp. 10. S. 6-11.

20. Filonova Ju. A. Prijomy sozdanija psihologizma v povesti A. A. Lihanova «Mal'chik, kotoromu ne bol'no» = Techniques for Creating Psychologism in the Story by Albert Likhanov ‘The Boy Who Feels No Pain’ // Detskaja kniga: izdatel'skie strategii i aktual'nye chitatel'skie praktiki. Jaroslavl', 2019. S. 91-96.

УДК 821.161.1

Н. С. Короткова **https://orcid.org/0000-0001-8961-3521**

Два варианта мифологизма в романах Л. Е. Улицкой

Для цитирования: Короткова Н. С. Два варианта мифологизма в романах Л. Е. Улицкой // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 43-49. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-43-49

В статье рассмотрены романы Л. Е. Улицкой с точки зрения наличия в них элементов мифологического восприятия и описания действительности. Целью стало определение специфических способов конструирования романа-мифа в творчестве писательницы. Основным методом анализа художественного текста стал мифопоэтический, используемый в процессе истолкования элементов мифологического мировоззрения автора, отражённого в текстах романов. Выявлено, что мифологизм представлен в произведениях Л. Е. Улицкой в двух вариантах. В первом писательница ведет повествование в двух планах – реальном и мифологическом, изображая каждый из них как полноценный структурный (композиционный) элемент текста. Данный вариант мифологизма обнаруживается в романе «Казус Кукоцкого», где сосуществуют два плана повествования – реальный и ирреальный, мифологический, реализуемый посредством образа Елены Кукоцкой. Второй вариант мифологизма – мозаичный: автор вводит в текст многочисленные элементы мифа (сюжетные ходы, образы, мотивы, философию и др.), сочетая их, как части мозаики, в сложной, целостной картине повествования. Данный вариант мифологизма представлен в произведениях «Сонечка», «Зеленый шатер», «Лестница Якова». Элементами мифологической мозаики в данных произведениях становятся сюжеты и образы из христианской и античной мифологии, мифологемы дома и семьи, крымский миф, мифологема воды. Мастерство автора проявляется в умении сочетать данные мифологические элементы, которые могут показаться разрозненными, однако в тексте сливаются и переплетаются, создавая целостную картину авторского неомифологизма. В заключении статьи отмечается стремление Л. Е. Улицкой к конструированию собственного мифологического пространства.

Ключевые слова: миф, мифология, мифологизм, мифологическое пространство, русская литература, роман, Людмила Улицкая.

N. S. Korotkova

Mythologism varieties in L. E. Ulitskaya’s novels

The article considers L. E. Ulitskaya's novels in terms of their ability to represent elements of mythological perception and description of reality. The objective was to identify the specific ways of constructing a novel-myth in the writer’s creative work. The main method of literary text analysis is mythopoetic, adopted to the interpretation of elements of the author’s mythological worldview reflected in the texts of her novels. It can be claimed that L. E. Ulitskaya has produced two types of mythologism representation. In the first one, the writer narrates in two planes – real and mythological depicting each of them as a full-fledged structural (compositional) element of the text. This type of mythologism is presented in «The Kukotsky Enigma» in which two narrative planes coexist – the real and the surreal, mythological realized through the image of Elena Kukotsky. The second type is mosaic mythologism where the writer introduces numerous myth elements into the text (plot devices, images, motifs etc.) combining them, as parts of a mosaic, in a complex, holistic picture of the narrative. This variety of mythologism is presented in the works «Sonechka», «The Big Green Tent», «Jacob's Ladder». The elements of the mythological mosaics in the above works are presented through plots and images from Christian and classical mythology, mythologemes of home and family, the Crimean myth, the mythology of water. The author’s skill is manifested in her ability to combine these seemingly fragmented mythological elements that merge and intertwine in Ulitskaya’s texts creating a holistic picture of the author’s neo-mythology. The article concludes with the statement of L. E. Ulitskaya being motivated by a desire to construct her own mythological space.

Keywords: myth, mythology, mythologism, mythological space, Russian literature, novel, Lyudmila Ulitskaya.

Романы Л. Е. Улицкой являются одним из ярчайших явлений современной русской литературы. Писательнице удалось сочетать в своем романном творчестве лучшие традиции русской литературы классического периода и оригинальные художественные черты. К числу последних относится жанровый синтез – стремление писательницы отойти от традиционной формы романа и вне-

© Короткова Н. С., 2020

сти в него элементы других жанровых разновидностей. Вопросы жанрового синтеза применительно к жанру романа очень актуальны в современном литературоведении. Их рассматривают на примерах различных произведений С. В. Алпатов [Алпатов, 2018], О. В. Бессмельцева [Бессмельцева, 2019], Л. Ишим [Ichim, 2012], М. А. Новикова [Новикова, 2014], Т. Хиппала [Hiippala, 2017], А. Н. Штырова [Штырова, 2015] и другие исследователи.

Жанровые эксперименты Л. Е. Улицкой, различные в каждом из созданных ею романов, не могли не привлечь внимания литературоведов. О. Ю. Осьмухина анализирует роман «Зеленый шатер» и трансформацию в нем традиции эпопеи [Осьмухина, 2012]. С. И. Тимина обращается к роману «Лестница Якова», в котором видит «высокую степень эстетической новизны» [Тимина, 2017, с. 31], «создание романного эпического полотна» [Там же, с. 33] и «типологическое разнообразие» [Улицкая, 2017, с. 35]. С. А. Григорь рассматривает публицистическое, документальное (фактуальное) начало в жанровой структуре романа «Даниэль Штайн, переводчик» [Григорь, 2011]. Е. И. Волкова называет роман «Даниэль Штайн, переводчик» «значительным достижением в области художественной агиографии» [Волкова, 2009, с. 225]. Писательница вовлекает в жанровую игру все новые и новые разновидности произведений.

Во многих романах Л. Е. Улицкой наблюдаются элементы мифологизма, формирующие синтетическое образование – роман-миф. Мифологическое в романах писательницы изучают Е. О. Белобородова [Белобородова, 2018], А. М. Казиева и А. О. Бродзели [Казиева, Бродзели, 2019], М. В. Магомедова [Магомедова, 2011] и некоторые другие исследователи. Необходим комплексный анализ различных романов Л. Е. Улицкой с тем, чтобы выявить в них варианты мифологизма, способы формирования романа-мифа.

Целью настоящего исследования является анализ вариантов мифологизма в романах Л. Е. Улицкой, способов структурирования писательницей романного текста в соответствии с его мифологической составляющей. Материалом для исследования стали романы Л. Е. Улицкой «Зеленый шатер» [Улицкая, 2016], «Казус Кукоцкого» [Улицкая, 2018], «Лестница Якова» [Улицкая, 2017], «Медея и ее дети» [Улицкая, 2012], а также повесть «Сонечка» [Улицкая, 2004].

Для Л. Е. Улицкой внимание к мифу является обязательной составляющей художественной концепции. Мифологические элементы обнаруживаются в каждом произведении писательницы, причем автор стремится к различным интерпретациям мифа и использует разные способы ремифологизации – введения в текст произведения мифологического компонента.

Важным художественно-эстетическим понятием, необходимым для анализа творчества Л. Е. Улицкой, является понятие мифологизма, представляющего собой художественный прием, с помощью которого автор вводит в текст элементы мифа как жанра, то есть производит ремифологизацию. Мифологизм как художественный прием состоит, во-первых, «в использовании мифологических сюжетов, образов и мотивов» [Сальникова, 2013, с. 190], а также может проявляться на философско-мировоззренческом уровне – как мироощущение, мифологическое понимание мира героями и самим писателем и на композиционном – как вплетение компонентов мифа в структуру произведений.

Проведенный нами анализ художественных текстов писательницы, в первую очередь, романов позволил отметить два варианта мифологизма в ее творчестве.

Первый из вариантов мифологизма Л. Е. Улицкой можно назвать двухуровневым, двуслойным. В соответствии с этим вариантом действие произведения происходит на двух уровнях – реальном и мифологическом, которые, с одной стороны, тесно переплетены, с другой – достаточно жестко друг от друга отграничены. К романам с таким вариантом мифологизма мы относим, в первую очередь, «Казус Кукоцкого» (2001).

В произведении повествуется о жизни врача, Павла Алексеевича Кукоцкого, и членов его семьи на протяжении нескольких десятилетий XX века – от начала столетия до 1960-х гг. Л. Е. Улицкая изображает героев романа в контексте важнейших исторических событий данного периода – Великой Отечественной войны, культа личности Сталина и др. Реальный, исторический план произведения представляет собой движение по этому временному потоку, в ходе которого Павел Кукоцкий превращается из мальчика в молодого человека, встречает любовь всей своей жизни Елену, женится на ней, воспитывает приемную дочь Татьяну, переживает охлаждение и смерть жены, смерть дочери, стареет и умирает. Внимание повествователя переносится с Кукоцкого на других персонажей, каждый из которых (Елена Георгиевна, Татьяна, помощница по хозяйству Василиса, приемыш Тома и др.) последовательно становится главным

героем романа, и вместе с ним читатель познает время, размышляет о его сложности, об отношениях между людьми, о свободе, жизни и смерти. Писатель поднимает несколько важнейших проблем, существовавших в этот период, например, проблему запрета на прерывание беременности, и включает читателя в их анализ.

Однако наряду с этим реальным, историческим планом в романе есть второй, не менее, а возможно, и более важный – мифологический. Л. Е. Улицкая конструирует мифологическое пространство, в которое в разной степени включаются различные герои произведения. Главный персонаж в этом мифологическом плане романа – Елена Георгиевна, которая обладает способностью попадать в некий промежуточный мир, именуемый ею «средним миром». Попадает она туда с детства, в наиболее сложные и проблематичные периоды своей жизни, в состоянии, среднем между сном, видением и бодрствованием. Во-первых, Елена видит сны, в том числе с чертежной символикой, поскольку она работает чертежницей. Во-вторых, она встречает умерших родственников, беседует с ними. В-третьих, Елена начинает проваливаться, причем надолго, в некое параллельное пространство, имеющее полностью мифологическую природу. Елена понимает необычность своего дара: «С раннего детства со мной происходит изредка какое-то выпадение из здешнего мира» [Улицкая, 2018] и скрывает его от других.

Существование в романе двух планов повествования – реального и мифологического – закреплено автором композиционно. Мифологический мир включается в структуру текста достаточно значительными по объему вставками и даже занимает одну из четырех частей романа – вторую, которая начинается так: «Песок, подхваченный током воздуха, тонко звенел, ударяясь на лету о прозрачные стебли сухих ломких растений. Все стороны горизонта были затянуты дымкой, и никаких признаков светил в небе не было» [Улицкая, 2018]. В это пространство мы переносимся вместе с Еленой, путешествуем по нему, глазами героини видим ее спутников, в которых угадываем трансформированные, мифологизированные образы из реального плана романа. Оказывается, каждый из тех людей, которые существуют (или существовал) в реальности, присутствует и здесь, однако в трансформированном виде, например, не помня себя, борясь с небытием. Однако попасть в мифологическое пространство сознательно и увидеть это пространство могут не все – только Елена и ее кошки, выступающие здесь в своей обычной мифологической роли проводников из реального мира в мир потусторонний: ««Я осталась совсем одна», – проскользнуло в мыслях. И тут же она почувствовала легкое движение у ног – серая, с извилисто-темными полосками на боках простопородная кошка коснулась ее голой ноги» [Улицкая, 2018].

Доступ в этот мифологический мир, хотя и ограниченный, имеет также Павел Алексеевич Кукоцкий, обладающий даром «внутривидения» – видящий внутренние органы человека, «цветовое мерцание, скрытую жизнь внутри тел» [Улицкая, 2018], что очень помогает ему в деятельности врача-гинеколога. Показательно, что Павел Алексеевич вполне обыденно относится к этому дару, воспринимает его как «полезное подспорье в профессии» [Улицкая, 2018] и спокойно использует. Возможно, именно это хладнокровное отношение помогает герою сохранить свою связь с реальностью, в то время как Елена Георгиевна, которой мифологическое пространство открылось в полной мере, и которая была на нем более сосредоточена, постепенно утрачивает эту связь и полностью переходит в «средний мир». Для обитателей реального мира это выглядит как утрата героиней памяти, непонятная психическая болезнь, сумасшествие.

Значимый мифический смысл имеет в романе вода – один из образов, «важнейших, основополагающих, входящих в ядро культурных представлений носителей данной культуры» [Крылова, 2018, с. 127]. Вода выполняет роль связующего реальное и мифологическое пространства вещества, обладает живительной и очистительной силой. Только вода может вывести Елену Георгиевну из беспамятства: принимая ванну, она снова становится прежней, вспоминает своих родных, на время возвращается из, казалось бы, полностью поглотившего ее параллельного мифологического мира.

Второй вариант мифологизма в текстах Л. Е. Улицкой мы обозначаем как мозаичный. В этом случае писательница складывает в целостную картину многочисленные и, на первый взгляд, разнородные мифологические элементы. Данный вариант мифологизма в творчестве Л. Е. Елицкой представлен бóльшим количеством произведений: наблюдаем его в повести «Сонечка», романах «Зеленый шатер», «Медея и ее дети», «Лестница Якова» и др.

В повести «Сонечка» к мифологическим элементам можно отнести, во-первых, праведничество главной героини, Сонечки, отсылающее к

мотиву христианского праведничества; во-вторых, сюжетную апелляцию к мифу о Лии и Рахили, с которыми ассоциируются образы Сони и Яси и их непростые для окружающих, но такие ясные для самой Сонечки отношения; в-третьих, мифологизацию художественного творчества, связанную с образом Роберта Викторовича, представление живописи как божественного процесса, чуда творения; в-четвертых, мифологемы дома и семьи и т. д. Образ Сонечки не зависит от происходящих в реальности событий и никак не откликается на мнение окружающих, определяется только личными качествами героини, ее своеобразной святостью. Он мифологичен, причем одним из мозаичных элементов этой мифологичности являются античные мифы: ее душа «забаюкана дымчатым рокотом греческих мифов» [Улицкая, 2004].

Присутствует в повести и мифологическое пространство, «средний мир», занимающий здесь не центральную позицию, как в романе «Казус Кукоцкого», а являющийся одним из компонентов мифологической мозаики. Это пространство связано с чтением Сонечки. Каждый раз, читая, она не просто увлекается книгой, а полностью переносится в созданный автором мир, чтение становится «легкой формой помешательства» [Улицкая, 2004], и эта характеристика отсылает к беспамятству Елены Георгиевны. Другие герои повести к мифологическому пространству только приближаются, например, Роберт Викторович в процессе создания своих картин: «…Сама тайна, обещавшая вот-вот открыться, ускользнула, оставив сладкую боль приближения» [Улицкая, 2004].

Роман «Зеленый шатер» также включает в себя множество различных мифологических мотивов и образов, сочетающихся как элементы в мозаике. Это миф о лабиринте и Минотавре: жизнь представляется героям романа как лабиринт, по которому они скитаются в поисках чудесного сокровища, «золотого руна» – свободы. Это мифологические образы птиц, например, сравнение с птицей Ольги: «…Именно такие – тонкие и сияющие. Очень редкие птицы» [Улицкая, 2016]. Птицы здесь символизируют необычность, стойкость, свободолюбие, приспособляемость и т. п. Это христианские мотивы и образы: идея соборности, мотив предательства Иуды и др. Это образ «зеленого шатра» – реализация в данном романе «среднего мира», который открывается Ольге во сне незадолго до смерти.

Яркий пример мозаичного мифологизма мы видим в романе Л. Е. Улицкой «Медея и ее дети». Здесь можно выделить такие разнородные мифологические элементы, как античная мифология (имя гречанки по происхождению Медеи отсылает к древнегреческой Медее, но в ее современной интерпретации, лишенной античного неистовства, испытавшей на себе влияние цивилизации и научившейся смирять страсть, подчинять ее разуму); христианские мотивы, образы, символы (герои – христиане, для которых важны нравственная и физическая чистота; присутствуют интерпретации мифа о блудном сыне, идея абсолютного понимания и прощения; Медея – образ христианской праведницы); сакральный «средний мир» (он открывается самой Медее, ее подруге Елене и одной из внучек Маше; он прекрасен: дает Медее возможность встретиться с умершими родственниками, помогает принять правильное решение – и губителен: заставляет Машу совершить самоубийство); крымский миф (Крым понимается как сакральное пространство с особой судьбой); мотив чудесных даров (Медея умеет находить редкости, все женщины ее семьи обладают даром ночевидения – видят в темноте); сакральная рыжесть волос Медеи и ее родственников, которая показывает их обособленность от остального мира, необычность, «ведьмачество».

Роман «Лестница Якова» также построен по мозаичному принципу мифологичности. Название произведения заставляет вспомнить библейский миф о «Лествице Иаковлевой» [Улицкая, 2017], описанной в книге Бытия, по которой сходят к людям и восходят к Богу ангелы. Писательница мифологически разделяет в романе пространства верха и низа, между которыми проходит жизнь персонажей и разворачиваются их непростые судьбы. Одной из важнейших мифологем является мифологема воды, с помощью которой писательница изображает бесконечность жизни и разворачивание семьи во времени и в пространстве: «…Она, Нора, одна-единственная Нора, плывет по реке, а позади нее расширяющимся веером ее предки, <…> а за ними, в глубине этих вод, бесконечная череда безымянных предков, мужчины и женщины, <…> и их великое множество, они заселяют всю землю, берега всех рек» [Улицкая, 2017]. К библейскому сюжету об Иуде отсылает образ предавшего отца Генриха, который, по мнению его дочери Норы, достоин только жалости. Уже привычный нам у Л. Е. Улицкой «средний мир» в конце жизни открывается Норе: «…За пределом плотного, полного страхом и стыдом пространства их существования было что-то иное, что отсюда видится только смутными и прекрасными тенями…» [Улицкая, 2017]. В образе Якова

мы видим патриарха (объединителя рода) и библейского праведника, молчаливого и доброго мученика, готового очень спокойно и не задумываясь жертвовать всем ради семьи.

Важными элементами мифологической мозаики во всех произведениях Л. Е. Улицкой являются мифологемы дома и семьи, трактовка которых в разных текстах во многом схожа, но при этом имеет отличия. В повести «Сонечка» дом – это желаемое пространство, создать которое стремятся герои, скитаясь не по своей воле вне дома. Автор показывает, что, только обретя этот дом («въехали они в целую четверть двухэтажного деревянного дома, одного из немногих оставшихся к тому времени строений в почти сведенном Петровском парке» [Улицкая, 2004]), Сонечка начинает чувствовать себя на месте и с головой уходит в домашние хлопоты, раскрыв в себе ипостась удивительной хозяйки. Пространство дома в романе непостоянно, оно меняется, и носителем идеи дома является Сонечка. В романе «Зеленый шатер» пространство дома так же желаемо, как в повести «Сонечка», но в отличие от нее абсолютно недостижимо. Герои скитаются в поисках свободы, свободно перемещаются в пространстве и очень часто живут в чужих домах – от близких родственников до очень дальних знакомых. Дом для них невозможен без свободы. Наиболее важную для писательницы интерпретацию получает мифологема дома в романе «Медея и ее дети», где вокруг дома Медеи структурируются все события произведения, где дом играет объединительную роль, способен защитить, дает счастье.

Мифологема семьи Л. Е. Улицкой основана на представлении о бесконечности семьи, ее постоянном расширении во времени и пространстве, ветвении, передаче от предков к потомкам устойчивых внешних и внутренних особенностей. В повести «Сонечка» семья небольшая. Здесь появляется неоднократно повторяемый писательницей в дальнейшем мотив равноправия в семье кровных и некровных родственников, включение в нее, порой противоречащее здравому смыслу, совершенно посторонних людей. Так, полноправным членом семьи становится любовница мужа Сонечки Яся, воспринимаемая ею как приемная дочь. Этот мотив присутствует и в романе «Зеленый шатер», где судьбы шести главных героев (трех мужчин и трех женщин – ровесников) причудливым образом переплетаются, соединяя их в семью реальную и духовную; где присутствует сильный мотив семейной патриархальности (в смысле хранения традиций, передачи поколениям семейных ценностей), причем роль таких своеобразных патриархов исполняют женщины – представительницы старшего поколения, бабушки героев. Максимальное расширение семейного пространства показывает Л. Е. Улицкая в романе «Медея и ее дети», причем элементом, выступающим как интегрирующий для всех многочисленных родственников, является здесь семейная рыжина волос. Здесь также сильна мысль о включении в семью не только кровных родственников.

Итак, в произведениях Л. Е. Улицкой, каждое из которых пропитано мифологизмом на сюжетном, мировоззренческом и композиционном уровнях, можно отметить два варианта мифологизма. Реализуя первый, писательница создает двуплановое произведение, в котором, как, например, в романе «Казус Кукоцкого», практически равноправны два пространства повествования – реальное и мифологическое. Мифологическое пространство – это «средний мир», существующий параллельно с реальным. В него могут попадать некоторые герои, там свои законы организации пространства и времени, сосуществуют живые и мертвые и т. п. Второй вариант мифологизма – мозаичный. В произведения «Сонечка», «Зеленый шатер», «Медея и ее дети», «Лестница Якова» и других повестях и романах писательница включает многочисленные сюжетные, мотивные, мировоззренческие, композиционные элементы мифа. Подобно частицам мозаики, эти элементы (античная мифология, библейские и христианские мифы, крымский миф, мифологемы дома и семьи и др.) сочетаются, образуя целостную картину. Эти мифологические элементы, включаясь в целое, утрачивают разнородность и становятся важными структурными частями конструируемого писательницей художественного мира.

Библиографический список

1. Алпатов С. В. Евангелие vs «адская газета» : проблемы жанрового синтеза в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Новозаветные образы и сюжеты в культуре русского модернизма : Сб. ст. Москва : Индрик, 2018. С. 568-579.

2. Белобородова Е. О. Боги и герои (миф в типологии персонажей Л. Е. Улицкой) // Молодая филология – 2018. Человек, культура, социум : Сб. ст.; отв. ред. И. А. Подюков. Пермь : ПГГПУ, 2018. С. 11-16.

3. Бессмельцева О. В. Жанровый синтез в романе Германа Броха «Наваждение» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2019. Т. 16. Вып. 1. С. 105-114.

4. Волкова Е. И. Новый русский религиозный роман – 2006 : между антиутопией и агиографией //

Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2009. Т. 10. Вып. 4. С. 218-228.

5. Григорь С. А. Фикциональное и фактуальное повествование в романе Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2011. Т. 11. Вып. 4. С. 98-100.

6. Казиева А. М. Авторский неомифологизм в романе Л. Улицкой «Медея и ее дети»: вектор развития / А. М. Казиева, А. О. Бродзели // Наука в современном мире : поиск инновационных и креативных решений: Межвуз. сб. научн. и науч.-метод. тр. Пятигорск : ПГУ, 2019. С. 119-130.

7. Крылова М. Н. Образ воды в системе современного русского компаратива // Горизонты цивилизации. 2018. № 9. С. 127-136.

8. Магомедова, М. В. Элементы мифологической картины мира в произведениях Л. Улицкой // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 2. С. 88-102.

9. Новикова М. А. К проблеме жанровой дефиниции поздних романов Грэма Грина // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2014. № 24 (2). С. 82-93.

10. Осьмухина О. Ю. Проблема жанра в творческой рефлексии писателя: специфика трансформации традиции эпопеи в романе Л. Улицкой «Зеленый шатер» // Пушкинские чтения – 2012. «Живые» традиции в литературе : жанр, автор, герой, текст : Мат. XVII междунар. научн. конф.; отв. ред. Т. В. Мальцева. Санкт-Петербург : ЛГУ, 2012. С. 139-144.

11. Сальникова О. И. Мифологические коды в литературе XX века // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : Сб. ст. по мат. III Всерос. научн. конф. молодых уч. Екатеринбург : УрФУ, 2013. С. 190-196.

12. Тимина С. И. Л. Улицкая «Лестница Якова» (к дискуссии о судьбе жанра романа в современной литературе) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2017. № 183. С. 31-35.

13. Улицкая Л. Е. Зеленый шатер. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2016. 640 с. URL: https://e-libra.ru/read/248251-zelenyy-shater.html (дата обращения: 09.02.2020).

14. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2018. 512 с. URL: https://www.litmir.me/br/?b=71169&p=1 (дата обращения: 09.02.2020).

15. Улицкая Л. Е. Лестница Якова. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2017. 736 с. URL: https://enjoybooks.pw/lestnitsa-yakova/ (дата обращения: 09.02.2020).

16. Улицкая Л. Е. Медея и ее дети. Москва : Астрель, 2012. 346 с. URL: https://e-libra.ru/read/105685-medeya-i-ee-deti.html (дата обращения: 09.02.2020).

17. Улицкая Л. Е. Сонечка. Москва : Эксмо, 2004. 158 с. URL: https://e-libra.ru/read/134120-sonechka.html (дата обращения: 09.02.2020).

18. Штырова А. Н. Жанровый синтез в романе Иваны Ондриовой «Детский плач на чердаке» // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 9-2 (53). С. 29-32.

19. Hiippala T. An overview of research within the Genre and Multimodality framework // Discourse, Context & Media. 2017. V. 20. P. 276-284.

20. Ichim L. Theories and Theorists of the Literary Generation Concept. Contemporary Semantic Re-evaluations and their Socio-cultural Impact // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 63. P. 283-287.

Reference List

1. Alpatov S. V. Evangelie vs «adskaja gazeta» : problemy zhanrovogo sinteza v romane M. A. Bulgakova «Master i Margarita» = The New Testament vs «The Newspaper from Hell»: Problems of Genre Synthesis in the Novel by Mikhail Bulgakov ‘The Master and Margarita’ // Novozavetnye obrazy i sjuzhety v kul'ture russkogo modernizma : Sb. st. Moskva : Indrik, 2018. S. 568-579.

2. Beloborodova E. O. Bogi i geroi (mif v tipologii personazhej L. E. Ulickoj) = Gods and Heroes (myth in the typology of characters of Lyudmila Ulitskaya)// Molodaja filologija – 2018. Chelovek, kul'tura, socium : Sb. st.; otv. red. I. A. Podjukov. Perm' : PGGPU, 2018. S. 11-16.

3. Bessmel'ceva O. V. Zhanrovyj sintez v romane Germana Broha «Navazhdenie» = Genre Synthesis in Hermann Broch’s Novel Bewitchment // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura. 2019. T. 16. Vyp. 1. S. 105-114.

4. Volkova E. I. Novyj russkij religioznyj roman – 2006 : mezhdu antiutopiej i agiografiej = The New Russian Religious Novel – 2006: between anti-utopia and hagiography // Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii. 2009. T. 10. Vyp. 4. S. 218-228.

5. Grigor' S. A. Fikcional'noe i faktual'noe povestvovanie v romane L. Ulickoj «Danijel' Shtajn, perevodchik» = Fictional and Factual Narration in the novel by Lyudmila Ulitskaya Daniel Stein, Interpreter // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija : Filologija. Zhurnalistika. 2011. T. 11. Vyp. 4. S. 98-100.

6. Kazieva A. M. Avtorskij neomifologizm v romane L. Ulickoj «Medeja i ee deti»: vektor razvitija = The Author's Neomythologism in the Novel by Lyudmila Ulitskaya Medea and Her Children: development vector / A. M. Kazieva, A. O. Brodzeli // Nauka v sovremennom mire : poisk innovacionnyh i kreativnyh reshenij: Mezhvuz. sb. nauchn. i nauch.-metod. tr. Pjatigorsk : PGU, 2019. S. 119-130.

7. Krylova M. N. Obraz vody v sisteme sovremennogo russkogo komparativa = The Image of Water in the System of Modern Russian Comparative // Gorizonty civilizacii. 2018. № 9. S. 127-136.

8. Magomedova, M. V. Jelementy mifologicheskoj kartiny mira v proizvedenijah L. Ulickoj = Elements of the Mythological View of the World in Ulitskaya’s Works // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. 2011. № 2. S. 88-102.

9. Novikova M. A K probleme zhanrovoj definicii pozdnih romanov Grjema Grina. = To the Problem of Genre Definition of Graham Green's Later Novels. // Vostochnoslavjanskaja filologija. Literaturovedenie. 2014. № 24 (2). S. 82-93.

10. Os'muhina O. Ju. Problema zhanra v tvorcheskoj refleksii pisatelja: specifika transformacii tradicii jepopei v romane L. Ulickoj «Zelenyj shater» = The Problem of the Genre in the Creative Reflection of a Writer: the specifics of the transformation of the epic tradition in the novel by Lyudmila Ulitskaya The Big Green Tent // Pushkinskie chtenija – 2012. «Zhivye» tradicii v literature : zhanr, avtor, geroj, tekst : Mat. XVII mezhdunar. nauchn. konf.; otv. red. T. V. Mal'ceva. Sankt-Peterburg : LGU, 2012. S. 139-144.

11. Sal'nikova O. I. Mifologicheskie kody v literature XX veka = Mythological Codes in the Literature of the 20th century // Aktual'nye voprosy filologicheskoj nauki XXI veka : Sb. st. po mat. III Vseros. nauchn. konf. molodyh uch. Ekaterinburg : UrFU, 2013. S. 190-196.

12. Timina S. I. L. Ulickaja «Lestnica Jakova» (k diskussii o sud'be zhanra romana v sovremennoj literature) = Jacob’s Ladder by Lyudmila Ulitskaya (to the discussion about the future of the novel genre in modern literature) // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. 2017. № 183. S. 31-35.

13. Ulickaja L. E. Zelenyj shater. = The Big Green Tent. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. 640 s. URL: https://e-libra.ru/read/248251-zelenyy-shater.html (data obrashhenija: 09.02.2020).

14. Ulickaja L. E. Kazus Kukockogo = The Kukotsky Enigma. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2018. 512 s. URL: https://www.litmir.me/br/?b=71169&p=1 (data obrashhenija: 09.02.2020).

15. Ulickaja L. E. Lestnica Jakova. = Jacob’s Ladder. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2017. 736 s. URL: https://enjoybooks.pw/lestnitsa-yakova/ (data obrashhenija: 09.02.2020).

16. Ulickaja L. E. Medeja i ee deti. = Medea and Her Children. Moskva : Astrel', 2012. 346 s. URL: https://e-libra.ru/read/105685-medeya-i-ee-deti.html (data obrashhenija: 09.02.2020).

17. Ulickaja L. E. Sonechka. = Sonechka. Moskva : Jeksmo, 2004. 158 s. URL: https://e-libra.ru/read/134120-sonechka.html (data obrashhenija: 09.02.2020).

18. Shtyrova A. N. Zhanrovyj sintez v romane Ivany Ondriovoj «Detskij plach na cherdake» = Genre Synthesis in Ivana Ondriová's Novel Detský Plač v Podkroví // Sovremennye nauchnye issledovanija i innovacii. 2015. № 9-2 (53). S. 29-32.

19. Hiippala T. An overview of research within the Genre and Multimodality framework // Discourse, Context & Media. 2017. V. 20. P. 276-284.

20. Ichim L. Theories and Theorists of the Literary Generation Concept. Contemporary Semantic Re-evaluations and their Socio-cultural Impact // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. V. 63. P. 283-287.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

УДК 81'373

Е. И. Беглова **https://orcid.org/0000-0002-3208-0549**

Внутренний источник развития лексики русского литературного языка в XX–XXI веках

Для цитирования: Беглова Е. И. Внутренний источник развития лексики русского литературного языка в XX–XXI веках // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 50-58.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-50-58

Предметом исследования является диалектная, разговорная, просторечная и неологическая лексика как источник обогащения русской литературной лексики в советский и постсоветский периоды. В качестве аргументации большой роли ненормированной лексики русского языка в развитии русской литературной лексики выступает русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына, а также его повесть «Матрёнин двор», в языке которой художественно отражается мнение писателя по поводу диалектной, разговорной и устаревшей лексики.

Цель статьи: исследовать проблему развития лексики русского литературного языка за счет ненормированных исконных средств: диалектной, разговорной, просторечной, а также неологической лексики в советский и постсоветский периоды.

Новизна исследования заключается в изучении проблемы использования диалектной, разговорной, просторечной лексики и неологизмов в качестве источника пополнения словарного состава русского литературного языка на протяжении XIX–XXI вв. на материале словаря В. И. Даля, словаря языкового расширения А. И. Солженицына и его художественного произведения. Проанализированы мнения современных лингвистов и писателей, отражающих их взгляды на проблему развития русской лексики за счет собственных ресурсов.

Практическая направленность статьи заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в лексикологии, стилистике и лексикографии.

Теоретическая ценность статьи видится в решении проблем развития русского литературного языка на базе внутренних ресурсов, а также в развитии идиостилистики.

Ключевые слова: диалектная лексика, разговорные и просторечные слова, неологизмы, русский словарь языкового расширения, А. И. Солженицын, развитие лексики русского литературного языка, язык художественного произведения.

LINGUISTICS

Russian language

E. I. Beglova

Internal source of the russian literary language vocabulary development in the XX–XXI centuries

The subject of the research is dialect, colloquial, vernacular and neological vocabulary as a source of enrichment of Russian literary vocabulary in the Soviet and post-Soviet periods. To justify the prominent role of the Russian non-standard vocabulary in the development of the Russian literary vocabulary, the author uses the Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as well as his novella «Matryona's Place» whose language is an artistic reflection of the writer's opinion on the dialect, colloquial and outdated vocabulary.

© Беглова Е. И., 2020

The research objective is to investigate into the Russian literary language vocabulary development with non-standardized primordial means: dialect, colloquial, vernacular and neological vocabulary in the Soviet and post-Soviet periods.

The novelty of the study is thus seen in the examination of the usage of dialect, colloquial and vernacular vocabulary as well as neologisms as a source of the Russian literary language vocabulary replenishment during the XIX–XXI centuries. The study was conducted on the material of the Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language by V. I. Dal, the Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as well as Solzhenitsyn's work of fiction. The opinions of modern linguists and writers reflecting their views on the problem of Russian vocabulary development based on the language internal resources are analyzed.

The demand for the research materials in the realms of lexicology, stylistics and lexicography determines its practical value. The theoretical relevance of the study is seen in addressing the problem of the Russian literary language development on the basis of the language internal resources as well as the development of idiostylistics.

Keywords: dialect vocabulary, colloquial and vernacular words, neologisms, the Russian Dictionary of Language Extensions, A. I. Solzhenitsyn, Russian literary language vocabulary development, language of a work of fiction.

Проблема пополнения лексики русского литературного языка за счет внутренних ресурсов (диалектной, разговорной, просторечной, устаревшей, а также неологической лексики) с точки зрения «обеднения» русского языка волновала известных русских исторических деятелей, писателей, лингвистов, лексикографов на протяжении эпох. В настоящее время, когда речь идет о снижении интереса к изучению русского языка как за рубежом, так и внутри страны, задачей лингвистов является поддержка русского языка во всех направлениях его развития. Предметом нашего исследования является диалектная, разговорная, просторечная и неологическая лексика как источник обогащения русской литературной лексики в советский и постсоветский периоды. Использование такого рода лексики в художественных произведениях писателей, в работах языковедов способствует её освоению и актуализации в разговорной речи и как итог – в русском литературном языке. Мы уже рассматривали роль диалектной лексики в художественных текстах [Беглова, 2017], а также способы обогащения русской литературной лексики [Беглова, 2018]. В данной статье источником размышлений по поводу развития словарного состава по причине его «обеднения» в советский период явился «Русский словарь языкового расширения» А. И. Солженицына (далее РСЯР), а также его повесть «Матрёнин двор», в языке которой, по нашему мнению, отражается мнение писателя по поводу роли диалектной и разговорной лексики в обогащении словарного состава русского языка. Цель статьи: исследовать проблему развития лексики русского литературного языка за счет ненормированных исконных средств: диалектной, разговорной, просторечной, а также устаревшей и неологической лексики в советский и постсоветский периоды. Материалом исследования послужили также статьи современных лингвистов и писателей, отражающих их взгляды на проблему развития русской лексики за счет собственных ресурсов, включая новообразования [Мельникова, 1996; Гусейнов, 2006; Елистратов, 2006; Коваленко, 2008; Милославский, 2006; Степашкина, 2014; Эпштейн, 2006].

А. И. Солженицын составил уникальный словарь «языкового расширения», который детально проанализирован в работах С. В. Мельниковой (С. В. Цынк) [Мельникова, 1996; Цынк, 2014]. Этот словарь включает необычные слова, о которых в предисловии говорит сам писатель [РСЯР, 2000, с. 4]: 1) недостаточно употребительные, слова «частично еще применяемые, но все реже», которые в скором времени могли выйти из сферы общенародного употребления; 2) слова, «не заслуживающие преждевременной смерти, ещё вполне гибкие, таящие в себе богатое движение»; 3) слова, «которым может быть придано освежённое новое значение». В предисловии к «Русскому словарю языкового расширения» А. И. Солженицын назвал основной способ обогащения русского языка: «Лучший способ обогащения языка – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [РСЯР, 2000, с. 3]. Словарь, как отмечает писатель, предназначен для «восполнения иссушительного обеднения русского языка и всеобщего падения чутья к нему…» [РСЯР, 2000, с. 3], а также для всех, кто в эпоху 1950-1970-х гг. «оттеснен от корней языка затёртостью сегодняшней письменной речи». Таким образом, словарь направлен на возрождение забытых исконных слов, на повышение внимания к русскому языку и адресован в первую очередь писателям, поэтому в нем решаются в большей степени не научные задачи, а художественные. Одной из важных причин «иссушительного обеднения» русского языка в советский период он видит во влиянии письменной речи на устную, с чем

нельзя не согласиться. Без сомнения, в советский период публичная речь воспроизводилась «с листа». Лексика, частотная в официально-деловом стиле, активно проникала в устную речь, вытесняя экспрессивные разговорные слова «сухими» канцеляризмами.

Большая часть слов и выражений, включенных А. И. Солженицыным в ««Русский словарь языкового расширения», была извлечена им из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, из художественных произведений писателей XIX–XX вв., а также в него вошли исторические выражения и слова, услышанные самим писателем в разных местах, где ему приходилось бывать. Это лексика и фразеология была взята «…не из штампов советского времени, а из коренной струи языка» [РСЯР, 2000, с. 3], то есть из народной русской речи. Часть слов А. И. Солженицын извлек из художественных произведений писателей XIX–XX вв., в частности А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, Е. Замятина, И. Шмелева и др. Исследователь названного словаря И. Ю. Малыгина справедливо замечает [Малыгина, 2016, с. 35], что лексика, которую отобрал А. И. Солженицын, является материалом словаря, а сам словарь – это творческая лаборатория и писателя и ученого, она обратила лингвистическое внимание на 50 лексем, взятых А. И. Солженицыным из произведений Е. Замятина [Малыгина, 2016, с. 36]. Как свидетельствует предисловие к словарю [РСЯР, 2000, с. 4], выборку слов из словаря В. И. Даля он производил с 1947 года, а также в то время, когда находился в лагере для заключенных, и продолжил сбор лексического материала в 1975 году. Особое внимание при отборе слов А. И. Солженицын уделял исконным устаревшим и диалектным словам, а с точки зрения частей речи – наречиям и отглагольным существительным мужского и женского рода, так как ценил в них «энергию». Работая с исконными устаревшими словами, он наблюдал следующее языковое явление: некоторые слова, использующиеся в речи людей советского периода как жаргонные, в прошлом являлись разговорными словами, активно употреблявшимися в устной разговорной речи, например, к таковым он отнес слова: *зырить* – смотреть, *кунять – юж.,* клевать носом от дрёмы [РСЯР, 2000, с. 99]; *надыбать – юж.,* отыскать, найти [РСЯР, 2000, с. 117]; *заначить* – 1) надежно спрятать что-либо 2) *угол.*, взять, присвоить, 3) *арест.,* приучить кого-либо к чему-либо [Мокиенко, Никитина, 2001, с. 206], [РСЯР, 2000, с. 4].

В своих художественных произведениях А. И. Солженицын намеренно использовал лексику, свойственную устной разговорной речи, например, диалектную, следуя своей концепции: обращаться за словами к «коренной струе языка» с целью расширения словарного состава языка, обогащения его экспрессивными лексемами. Заметим, что такого рода лексика в его произведениях служила не только средством речевой характеристики персонажей, но и являлась особенностью языка автора, в конечном итоге – языка А. И. Солженицына как писателя, то есть особенностью его идиостиля. Своеобразие языка художественных и публицистических произведений А. И. Солженицына, в частности окказионализмы, изучались в работах К. В. Коваленко [Коваленко, 2008], Е. С. Степашкиной [Степашкина, 2014], а также А. О. Болшева [Болшев, 2018], И. Е. Мелентьевой [Мелентьева, 2014].

Следует напомнить о том, что обращение к истокам корней русских слов как средству образования новых русских слов с целью обогащения лексикона русского литературного языка наблюдалось во все времена, например: представители старого слога ((шишковисты) – XIX в., в конце XX в. в связи с наплывом иноязычных слов, в первом десятилетии XXI в. На страницах журнала «Знамя» в 2006-ом году проводилась дискуссия о современном состоянии русского языка в открытой журналом специальной рубрике «Родная речь» [Знамя, 2006, № 3, с. 164]. Интересные точки зрения на проблемы развития русского языка представили М. Арапов [Арапов, 2006, с. 163-176], Г. Гусейнов [Гусейнов, 2006], В. С. Елистратов [Елистратов, 2006], И. Г. Милославский [Милославский, 2006, с. 151–164], М. Н. Эпштейн [Эпштейн, 2006, с. 192-207] и др. Главным вопросом редакции был следующий: «Считаете ли вы, что состояние русского языка вызывает серьезную тревогу и необходимы срочные меры по очищению от обилия заимствований, восстановления его коммуникативной и креативной (творящей) функций; если да, то какие?» [Знамя, 2006, № 3].

Остановимся подробнее на лингвистической позиции М. Н. Эпштейна, апеллирующего «к корням» русского языка, как и А. И. Солженицын. В начале 2000-х г. М. Н. Эпштейн обратил внимание на то, что происходит делексикализация русского языка, наблюдается обеднение его словарного состава [Эпштейн, 2006]. Например, он насчитал около 150 слов с корнем *-люб-* в словаре В. И. Даля, а в 1982 г. в Академическом словаре,

по его наблюдениям, осталось всего 41 слово с этим корнем; с корнем *-добр-* из 200 слов осталось 56. Во всех словарях советской эпохи, издаваемых на протяжении 70-ти лет, –125 тысяч слов, в словаре Даля – 200 тыс. слов (XIX в.) По подсчетам М. Н. Эпштейна, в Большом академическом словаре (в 17-ти тт.) насчитывается 560 слов *жен. р.* с суф. *-очк-* – *горжеточка, кокардочка, куропаточка, флеточка, присвисточка.* и др.. Автор считает, что это не самостоятельные слова, а лексические варианты, так как ничего нового в значение они не привносят. Отмечается 316 слов – *сущ. муж .р.* на *-ечек, -ичек, -очек: опоечек, подкрапивничек, подпечек, утиральничек, туесочек, писаречек* и т. п. По подсчетам лингвистов, известно, что 14 тысяч слов в толковом словаре В. И. Даля образована им самим с использованием продуктивных словообразовательных моделей русского языка, то есть это неологизмы, созданные на базе внутренних словообразовательных ресурсов русского языка.

Лингвист справедливо утверждает, что далевских слов в языке невозможно восстановить, потому что многие связаны с кругом устаревших или местных значений, но утверждает, что «*в живом языке корни должны расти, ветвиться, приносить новые слова»* [Эпштейн, 2006, с. 195]. М. Н. Эпштейн замечает, что «Русский словарь языкового расширения», составленный А. И. Солженицыным, не только не предлагает новых слов, но и по своей сути является скорее словником, извлеченным из далевского словаря и произведений писателей XIX–XX вв.. Мы согласимся с ним в том, что в XXI в. русскому языку нужно ***воображение, способность творить новые слова и понятия***, не ограничиваясь только восстановлением устаревших слов или заимствованиями. Язык жив до тех пор, пока его корни продолжают разветвляться и плодоносить в новых словах. В связи с этим линвист утверждает, что недостаточно пользоваться языком как орудием художественного или научного творчества; необходимо творческое обновление самого языка. В «Словарных материалах – 81» он находит лишь несколько живых слов: *выгородк*а, *мельтешение, разлетистый, дрожливый, пружинисто, отпылать,* но считает их старыми словами, появившимися не в 1981 г., а пропущенными в прежних, более ранних, выпусках словарей. В «новых словах и значениях», по материалам всего десятилетия 1980-х гг., когда в России все начинало изменяться, он обнаруживает и «живые» слова: *соразвитие, распредметить, тягомотина, добротворчество, дурновкусие, запретитель, новодел, новостной, безбытный, бардачок (*полочка в автомобиле*), колыхать* (волновать), *накачанный* (о мускулатуре), *захлопать* (оратора). Или пропущенные ранее в словарях разговорные идиомы: *ложиться на дно, методом тыка, уехать за бугор* и т. п. По его наблюдениям, за 10 лет набралось лишь 600-700 новообразований из исконно русских корней, но среди них имеются ранее не учтенные слова *ё-моё, халява, граммулечка*, впервые удостоенные включения в словарь. Из 3 тысяч неологизмов, пополнивших в 1981 г. словарь, около 80 % составляют слова иноязычного происхождения [Эпштейн, 2006, с. 197-207].

В 1990-х начале 2000-х гг. поток иноязычных слов увеличился, при этом соотношение иноязычных слов и исконных стремительно менялось в пользу заимствований. В постсоветский период многие лингвисты и писатели говорили о том, что русскому языку нужно расти из своих собственных корней.

В 2006 году М. Н. Эпштейн создал проект творческого развития русского языка «Дар слова. Проективный словарь русского языка», в который предложил включить слова, для обозначения еще не названного в языке. Задачи проекта**:** 1) выявление словесных лакун и попытка их заполнить; 2) предложить такое слово, которое могло бы восприниматься как произведение в жанре *однословия,* подразумевающего точность в определении значения**,** размежевание синонимов**,** стилевую пластичность речевых примеров; 3) коммуникативная задача: создать такое слово, которое могло бы с пользой применяться говорящими и пишущими, а в конечном счете – войти в язык, вплоть «до забвения» авторства [Эпштейн, 2006, с. 192-207].

Считаем, что этот проект заслуживает внимания лингвистов, но, по нашему мнению, возникают трудности в обнаружении словесных лакун. Более того, не все иноязычные слова следует заменять русским словом, так как иногда они отражают новую семантику и пополняют синонимические ряды русского языка.

А. И. Солженицын в свой словарь, составленный с опорой на толковый словарь В. И. Даля, включил ненормированную разговорную, просторечную, диалектную лексику, называющую лиц, признаки чего-либо, цвет, действия, признаки действия, особо выделил группы слов «О лошадях» [РСЯР, 2000, с. 268-271] и «Некоторые бранные слова» [РСЯР, 2000, с. 272]. Следует отметить то, что лексика и фразеология, включенная в этот словарь, обладает особой экспрессией, оценочно-

стью, эмоциональностью, а также семантическим наполнением (новыми семами), она ориентирована на выразительность речи, «русскую» коммуникацию, опирающуюся на языковые, культурные, исторические и бытовые пресуппозиции. Например, отмечается большое количество диалектных слов, называющих лицо: ***мам'оня*** – *обл.*, вялый лентяй, обжора [РСЯР, 2000, с. 106]; ***масл'ютка*** – *обл., у кого глаза, поведение угодническое* [РСЯР, 2000, с. 106]; от глагола *маслить – льстить*, ***л'ында*** – *обл., шатун* [РСЯР, 2000, с. 104]; или разговорная лексика и фразеология: наречие ***м'айко*** – *знойно, томительно*; существительные ***ман'а*** – *приманка, привада, соблазн*; в словаре наблюдаются фразеологизмы с этим словом: ***ман'у пускает*** – *отводит глаза*, ***на него ман'а находит*** – *ему чудится, он бредит* [РСЯР, 2000, с. 106]; ***луп'еж*** – *грабеж, взятки* [РСЯР, 2000, с. 104].

Фиксируются словосочетания с несвойственной современной лексической норме лексической сочетаемостью, например: ***маститая старость*** – глубокая, но не дряхлая старость; ***маст'итый старец*** – умащённый веком и почетом; ***матёрая земля*** – 1) материк, 2) нетронутый пласт, ***мат'ерые годы человека*** – средние годы [РСЯР, 2000, с. 106]. Включены *словообразовательные неологизмы*, созданные способом сложения, свойственным русскому словообразованию, в частности неологизмам В. И. Даля и А. И. Солженицына, например, сложные слова: *медноцв'етный* – похожий по цвету на медь [РСЯР, 2000, с. 107], *малоупр'авный* – плохой распорядитель [РСЯР, 2000, с. 106], м*елкопор'ошье (о снеге)* [РСЯР, 2000, с. 107], *мелкоп'ушье* – кустарник по краю леса [РСЯР, 2000, с. 107]; *любонач'алие* – властолюбие, *любопр'ения* – склонность к спорам, *любостр'анствие* – склонность к путешествиям [РСЯР, 2000, с. 104). По нашим подсчетам, с корнем *-люб-* зафиксировано 49 слов [РСЯР, 2000, с. 104], с корнем *-мал-* – 75 [РСЯР, 2000, с. 105-106], например: *малоп'исьменный* – малограмотный, *малол'ицый, малоз'яблое (дерево), малод'ырое (решето), малодождие, малов'естие* – недостаток вестей, *малод'ознанное* дело, *малодоказанный* и др.

Особого внимания заслуживают *семантические неологизмы*, например: ***лун'ить*** – светить слабым белым светом (от существительного *луна*) [РСЯР, 2000, с. 104], *л'унствовать* – снобр'одить, *лунь* – тусклый свет, тусклая белизна [РСЯР, 2000, с. 104]. Неологизмы: ***бережничать*** – жить, оставаться промышлять на берегу (от существительного *берег*) [РСЯР, 2000, с. 16], ***берл'ожник*** – слеглый медведь (на основе метафорического переноса: зиму медведь проводит лежа в берлоге, спит); ***береж'оха*** – скопидомка, хозяйка (от глагола *беречь* в значении *экономить*) [РСЯР, 2000, с. 16], ***бир'ючий*** – волчий (от существительного ***бирюк***), ***бесчулый*** – черствый, грубый, нечувствительный [РСЯР, 2000, с. 17] и др.

Как видно из сказанного выше, стремление обогатить русский лексикон за счет ресурсов русского языка, включая образование неологизмов, является одной из важных и трудных задач лингвистов и писателей, журналистов, кому не безразлична самобытность русского слова, отражающего русскую ментальность. В связи с этим язык художественных произведений 1960-х гг. А. И. Солженицына представляет интерес с точки зрения реализации его идеи: писать по-русски, используя «живые» слова, уходящие корнями в русскую народную речь. По нашему мнению, эта идея великолепно материализовалась в повести «Матрёнин двор» (1959 г.) [Солженицин, 2000]. Произведем лексический анализ языка этой повести. В целом язык повести отличается экспрессивностью и эмоциональностью, создаваемой диалектными, разговорными, просторечными, лексемами и выражениями, наблюдающимися как в речи персонажей, так и в речи автора.

Так, в речи автора отмечается лексика, раскрывающая ментальные образы России, демонстрирующая «звучание» живой разговорной речи. Например: *Мне просто хотелось в среднюю полосу – без жары, с лиственным* ***рокотом леса****. Мне хотелось* ***затесаться*** *и затеряться в самой* ***нутряной*** *России – если такая где-то была [Солжениын, 2000, с. 145];Мне не спалось на станционной скамье, и я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел крохотный базарец.* ***По рани*** *единственная женщина стояла там, торгуя молоком [Солженицын, 2000, с. 148]; Меня поразила ее речь. Она не говорила, а напевала умильно, и слова ее были те самые, за которыми потянула маня тоска из Азии:– Пей, пей с* ***душою жел'адной****. Ты,* ***потай,*** *приезжий? И узнал, что не все вокруг торфоразработки, что есть за полотном железной дороги – бугор, а за бугром – деревня, и деревня эта – Т'альново, испокон она здесь, еще когда была барыня-«цыганка» и кругом лес лихой стоял. А дальше целый край идет деревень: Часлицы, Овинцы, Спудни, Шевертни, Шестимирово – всё поглуше, от железной дороги подале, к озёрам. Ветром успокоения потянуло на меня от*

этих названий. Они обещали мне ***кондовую*** *Россию [Солженицын, 2000, с. 148]*. Метафора *рокот леса* создается с помощью звукообразного слова *рокот* – однообразный раскатистый звук [СО, 1983, с. 608]. Используются разговорные слова, получающие в контексте семантическое обновление: *затесаться* – спрятаться, стать незаметным; в *нутряной* (России) – в скрытой части, нетронутой урбанизацией (от существительного *нутро* – *внутренность*, что-то глубоко скрытое); наречие *по рани* вместо *рано, к'ондовая* (Россия) – от существительного *к'онда* – 1) боровая крепкая сосна, 2) плотная часть хвойного дерева [РСЯР, 2000, с. 94], *к'ондовый* – с плотной, мелкослойной древесиной, очень прочный [СД, т. 2, 1978, с. 150], в контексте слово получает семантическое приращение: «настоящая Россия: с лесами, озерами, реками, почти не тронутой человеком природой». В речи персонажа данного контекста встречается диалектная лексика: *с желадной* (душою) – с удовольствием, с большой охотой, желанием; *потай* – как водное слово *наверное*. Или в речи автора употребляется диалектная лексика, которая объясняется в тексте. Например: … *она повела меня к одним своим родным, и еще к другим. Но и здесь не нашлось комнаты отдельной, везде было тесно и* ***лопотно*** *[Солженицын, 2000, с. 148];* наречие *лопотно* – от существительного *л'опот* – шумный говор, несвязный шум [СО, 1983, с. 103]; вероятно, от *лопотать* – говорить быстро, неясно. *За входной дверью внутренние ступеньки понимались на просторные* ***мосты****, высоко осененные крышей. Налево еще ступеньки вели вверх в* ***горницу*** – ***отдельный сруб без печи****, и ступеньки вниз, в подклеть. А направо шла сама изба с чердаком и подпольем [Солженицын, 2000, с. 149]; мосты – диал.,* сени, (задняя часть сеней) [СД, т. 2, 1978, с. 350]*; горница – обл.,* чистая половина крестьянской избы [СО, 1983, с. 292]; в тексте слово употреблено в этом значении. *Кроме Матрены и меня, жили в избе ещё: кошка, мыши и тараканы. Кошка была немолода, а главное –* ***колченога****…. Хотя она и ходила на четырех ногах, но сильно* ***прихрамывала:*** *одну ногу она берегла, больная была нога [Солженицын, 2000, с. 151]*. Автор предпочитает литературному слову *хромоногая* просторечное слово ***колченогая*** – *просторечное,* хромоногая. [СО, 1983, с. 253]. *Был святой угол в чистой избе, и иконка Николая Угодника в кухоньке.* ***З'абудни*** *стояли они тёмные, а во время всенощной и с утра по праздникам зажигала Матрёна лампадку [Солженицын, 2000, с. 163]; з'абудни* – образовано от слова *б'удни* – рабочие дни; *б'удничать* – не праздновать какой-либо день, работать [РСЯР, 2000, с. 22]. Автор использует новообразования, например: *Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба – старела в ней* ***беспритульная*** *Матрёна [Солженицын, 2000, с. 170]*. В словаре В. И. Даля: *притул'ять, притул'ить* – 1) прислонить, прикрыть; 2) приютить, дать пристанище, кров [СД, т. 3, 1978, с. 454]. *Беспритульный* – не имеющий укрывища [РСЯР, 2000, с. 16]. Прилагательное *беспритульная* образовано от глагола *притулиться* – прислониться к чему-либо [СО, 1983, с. 253]. с помощью приставки *бес-*. Заметим, что в контексте слово получает семантическую коннотацию «беззащитная» (Матрена). Или: *И вдруг в* ***притёмке*** *у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором [Солженицын, 2000, с. 180]*. В словаре В. И. Даля фиксируются глагол *притемнять* в значении «делать потемнее» [СД, т. 3, 1978, с. 452] и существительное *притёмок* в значении «тёмная каморка или чуланчик без окна» [СД, т. 3, 1978, с. 452]. Существительное *притёмок* образовано с помощью приставки *при-*, оно расширяет словообразовательный ряд с корнем *-тем-: темнеть, темнота, темень, темно.* В контексте названные значения накладываются: это и темная часть избы перед входом в комнату и место у порога, где темнее, чем в комнате, то есть выражается значение неполноты признака «чуть темное», выступая синонимом существительного *тень (притемок) – в тени.*

Следует заметить, что в повести А. И. Солженицын использует как словообразовательные, так и семантические, неологизмы. Например, словообразовательные неологизмы, образованные с помощью приставок и суффиксов: *Без ошибки я мог предположить, что вечером над дверьми клуба будет надрываться радиола, а по улице* ***пображивать*** *пьяные да* ***подпыривать*** *друг друга ножами [Солженицын, 2000, с 147]*. Глаголы с приставкой ***по-*** передают действия, совершаемые время от времени. Или: *Мне не спалось на станционной скамье, и я чуть свет опять побрел по поселку. Теперь я увидел* ***крохотный базарец*** *[Солженицын, 2000, с. 148).]*. Слово с уменьшительным суффиксом ***-ец-*** *базарец* создает смысловую градацию с эпитетом *крохотный,* словесно рисующую очень маленькое место для торговли, то есть *базара.*

Следует заметить, что автор сознательно использует в повести слова, характерные для речи местных жителей, акцентируя в тексте их важ-

ность для говорящих. Например: *Чт'о на завтрак, она не объявляла, да это и догадаться было легко:* ***картовь*** *необлупленная, или суп* ***картонный (так выговаривали все в деревне),*** *или каша ячневая… [Солженицын, 2000, с. 153]; И, простодушно глядя блекло-голубыми глазами, спрашивала: «Ну, а к* ***уж'откому*** *что вам приготовить?» К* ***ужоткому значило – к вечеру****. Ел я дважды в сутки, как на фронте. Что я мог заказать к* ***уж'откому****? Все из того же,* ***картовь*** *или суп* ***картонный*** [*Солженицын, 2000, с.* 154]*; Тут как зима закрутит, да* ***ду'ель*** *в окна, так не только топишь, сколько выдувает [Солженицын, 2000, с. 156];* ***ду'ель*** – метель. Или: *Вынесены и сошта-белёваны были брёвна перед воротами, зять-машинист уехал в Черусти за трактором. Но в тот же день началась* ***мятель – ду'ель, по-матрёниному*** *[Солженицын, 2000, с. 172].* ***Порча*** *– порция: И решила вся деревня, что в Матрене –* ***порча****. «****Порция*** *во мне! – убежденно кивала и сейчас Матрёна. – Возили меня к монашенке одной бывшей лечиться, она меня на кашель наводила – ждала, что* ***порция*** *из меня лягушкой выбросится. Ну, не выбросилась…» [Солженицын, 2000, с. 170].*

Таким образом, с одной стороны, диалектная, разговорная, просторечная пейоративная и мелиоративная, в том числе и устаревшая, лексика должна служить источником пополнения лексики русского литературного языка в периоды его «обеднения», то есть когда появляется необходимость в названии новых явлений, когда часть слов устаревает и не используется в речи, когда поток заимствований увеличивается, отстраняя исконно русские слова и выражения. С другой стороны, при недостатке лексических средств для выражения эмоций, а также смысловых оттенков необходимо создавать новые слова, используя продуктивные словообразовательные модели русского языка, способы образования слов (морфологический, семантический), наделяя слова новыми смысловыми оттенками, развивая многозначность у некоторых слов и др. Мнения авторитетных писателей, лингвистов по поводу развития лексики русского литературного языка и самого русского языка за счет внутренних ресурсов нашли отражение в словарях, художественных произведениях, но следует помнить о том, что языку ничего навязать нельзя, он сам отбирает лучшее, «переваривая» в процессе коммуникации разные языковые единицы, оставляя в себе то, что способствует эффективному выражению смысла и эмоций. Но языковые средства самого языка всегда были и будут источником его развития, пополнения лексики, о чем свидетельствуют лексические процессы XIX в., конца XX–XXI вв., отражающие вхождение в русский литературный лексикон диалектных (особенно в XIX в.) жаргонных, просторечных, а также и заимствованных слов.

Словари, подобные словарю А. И. Солженицына, словари идиостилей писателей представляют большой интерес не только для специалистов, но и для носителей русского языка в целом, так как они демонстрируют потенциал русского языка, его богатство, выразительность, самобытность. Они полезны для начинающих писателей, журналистов для реализации их творческих возможностей.

Попытки образования неологизмов, индивидуально-авторских или в целевых языковых проектах, подобных проекту М. Н. Эпштейна «Дар слова….», по нашему мнению, также необходимы, однако эти языковые новообразования должны быть доступны носителю русского языка, поэтому важно выпускать словари неологизмов. Овладевая неологизмами, языковая личность начинает применять отобранные ею новые слова для разного вида коммуникации, популяризируя их, давая тем самым возможность слову в перспективе освоиться в разговорной речи и войти в русский литературный лексикон.

Библиографический список

1. Арапов М. Наш великий и могучий… // Знамя. 2006. № 2. С. 163-176.

2. Беглова Е. И. Диалектизмы как безэквивалентная русская лексика и средство «оживления» персонажа в произведении И. А. Бунина // Славянские чтения – 2017 / отв. ред. Л. В. Климина. Стерлитамак : СФ БГУ, 2017. С. 134-137.

3. Беглова Е. И. Детерминологизация как лексический процесс в русском литературном языке конца XX–XXI вв. // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации / отв. ред. О. В. Шаталова. Москва : МГОУ, 2018. С. 30-35.

4. Болшев А. О. Авторитарное слово в произведениях Солженицына // Вестник Томского государственного университета. Филология (428). 2018. С. 12-16. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555 (дата обращения: 23.11.2019).

5. Гусейнов Г. Жесть // Знамя. 2006. № 4. С. 173-178.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [в 4 томах]. Москва: Русский язык, 1978.

7. Елистратов В. С. В трехмерном пространстве русского языка // Знамя. 2006. № 3.

8. Знамя. 2006. № 3. 281 с.

9. Коваленко К. В. Окказионализмы из словаря прозы А. И. Солженицына в аспекте структурно-

семантической типологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Сер. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 82-1. С. 166-171. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-slovarya-prozy-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii/viewer (дата обращения: 26.11.2019).

10. Малыгина И. Ю. Русский словарь языкового расширения А. И. Солженицына как форма диалога с русскими писателями XX века (А. Солженицын, Е. Замятин, И. Шмелев) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 1. В 2 частях. Часть 2. С. 34-39. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-slovar-yazykovogo-rasshireniya-a-i-solzhenitsyna-kak-forma-dialoga-s-russkimi-pisatelyami-hh-v-a-solzhenitsyn-e-zamyatin-i-shmelev (дата обращения: 19.11.2019).

11. Мелентьева И. Е. «Страшные слова у Солженицына» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14. Выпуск 2. С. 41-44.

12. Мельникова С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына (на материале «Русского словаря языкового расширения»). – Самара, 1996. – 16 с.

13. Милославский И. Г. Русский язык как культурная и интеллектуальная ценность и как школьный предмет // Знамя. 2006. № 3. С. 151-164.

14. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб. : Норинт, 2001. 720 с.

15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 14-е / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Русский язык, 1983. 816 с.

16. Русский словарь языкового расширения / сост. А. И. Солженицын. 3-е изд-е. Москва : Русский путь, 2000. 280 с.

17. Солженицын А. И. Один день Ивана Денисовича (Рассказы 60-х годов). СПб. : Азбука, 2000. 351 с.

18. Степашкина Е. С. Окказиональные глаголы в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). С. 86-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-glagoly-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer. (дата обращения: 23.11. 2019).

19. Степашкина Е. С. Функционирование окказионализмов в публицистике А. И. Солженицына // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13. Выпуск 6. Журналистика. С. 143-148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-okkazionalizmov-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer (дата обращения: 26.11.2019).

20. Цынк С. В. Лексический потенциал языка в оценке А. И. Солженицына (на материале «Русского словаря языкового расширения»): монография. Москва : НИЯУ МИФИ, 2014. 144 с.

21. Эпштейн, М. Н. Русский язык в свете творческой филологии // Знамя. 2006. № 1. С. 192-207.

Reference List

1. Arapov M. Nash velikij i moguchij… = Our Great and Mighty… // Znamja. 2006. № 2. S. 163-176.

2. Beglova E. I. Dialektizmy kak bezjekvivalentnaja russkaja leksika i sredstvo «ozhivlenija» personazha v proizvedenii I. A. Bunina = Dialectal and Vernacular Words as Russian Nationally Biased Units and Means of Character «Animation» in Ivan Bunin's Piece of Work // Slavjanskie chtenija – 2017 / otv. red. L. V. Klimina. Sterlitamak : SF BGU, 2017. S. 134-137.

3. Beglova E. I. Determinologizacija kak leksicheskij process v russkom literaturnom jazyke konca XX–XXI vv. = Determinologization as a Lexical Process in the Russian Literary Language of Late 20th – early 21st centuries // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii / otv. red. O. V. Shatalova. Moskva : MGOU, 2018. S. 30-35.

4. Bolshev A. O. Avtoritarnoe slovo v proizvedenijah Solzhenicyna = Authoritarian Word in Solzhenitsyn's Works // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija (428). 2018. S. 12-16. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/54030555 (data obrashhenija: 23.11.2019).

5. Gusejnov G. Zhest' = That's Gross // Znamja. 2006. № 4. S. 173-178.

6. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka [v 4 tomah] = Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language (in 4 Volumes). Moskva: Russkij jazyk, 1978.

7. Elistratov V. S. V trehmernom prostranstve russkogo jazyka = In the Three-dimensional Space of the Russian Language // Znamja. 2006. № 3.

8. Znamja = Znamya. 2006. № 3. 281 s.

9. Kovalenko K. V. Okkazionalizmy iz slovarja prozy A. I. Solzhenicyna v aspekte strukturno-semanticheskoj tipologii = Occasional Words from the Dictionary of Alexander Solzhenitsyn's Prose in Terms of Structural and Semantic Typology // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. Ser. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2008. № 82-1. S. 166-171. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalizmy-slovarya-prozy-a-i-solzhenitsyna-v-aspekte-strukturno-semanticheskoy-tipologii/viewer (data obrashhenija: 26.11.2019).

10. Malygina I. Ju. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija A. I. Solzhenicyna kak forma dialoga s russkimi pisateljami XX veka (A. Solzhenicyn, E. Zamjatin, I. Shmelev) = The Russian Dictionary of Language Extensions by A. I. Solzhenitsyn as a Form of Dialogue with the Russian Writers of the 20th Century (A. Solzhenitsyn, E. Zamyatin, I. Shmelev) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 1. V 2 chastjah. Chast' 2. S. 34-39. URL:

https://cyberleninka.ru/article/n/russkiy-slovar-yazykovogo-rasshireniya-a-i-solzhenitsyna-kak-forma-dialoga-s-russkimi-pisatelyami-hh-v-a-solzhenitsyn-e-zamyatin-i-shmelev (data obrashhenija: 19.11.2019).

11. Melent'eva I. E. «Strashnye slova u Solzhenicyna» = «Scary Words in Solzhenitsyn's Works» // Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Ser. Filologija. Zhurnalistika. 2014. T. 14. Vypusk 2. S. 41-44.

12. Mel'nikova S. V. Leksicheskij potencial jazyka v ocenke A. I. Solzhenicyna (na materiale «Russkogo slovarja jazykovogo rasshirenija») = The Lexical Potential of a Language as Assessed by A. I. Solzhenitsyn (Based on the Russian Dictionary of Language Extensions). Samara, 1996. – 16 s.

13. Miloslavskij I. G. Russkij jazyk kak kul'turnaja i intellektual'naja cennost' i kak shkol'nyj predmet = The Russian Language as a Cultural and Intellectual Value and a School Subject // Znamja. 2006. № 3. S. 151-164.

14. Mokienko V. M., Nikitina T. G. Bol'shoj slovar' russkogo zhargona = Unabridged Dictionary of the Russian Jargon / V. M. Mokienko, T. G. Nikitina. SPb. : Norint, 2001. 720 s.

15. Ozhegov S. I. Slovar' russkogo jazyka = The Russian Dictionary. Izd-e 14-e / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Russkij jazyk, 1983. 816 s.

16. Russkij slovar' jazykovogo rasshirenija = The Russian Dictionary of Language Extensions / sost. A. I. Solzhenicyn. 3-e izd-e. Moskva : Russkij put', 2000. 280 s.

17. Solzhenicyn A. I. Odin den' Ivana Denisovicha (Rasskazy 60-h godov) = One day in the Life of Ivan Denisovich (Stories of the 1960s). SPb. : Azbuka, 2000. 351 s.

18. Stepashkina E. S. Okkazional'nye glagoly v publicistike A. I. Solzhenicyna = Occasional Verbs in A. Solzhenitsyn's Non-fictional Works // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 5 (116). S. 86-91. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-glagoly-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer. (data obrashhenija: 23.11. 2019).

19. Stepashkina E. S. Funkcionirovanie okkazionalizmov v publicistike A. I. Solzhenicyna = Occasional Word Functions in A. I. Solzhenitsyn's Non-fictional Works // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istorija. Filologija. 2014. T. 13. Vypusk 6. Zhurnalistika. S. 143-148. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-okkazionalizmov-v-publitsistike-a-i-solzhenitsyna/viewer (data obrashhenija: 26.11.2019).

20. Cynk S. V. Leksicheskij potencial jazyka v ocenke A. I. Solzhenicyna (na materiale «Russkogo slovarja jazykovogo rasshirenija») = The Lexical Potential of a Language as Assessed by A. I. Solzhenitsyn (Based on the Russian Dictionary of Language Extensions): monografija. Moskva : NIJaU MIFI, 2014. 144 s.

21. Jepshtejn, M. N. Russkij jazyk v svete tvorcheskoj filologii = The Russian Language in the Light of Creative Philology // Znamja. 2006. № 1. S. 192-207.

УДК 821.161.1.09 «20»

М. А. Фокина **https://orcid.org/0000-0001-5914-2589**

Метафорические характеристики персонажей в повести А. П. Чехова «Дуэль»

Для цитирования: Фокина М. А. Метафорические характеристики персонажей в повести А. П. Чехова «Дуэль» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 59-65. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-59-65

В статье представлен комплексный филологический анализ метафорических языковых средств, определяющих стилистическое своеобразие повести Антона Павловича Чехова «Дуэль» (1891)». Цель исследования заключается в выявлении структурно-семантических и прагматических свойств художественных метафор, которые характеризуют персонажей и обеспечивают смысловую целостность третьеличного повествования. Изучение образной структуры произведения строится с учетом его субъектно-речевой организации: повествовательного монолога; художественных диалогов, внутренней и косвенной речи персонажей; несобственно-прямой речи, объединяющей речевые планы повествователя и героев. Прагматический потенциал анализируемых языковых единиц проявляется в их активном влиянии на композиционную и содержательную организацию повествования. Характеризуются ключевые метафорические образы, созданные лексико-фразеологическими и синтаксическими средствами языка. Последовательно рассматриваются метафоры с компонентами-антропонимами и зоонимами, а также генитивные конструкции, которые являются выразительными самохарактеристиками и взаимохарактеристиками персонажей повести. Детально анализируются метафорические средства создания текстовой антитезы, раскрывающие основной конфликт повествования: столкновение противоположных жизненных устремлений главных героев произведения. Доминантные метафоры объединяют отдельные композиционные части художественного текста в общее повествовательное пространство и усиливают динамику действия. Диалогизация повествовательного монолога осуществляется путем включения интертекстуальных элементов (имен писателей и литературных героев) и с помошью несобственно-прямой речи: активным взаимодействием речи повествователя и персонажей. Психологизм третьеличного повествования создается обширными текстовыми повторами и градационными рядами, контекстуальной синонимией и антонимией, оценочной лексикой и фразеологией, что формирует эмотивность художественного текста, передающего драматизм изображаемых событий и сложное внутреннее состояние, эмоциональное напряжение героев. Анализируемые метафорические средства выполняют ряд взаимообусловленных текстовых функций: характерологическую, концептуальную, эмотивную, текстообразующую и стилеобразующую. В результате исследования метафор-характеристик в повести А. П. Чехова «Дуэль» выявлена система образных средств и приемов речевой выразительности, которые обладают высоким прагматическим потенциалом и обеспечивают структурно-смысловое единство художественного повествования.

Ключевые слова: метафора, смысловая доминанта, оппозиция, антитеза, градация, антропоним, зооним, генитивная конструкция, прагматический потенциал.

M. A. Fokina

Metaphorical features of characters in short novel «Duel» by A. P. Chekhov

The article presents a philological analysis of metaphorical language means that determine the stylistic originality of Anton Pavlovich Chekhov's short novel «The Duel» (1891). The purpose of the study is to identify the structural-semantic and pragmatic properties of literary metaphors that describe the characters and provide the semantic integrity of the third-person narrative. The study of the short novel image structure takes into account its subjective speech organization: a narrative monologue; literary dialogues, internal and indirect speech of the characters; inner monologue combining the verbal plans of the narrator and the characters. The pragmatic potential of the analyzed language units is manifested in their active influence on the compositional and denotative organization of the narrative. The key metaphorical images created by the lexical-phraseological and syntactic means of the language are characterized. The article also analyzes anthroponymic and zoonymic metaphors as well as genitive constructions which serve as expressive self-characteristics and inter-characteristics of the short novel characters. Metaphorical means of creating a textual antithesis are given particular attention, which provides insight into the main conflict of the narrative: the clash of opposing life aspirations of the main characters. Dominant metaphors bring together the separate compositional parts of the literary text and create a common narrative space enhancing the dynamics of action. Dialogization of the

© Фокина М. А., 2020

narrative monologue is achieved by the inclusion of intertextual elements (names of writers and literary characters) and the use of inner monologue revealing itself through an active interaction of the narrator's speech and that of the characters. The psychologism of the third-person narration is created by extensive textual repetitions and gradation series of words, contextual synonymy and antonymy, evaluative vocabulary and phraseology, which forms the emotiveness of the literary text conveying the drama of the depicted events and the complex internal state and emotional tension of the characters. The metaphorical means under study perform a number of interdependent text functions: characterological, conceptual, emotive, text-forming and style-forming. Based on the study of metaphor characteristics of A. P. Chekhov's «A Duel», the author undertakes to systematize the figurative means and methods of verbal expressiveness that possess a high pragmatic potential and ensure structural and semantic unity of the literary narration.

Keywords: metaphor, semantic dominant, opposition, antithesis, gradation, anthroponym, zoonym, genitive construction, pragmatic potential.

Введение

Выразительный язык художественной прозы Антона Павловича Чехова вызывает большой исследовательский интерес современных ученых, его произведения неоднократно становились объектом активного изучения в отечественной филологии. Общим проблемам поэтики чеховской прозы посвящено исследование А. П. Чудакова [Чудаков, 2016]. В. И. Тюпа представляет разные виды анализа произведений писателя: выявляет циклообразующие связи в «маленькой трилогии» Чехова; определяет дискурсивные особенности «Скучной истории»; характеризует специфику повествования в рассказе «Архиерей» [Тюпа, 2006]. Н. А. Кожевникова описывает звуковые повторы в прозе А. П. Чехова [Кожевникова, 2009а]. Система точек зрения автора и персонажей в повести «Степь» рассматривается в исследовании Н. А. Николиной [Николина, 2003]. Е. Н. Нагорная обосновывает классификацию зоометафор в дискурсе чеховской прозы [Нагорная, 2014]. Ученые Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова активно разрабатывают лексикографический аспект изучения языка писателя, ими подготовлено уникальное издание [Частотный грамматико-семантический словарь … , 2012].

Наше исследование повести А. П. Чехова «Дуэль» носит филологический характер, основывается на принципах дискурсивного изучения художественного повествования [Арутюнова, 1990]; [Женетт, 1998]; [Киклевич, 2018]; [Тюпа 2006]; [Фокина, 2007; 2013]; [Чернявская, 2009; 2016]; [Kiklewicz, 2015]. Структура и семантика повествовательного дискурса разноаспектно рассматриваются в исследованиях отечественных и зарубежных филологов: Р. Барта [1994], Ж. Женетта [1998], Н. А. Кожевниковой [1985], Н. А. Николиной [2003], Е. В. Падучевой [1996], Е. А. Поповой [2001], Т. Б. Радбиля [2017], М. А. Фокиной [2007; 2013], В. Шмида [2003] и др. Большинство исследователей обращает внимание на то, что повествовательная полифония отражает взаимодействие разных голосов в пределах речевой структуры произведения. В художественном повествовании осуществляется диалогизация авторского монолога, в котором представлена речь повествователя и персонажей. Изучение повествовательной структуры художественного текста строится с учетом её основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения [Николина, 2003]. Важную роль в организации художественного повествования выполняют смысловые доминанты текста, в том числе ключевые метафоры. Изучению метафоры в системе языка и речи посвящены исследования Н. Д. Арутюновой [1990], О. Н. Емельяновой [2009], Н. А. Кожевниковой [2009б], В. П. Москвина [2000], Г. Н. Скляревской [1993], В. Н. Телия [1986]; В. К. Харченко [1992] и др. Современные лингвисты традиционно подразделяют метафоры на языковые и речевые (художественные) [Метафора в языке и тексте, 1988]. Художественная метафора отражает индивидуальный взгляд на мир автора, она является «результатом целенаправленных эстетических поисков, уникальна, неповторима (окказиональна), невоспроизводима, выполняет эстетическую функцию и обладает максимальной синтагматической, контекстуальной обусловленностью» [Емельянова, 2009, с. 177].

Цель комплексного анализа ключевых метафор, характеризующих персонажей чеховской «Дуэли», заключается в выявлении структурно-семантических особенностей и прагматических свойств рассматриваемых образных средств, их роли в организации художественного повествования, формировании текстовых смыслов и создании идиостиля писателя.

Анализируемое произведение членится на главы и представляет собой третьеличное повество-

вание, ему свойственны объективация, авторская интроспекция (проникновение неперсонифицированного повествователя во внутренний мир персонажа), контаминация голосов автора и персонажа (несобственно-прямая речь).

Структура и семантика метафор-характеристик в повести А. П. Чехова «Дуэль»

В чеховской повести преобладают метафоры-характеристики с компонентами-антропонимами и зоонимами. Нередко встречаются метафорические выражения с лексемой *человек*: *лишний человек; душа-человек; человек-рубаха; свой человек*. Они употребляются в речи персонажей и являются яркими самохарактеристиками и взаимохарактеристиками героев. Фразеологический оборот *лишний человек* (‘человек, не находящий применения своим силам в обществе’) и метафора *сколок с Рудина* характеризуют одного персонажа (главного героя Лаевского) и являются синонимическими образными средствами. Эти метафоры по смыслу взаимодействуют в тексте повести с образным выражением *жертва времени* и актуализируют его семантику. В речи интеллигентных, образованных героев активно используются известные антропонимы, ставшие прецедентными именами: «он, видите ли, *Фауст, второй Толстой*»; «*сколок с Рудина*» [Чехов, 1985, с. 366; 374] (негативные, саркастические отзывы фон Корена о Лаевском); «королевский стрелок и *Вильгельм Телль*»; «своею нерешительностью я напоминаю *Гамлета*» [Чехов, 1985, с. 427] (Лаевский о себе). Метафоры-зоонимы характеризуют внешние и внутренние качества людей, их поступки и чувства: *тарантул; селезень; макаки; щенки; муха; перелетная птица; кроты; лошадь; бабочка.* Развернутыми метафорами становятся лексемы, создающие центральную текстовую оппозицию: *макаки* (‘бесполезные люди, паразитирующие на чужом труде’) – о Лаевском и Надежде Федоровне; *кроты* (‘хищники, уничтожающие паразитов’) – об участниках дуэли. С их помощью автор изображает разных героев с противоположными жизненными убеждениями. Книжный характер имеют генитивные метафоры, образованные по модели <существительное + существительное в родительном падеже>: *жертва времени* (Лаевский о себе и фон Корен с сарказмом о нем); *звезда науки; гордость отечества* (Самойленко о фон Корене); *светильник церкви* (Самойленко о дьяконе); *царь пустыни* (Лаевский о фон Корене); *осколки крепостничества* (Лаевский о себе и своем поколении). Писатель создает также оценочные метафоры по модели <определение + существительное>: *ловкий мазурик; недурной актер* (фон Корен о Лаевском); *длиннополая аллилуйя* (Самойленко о дьяконе). Контаминацией генитивных и определительных метафор являются распространенные образные выражения: *вялое, нервное отродье крепостного права* (фон Корен с сарказмом о Лаевском, иронически воспроизводя его речь)*; рабы своих нервов* (Лаевский о себе и своем поколении).

С помощью метафор-характеристик создаются выразительные градационные ряды: *роковая жертва времени, веяний, наследственности и прочее; неудачник, лишний человек, неврастеник, жертва времени* (саркастические отзывы фон Корена о Лаевском); *мы для него только рабы, мясо для пушек, вьючные животные* (Лаевский о фон Корене). На основе нескольких стилистических фигур построена реплика Лаевского, адресованная военному доктору Самойленко: «Ты – *старый ребенок*, теоретик, а я – *молодой старик* и практик, и мы никогда не поймем друг друга» [Чехов, 1985, с. 360]. Фраза содержит антитезу с противительным союзом а, контрастные смыслы выражены здесь антонимической парой теоретик – практик и оксюморонными выражениями, образующими лексический хиазм: *старый ребенок – молодой старик*.

Особенности функционирования метафорических характеристик в повествовательном дискурсе

Рассмотрим подробнее особенности употребления метафорических характеристик в тексте произведения, раскроем их функции в повествовательном дискурсе на синтагматическом и парадигматическом уровнях организации текста. Яркие, точные и экспрессивные самооценки и взаимооценки персонажей представлены в речи учёного-зоолога фон Корена и молодого чиновника Лаевского, с образами которых связано развитие основного конфликта произведения.

Окказиональная метафора *макаки* развертывается в речевом плане фон Корена, гневно разоблачающего слабохарактерных и праздных болтунов, лицемеров с рабской психологией, не занятых общественно полезным трудом:

«Вот они каковы *макаки*…Ты слышал, она не хотела бы заниматься букашками и козявками, потому что страдает народ. Так судят нашего брата все *макаки*. *Племя рабское*, лукавое, в десяти поколениях запуганное кнутом и кулаком; оно трепещет, умиляется и *курит фимиам* только пе-

ред насилием, но впусти *макаку* в свободную область, где ее некому брать за шиворот, там она развертывается и дает себя знать… И непременно критикует – *рабская черта*! Ты прислушайся: людей свободных профессий ругают чаще, чем мошенников – это оттого, что общество на три четверти состоит из *рабов*, из таких же вот *макак*. Не случается, чтобы *раб* протянул тебе руку и сказал искренно спасибо за то, что ты работаешь» [Чехов, 1985, с. 392-393].

Контекст представляет собой прямую речь героя, обращенную к Самойленко, и содержит лексический повтор ключевой метафоры *макаки*, которая семантически взаимодействует с метафорой *рабы* и метафорическими выражениями *племя рабское, рабская черта*: *раб* перен. ‘тот, кто слепо и подобострастно исполняет волю другого; тот, кто целиком подчинил чему-либо свою волю, свои поступки’ [Словарь русского языка, 1985-1988, т. 3, с. 574]. Лицемерие интеллигентных фразёров, оторванных от реальной жизни, выражено устойчивым оборотом *курить фимиам* книжн. ирон. ‘льстиво восхвалять кого-либо’ [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, т. 1, с. 340].

Лаевский критически размышляет о своих взаимоотношениях с фон Кореном, дает беспощадные характеристики себе и ему:

«Наши натуры слишком различны. Я *натура вялая, слабая, подчиненная*; быть может, в хорошую минуту и протянул бы ему руку, но он отвернулся бы от меня… с презрением… Я отлично понимаю фон Корена. Это *натура твердая, сильная, деспотическая*. Ты слышал, он постоянно говорит об экспедиции, и это не пустые слова… он порвал с университетом, не хочет знать ученых и товарищей, потому что он прежде всего *деспот*, а потом уж зоолог. И из него, увидишь, *выйдет большой толк*. Он уж и теперь мечтает, что когда вернется из экспедиции, то выкурит из наших университетов интригу и посредственность и *скрутит* ученых *в бараний рог*. Деспотия и в науке так же сильна, как на войне. А живет он второе лето в этом вонючем городишке, потому что *лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым*. Он здесь *король и орел*; он *держит* всех жителей *в ежах* и гнетет их своим авторитетом. Он *прибрал к рукам* всех, вмешивается в чужие дела, всё ему нужно и все боятся его. Я ускользаю из-под его лапы, он чувствует это и ненавидит меня… Я ценю его и не отрицаю его значения; *на таких*, как он, этот *мир держится*…» [Чехов, 1985, с. 398-399].

Ключевой метафорой данного фрагмента является лексема *деспот* перен. ‘самовластный человек, попирающий чужие желания и волю; тиран’ [Словарь русского языка, 1985-1988, т. 1, с. 392], семантически противопоставленная метафорической характеристике *рабы* в предыдущем контексте. Средством развертывания и усиления повествовательного конфликта становится антитеза, выраженная параллельными синтаксическими конструкциями: *натура вялая, слабая, подчиненная* (самохарактеристика Лаевского) – *натура твердая, сильная, деспотическая* (Лаевский о фон Корене). Эти оценочные высказывания содержат антонимические пары: *вялая – твердая; слабая – сильная; подчиненная – деспотическая*. Деспотизм фон Корена характеризуется с помощью устойчивых метафорических оборотов, создающих фразеонабор: *скрутить в бараний рог* прост. экспрес. ‘жестокими притеснениями добиться покорности, полного подчинения кого-либо, расправиться с кем-либо непокорным’ [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, т. 2, с. 245]; *держать в ежах* устар. экспрес. ‘строго, сурово обращаться с кем-либо’ [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, т. 1, с. 196]; *прибрать к рукам* разг. экспрес. ‘подчинить себе, заставлять повиноваться в действиях, поступках’ [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, т. 2, с. 142]. Ключевая метафора *деспот* и метафорические характеристики *король и орёл* с каламбурным созвучием [*рол’*] и [*р’ол*] образуют контекстуальную синонимию и приобретают ироническую окрашенность. Пословица *Лучше быть первым в деревне, чем в городе вторым* также содержит иронию и отражает амбициозное стремление фон Корена доминировать в кругу жителей небольшого провинциального городка. Оценочные суждения Лаевского амбивалентны, они включают как негативные характеристики фон Корена, так и выражают позитивное отношение говорящего: *выйдет большой толк; на таких мир держится.*

Метафорический повтор пронизывает фрагмент авторского повествования, где представлена несобственно-прямая речь Лаевского:

«Он *столкнул с неба свою тусклую звезду, она закатилась*, и след ее смешался с ночною тьмой; она уже не вернется на небо, потому что жизнь дается один раз и не повторяется. Если бы можно было вернуть прошлые дни и годы, он ложь в них заменил бы правдой, праздность – трудом, скуку – радостью, он вернул бы чистоту тем, у кого взял ее, нашел бы Бога и справедливость, но это так же

невозможно, как *закатившуюся звезду вернуть опять на небо*. И оттого, что это невозможно, он приходил в отчаяние» [Чехов, 1985, с. 438].

Метафорический образ закатившейся небесной звезды символизирует жизненный крах Лаевского, несостоятельность его намерений, нереализованность его мечты о содержательной, полезной, трудовой и одухотворенной деятельности. Эта метафора становится смысловой доминантой произведения, вводится автором в текст повествования в переломный момент жизни героя, накануне дуэли с фон Кореном. Метафора *звезда* образует здесь ассоциативные семантические связи с известным библейским выражением *путеводная звезда* восторж. 'то, что направляет, определяет чью-либо жизнь, деятельность' [Фразеологический словарь русского литературного языка, 1997, т. 1, с. 25]. Контекстуальное окружение формирует динамические смыслы: синонимико-антонимические ряды характеризуют прошлое и настоящее Лаевского: *правда, труд, радость* (прежние жизненные ценности) – *ложь, праздность, скука* (нынешнее состояние героя).

Заключение

Метафорические характеристики персонажей повести А. П. Чехова «Дуэль» выполняют ряд взаимообусловленных функций, которые реализуются в динамике текстовых смыслов, в процессе формирования общей семантики художественного повествования. Характерологическая функция проявляется в том, что с помощью метафор писатель создает образы своих персонажей, изображает мысли, чувства и поступки героев, индивидуализирует их речь. Эмотивная функция основывается на экспрессивности метафорических выражений, ориентирована на эмоциональную тональность текста и реализуется в создании авторской модальности. Лексические повторы сквозных метафор, параллельные синтаксические конструкции, обширные градационные ряды, контекстуальные синонимы и антонимы пронизывают повествовательную ткань всего произведения, обеспечивая его структурно-семантическое единство. Так проявляется текстообразующая функция, которая заключается в том, что метафорические характеристики становятся важными вехами читательской интерпретации, точками смыслового пересечения синтагматико-парадигматических текстовых связей. Концептуальная функция метафор реализуется в их способности обобщать авторские идеи, отражать фрагменты его художественной картины мира, передавать содержательно-концептуальную информацию. Стилеобразующая функция метафорических средств заключается в использовании окказиональных метафор, индивидуально-авторских преобразований фразеологических единиц, в создании выразительных стилистических фигур, что характеризует оригинальность творческой манеры писателя, специфику его идиостиля.

Таким образом, в повести А. П. Чехова «Дуэль» активно функционирует система метафорических языковых средств, обладающих высоким прагматическим потенциалом, что проявляется в их способности передавать динамику характеров и событий, создавать яркие характеристики героев произведения, диалогизировать монологическое слово повествователя, формировать текстовую модальность, актуализировать семантику доминантных образов. Ключевые метафоры создаются по продуктивным моделям лексико-фразеологическими и синтаксическими единицами. Текстовое взаимодействие образных средств и речевых приёмов выразительности обеспечивает структурно-смысловую целостность художественного повествования.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Москва : Прогресс, 1990. С. 5-32.

2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / перевод с французского, сост., общ. ред. и вступ. ст. П. С. Косикова. Москва : Прогресс: Универс, 1994. 616 с.

3. Емельянова О. Н. Метафора // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. 2-е изд. Москва : Флинта: Наука, 2009. С. 176-178.

4. Женетт Ж. Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры : в 2 томах. Том 2. Москва : Издательство им.Сабашниковых, 1998. С. 60-280.

5. Киклевич А. К. Теория дискурса и стилистика // Филологические науки : научно-методический журнал. 2018. № 4. С. 3-10.

6. Кожевникова Н. А. Звуковые повторы в прозе А. П. Чехова // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. Москва : Знак, 2009а. С. 337-346.

7. Кожевникова Н. А. О метафорической номинации персонажей в художественных текстах // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. Москва : Знак, 2009б. – С. 613-620.

8. Кожевникова Н. А. О соотношении типов повествования в художественных текстах // Вопросы языкознания : научный журнал. 1985. № 4. С. 104-114.

9. Метафора в языке и тексте : сборник научных статей / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Наука, 1988. 176 с.

10. Москвин В. П. Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи. Волгоград : Учитель, 2000. 198 с.

11. Нагорная Е. Н. Зоометафора в системе языка и в дискурсе чеховской прозы: научная монография. Таганрог : ТГПИ им. А. П. Чехова, 2014. 178 с.

12. Николина Н. А. Филологический анализ текста : учебное пособие. Москва : Издательский центр «Академия», 2003. 256 с.

13. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке) : научная монография. Москва : Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 195-418.

14. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива : научная монография. Липецк, 2001. 268 с.

15. Радбиль Т. Б. Лингвопоэтика и нарратология // Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения: научная монография. Москва : Издательский Дом ЯСК, 2017. С. 423-559.

16. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка : научная монография. Санкт-Петербург : Наука, 1993. 152 с.

17. Словарь русского языка : в 4 томах / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд. Москва : Русский язык, 1985-1988.

18. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц : научная монография. – Москва : Наука, 1986. 269 с.

19. Тюпа В. И. Анализ художественного текста : учебное пособие для студентов. Москва : Издательский центр «Академия», 2006. 336 с.

20. Фокина М. А. Филологический анализ текста : учебное пособие. – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. 140 с.

21. Фокина М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX – XX веков : научная монография. Кострома : КГУ им. Н. А.Некрасова, 2007. 378 с.

22. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 томах / сост. А. И. Фёдоров. Москва : Цитадель, 1997.

23. Харченко В. К. Функции метафоры : научная монография. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1992. 88 с.

24. Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А. П. Чехова с электронным приложением / Кукушкина О. В., Суровцева Е. В., Лапонина Л. В. и др.; под общ. ред. Поликарпова А. А. Москва : МАКС Пресс, 2012. 571 с.

25. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность : учебное пособие. Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. 248 с.

26. Чернявская В. Е. Текст в медиальном пространстве : учебное пособие. Москва : URSS, Книжный дом «Либроком», 2016. 232 с.

27. Чехов А. П. Дуэль // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем [в 30 томах] : Сочинения. Том 7. Москва : Наука, 1985. С. 353-455.

28. Чудаков А. П. Поэтика Чехова. Мир Чехова: Возникновение и утверждение : научная монография. Москва : Азбука, 2016. 704 с.

29. Шмид В. Нарратология. Москва : Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

30. Kiklewicz A. Kategoryzacja dyskursu // Kiklewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. Olsztyn, 2015. S. 15-42.

Reference List

1. Arutjunova N. D. Metafora i diskurs = Metaphor and Discourse // Teorija metafory. Moskva : Progress, 1990. S. 5-32.

2. Bart R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika = Selected Texts: Semiotics: Poetics / perevod s francuzskogo, sost., obshh. red. i vstup. st. P. S. Kosikova. Moskva : Progress: Univers, 1994. 616 s.

3. Emel'janova O. N. Metafora = Metaphor // Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochety / pod red. A. P. Skovorodnikova. 2-e izd. Moskva : Flinta: Nauka, 2009. S. 176-178.

4. Zhenett Zh. Povestvovatel'nyj diskurs = Narrative Discourse // Zhenett Zh. Figury : v 2 tomah. Tom 2. Moskva : Izdatel'stvo im. Sabashnikovyh, 1998. S. 60-280.

5. Kiklevich A. K. Teorija diskursa i stilistika = Discourse Theory and Stylistics // Filologicheskie nauki : nauchno-metodicheskij zhurnal. 2018. № 4. S. 3-10.

6. Kozhevnikova N. A. Zvukovye povtory v proze A. P. Chehova = Phonic Repetitions in A. P. Chekhov's Prose // Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury / sost. E. V. Krasil'nikova, E. Ju. Kukushkina, Z. Ju. Petrova; pod obshh. red. Z. Ju. Petrovoj. Moskva : Znak, 2009a. S. 337-346.

7. Kozhevnikova N. A. O metaforicheskoj nominacii personazhej v hudozhestvennyh tekstah = On Metaphorical Nomination of Characters in Fictional Texts // Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury / sost. E. V. Krasil'nikova, E. Ju. Kukushkina, Z. Ju. Petrova; pod obshh. red. Z. Ju. Petrovoj. Moskva : Znak, 2009b. – S. 613-620.

8. Kozhevnikova N. A. O sootnoshenii tipov povestvovanija v hudozhestvennyh tekstah = On Narrative Type Correlation in Fictional Texts // Voprosy jazykoznanija : nauchnyj zhurnal. 1985. № 4. S. 104-114.

9. Metafora v jazyke i tekste = Metaphor in Language and Text: sbornik nauchnyh statej / otv. red. V. N. Telija. – Moskva : Nauka, 1988. 176 s.

10. Moskvin V. P. Stilistika russkogo jazyka: Priemy i sredstva vyrazitel'noj i obraznoj rechi = Stylistics of the

Russian Language: Figures and Means of Expressive Speech. Volgograd : Uchitel', 2000. 198 s.

11. Nagornaja E. N. Zoometafora v sisteme jazyka i v diskurse chehovskoj prozy: nauchnaja monografija. Taganrog = Zoomorphic Metaphor in the Language System and Discourse of Chekhov's Prose: TGPI im. A. P. Chehova, 2014. 178 s.

12. Nikolina N. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological Analysis of Text: uchebnoe posobie. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. 256 s.

13. Paducheva E. V. Semantika narrativa = Narrative Semantics // Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke): nauchnaja monografija. Moskva : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. S. 195 – 418.

14. Popova E. A. Kommunikativnye aspekty literaturnogo narrativa = Communicative Aspects of Literary Narrative: nauchnaja monografija. Lipeck, 2001. 268 s.

15. Radbil' T. B. Lingvopojetika i narratologija = Linguopoetics and Narratology // Radbil' T. B. Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija: nauchnaja monografija. Moskva : Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. S. 423-559.

16. Skljarevskaja G. N. Metafora v sisteme jazyka = Metaphor in the Language System: nauchnaja monografija. Sankt-Peterburg : Nauka, 1993. 152 s.

17. Slovar' russkogo jazyka = Russian Dictionary: v 4 tomah / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. 3-e izd. Moskva : Russkij jazyk, 1985-1988.

18. Telija V. N. Konnotativnyj aspekt semantiki nominativnyh edinic = The Connotative Aspect of Nominative Units' Semantics: nauchnaja monografija. – Moskva : Nauka, 1986. 269 s.

19. Tjupa V. I. Analiz hudozhestvennogo teksta = Fictional Text Analysis: uchebnoe posobie dlja studentov. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2006. 336 s.

20. Fokina M. A. Filologicheskij analiz teksta = Philological Analysis of Text: uchebnoe posobie. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2013. 140 s.

21. Fokina M. A. Frazeologija v russkoj povestvovatel'noj proze XIX – XX vekov = Phraseology in the Russian Narrative Prose of the 19th-20th Centuries: nauchnaja monografija. Kostroma : KGU im. N. A.Nekrasova, 2007. 378 s.

22. Frazeologicheskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka = Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: v 2 tomah / sost. A. I. Fjodorov. Moskva : Citadel', 1997.

23. Harchenko V. K. Funkcii metafory = Metaphorical Functions: nauchnaja monografija. Voronezh : Izd-vo VGU, 1992. 88 s.

24. Chastotnyj grammatiko-semanticheskij slovar' jazyka hudozhestvennyh proizvedenij A. P. Chehova s jelektronnym prilozheniem = Frequency Dictionary of Semantics and Grammar for A. P. Chekhov's Works with a Digital Application / Kukushkina O. V., Surovceva E. V., Laponina L. V. i dr.; pod obshh. red. Polikarpova A. A. Moskva : MAKS Press, 2012. 571 s.

25. Chernjavskaja V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Text Linguistics: Polycodes, Intertextuality and Interdiscursivity: uchebnoe posobie. Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 248 s.

26. Chernjavskaja V. E. Tekst v medial'nom prostranstve = Text in the Medial Space: uchebnoe posobie. Moskva : URSS, Knizhnyj dom «Librokom», 2016. 232 s.

27. Chehov A. P. Dujel' = «The Duel» // Chehov A. P. Polnoe sobranie sochinenij i pisem [v 30 tomah] : Sochinenija. Tom 7. Moskva : Nauka, 1985. S. 353-455.

28. Chudakov A. P. Pojetika Chehova. Mir Chehova: Vozniknovenie i utverzhdenie = Chekhov's Poetics. Chekhov's World: Emergence and Consolidation: nauchnaja monografija. Moskva : Azbuka, 2016. 704 s.

29. Shmid V. Narratologija = Narratology. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. 312 s.

30. Kiklewicz A. Kategoryzacja dyskursu // Kiklewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. Olsztyn, 2015. S. 15-42.

УДК 811.161.1

Цзян Юань **https://orcid.org/0000-0003-1583-1969**

Отображение короткого *счастья* в трагической жизни средствами номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова

Для цитирования: Цзянь Юань Отображение короткого *счастья* в трагической жизни средствами номинации и предикации в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 66-72. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-66-72

Исследование средств номинации и предикации в языке художественной литературы остается актуальным научным направлением, обогащающим знания лингвистики (шире – филологии) об особенностях частных идиолектов и идиостилей, специфике творческого мышления, порождающего образы конкретных произведений. В настоящей статье поставлена цель рассмотреть значимые в указанном аспекте средства номинации и предикации, которые используются Н. С. Лесковым в тексте произведения «Леди Макбет Мценского уезда» как репрезентанты концепта «Счастье», позволяющие представить трагическую жизнь и раскрыть сущность образа главной героини – Катерины Измайловой. В семантико-стилистическом и концептуальном плане средства номинации и предикации этого текста не подвергались специальному исследованию. На основе методов наблюдения и нацеленной выборки выявлены и проанализированы с привлечением элементов компонентного анализа единицы с семантикой ‘чувство’, которые играют важную стилистическую роль в описании героев и совершаемых ими действий, передают их авторскую (в том числе имплицитную) оценку, служат средствами репрезентации значимого для идейно-художественного плана произведения концепта «Счастье». Установлено, что основными средствами номинации в тексте являются имена существительные, с помощью которых Н. С. Лесковым воссоздаётся атмосфера купеческого быта и нравов, обусловливающая цепь трагических событий в жизни Катерины Измайловой – от обретения короткого счастья до страшной гибели. Наиболее значимыми для развития характера стали лексемы с семантикой ‘чувства’ (*сердце, чувство, любовь* и др.). Сделан вывод о том, что средства номинации и предикации подчинены реализации авторского замысла и решению эстетических и прагматических задач – объяснить, что несчастье и трагедия обусловливаются подменой созидательного чувства любви гибельными страстями.

Ключевые слова: язык художественной литературы, идиолект, идиостиль, Н. С. Лесков, произведение «Леди Макбет Мценского уезда», средства номинации и предикации, семантика ‘чувство’, концепт «Счастье».

Jiang Yuan

Representation of short *happiness* in tragic life through nomaination and predication means in N. S. Leskov’s novella «Lady Macbeth of the Mtsensk district»

The study of nomination and predication means in the language of fiction remains a topical research area that enriches the knowledge of Linguistics (more broadly, Philology) on the peculiarities of idiolects and idiostyles as well as the distinguishing features of creative thinking that generates images of specific literary works. The objective of the current research is to consider the means of nomination and predication used by N. S. Leskov in the «Lady Macbeth of the Mtsensk District» to represent the concept of «Happiness» allowing the author to portray the tragic life and reveal the essence of the main character Katerina Izmailova’s image, deemed significant in the above respect. The nomination and predication means of the text have not been previously addressed in terms of semantic-stylistic and conceptual approach. Based on methods of observation and targeted sampling, lexical units with the semantics of ‘feeling’ are identified and analyzed. Such units play an important stylistic role in the description of characters and their actions conveying the author’s assessment (including the implicit one) and serving means of representation of the «Happiness» concept significant for the ideological and artistic planes of the novella. It is established that the main means of nomination in the text are nouns, with the help of which N. S. Leskov recreates the atmosphere of merchant life and customs which determines the chain of tragic events in the life of Katerina Izmailova – from finding short happiness to meeting a terrible death. Lexemes with the semantics of ‘feeling’ *(heart, feeling, love,* etc.*)* become most significant for character development. It is concluded that the choice of nomination and predication means thoroughly depends on the author’s message and approach to the solution of the aesthetic and pragmatic task seen in explaining that misfortune and tragedy are caused by the substitution of a creative sense of love with disastrous passions.

© Цзян Юань, 2020

Keywords: the language of fiction, idiolect, idiostyle, N. S. Leskov, «Lady Macbeth of the Mtsensk District», means of nomination and prediction, semantics of ‘feeling’, the concept of «Happiness».

Введение

Номинация представляет собой «называние как процесс, конкретное соотнесение слова с данным референтом» [Ахманова, 2020, с. 270; ср.: Крипке (Kripke), 1980], предикация же понимается лингвистами как ментальный акт, необходимый для образования мысли, коммуникации, который заключается в отнесении некоего «содержания, данного предмета мысли к действительности» [Ахманова, 2020, с. 346] и осуществляется в предложении как высказывании, демонстрируя особенности мышления, мировосприятия автора. Средства номинации (слова, неоднословные обозначения, например, фразеологизмы, словосочетания) позволяют соотносить воссоздаваемые им картины, изображаемые объекты, типы, характеры с концептосферой, картиной мира, фрагментами объективной действительности, а также создавать с их помощью фантастические миры, нереальное [см.: Герасименко, 2013; Леденёва, 2019; Щемелинина 2015]. Средства предикации связаны с коммуникативной деятельностью, с передачей информации, так что В. Матезиус, сопоставляя номинацию и предикацию в их назначении, определял первую как акт селекции, а вторую – как акт комбинации [Матезиус, 1967, с. 228; ср.: Шаповалова, 2018, с. 140-144].

Степень разработанности проблемы и материал исследования

Средства номинации и предикации играют важную роль в формировании русского художественного текста. Они нередко рассматриваются исследователями в комплексе на материале отдельного литературного произведения (например, повести Н. В. Гоголя «Шинель» [Рябиничева, 2010, с. 98; ср.: Леденёва, Цзян Юань, 2018, с. 177-179]) или творчества какого-либо автора в целом, при характеристике идиолекта и идиостиля (например, лирики А. А. Фета [Дмитриев, 2014]) и т. п. При этом объектом исследования могут, безусловно, стать отдельные средства номинации и предикации [Лагузова, Эль-Амари, 2018]. Так, Т. И. Кочетковой рассмотрено в данном аспекте словосложение и его результаты в языке [Кочеткова, 2004], О. С. Жарковой – лексика ощущения, восприятия и чувственного представления в поэзии С. А. Есенина [Жаркова, 2003, с. 124-127], М. А. Хлупиной – средства, эксплицирующие профессиональную тематику и соответствуующие ей фрагменты языковой картины мира автора в прозе С. Д. Довлатова [Хлупина, 2014] и т. д.

Средства номинации и предикации анализируются также на материале произведений Н. С. Лескова, например, его романа «Обойденные», повести «Островитяне» и текстов других жанров [Михеева, 2005; Леденёва, 2019], причём средства номинации и предикации понимаются как создающие и организующие художественное пространство ресурсы, которые формируют особенности идиостиля и отражают специфику идиолекта писателя [Леденёва 2000; ср.: Ильинская, 2019]. Несомненно, важно их участие в создании тропов и фигур, понимаемых как «фундаментальные средства формирования языкового мышления» [Святославский, 2019, с. 13] художника слова.

Статья написана с целью представить анализ средств номинации и предикации в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» [Лесков, 2019], указать на роль определённых ресурсов в реализации автором художественного замысла, который связан со стремлением писателя показать разрушительную силу человеческих страстей, приведших к трагическому исходу жизнь Катерины Измайловой, короткое и преступное счастье которой оказалось призрачным. Концепт «Счастье» и средства его репрезентации вызывают в этой связи большой интерес.

Короткое *счастье* трагической жизни Катерины Измайловой в зеркале средств номинации и предикации

Языковое оформление Н. С. Лесковым произведения «Леди Макбет Мценского уезда», как и его проблематика, становилось предметом внимания ряда исследователей, в том числе китайских [Цзян юань, 2019; Чэнь Цзе, 2011]. И. М. Попова, Д. А. Кольцов анализируют в тексте повести, которую в жанровом отношении автор причислил к очеркам, намекая на реалистичность сюжета, интертекстуальные компоненты – «чужое слово» [Попова, Кольцов, 2012], О. А. Блохина – особенности функционирования фразеологизмов [Блохина, 2018], В. С. Усачева – ономастическое пространство произведения [Усачева, 2017]. Мы считаем необходимым рассмотреть использование автором средств номинации и предикации, репрезентирующих сферу чувств, страстей, особенности проявления которых обусловливает специфику концептуализации названия как идиолектемы,

связывает образ главной героини с прецедентным феноменом мировой культуры – *леди Макбет*, героиней сильной и трагической судьбы, созданной В. Шекспиром [ср.: Михеева, Леденёва, 2004].

Основным средством номинации в повести, по нашим наблюдениям, выступают имена существительные. Стилистически значимым является слово *счастье*, с помощью которого обозначено страстное чувство, охватившее героиню после знакомства и сближения с приказчиком Сергеем: *Она обезумела от своего* ***счастия*** [ср.: Михеева, 2007, с. 107]. Названное чувство развеяло облако скуки купеческого дома, наполнив жизнь Катерины Измайловой особым смыслом [Леденёва, Цзян Юань, 2018, с. 181-182].

Показательно изменение семантики данного слова в контексте исследуемого произведения. В русском языке полисемант *счастье* имеет четыре лексико-семантических варианта (ЛСВ) и используется как средство номинации и предикации, то есть способно и номинировать, и характеризовать, несёт ярко выраженный оценочный компонент в семантике каждого ЛСВ, преимущественно мелиоративные коннотации, тяготеет к разговорным ресурсам в переносных (предикатных) значениях: «1. Состояние довольства, благополучия, радости от полноты жизни, от удовлетворения жизнью. || То же, как воплощение чувства любви. 2. Успех, удача (преимущ. случайная). 3. Участь, доля, судьба (простореч., обл.). 4. Им. п. *счастье* употр. как сказуемое главного предложения в знач. очень хорошо, крайне приятно (разг.)» [ТСУ].

В начале истории Катерины Измайловой слово *счастье* означает в тексте сильное чувство, вызванное любовью, которую, наконец, испытала купчиха, а затем начинает обозначать и материальные блага, которые стремятся получить с помощью убийств Катерина Львовна и её любовник (актуализируется сема ‘довольство, благополучие’ в первой семеме, развивается как отрицательно-оценочный компонент сема ‘много’ > имплицитно ‘жадность’): *...Я в том только сумлеваюсь, что* ***счастья*** *уж того нам не будет*. Для достижения этого призрачного *счастья* и совершаются героями многочисленные преступления.

В конце произведения счастье вновь никак не связано в восприятии героини с бытовыми удобствами и достижением удовольствий. Выходя на этап вместе с Сергеем, она счастлива: *...С ним ей и каторжный путь цветёт* ***счастием***. Концепт «Счастье», таким образом, раскрывается в тексте как многослойный: в представлении его Сергеем главным в содержании оказываются 'довольство, комфорт, наличие благ'; любовь его переменчива, и это обусловливает трагическую кончину Катерины, представленную Н. С. Лесковым в финале произведения.

Чувства героев помогает описать автору также лексема *сердце*. Сначала о Катерине Львовне и её отношении к мужу сказано, что ***сердце*** *её к нему никогда особенно не лежало*. Разговорный фразеологизм *сердце не лежит / не лежало* как средство предикации синонимичен фраземе *душа не лежит / не лежала* и указывает на состояние ‘нелюбви’ [ТСУ], представляя лексико-семантическую группу средств репрезентации чувства, отношения. Затем, при описании покоривших Катерину Измайлову эмоций Сергея, автор в речевой партии персонажа передаёт накал страстей с использованием этой лексемы: *У меня, может, все* ***сердце*** *мое в запеченной крови затонуло!*. Показательно, что здесь рядом со словом *сердце* фигурирует лексема *кровь*, с помощью которой писатель предвещает, что любовников ждут преступления. Перед убийством мужа Катерина Львовна чувствует, *как учащенно стукает его ревнивое* ***сердце***. Полисемант реализует в контексте переносное значение, не номинируя *сердце* как орган кровообращения, а указывая на «средоточие переживаний, настроений человека» [ТСУ].

Когда Н. С. Лесков изображает, что героиня – уже осуждённая преступница – видит, как изменяет ей возлюбленный с Сонеткой, то он использует переносное значение с негативнооценочной коннотацией – *сердце* как «символ средоточия какой-н. сильной страсти, преимущ. Гнева» [ТСУ]: *...только пуще у нее* ***сердце*** *кипит*. Можно сказать, что с помощью слова *сердце* изображается то чувство, которое принимают герои повести за любовь. При этом слово *любовь* в тексте также используется, но обозначает не сильное и страстное чувство, а отношения между любовниками: *Или уж тебе и* ***любовь*** *моя прискучила?; ...С нестоящею не надо и* ***любви*** *иметь*.

Результаты проведённого исследования

Анализ показал, что для изображения событий и характеров Н. С. Лескову были особенно важны такие средства номинации, как названия чувств. Писателем, благодаря этим ресурсам, создаётся противопоставление любви / страсти (как имплицитное отражение сосуществования и борьбы светлого и злого начал) и всех остальных человеческих чувств – долга, чести, верности, доброты и т. п. Главная героиня, воспылав страстью к Сергею, перестаёт ощущать все остальные чувства – жа-

лость, радость, интерес, удивление. Это состояние бесчувственности показано автором с глубоким психологизмом и реалистично в сцене признания Катерины Измайловой в злодеяниях с помощью номинаций *гнев* («чувство сильного негодования, возмущения, раздражения»), *изумление* («книжн. Крайнее удивление») [ТСУ], в семантике которых активен количественный компонент ‘много / сильный’, в отрицательных конструкциях: *Катерина Львовна посмотрела на него* ***с немым изумлением****, но* ***без гнева****.* Н. С. Лесков, проявляя себя как тонкий психолог, акциентирует внимание на том, что, узнав о признаниях любовника, свои признания она делает равнодушно и спокойно: *«Я убила»*. Следовательно, всё, кроме поработившей Катерину Измайлову страсти, не кажется героине важным или хоть что-то значащим, и эта косвенно доносимая характеристика изображаемого характера кажется нам существенной.

Стилистически направленно и в соответствии с задачами объяснить читателю, что трагедия, несчастье приходят туда, где нет места созидательной любви, использует Н. С. Лесков в тексте повести лексемы, обозначающие главные для картины мира русского человека понятия: *любовь, добро, свет*. В описании чувств Катерины Львовны они также сопровождаются отрицанием, независимо от характера экспрессивно-оценочной коннотации – положительной или негативной: *Впрочем, для неё не существовало ни* ***света****, ни* ***тьмы****, ни* ***худа****, ни* ***добра****, ни* ***скуки****, ни* ***радостей****.*

Таким образом, Н. С. Лесков показывает искажённую систему ценностей главных героев персонажной зоны, акцентирует внимание на том, что Катерина Измайлова совершает свои злодеяния не столько потому, что стремилась ко злу, сколько потому, что не понимала разницы между злом и добром. Главная героиня повести может показаться ощущающей великое, следовательно, окрыляющее чувство, однако средства номинации и предикации помогают автору передать мысль о темноте и приземлённости её души. *Любовь* же, согласно русской ментальности, должна быть просветляющей ценностью. Страсти и грехи являются движущими силами сюжета повести, именно под их влиянием, чтобы уйти от скуки обыденности, как изображено писателем, совершают преступления Катерина Львовна и Сергей. При этом более сильные страсти писатель назвал и показал в характере женщины, а слова предикатной лексики – глаголы, связанные с обозначением испытываемых чувств, – используются чаще при описании Сергея и в его речевой партии: *Знаю я, вижу и очень даже* ***чувствую*** *и понимаю, что и вам не легче моего на свете*. Приказчик у Н. С. Лескова нередко говорит о своих больших чувствах, причём в качестве средства предикации используются и глаголы чувства, и имена существительные, называющие их, в том числе в сравнительных конструкциях, метафоры: *Я* ***чувствую****, какова есть* ***любовь*** *и как она* ***чёрной змеею сосет*** *мое сердце…* См.: *чувствовать* – «испытывать какое-н. чувство; воспринимать, замечать органами чувств, ощущать что-н. внешнее» [ТСУ].

Выводы

Итак, все средства номинации и предикации с семантикой ‘чувство’ в произведении Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» подчинены цели автора – изобразить особое происшествие, случившееся в обычном российском городке, описать его причины, побуждения совершавших преступления любовников, их чувства и страсти, обнажить иллюзорность короткого счастья Катерины Измайловой. С помощью средств предикации писатель создаёт картину обстоятельств действия и представляет среду обитания героев – жизнь, быт русского купечества. Посредством лексики, связанной с номинацией чувств (*счастье, сердце, любовь* и др.), автор репрезентирует концепт «Счастье» как обусловливающий понимание трагедии жизни Катерины Измайловой. Эта лексика отображает подчинённость героев, в первую очередь Катерины Львовны, страстям и отсутствие созидательного чувства любви. Средствами предикации служат различные языковые ресурсы: имена существительные (*скука*), глаголы лексико-семантической группы ‘чувства, психические состояния’, в том числе метафоры (*сердце кипит*) и др.

Средства номинации и предикации помогают Н. С. Лескову художественно точно и детально воссоздать образ женщины, у которой смещена система ценностей, для которой мало значат сочувствие, стыд, а роль двигателя во всех поступках выполняет страсть – безумная, полностью поглотившая героиню, обманувшая её ожидания счастья.

Результаты исследования могут найти применение при дальнейшем изучении средств номинации и предикации в произведениях различных писателей, при анализе их роли в реализации авторского замысла, экспликации единиц русской концептосферы.

Библиографический список

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Москва : Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.

2. Блохина, О. А. Особенности функционирования

фразеологизмов в очерке «Леди Макбет Мценского уезда» Н. С. Лескова // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства : Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции; отв. ред. Р. Р. Лукманова. Уфа : БГУ, 2018. С. 221-225.

3. Герасименко Н. А. Хронотоп нереального в художественном тексте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 15-18.

4. Дмитриев Д. В. Средства номинации и предикации, реализующие тему поэта и поэзии в лирике А. А. Фета // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2014. № 2. С. 226-234.

5. Жаркова О. С. Образность «белых слов» в поэме С. Есенина «Анна Снегина» // Русский язык: номинация, предикация, образность : Межвузовский сборник научных трудов. Москва : МГОУ, 2003. С. 124-127.

6. Ильинская Т. Б. Ирония как вид комментария у Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 3 (18). С. 16-221.

7. Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке : монография. Оренбург : ОГПУ, 2004. 234 с.

8. Лагузова Е. Н., Эль-Амари О. Н. Составные предикаты в современном русском деловом письме // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 112-114.

9. Леденёва В. В. Концептуализация ипостаси человеческого бытия «дух» в проповеди «О бессмертии» Священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого) // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сборник научных трудов. Вып. 9 / отв. ред. Т. В. Симашко. Москва; Северодвинск : «БИБКОМ», 2019. С. 28-34. URL: https://narfu.ru/sf/sevgi/problem-concept (дата обращения: 25.02.2020)

10. Леденёва В. В. Особенности идиолекта Н. С. Лескова : монография. Москва : МПУ, 2000. 185 с.

11. Леденёва В. В. Предикатный «конвой» в персонажной зоне повести «Островитяне» Н. С. Лескова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : Сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти д. филол. н. профессора Войловой К .А., 25 февраля 2019 г. Москва : ИИУ МГОУ, 2019. С. 128-134.

12. Леденёва В. В., Цзян Юань. О стилистическом потенциале слова *скука* // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации : Сб. научных трудов по итогам международной научной конференции, посвященной 75-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Войловой К. А., 1 марта 2018 г. Москва : ИИУ МГОУ, 2018. С. 175-182.

13. Лесков Н. С. Леди Макбет Мценского уезда. URL: https://ilibrary.ru/text/439/index.html (дата обращения: 25.02.2020)

14. Матезиус В. О системном грамматическом анализе // Пражский лингвистический кружок. Москва : Прогресс, 1967. С. 226-238.

15. Михеева А. А. О концепте «Любовь» в романе Н. С. Лескова «Обойденные» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. № 3. 2007. Москва : Изд-во МГОУ. С. 104-107.

16. Михеева А. А. Средства изображения быта в романе Н. С. Лескова «Обойденные» // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст : Межвузовский сборник научных трудов. Москва : МГОУ, 2005. С. 220-222.

17. Михеева А. А., Леденёва В. В. Идиолектема *Обойденные* как смысловая доминанта романа Н. С. Лескова // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте : Межвузовский сборник научных трудов, посвященный 85-летию профессора А. Н. Кожина. Москва : МГОУ, 2004. С. 308-313.

18. Попова И. М., Кольцов Д. А. Функциональность «чужого слова» в художественном тексте (на материале очерка Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда») // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В. И. Вернадского. 2012. № 2 (40). С. 280-285.

Рябиничева Т. Н. Образ улицы в повести «Шинель» Н. В. Гоголя: аспекты номинации и предикации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 98-102.

20. Святославский А. В. Художественный текст Михаила Пришвина: лингвостилистический аспект : монография. Москва : МПГУ, 2019. 160 с.

21. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 тт. – Москва : Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935-1940. URL http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117 (дата обращения: 25.02.2020)

22. Усачева В. С. Ономастическое пространство в произведении Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Филология и лингвистика в современном мире: Материалы I Международной научной конференции. Москва : Буки-Веди, 2017. С. 26-29.

23. Цзян Юань. Об изучении языка и стиля Н. С. Лескова в Китае // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. № 2. С. 45-51.

24. Хлупина М. А. Слово *журналист* в оценке единицами предикатной лексики (на материале прозы С. Д. Довлатова) // Вестник Московского государственного областного университета. 2012. № 6. С. 34-38.

25. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского госу-

дарственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 5. С. 139-146.

26. Щемелинина И. Н. Номинация *князь* в русской языковой картине мира (по данным сочинения Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 4. С. 6-13. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/ (дата обращения: 25.02.2020)

27. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge. MA : Harvard UP. 1980. 288 p.

28. 陈洁 (Чэнь Цзе). 经典与个性–试论俄罗斯文化传统在列斯科夫作品中的体现【J】. 剑南文 学 – 2011, (9).

Reference List

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvisticheskih terminov = Dictionary of Linguistic Terms. Moskva: Sov. jenciklopedija, 1969. 608 s.

2. Blohina, O. A. Osobennosti funkcionirovanija frazeologizmov v ocherke «Ledi Makbet Mcenskogo uezda» N. S. Leskova = Functional Peculiarities of Phraseological Units in N. S. Leskov's Novella «Lady Macbeth of the Mtsensk District»// Prioritety sovremennoj filologicheskoj nauki v osmyslenii polikul'turnogo prostranstva: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii; otv. red. R. R. Lukmanova. Ufa : BGU, 2018. S. 221-225.

3. Gerasimenko N. A. Hronotop nereal'nogo v hudozhestvennom tekste = Chronotopos of the Surreal in a Fictional Text // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2013. № 6. S. 15-18.

4. Dmitriev D. V. Sredstva nominacii i predikacii, realizujushhie temu pojeta i pojezii v lirike A. A. Feta = Nomination and Predication Means Employed for Developing the 'Poet and Poetry' Theme in A. A. Fet's Lyrics // Vestnik Moskovskogo finansovo-juridicheskogo universiteta. 2014. № 2. S. 226-234.

5. Zharkova O. S. Obraznost' «belyh slov» v pojeme S. Esenina «Anna Snegina» = Imagery of the 'White Words' in S. Esenin's Poem «Anna Snegina» // Russkij jazyk: nominacija, predikacija, obraznost' : Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGOU, 2003. S. 124-127.

6. Il'inskaja T. B. Ironija kak vid kommentarija u N. S. Leskova = Irony as a Commentary Form in N. S. Leskov's Works // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 3 (18). S. 16-221.

7. Kochetkova T. I. Slovoslozhenie kak sredstvo nominacii i predikacii v sovremennom russkom jazyke = Stem Composition as a Means of Nomination and Predication in the Modern Russian Language: monografija. Orenburg : OGPU, 2004. 234 s.

8. Laguzova E. N., Jel'-Amari O. N. Sostavnye predikaty v sovremennom russkom delovom pis'me = Compound Predicates in a Modern Russian Business Letter // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 112-114.

9. Ledenjova V. V. Konceptualizacija ipostasi chelovecheskogo bytija «duh» v propovedi «O bessmertii» Svjashhennoispovednika Luki (Vojno-Jaseneckogo) = Conceptualization of the human existence form 'Spirit' in the sermon «On immortality» Preached by the Confessor Luka Voyno-Yasentsky // Problemy konceptualizacii dejstvitel'nosti i modelirovanija jazykovoj kartiny mira: sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 9 / otv. red. T. V. Simashko. Moskva; Severodvinsk: «BIBKOM», 2019. S. 28-34. URL: https://narfu.ru/sf/sevgi/problem-concept (data obrashhenija: 25.02.2020)

10. Ledenjova V. V. Osobennosti idiolekta N. S. Leskova = Peculiarities of N. S. Leskov's Idiolect: monografija. Moskva : MPU, 2000. 185 s.

11. Ledenjova V. V. Predikatnyj «konvoj» v personazhnoj zone povesti «Ostrovitjane» N. S. Leskova = Predicative 'Convoy' in the Character Domain of N. S. Leskov's Novel «The Islanders» // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: Sbornik nauchnyh trudov po itogam Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj pamjati d. filol. n. professora Vojlovoj K .A., 25 fevralja 2019 g. Moskva : IIU MGOU, 2019. S. 128-134.

12. Ledenjova V. V., Czjan Juan'. O stilisticheskom potenciale slova skuka = On the Stylistic Potential of the Word 'Boredom' // Russkij jazyk v slavjanskoj mezhkul'turnoj kommunikacii: Sb. nauchnyh trudov po itogam mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 75-letiju so dnja rozhdenija doktora filologicheskih nauk, professora Vojlovoj K. A., 1 marta 2018 g. Moskva : IIU MGOU, 2018. S. 175-182.

13. Leskov N. S. Ledi Makbet Mcenskogo uezda = Lady Macbeth of the Mtsensk District. URL: https://ilibrary.ru/text/439/index.html (data obrashhenija: 25.02.2020)

14. Matezius V. O sistemnom grammaticheskom analize = On Comprehensive Grammatical Analysis // Prazhskij lingvisticheskij kruzhok. Moskva : Progress, 1967. S. 226-238.

15. Miheeva A. A. O koncepte «Ljubov'» v romane N. S. Leskova «Obojdennye» = On the Concept of 'Love' in N. S. Leskov's novel «Oboydennye» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. № 3. 2007. Moskva : Izd-vo MGOU. S. 104-107.

16. Miheeva A. A. Sredstva izobrazhenija byta v romane N. S. Leskova «Obojdennye» = Means of Domestic Life Representation in N. S. Leskov's Novel «Oboydennye» // Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi: grammatika i tekst : Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Moskva : MGOU, 2005. C. 220-222.

17. Miheeva A. A., Ledenjova V. V. Idiolektema Obojdennye kak smyslovaja dominanta romana N. S. Leskova = «The Disadvantaged» Ideolecteme as a Conceptual Dominant in N. S. Leskov's Novel «Oboydennye» // Racional'noe i jemocional'noe v jazyke i rechi: sredstva hudozhestvennoj obraznosti i ih stilisticheskoe ispol'zovanie v tekste : Mezhvuzovskij sbornik

nauchnyh trudov, posvjashhennyj 85-letiju professora A. N. Kozhina. Moskva : MGOU, 2004. S. 308-313.

18. Popova I. M., Kol'cov D. A. Funkcional'nost' «chuzhogo slova» v hudozhestvennom tekste (na materiale ocherka N. S. Leskova «Ledi Makbet Mcenskogo uezda») = Functionality of ‘Other Man’s Words’ in a Fictional Text (a Case Study of N. S. Leskov’s Novella «Lady Macbeth of the Mtsensk District») // Voprosy sovremennoj nauki i praktiki. Universitet im. V. I. Vernadskogo. 2012. № 2 (40). S. 280-285.

19. Rjabinicheva T. N. Obraz ulicy v povesti «Shinel'» N. V. Gogolja: aspekty nominacii i predikacii = The Image of the ‘Street’ in N. V. Gogol’s Story «The Overcoat of an Official» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2010. № 2. S. 98-102.

20. Svjatoslavskij A. V. Hudozhestvennyj tekst Mihaila Prishvina: lingvostilisticheskij aspekt = The Fictional Text of Mikhail Prishvin: Linguostylistic Aspect: monografija. Moskva: MPGU, 2019. 160 s.

21. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Russian Dictionary / pod red. D. N. Ushakova. V 4 tt. – Moskva : Gos. in-t «Sov. jencikl.»; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nac. slov, 1935-1940. URL http://enc.biblioclub.ru/Encyclopedia/117 (data obrashhenija: 25.02.2020)

22. Usacheva V. S. Onomasticheskoe prostranstvo v proizvedenii N. S. Leskova «Ledi Makbet Mcenskogo uezda» = The Onomastic Space of N. S. Leskov’s Novella «Lady Macbeth of the Mtsensk District» // Filologija i lingvistika v sovremennom mire: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Moskva : Buki-Vedi, 2017. S. 26-29.

23. Czjan Juan'. Ob izuchenii jazyka i stilja N. S. Leskova v Kitae = On the Study of N. S. Leskov’s Language and Style in China // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2019. № 2. S. 45-51.

24. Hlupina M. A. Slovo zhurnalist v ocenke edinicami predikatnoj leksiki (na materiale prozy S. D. Dovlatova) = The Word ‘Journalist’ through Predicative Lexical Unit Assessment (a Case Study of S. D. Dovlatov’s Prose) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2012. № 6. S. 34-38.

25. Shapovalova T. E. Sintaksicheskoe voploshhenie vremeni v iz#jasnitel'no-ob#ektnom tipe slozhnopodchinjonnyh predlozhenij = The Syntactic Embodiment of Time in Indicative-Objective Complex Sentences // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № 5. S. 139-146.

26. Shhemelinina I. N. Nominacija knjaz' v russkoj jazykovoj kartine mira (po dannym sochinenija G. Kotoshihina «O Rossii v carstvovanie Alekseja Mihajlovicha» = The Nomination of ‘Knyaz’ (the Prince) in the Russian Linguistic World Image (Based on G. Kotoshikhin’s Essay «On Russia in the Reign of Aleksey Mikhailovich») // Jazyk i tekst. 2015. T. 2. № 4. S. 6-13. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/ (data obrashhenija: 25.02.2020)

27. Kripke S. Naming and Necessity. Cambridge. MA : Harvard UP. 1980. 288 p.

28. 陈洁 (Chjen' Cze) . 经典与个性–试论俄罗斯文化传统在列斯科夫作品中的体现【J】. 剑南文 学 – 2011, (9).

УДК 81`42: 811.161.1 (075.8)

Е. В. Бринюк **https://orcid.org/0000-0002-7881-9644**

Специфика репрезентации концепта «человек» в учебном креолизованном тексте по русскому языку как иностранному

Для цитирования: Бринюк Е. В. Специфика репрезентации концепта «человек» в учебном креолизованном тексте по русскому языку как иностранному // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 73-79. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-73-79

В данной научной статье в лингвистическом аспекте исследуется специфика учебных креолизованных текстов, посредством которых транслируются особенности функционирования и содержание концепта «ЧЕЛОВЕК» в рамках учебных изданий по русскому языку как иностранному. Осуществлена опора на основные научные труды, посвящённые проблеме концепта в современной лингвистике, как методологическую базу исследования, учтён опыт квалификации отечественной лексикографией понятия 'человек' как важного для русского культурного пространства. Проведён комплексный анализ вербальных и невербальных компонентов креолизации и их роли в процессе раскрытия данного концепта для иностранного адресата – изучающих русский язык. Представлена самостоятельная классификация выявленных тематических групп, единицами которых происходит актуализация концепта «ЧЕЛОВЕК» в учебниках и учебных пособиях по русскому языку как иностранному. На основе анализа учебного креолизованного текста были описаны наиболее частотные лексемы, являющиеся репрезентантами данного концепта в учебных изданиях. В статье использованы следующие методы исследования: методы синтеза и анализа материала, извлечённого в процессе нацеленной выборки учебных креолизованных текстов, сравнительно-сопоставительный метод, метод наблюдения (мониторинга), а также приём подсчёта креолизованных текстов учебных изданий по русскому языку как иностранному. Данная научная статья может иметь практическое значение для дальнейшего изучения и анализа текстов учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному с точки зрения их практической ценности в рамках процесса обучения, а также для раскрытия лингвокультурного потенциала учебного креолизованного текста.

Ключевые слова: концепт, *человек*, креолизованный текст, вербальные и невербальные элементы креолизации, русский язык как иностранный, учебный текст.

E. V. Brinyuk

Representation of concept of «human» in creolized educational texts for learners of russian as a foreign language

The article examines the linguistic aspect of creolized educational texts (official educational editions) serving a major vehicle for conveying the content and functions of the concept of «Human» to the learners of Russian as a foreign language. The author analyzes the basic works on the concept problem in modern linguistics using them as a methodological basis of the research. Special attention is given to the definitions of words belonging to the «Human» concept cluster deemed important for the Russian language and culture provided by Russian dictionaries. A comprehensive analysis of the verbal and non-verbal components of creolization as well as their role in the elucidation of the above concept to foreign recipient-students of Russian is conducted. The article presents an authorial classification of lexical sets identified in the course of research that are chosen by textbook writers to convey the concept of «Human» in textbooks and manuals on Russian as a foreign language. Based on the analysis of creolized educational texts, the most frequent lexemes representing the above concept in educational publications are described. The author uses the following research methods: analysis and synthesis of the material collected in the process of targeted selection of creolized educational texts, comparative method, method of observation (monitoring), and method of counting creolized educational texts designed for the learners of Russian as a foreign language. The article may be of practical significance for further study and analysis of Russian as a foreign language coursebook texts in terms of their relevance and educational value, as well as for revealing the linguistic and cultural potential of creolized educational texts.

Keywords: concept, «Human», creolized text, verbal and nonverbal elements of creolization, Russian as a foreign language, educational text.

© Бринюк Е. В., 2020

Проблеме изучения природы концепта были посвящены работы Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], Д. С. Лихачёва [Лихачёв, 1997], В. В. Красных [Красных, 2002], В. А. Масловой [Маслова, 2001], Ю. С. Степанова [Степанов, 1997], послужившие развитию данного научного направления в русистике. Несмотря на большое количество работ по данной теме, в настоящее время нет общепринятого толкования термина *концепт*. По мнению Д. С. Лихачёва, концепт представляет собой «намёк на возможное значение» [Лихачёв, 1997, с. 282]. Как отмечал учёный, концепт является более широким понятием, чем словарное значение слова, так как существует не для отдельного слова, а для каждого из значений этого слова.

Н. Д. Арутюнова, подчёркивая взаимосвязь языковой личности и культуры, считала концепты *понятиями* «обыденной философии», появляющимися в процессе взаимодействия фольклора, национальной традиции, идеологии, религии, ощущений, образов искусства, системы ценностей и жизненного опыта [Арутюнова, 1993, с. 3]. Данная точка зрения поддерживается и в научных трудах XXI века. Так, В. В. Красных отмечала, что концепт – это «самая общая, максимально абстрагированная, но конкретно репрезентируемая (языковому) сознанию, подвергшаяся когнитивной обработке идея «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2002, с. 184]. Научные исследования концепта, базирующиеся на взаимодействии человека как носителя определённого языка и элементов культуры, являются ключевыми для нас. В данной статье мы будет руководствоваться не теряющим значимости определением Ю. С. Степанова, согласно которому концепт выступает как основной элемент культуры, а именно: «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека… то, посредством чего человек сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее… тот „пучок” представлений, понятий, знаний, ассоциаций, который сопровождает слово» [Степанов, 1997, с. 61]. Отталкиваясь от этих положений, заключаем, что понимание основных концептов иностранными обучающимися является необходимым для восприятия содержания речи / текстов и эффективной коммуникации с носителями изучаемого языка.

С начала XXI века возрастает интерес к русскому языку у иностранцев и получению высшего образования в нашей стране. Данная тенденция связана, прежде всего, с повышением международного авторитета России. Большую роль при этом играет реализация государственных программ (например, «5-100»), а также создание на базе ведущих университетов подготовительных факультетов для иностранных граждан. Так, в настоящее время, по данным «Российского статистического ежегодника» 2018 года, в 2017-2018 учебном году количество иностранных студентов, которые обучаются в научных организациях и образовательных организациях высшего образования России достигло 260,1 тыс. человек, что стало на 16,1 тыс. человек больше, чем в 2016/2017 учебном году [Российский статистический ежегодник, 2018, с. 201]. Следует отметить, что в планах значится увеличение данного показателя к 2025 году до 720 тыс. человек [Паспорт приоритетного проекта …, 2017].

Задача увеличения контингента иностранных граждан в вузах России напрямую связана с повышением качества обучения русскому языку. Кроме того, необходимо уделять особое внимание учебным текстам по русскому языку как иностранному (РКИ), посредством которых обучающиеся должны не только усваивать грамматическую структуру, но и знакомиться с традициями, обычаями, менталитетом народа-носителя изучаемого языка, что предполагает понимание иностранцами особенностей русской национальной картины мира и концептосферы.

Целью данной работы является анализ учебного текста, представленного в российских изданиях по РКИ, для выявления специфики репрезентации концепта «ЧЕЛОВЕК», который является значимым для формирования гуманитарных культурных ценностей и обмена ими [Апресян, 1995]. Усвоение содержания данного концепта, по нашему мнению, способствует знакомству иностранных обучающихся с русской языковой картиной мира, что имеет большое значение при межкультурной коммуникации с носителями языка и эффективной адаптации иностранных граждан в новой социокультурной среде.

Проблеме анализа концепта «ЧЕЛОВЕК» в современной лингвистике посвящено большое количество работ [Апресян, 1995; Мазитова, 2014; Богуславский, 1994], что подтверждает актуальность данной темы в науке. На базе исследования словарных статей с заголовочным словом *человек* выделим ядро концепта «ЧЕЛОВЕК». Так, по данным «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, *человек* – это наделённый разумом, волей, способностью к речевым дей-

ствиям отдельный представитель людей, то есть «каждый из людей; высшее из земных созданий, одаренное разумом, свободной волей и словесною речью» [Даль, 1882, с. 605]. Однако наиболее полное и актуальное, по нашему мнению, толкование слова-концепта «ЧЕЛОВЕК» представлено в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С. А. Кузнецова, а именно: *человек* – это «1. Живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. 2. Личность как воплощение высоких моральных и интеллектуальных свойств. 3. О каком-л. лице; кто-то, некто. 4. В России до 1917 г.: дворовый слуга или вообще помещичий крепостной слуга» [Большой толковый словарь …, 2000, с. 1470].

Следовательно, *человек* в русской национальной картине мира определяется одновременно и как отдельный представитель биологического класса, и как индивид, имеющий интеллект и определённые моральные качества.

В словаре сочетаемости слов русского языка под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина содержится приблизительно 350 лексем (имён прилагательных), которые могут сочетаться со словом *человек.* Данные имена прилагательные имеют как положительную, так и отрицательную оценку (например, *обаятельный, общительный,* но *грубый, бессердечный*), могут характеризовать настроение человека (*радостный, грустный*), его внешность (*толстый, бородатый*), внутренние качества (*одарённый, скромный*), а также положение в обществе (*влиятельный, богатый*) и т. д. [Словарь сочетаемости…, 1983, с. 655-656]. Слово-концепт «ЧЕЛОВЕК» способно сочетаться также с глаголами (*уважать, любить человека*) и с именами существительными, а именно: человек с чем – *с какими-л. глазами*; человек без чего – *человек без собственного мнения* (о том, какой человек внешне и внутренне) [Словарь сочетаемости…, 1983, с. 655-656]. В НКРЯ содержится 245 235 вводов и контекстов употребления слова *человек*, что в отношении к объему корпуса (288 727 494 слова) составляет 0,08 %. В этой связи мы можем отметить высокую степень частотности использования у носителей русского языка слова *человек*, что подтверждает значимость концепта «ЧЕЛОВЕК» в живой коммуникации и, как следствие, в учебных изданиях по РКИ.

«Словарь синонимов и антонимов современного русского языка» А. С. Гавриловой не содержит антонимов и синонимов к слову человек как имени соответствующего концепта «ЧЕЛОВЕК» [Гаврилова, 2013]. Следовательно, в сознании носителей русского языка данный концепт является уникальным, не имеющим аналогов.

Материал исследования составили следующие учебные издания по РКИ: В. Е. Антоновой (в соавторстве) «Дорога в Россию» (элементарный, базовый и первый сертификационный уровень) [Антонова, Нахабина, Сафронова, Толстых, 2016; Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, 2016], Е. М. Марковой «Говорим, читаем и пишем по-русски» (продвинутый уровень) [Маркова, 2014].

Следует отметить, что дидактический материал учебных изданий по РКИ с учётом их направленности представлен креолизованными текстами, которым в настоящее время уделяется большое внимание лингвистов [Анисимова, 2003; Бринюк, 2017; Бринюк, 2018; Вашунина, 2008; Воробьёва, 2009; Дубовицкая, 2012; Лошаков, 2017; Удод, 2017]. Вслед за Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым под креолизованными мы будем понимать тексты, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов, 1990, с. 180].

На основе анализа учебного креолизованного текста мы выделили тематические группы вербальных и невербальных компонентов креолизации, посредством которых раскрывается концепт «ЧЕЛОВЕК» в перечисленных нами учебных изданиях по русскому языку как иностранному. По нашему мнению, в рамках учебных изданий уместно разделение по территориальной принадлежности, а именно: жители России и иностранцы. В связи с тем, что только 10 % текстов учебников и учебных пособий по РКИ посвящено иностранным гражданам, целесообразно выделить отдельно тематическую группу «Иностранцы», а остальные представить согласно социальной роли героев текстов, их культурной значимости, локативной семантике, свидетельствующей о территории/регионе проживания в России и т. д.

Иностранцы. Данная тематическая группа креолизованных текстов описывает жизнь иностранных студентов в нашей стране. Образ иностранца – это собирательный образ студента, приехавшего в Россию для обучения. Он транслируется посредством отдельных иллюстраций, представляющих иностранцев, выделяющихся особенностями внешнего вида, и диалогов-комиксов с иностранцами для введения или отработки грамматического материала [Антонова, Нахабина, Сафронова, Толстых, 2016, с. 240], единичных

фотографий иностранных граждан в России [Маркова, 2014, с. 134] и текстов, повествующих о жизни иностранных студентов в нашей стране [Антонова, Нахабина, Сафронова, Толстых, 2016, с. 252-253].

Известные люди. Группа креолизованных текстов транслирует информацию о биографии известных деятелей науки и культуры (например, о В. М. Шукшине [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 86-87], А. П. Чехове [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 52-56], Ф. Ф. Конюхове [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 117-120]), об их достижениях (текст «2005 год – 250 лет МГУ» [4, с. 113-115]), а также отрывки из литературных произведений (например, «Экзамен» В. М. Шукшина [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 89-91]; сказка «Каменный цветок» П. П. Бажова [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 36-40]). В качестве невербального компонента креолизации привлекаются портреты и фотографии выдающихся людей, изображения знаковых в их жизни мест и иллюстрации к произведениям художественной литературы. Наиболее частотными являются, согласно нашим наблюдениям, следующие лексемы: слова проприальной лексики – антропонимы-существительные *А. С. Пушкин, М. В. Ломоносов, А. П. Чехов*, а также качественные имена прилагательные, имеющие положительную оценку *великий, известный* как оценочные эпитеты при них.

Человек как член общества. В данной группе находятся креолизованные тексты, характеризующие основные социальные роли, которые может выполнять человек в обществе. В 80 % случаев данные тексты относятся к жителям России, а только 20 % – к иностранным гражданам. Наиболее частотными в них являются лексемы, значения которых обеспечивают презентацию трёх тем. Во-первых, лексемы, принадлежащие к теме «семья», а именно: имена существительные *мама (встречается 201 раз), папа (175 раз), родители (116 раз), брат (254 раза), сестра (161 раз),* атрибутирующие их имена прилагательные с положительной оценкой (например, *дружная семья* [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 10, 59]; *родной дом, семейные традиции* [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 45]); глаголы (*все друг друга любят, всегда помогают друг другу* [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 10]; *поддерживать друг друга и помогать друг другу* [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 59]). Следует отметить, что лексема *семья* в проанализированных нами учебных текстах по РКИ встречается 267 раз, всё это подтверждает значимость для носителей русского языка семейных ценностей и родственных отношений. Во-вторых, к теме «род деятельности» (например, *студент (встречается 464 раза), преподаватель (188 раз), врач (215 раз)* и, в-третьих, к теме «социальные взаимоотношения» (например, *друг (547 раз), подруга (281 раз), гости (136 раз)*. Частотность лексем, принадлежащих к экспликаторам двух последних тем, объясняется коммуникативной направленностью учебных изданий по РКИ – описать социальную структуру и социальные роли для создания эффективной межкультурной коммуникации иностранных обучающихся на русском языке. Креолизованные тексты данной группы представлены в виде диалогов-образцов, отражающих реальные ситуации общения (например, «В кабинете терапевта» [Маркова, 2014, с. 69-70], «В магазине» [Маркова, 2014, с. 88], «Паспортный контроль» [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 47]), а также текстов для чтения (например, «Система образования в России» [Антонова, Нахабина, Толстых, 2016, с. 79-83]). Данные тексты помогают иностранцам «войти» в новую для них социальную среду с её ценностями и по возможности эффективно адаптироваться в ней.

Внешность и характер. В связи с выделением нами отдельной группы «Иностранцы», к данной тематической группе мы будем относить только тексты, описывающие внешность, характер, особенности вербального и невербального поведения носителей русского языка. Следует отметить, что в учебных изданиях по РКИ в качестве иллюстративного материала в 99 % случаев привлекаются рисунки и фотографии, изображающие особенности внешности, а также креолизованные тексты, описывающие характер и менталитет именно русских, но не других народов России (например, «Душевность русского человека» [Маркова, 2014, с. 21], «Пассивность, созерцательность русских» [Маркова, 2014, с. 51], «Пренебрежение к закону и стремление к справедливости у русских» [Маркова, 2014, с. 59-60], «Импульсивность, безоглядность русских» [Маркова, 2014, с. 71], «Особенности русского невербального поведения» [Маркова, 2014, с. 89-90], «О русской улыбке» [Маркова, 2014, с. 98-99]). Сама же лексема *русский* используется 365 раз, в отличие от менее частотной лексемы *российский* (124 раза). Кроме того, отсутствуют тексты, посвящённые различию лексем *русский* и *российский,* хотя они имеют разную концептуальную основу даже при характеристике *человека:* семы 'национальный' и 'государствен-

ный' не акцентируются. Несмотря на то, что в учебном издании «Дорога в Россию» мы находим креолизованный текст «Население России. Языки» [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 15-16], рассказывающий о народах, населяющих Российскую Федерацию, это является, по нашему мнению, недостаточным для формирования у иностранных реципиентов представлений о России как о многонациональной стране.

Традиции и быт. Креолизованные тексты данной группы затрагивают одновременно традиции и особенности быта жителей России. Следует отметить, что креолизованные тексты, посвящённые традициям, представлены в страноведческих текстах для чтения (например, «Праздники в России» [Маркова, 2014, с. 81-83], «С Новым годом! С новым счастьем!» [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 62-63], «Праздник со слезами на глазах…» [Антонова, Нахабина, Толстых, 2017, с. 79-81]) и относятся ко всем жителям Российской Федерации. Креолизованные же тексты, знакомящие иностранных адресатов с бытом людей в России, повествуют исключительно о быте русских (текст «Что такое соборность» [Маркова, 2014, с. 28-29]). Так, в креолизованном тексте «В гостях у русских» содержится информация о приёме гостей, об этапах русского застолья, традиционных блюдах на столе, а также специфике выбора подарка для хозяев дома [Маркова, 2014, с. 41-42]. Следовательно, особенности быта других народов, населяющих Россию и использующих государственный – русский – язык, остаются без внимания.

Таким образом, концепт «ЧЕЛОВЕК» в учебных изданиях по РКИ транслируются вербальными и невербальными компонентами креолизации, принадлежащими к тематическим группам «Иностранцы», «Известные люди», «Человек как член общества», «Внешность и характер», «Традиции и быт». Креолизованные тесты группы «Человек как член общества» отражают основные социальные роли и специфику общественных отношений, принятых в России. Следовательно, данные тексты занимают важное место в процессе социальной адаптации иностранных граждан в новых для них условиях жизни. Креолизованные тексты групп «Внешность и характер», «Традиции и быт», по нашему мнению, не могут сформировать у иностранных реципиентов полноценных представлений о населении Российской Федерации, что может привести к коммуникативному сбою в процессе общения иностранных граждан со многими народами, проживающими на территории России. Следовательно, по нашему мнению, в учебные издания по РКИ первого сертификационного уровня целесообразно включать тексты для чтения, описывающие внешность, традиции и особенности жизни различных народов, населяющих Россию.

Библиографический список

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. Москва : Academia, 2003. 128 с.

2. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Сафронова М. В., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (элементарный уровень). 14-е изд. Санкт-Петербург : Златоуст, 2016. 344 с.

3. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (базовый уровень). 11-е изд. Москва : Центр международного образования МГУ имени М. В. Ломоносова; Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. 256 с.

4. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень) : в 2 т. : Т. 1. 9-е изд. Санкт-Петербург : Златоуст, 2016. Т. I. 200 с.

5. Антонова В. Е., Нахабина М. М., Толстых А. А. Дорога в Россию: учебник русского языка (первый уровень) : в 2 т. : Т. 2. 7-е изд. Санкт-Петербург : Златоуст, 2017. 184 с.

6. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка // Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Москва : Языки русской культуры, 1995. 767 с.

7. Арутюнова Н. Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. статей / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. Москва : Наука, 1993. С. 3.

8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. Москва : Языки русской культуры, 1999. 895 с.

9. Богуславский В. М. Человек в зеркале русской культуры, литературы, языка. Москва : Космополис, 1994. 237 с.

10. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. 1536 с.

11. Бринюк Е. В. Креолизация как средство раскрытия концепта «природа» (на материале учебника по русскому языку как иностранному) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 5. С. 8–15.

12. Бринюк Е. В. Особенности раскрытия концепта «РОДИНА» средствами креолизованного текста в учебном издании по русскому языку как иностранному // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. № 3. С. 29-37.

13. Вашунина И. В. Особенности оценки креолизованного текста в зависимости от параметров иллюстрации // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 4. С. 223-227.

14. Воробьёва Е. В. К вопросу о взаимодействии вербальных и визуальных средств в креолизованном тексте // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. Т. 44. № 10. С. 54-58.

15. Гаврилова А. С. Словарь синонимов и антонимов современного русского языка. 50 000 слов. Москва : Аделант, 2013. 800 с.

16. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / [Соч.] Владимира Даля. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Т. 1-4. Санкт-Петербург ; Москва : М. О. Вольф, 1880-1882 (Санкт-Петербург). 4 т.; P – V. 1882. [4]. 704 с.

17. Дубовицкая Л. В. Транскультурная интертекстуальность на примере креолизованных текстов письменной коммуникации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2012. № 1. С. 18-23.

18. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В. В. Красных. Москва : Гнозис, 2002. 282 с.

19. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология / под общ. ред. В. П. Нерознака. Москва : Academia, 1997. С. 280-287.

20. Лошаков А. Г. Текст остаётся текстом? (круглый стол) / А. Г. Лошаков, И. С. Папуша, Е. И. Беглова и др. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 2. С. 3-7. URL: www.evestnik-mgou.ru. Текст : электронный.

21. Мазитова Е. И. Учёт функционально-смысловых и национально-культурных особенностей фразеологизмов в сопоставительных исследованиях (на примере лексико-фразеологического поля «Физическое состояние человека»). Москва : ИИУ МГОУ, 2014. С. 12-16.

22. Маркова Е. М. Говорим, читаем и пишем по-русски (русский язык на курсах) (продвинутый уровень) : учебное пособие. Москва : ООО «Диона», 2014. 136 с.

23. Маслова В. А. Лингвокультурология : Учеб. пособие для студентов вузов / В. А. Маслова. Москва : Academia, 2001. 208 с.

24. Паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования», утверждён президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам 30 мая 2017 г., протокол № 6.

25. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат. сб. / Росстат. Москва, 2018. 694 с.

26. Словарь сочетаемости слов русского языка : Ок. 2500 словар. статей / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина; Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. Москва : Рус. яз., 1983. 688 с.

27. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. Москва : Наука, 1990. С. 180-186.

28. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. Москва : Языки русской культуры, 1997. 824 с.

29. Удод, Д. А. Функционирование лексических средств художественной выразительности в креолизованном тексте буклета музыкального альбома // Верхневолжский филологический вестник: научный журнал. 2017. № 1. С. 82-84.

Reference List

1. Anisimova E. E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov) = Text Linguistics and Cross-Cultural Communication (a Case Study of Creolized Texts): Ucheb. posobie dlja stud. fak. inostr. jaz. vuzov. Moskva: Academia, 2003. 128 s.

2. Antonova V. E., Nahabina M. M., Safronova M. V., Tolstyh A. A. Doroga v Rossiju: uchebnik russkogo jazyka (jelementarnyj uroven') = A Road to Russia: Russian Textbook (Elementary). 14-e izd. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2016. 344 s.

3. Antonova V. E., Nahabina M. M., Tolstyh A. A. Doroga v Rossiju: uchebnik russkogo jazyka (bazovyj uroven') = A Road to Russia: Russian Textbook (Basic). 11-e izd. Moskva : Centr mezhdunarodnogo obrazovanija MGU imeni M. V. Lomonosova; Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2017. 256 s.

4. Antonova V. E., Nahabina M. M., Tolstyh A. A. Doroga v Rossiju: uchebnik russkogo jazyka (pervyj uroven') = A Road to Russia: Russian Textbook (Level 1): v 2 t. : T. 1. 9-e izd. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2016. T. I. 200 s.

5. Antonova V. E., Nahabina M. M., Tolstyh A. A. Doroga v Rossiju: uchebnik russkogo jazyka (pervyj uroven') = A Road to Russia: Russian Textbook (Level 1): v 2 t. : T. 2. 7-e izd. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2017. 184 s.

6. Apresjan Ju. D. Obraz cheloveka po dannym jazyka = Human Image through Language Data // Izbrannye trudy: v 2 t. T. 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, 1995. 767 s.

7. Arutjunova N. D. Vvedenie = Introduction // Logicheskij analiz jazyka. Mental'nye dejstvija: sb. statej / otv. red. N. D. Arutjunova, N. K. Rjabceva. Moskva : Nauka, 1993. S. 3.

8. Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka = The Language and the World of Human. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1999. 895 s.

9. Boguslavskij V. M. Chelovek v zerkale russkoj kul'tury, literatury, jazyka = Man in the Mirror of Russian Culture, Literature and Language. Moskva : Kosmopolis, 1994. 237 s.

10. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Unabridged Russian Dictionary / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : «Norint», 2000. 1536 s.

11. Brinjuk E. V. Kreolizacija kak sredstvo raskrytija koncepta «priroda» (na materiale uchebnika po russkomu jazyku kak inostrannomu) = Creolization as a Means of Elucidation of the Concept of «Nature» (a Case Study of a Textbook of Russian as a Foreign Language) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2017. № 5. S. 8—15.

12. Brinjuk E. V. Osobennosti raskrytija koncepta «RODINA» sredstvami kreolizovannogo teksta v uchebnom izdanii po russkomu jazyku kak inostrannomu = Peculiarities of the «Motherland» Concept Elucidation through a Creolized Text in a Coursebook of Russian as a Foreign Language // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblast-

nogo universiteta. Serija: Russkaja filologija. 2018. № 3. S. 29-37.

13. Vashunina I. V. Osobennosti ocenki kreolizovannogo teksta v zavisimosti ot parametrov illjustracii = Peculiarities of Creolized Text Assessment Based on Various Illustrative Parameters // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2008. № 4. S. 223-227.

14. Vorob'jova E. V. K voprosu o vzaimodejstvii verbal'nyh i vizual'nyh sredstv v kreolizovannom tekste = In Relation to the Interaction of Verbal and Visual Media in a Creolized Text // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. T. 44. № 10. S. 54-58.

15. Gavrilova A. S. Slovar' sinonimov i antonimov sovremennogo russkogo jazyka = Contemporary Russian Dictionary of Synonyms and Antonyms. 50 000 slov. Moskva: Adelant, 2013. 800 s.

16. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka = = Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language / [Soch.] Vladimira Dalja. 2-e izd., ispr. i znach. umnozh. po rukopisi avt. T. 1-4. Sankt-Peterburg ; Moskva : M. O. Vol'f, 1880-1882 (Sankt-Peterburg). 4 t.; R – V. 1882. [4]. 704 s.

17. Dubovickaja L. V. Transkul'turnaja intertekstual'nost' na primere kreolizovannyh tekstov pis'mennoj kommunikacii = Transcultural Intertextuality through the Example of Creolized Texts in Written Communication // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Lingvistika. 2012. № 1. S. 18-23.

18. Krasnyh V. V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: lekcionnyj kurs = Etnopsycholinguistics and Cultural Linguistics: a Lecture Course / V. V. Krasnyh. Moskva : Gnozis, 2002. 282 s.

19. Lihachjov D. S. Konceptosfera russkogo jazyka = Sphere of Concepts in the Russian Language // Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija / pod obshh. red. V. P. Neroznaka. Moskva : Academia, 1997. S. 280-287.

20. Loshakov A. G. Tekst ostajotsja tekstom? (kruglyj stol) = Does a Text Remain a Text? (round table discussion) / A. G. Loshakov, I. S. Papusha, E. I. Beglova i dr. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (jelektronnyj zhurnal). 2017. № 2. S. 3-7. URL: www.evestnik-mgou.ru. Tekst : jelektronnyj.

21. Mazitova E. I. Uchjot funkcional'no-smyslovyh i nacional'no-kul'turnyh osobennostej frazeologizmov v sopostavitel'nyh issledovanijah (na primere leksiko-frazeologicheskogo polja «Fizicheskoe sostojanie cheloveka») = Consideration of Functional, Notional and Cultural Characteristics of Phraseological Units in Comparative Studies. Moskva : IIU MGOU, 2014. S. 12-16.

22. Markova E. M. Govorim, chitaem i pishem porusski (russkij jazyk na kursah) (prodvinutyj uroven') = Let's speak, read and write in Russian (an advanced course of Russian): uchebnoe posobie. Moskva: OOO «Diona», 2014. 136 s.

23. Maslova V. A. Lingvokul'turologija = Cultural Linguistics: Ucheb. posobie dlja studentov vuzov / V. A. Maslova. Moskva : Academia, 2001. 208 c.

24. Pasport prioritetnogo proekta «Razvitie jeksportnogo potenciala rossijskoj sistemy obrazovanija», utverzhdjon prezidiumom Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po strategicheskomu razvitiju i prioritetnym proektam 30 maja 2017 g., protokol № 6 = «Development of the Export Potential of the Russian Education System» priority project charter, approved by the general committee of the Presidential Council for strategic development and national projects (report of proceedings 30 May 2017 № 6).

25. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2018 = Russian Statistical Yearbook. 2018: Stat.sb. / Rosstat. Moskva, 2018. 694 s.

26. Slovar' sochetaemosti slov russkogo jazyka = Russian Combinatory Dictionary: Ok. 2500 slovar. statej / In-t rus. jaz. im. A. S. Pushkina; pod red. P. N. Denisova, V. V. Morkovkina. 2-e izd., ispr. Moskva : Rus. jaz., 1983. 688 s.

27. Sorokin Ju. A., Tarasov E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija = Creolized Texts and Their Communicative Function // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. Moskva : Nauka, 1990. S. 180-186.

28. Stepanov Ju. S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija = The Constants. Dictionary of Russian Culture. Experience of Research. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1997. 824 s.

29. Udod, D. A. Funkcionirovanie leksicheskih sredstv hudozhestvennoj vyrazitel'nosti v kreolizovannom tekste bukleta muzykal'nogo al'boma = Functions of Artistic Expression Lexis in the Creolized Text of a Music Release Booklet // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik: nauchnyj zhurnal. 2017. № 1. S. 82-84.

УДК 81

М. Н. Кулаковский **https://orcid.org/0000-0001-8826-0883**

Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте

Для цитирования: Кулаковский М. Н. Уточняющие функции вставных конструкций в художественном тексте // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 80-85. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-80-85

В статье рассматриваются особенности использования вставных конструкций, имеющих характер уточнения, в структуре художественного текста. Материалом исследования послужили произведения русской художественной прозы первой половины XX века (романы и рассказы М. Агеева, М. А. Алданова, А. Белого, И. А. Бунина, Е. И. Замятина, И. А. Ильфа и Е. П. Петрова, В. В. Набокова, М. А. Осоргина, Б. А. Пильняка, М. И. Цветаевой) и тексты современной русской литературы последних десятилетий (произведения Е. Г. Водолазкина, Б. Кенжеева, А. А. Матвеевой, И. Ф. Сахновского, Т. Соломатиной, Л. Е. Улицкой). В работе анализируются основные направления изучения вставных конструкций (в аспекте гендерной лингвистики, с точки зрения нарушения линейности речи, связи вставных конструкций с основным содержанием высказывания, в аспекте организации хронотопа, особенности употребления в конкретных жанрах и художественных направлениях). Определяются наиболее характерные функции вставок в плане передачи уточняющей информации, их связь с различными текстовыми уровнями, роль в общей структуре художественного текста. Отмечается, что подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого. В зависимости от способа уточнения выделяются основные функциональные типы данных вставных конструкций: вставки, оформляющие прямое уточнение, уточнение путем перечисления составных элементов, уточнение путем приведения примера, уточнение путем исключения, уточнение путем информативного расширения, уточнение-акцентирование путем повтора.

Ключевые слова: вставные конструкции, художественный текст, функциональные типы вставных конструкций, временной план, взаимодействие речевых планов, уточняющая информация, детализация, информативное расширение, повтор, комический эффект.

M. N. Kulakovsky

Clarifying functions of parenthetic constructions in literary text

The article focuses on the use of parenthetic constructions with a clarifying function in the literary text structure. The study is based on works of the Russian literary prose of the first half of the 20th century (novels and stories by M. Ageev, M. A. Aldanov, A. Bely, I. A. Bunin, E. I. Zamyatin, I. A. Ilf and E. P. Petrov, V. V. Nabokov, M. A. Osorgin, B. A. Pilnyak, M. I. Tsvetaeva) and texts of the contemporary Russian literature of the recent decades (works of E. G. Vodolazkin, B.Kenzheyev, A. A. Matveeva, I. F. Sakhnovsky, T. Solomatina, L. E. Ulitskaya). The article analyzes the basic trends of studying parenthetic constructions (in terms of gender linguistics, delinearisation of speech, link of parenthetic constructions to the main content of the utterance, chronotopos organization, peculiarities of their use in texts representing certain genres and literary movements). The article points out the most typical functions of parenthetic constructions with regard to clarifying information, addresses the question of their correlation with different text levels, and defines their role in the general structure of a literary text. It is noted that such constructions specify the concept presented in the scope of the main context by referring to its form or kind or emphasizing its most important notional component. The following functional types of parenthetic constructions can be distinguished in terms of way of clarification: constructions expressing direct explication, explication via component enumeration, explication by exemplification, explication via component exclusion, explication via informative extension, explication-accentuation via component repetition.

Keywords: parenthetic constructions, literary text, functional types of parenthetic constructions, time plan, interaction of speech plans, clarifying information, detailization, informative extension, repetition, comic effect.

Вставные конструкции как яркий элемент экспрессивного синтаксиса в последнее время стали объектом пристального внимания многих исследователей. При этом рассмотрение их идет в различных аспектах: в аспекте гендерной лингвистики [Кучмезова, 2011], с точки зрения нарушения линейности речи [Гаврилова, 2016], связи вставных конструкций с основным содержанием вы-

© Кулаковский М. Н., 2020

сказывания [Балягина, 2015], в аспекте организации хронотопа [Янковская, 2009]. Рассматриваются они и как показатель расчленения текста [Марьина, 2009].

Анализируются особенности употребления вставок в конкретных жанрах [Марьина, 2017], текстах различных художественных направлений. Так, О. В. Марьина отмечает, что «в постмодернистских художественных текстах выявлены те же самые функции вставных конструкций, что и в прозаических текстах реалистической направленности» [Марьина, 2015, с. 255].

Рассматривается роль вставок и в поэтическом тексте [Афанасьева, 2016]. Отмечаются новые тенденции употребления вставных конструкций, например создание общего коммуникативного пространства, «в котором повествование приобретает черты диалога рассказчика с самим собой или с читателем» [Элатик, 2017, с. 182].

Одной из характерных функций вставных конструкций в художественном тексте является уточнение информации основного предложения. Так, Ю. О. Кальниченко, анализируя особенности использования В. В. Набоковым вставных конструкций в «Других берегах», отмечает, что «функция уточнения позволяет В. В. Набокову комментировать поступки героя, дать описание его внешнего вида, а также обрисовать место происходящих событий и пр.» [Кальниченко, 2014, с. 71].

Подобные вставки конкретизируют определенное понятие, представленное в рамках основного контекста, с помощью указания на его разновидность или путем актуализации наиболее важной части целого. В зависимости от способа уточнения выделяются следующие функциональные типы вставных конструкций.

Вставная конструкция может содержать **прямое уточнение** информации.

Городу же ***(городу Ордынину)*** *– июль, и селам и весям – весь год* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

Информативная конкретизация основного контекста может быть подчеркнута с помощью вводного слова.

Около 16 ***(точнее, без десяти 16)*** *я был дома* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

Уточнение может происходить и через сопоставление информации, представленной в различных системах отсчета.

А в девять ***(половина седьмого по солнцу)*** *Иван Спиридонович … пошел в больницу…* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

При этом конкретизироваться может представленная в предтексте и уже знакомая читателю ситуация или связанное с ней определенное понятие.

…Она [Магда] как бы вернулась в ту темноту ***(темноту маленького кинематографа)****…* (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Там, на углу Большого и Зверинской, я теперь снова живу. Оказывается, по настоянию врачей ***(читай – Гейгера)*** *городские власти выкупили бывшую мою коммуналку, сделали в ней ремонт и поместили там меня* (Е. Водолазкин. Авиатор) [Водолазкин, 2016].

Подобное уточнение достаточно часто связано с переключением временного плана, когда автор отсылает читателя к уже известной ситуации.

К его ужасу, оказалось, что напечатанные на карте цены ***(те самые, которые ему называли)*** *зачеркнуты…* (М. Алданов. Ключ) [Алданов, 1990].

В некоторых случаях, конкретизируя ситуацию или определенного персонажа, повествователь намеренно не называет их, заставляя читателя самостоятельно вспомнить предтекст.

– Между тем: до…до…до… до «того» ***(того самого)****…* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

Вставные конструкции могут конкретизировать произносимую или внутреннюю речь персонажа. Подобные вставки характеризуются функциональной синкретичностью, поскольку в них наблюдается взаимодействие различных речевых планов (например, могут появиться элементы несобственно-прямой речи).

Шляпы Вася не носил, как из соображений гигиенических ***(надо, чтобы волосы дышали свободно!)****, так и потому, что шляпа его совершенно просалилась…* (М. Осоргин. Сивцев Вражек) [Осоргин, 1989].

Даёт по газам. Видавшая виды древняя красная «восьмёрка» ***(она же «зубило»)*** *– шик комсомольской номенклатуры времён «ЧП районного масштаба»* (Т. Соломатина. Одесский фокстрот) [Соломатина, 2013].

Конкретизация может кардинально изменять информацию основного предложения (чаще всего это касается речевого оформления передаваемой информации).

Рассказывают, что его ***(или, вернее, ее)*** *происхождение связано с вопросом о вивисекции* (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков,1990].

Такое уточнение может мотивироваться контрастом между формальным названием предмета

и его реальными характеристиками (например, размером).

*... Большой **(вернее, очень маленький)** палец зажат внутрь…* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

В синкретичных типах вставных конструкций (совмещающих значение уточнения и оценочности) наблюдается взаимодействие различных планов восприятия.

*Вторая [жена], так страдавшая от первой **(тени первой!)**…* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

*Мачо **(то есть особь с такой репутацией)** – это накачанный мужчина внушительной комплекции и с внушительными неоперабельными комплексами* (И. Сахновский. Мужчина в цифровом увеличении) [Сахновский, 2016].

Уточнение в рамках вставных конструкций может быть организовано как **перечисление составных компонентов** определенного понятия.

*Круг наших сослуживцев и знакомых **(врачей, адвокатов, земцев)** был подобен харьковскому кругу брата…* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

*Устраивая очередную мысленную выставку – «Женщины в зеркале» **(Веласкес, Тициан, Рубенс, Серебрякова, Пикассо)**, сама едва не просверлила взглядом дырку в мамином трюмо* (А. Матвеева. Завидное чувство Веры Стениной) [Матвеева, 2015].

Появление подобного уточнения во вставке обычно мотивируется обобщающим характером, абстрактностью или неопределенностью значения одного из понятий основного контекста.

*...В книгу стремясь, забегают знакомые наши – все, все **(Берендеевы, Береневы, Бурневы, Бернилины, Берничи, Берповы, Берши, Берсеевы – многие сотни их!)**…* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

При этом конкретизирующий ряд может характеризоваться открытостью (в силу информативной незначимости или в том случае, когда повествователь предлагает продолжить информативный ряд самому читателю).

*...Пока действует кокаин – человек испытываетвысоко человечные, благородные чувства **(истерическую сердечность, ненормальную доброту и проч.)**…* (М. Агеев. Роман с кокаином) [Агеев, 1990].

Составные элементы целого могут формировать самостоятельные, цельные художественные образы. Подобное уточнение обычно содержит детализацию различных аспектов зрительного образа.

*Сиял широкий зеркальный шкап, явившийся со свим личным отражением **(а именно: уголок супружеской спальни, – полоса солнца на полу, оброненная перчатка и открытая в глубине дверь)*** (В. Набоков. Приглашение на казнь) [Набоков, 1990].

В других случаях подобная детализация позволяет автору создать комический эффект.

*В номере, обставленном с деловой роскошью **(две кровати и ночной столик)**, послышались конский храп и ржание: Ипполит Матвеевич весело умывался и прочищал нос* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев) [Ильф, Петров, 1992].

Характерным для вставных конструкций является **уточнение с помощью приведения примера**. Такие вставки конкретизируют информацию основного предложения путем указания на одну из частных разновидностей, одну из форм проявления целого.

*Зато стихи **(например, томик Рильке, который она купила по совету приказчика)** приводили его [Лужина] в состояние тяжелого недоумения и печали* (В. Набоков. Защита Лужина) [Набоков, 1990].

*Есть ли он переходная ступень для чего-нибудь другого **(например, к сверхчеловеку Ницше)**, или он занимает место на каком-нибудь конце разветвлений, что обуславливает более молодой возраст его как органического вида* (Л. Улицкая. Лестница Якова) [Улицкая, 2015].

Менее характерным является указание на одно из потенциально возможных действий персонажа.

*Магда в то утро вместе с Эмилией была в деревне по хозяйственным делам **(надо было, например, хорошенько выругать прачку за розовые подтеки на белом джемпере)*** (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

Следующую группу формируют вставные конструкции, передающие **уточнение путем исключения**. Подобные вставки конкретизируют информацию основного предложения через исключение части из целого, то есть сужение круга рассматриваемых предметов или явлений.

*...Они всюду побывали **(кроме комнаты Горна)**…* (В. Набоков. Камера обскура) [Набоков, 1990].

*Опять же, друг с другом мы почти не сообщаемся, и мало кого из моих товарищей **(кроме, разумеется, пожилого аэронавта Мещерского)** волнуют судьбы нашего многократно поруганно-*

го и оболганного отечества (Б. Кенжеев. Обрезание пасынков) [Кенжеев, 2010].

Исключаться могут и несколько компонентов целого.

Почему-то ***(однако не из-за визитов и знаков участия)*** *он [Нещеретов] не желал осведомлять людей о своем нездоровье…* (М. Алданов. Ключ) [Алданов, 1990].

Такое ограничение не только уточняет информацию, но и активизирует внимание читателя, предлагая возможное объяснение или альтернативный вариант развития событий.

В некоторых случаях, когда точный признак уже назван в основном контексте, исключение актуализирует определенную (значимую в структуре текста) деталь.

…Его [папина] голова … доверчиво нам удивлялась совсем голубыми глазами ***(не карими)****…* (А. Белый. Крещеный китаец) [Белый, 1990].

Вставные конструкции могут **уточнять** определенный компонент высказывания **через расширение**, указание на более широкую сферу распространения явления.

Смерть, увы, была как-то соединена с ним [с богом] ***(и с лампадкой, с черными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери)*** (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

При этом во вставке может одновременно наблюдаться и прямое уточнение информации, и ее расширение.

…Я, … так стыдившаяся своей некрасоты перед ее ***(и Сережиной – и всякой)*** *красотою…* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

Информативное расширение может тесно взаимодействовать с модальностью (в частности, сопровождаться указанием на определенную степень уверенности повествователя в реальности сообщаемых фактов).

Все цветы – ей, все бумажные, с песком ***(а может, и свинцом)*** *горошины – матери* (М. Цветаева. Дом у Старого Пимена) [Цветаева, 1989].

В некоторых случаях расширение информации мотивируется изменением плана восприятия (двойственностью восприятия ситуации).

Петр Орешин, поэт, про них [большевиков] ***(про нас!)*** *сказал: «Или – воля голытьбе, или – в поле на столбе!»* (Б. Пильняк. Голый год) [Пильняк, 1988].

Характерным является информативное расширение за счет взаимодействия различных временных планов. Например, временной план прошлого может сопрягаться с планом настоящего.

… У нее [Лики] могли быть ***(и есть)*** *тайные … чувства и мысли…* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

Временной план настоящего традиционно взаимодействует с планом прошлого и реального (или моделируемого) будущего.

Он … пересёк улицу Безопасности ***(бывшую 8 Марта, бывшую Троцкого, бывшую Метельную)*** *и углубился в безлюдные дворы* (И. Сахновский. Свобода по умолчанию) [Сахновский, 2016].

В среде подобных людей я и провел мою первую харьковскую зиму ***(да и многие годы впоследствии)*** (И. Бунин. Жизнь Арсеньева) [Бунин, 1988].

В рамках художественного текста может быть представлено и **уточнение-акцентирование путем повтора**. Повтор не только формально уточняет информацию, акцентируя внимание читателя на определенной детали или оценке, но и, актуализируя иной повествовательный план, создает внутреннюю диалогичность текста. При этом основная информативная нагрузка приходится именно на вставку.

Она весело ***(да: весело)*** *кивнула мне…* (Е. Замятин. Мы) [Замятин, 1990].

Имею, кажется, и принципы, и миросозерцание, и понятие о воле, и понятие о половой нравственности, а стоило мне увидеть несколько большее декольте у прачки, как моментально чувствую прилив крови к сердцу ***(именно к сердцу)****, ничего не могу соображать, и меня невольно влечет ближе к ней…* (Л. Улицкая Лестница Якова) [Улицкая, 2015].

Таким образом, проведенный нами анализ позволил выявить следующие основные функциональные типы вставных конструкций, имеющих характер уточнения: прямое уточнение, уточнение путем перечисления составных элементов, уточнение путем приведения примера, уточнение путем исключения, уточнение путем информативного расширения, уточнение-акцентирование путем повтора.

Библиографический список

1. Агеев М. Роман с кокаином // Роман с кокаином; Паршивый народ. Москва : Художественная литература, 1990. С. 3-186.

2. Алданов М. А. Ключ // Ключ; Астролог. Москва : Художественная литература, 1990. С. 16-316.

3. Афанасьева Е. А. Структура и функции вставных конструкций в поэзии Н. М. Карамзина // Вест-

ник Оренбургского государственного университета. 2016. № 11. С. 3-12.

4. Балягина И. Я. О связи вставных конструкций с основным высказыванием (на материале романов И. С. Тургенева 1850-х гг.) // Самарский научный вестник. 2015. № 1 (10). С. 34-38.

5. Белый А. Крещеный китаец // Серебряный голубь. Москва : Современник, 1990. С. 461-604.

6. Бунин И. А. Жизнь Арсеньева // Собрание сочинений в 4 т. Т. 3. Москва : Правда, 1988. С. 265-536.

7. Водолазкин Е. Г. Авиатор. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2016. 416 с.

8. Гаврилова Е. И. Вставка и линейность речи // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1. С. 104-109.

9. Замятин Е. И. Мы // Избранные произведения. Москва : Советская Россия, 1990. С. 15-154.

10. Ильф И. А., Петров Е. П. Двенадцать стульев // Двенадцать стульев; Золотой теленок: Романы. Москва : Художественная литература, 1992. С. 4-304.

11. Кальниченко Ю. О. Своеобразие функционирования многокомпонентных сложных высказываний с вставными конструкциями в повести В. В. Набокова «Другие берега» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-2 (36). С. 69-72.

12. Кенжеев Б. Обрезание пасынков. Москва : АСТ, 2010. 381 с.

13. Кучмезова Л. О. Вставные конструкции в аспекте гендерной лингвистики // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2011. № 2. Том. 17. С. 175-179.

14. Марьина О. В. Вставные конструкции как показатель расчленения текста (на материале русских прозаических текстов 1980-2000-х годов) // Филология и человек. 2009. № 4. С. 61-67.

15. Марьина О. В. Вставные конструкции как структурный компонент жанра мениппеи в тексте Л. Петрушевской «Три путешествия, или возможность Мениппеи» // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2017. № 3. Том 2. С. 114-116.

16. Марьина О. В. Многофункциональность вставных конструкций в русских художественных текстах рубежа XX-XXI веков // Филолого-коммуникативные исследования. 2015. № 2. С. 247-255.

17. Матвеева А. А. Завидное чувство Веры Стениной. Москва : АСТ, 2015. 544 с.

18. Набоков В. В. Защита Лужина // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 103-256.

19. Набоков В. В. Камера обскура // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 257-392.

20. Набоков В. В. Приглашение на казнь // Романы. Москва : Современник, 1990. С. 393-524.

21. Осоргин М. А. Сивцев Вражек // Времена. Москва : Современник, 1989. С. 341-617.

22. Пильняк Б. А. Голый год // Целая жизнь. Минск, 1988. С. 29-169.

23. Сахновский И. Ф. Мужчина в цифровом увеличении // Нелегальный рассказ о любви. Москва : Астрель, 2009. С. 331-333.

24. Сахновский И. Ф. Свобода по умолчанию. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2016. 352 с.

25. Соломатина Т. Одесский фокстрот, или Черный кот с вертикальным взлетом. Москва : АСТ, 2013. 317 с.

26. Улицкая Л. Е. Лестница Якова. Москва : Редакция Елены Шубиной, 2015. 736 с.

27. Цветаева М. И. Дом у Старого Пимена // Проза. Москва : Современник, 1989. С. 122-163.

28. Элатик А. А. Структурно-семантические особенности вводных и вставных конструкций в прозе Б. Акунина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6-1. С. 173-183.

29. Янковская О. В. Вставные конструкции как средство реализации категории хронотопа // Веснік БДУ. Сер. 4. 2009. № 3. С. 68-71.

Reference List

1. Ageev M. Roman s kokainom = Novel with Cocaine // Roman s kokainom; Parshivyj narod. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 3-186.

2. Aldanov M. A. Kljuch = The Key // Kljuch; Astrolog. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1990. S. 16-316.

3. Afanas'eva E. A. Struktura i funkcii vstavnyh konstrukcij v pojezii N. M. Karamzina = Structure and Functions of Parenthetic Constructions in N. Karamzin's Poetry // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 11. S. 3-12.

4. Baljagina I. Ja. O svjazi vstavnyh konstrukcij s osnovnym vyskazyvaniem (na materiale romanov I. S. Turgeneva 1850-h gg.) = On the Link of Parenthetic Constructions to the Main Utterance (a Case Study of Novels by Ivan Turgenev of the 1850s) // Samarskij nauchnyj vestnik. 2015. № 1 (10). S. 34-38.

5. Belyj A. Kreshhenyj kitaec = A Baptized Chinese // Serebrjanyj golub'. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 461-604.

6. Bunin I. A. Zhizn' Arsen'eva = The Life of Arseniev // Sobranie sochinenij v 4 t. T. 3. Moskva : Pravda, 1988. S. 265-536.

7. Vodolazkin E. G. Aviator = The Aviator. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. 416 s.

8. Gavrilova E. I. Vstavka i linejnost' rechi = Parenthesis and Linearity of Speech // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 1. S. 104-109.

9. Zamjatin E. I. My = We: a novel // Izbrannye proizvedenija. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1990. S. 15-154.

10. Il'f I. A., Petrov E. P. Dvenadcat' stul'ev = The Twelve Chairs // Dvenadcat' stul'ev; Zolotoj telenok: Romany. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1992. S. 4-304.

11. Kal'nichenko Ju. O. Svoeobrazie funkcionirovanija mnogokomponentnyh slozhnyh vyskazyvanij s vstavnymi konstrukcijami v povesti V. V. Nabokova «Drugie berega» = Functional Peculiarities of Complex

Utterances with Parenthetic Constructions in V. Nabokov's revised autobiography «Other Shores» // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 6-2 (36). S. 69-72.

12. Kenzheev B. Obrezanie pasynkov = Obrezanie Pasynkov. Moskva: AST, 2010. 381 s.

13. Kuchmezova L. O. Vstavnye konstrukcii v aspekte gendernoj lingvistiki = Parenthetic Constructions in Terms of Gender Linguistics // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2011. № 2. Tom. 17. S. 175-179.

14. Mar'ina O. V. Vstavnye konstrukcii kak pokazatel' raschlenenija teksta (na materiale russkih prozaicheskih tekstov 1980-2000-h godov) = Parenthetic Constructions as an Indicator of Text Decomposition (a Case Study of the Russian Fiction of the 1980-2000s) // Filologija i chelovek. 2009. № 4. S. 61-67.

15. Mar'ina O. V. Vstavnye konstrukcii kak strukturnyj komponent zhanra menippei v tekste L. Petrushevskoj «Tri puteshestvija, ili vozmozhnost' Menippei» = Parenthetic Constructions as a Structural Component of the Menippean Satire in Lyudmila Petrushevskaya's «Three Travels, or a Possibility of Menippea» // Novaja nauka: Problemy i perspektivy. 2017. № 3. Tom 2. S. 114-116.

16. Mar'ina O. V. Mnogofunkcional'nost' vstavnyh konstrukcij v russkih hudozhestvennyh tekstah rubezha HH–HHI vekov = Multifunctionality of Parenthetic Constructions in the Texts of the Russian Fiction at the Turn of the 21st Century // Filologo-kommunikativnye issledovanija. 2015. № 2. S. 247-255.

17. Matveeva A. A. Zavidnoe chuvstvo Very Steninoj = The Enviable Feeling of Vera Stenina. Moskva : AST, 2015. 544 s.

18. Nabokov V. V. Zashhita Luzhina = The Luzhin Defense // Romany. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 103-256.

19. Nabokov V. V. Kamera obskura = Camera Obscura (Laughter in the Dark) // Romany. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 257-392.

20. Nabokov V. V. Priglashenie na kazn' = Invitation to a Beheading // Romany. Moskva : Sovremennik, 1990. S. 393-524.

21. Osorgin M. A. Sivcev Vrazhek = Quiet Street // Vremena. Moskva : Sovremennik, 1989. S. 341-617.

22. Pil'njak B. A. Golyj god = The Naked Year // Celaja zhizn'. Minsk, 1988. S. 29-169.

23. Sahnovskij I. F. Muzhchina v cifrovom uvelichenii = Muzhchina v Tsyfrovom Uvelichenii (The Man in the Digital Zoom) // Nelegal'nyj rasskaz o ljubvi. Moskva : Astrel', 2009. S. 331-333.

24. Sahnovskij I. F. Svoboda po umolchaniju = Svoboda po Umolchaniyu (Freedom Natively). Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2016. 352 s.

25. Solomatina T. Odesskij fokstrot, ili Chernyj kot s vertikal'nym vzletom = Odessky Fokstrot, ili Cherny Kot s Vertikalnym Vzletom (Odessa Foxtrot, or Black Cat with Vertical Take-off. Moskva): AST, 2013. 317 s.

26. Ulickaja L. E. Lestnica Jakova = Jacob's Ladder. Moskva : Redakcija Eleny Shubinoj, 2015. 736 s.

27. Cvetaeva M. I. Dom u Starogo Pimena = The House at Old Pimen // Proza. Moskva : Sovremennik, 1989. S. 122-163.

28. Jelatik A. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti vvodnyh i vstavnyh konstrukcij v proze B. Akunina = Semantic and Structural Peculiarities of Introductory and Parenthetic Constructions in Boris Akunin's Prose // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 6-1. S. 173-183.

29. Jankovskaja O. V. Vstavnye konstrukcii kak sredstvo realizacii kategorii hronotopa = Parenthetic Constructions as an Implementer of the Chronotopos Category // Vesnik BDU. Ser. 4. 2009. № 3. S. 68-71.

УДК 81'36

Е. М. Мельникова **https://orcid.org/0000-0003-2723-941X**
С. С. Метёлкина **https://orcid.org/0000-0002-9795-0971**

Формы степеней сравнения собственно качественных прилагательных в современной речи

Для цитирования: Мельникова Е. М., Метёлкина С. С. Формы степеней сравнения собственно качественных прилагательных в современной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 86-93. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-86-93

Статья посвящена анализу одного из активных процессов в грамматике современного русского языка – образованию форм степеней сравнения собственно качественных прилагательных (прилагательных, обозначающих признаки, которые не могут быть выражены в большей или меньшей степени). В статье рассматриваются семантические и грамматические особенности форм степеней сравнения таких прилагательных, отмечены возможные причины распространения данного явления в современной речи. Источником языкового материала является Национальный корпус русского языка, а также «устно-письменная» речь интернет-пространства. В современной речи практически в равной степени распространены случаи образования каждой из четырёх форм степеней сравнения собственно качественных прилагательных. Они представлены в разговорной речи интернет-форумов, блогов, социальных сетей, а также в текстах средств массовой информации и художественных произведений. К основным причинам употребления нестандартных словоформ в речи относятся такие, как стремление говорящих к выражению своей творческой индивидуальности, реализация способности создавать языковую игру; растущая тенденция к экспрессивизации речи и к гиперболизации оценок; действие закона экономии речевых усилий. Собственно качественное прилагательное в форме той или иной степени сравнения может сохранять прямое значение. Но проявление градуируемого признака часто сопровождается семантическим сдвигом: прилагательное утрачивает значение абсолютной степени качества вследствие метафорического и метонимического употребления, а также указания на специальное (техническое) значение.

Ключевые слова: собственно качественные прилагательные, формы степеней сравнения, языковая игра, активные процессы в грамматике, норма, узус, ненормативные формы.

E. M. Melnikova, S. S. Metyolkina

Degree forms of absolute qualitative adjectives in modern speech

The article focuses on the problem of absolute qualitative adjectives forming degrees of comparison, which is among the most active processes in Russian grammar. Absolute qualitative adjectives denote qualities which cannot be expressed in a greater or smaller degree. The work presents analysis of semantic and grammatical features of non-standard forms of absolute qualitative adjectives and explores possible reasons for such form spreading in modern speech. The source of the language material is the Russian National Corpus database and the so-called 'spoken-written language' of the Russian Internet space. The four types of non-standard forms of absolute qualitative adjectives are equally spread in modern speech. Their examples can be found in the informal language of forums, blogs, social networks, as well as in mass media texts and literary works. Among the reasons for the increasing popularity of non-standard degree forms the following deserve consideration: a speaker's effort to express their individual creativity, especially an ability to create language play; a growing tendency to make speech more expressive and to hyperbolize the estimates as well as save speech efforts. The absolute qualitative adjective in any given degree of comparison can keep its direct meaning, the graduation of the feature being frequently accompanied by a semantic shift: the adjective loses the meaning of absolute quality in consequence of metaphorical and metonymical usage, or when used in its special (technical) meaning.

Keywords: absolute qualitative adjectives, forms of degrees of comparison, language play, active processes in grammar, linguistic norms, language usage, non-standard forms.

Качественные прилагательные представляют собой непосредственные наименования признаков, способных проявляться с разной степенью интенсивности и не мотивированных другими понятиями. Свойства и качества, обозначаемые прилагательными данного разряда, воспринимаются непо-

© Мельникова Е. М., Метёлкина С. С., 2020

средственно, в основном – органами чувств. В перечень таких свойств и качеств входят следующие: «цветовые, пространственные, временные, физические и другие квалифицирующие признаки, качества характера и умственного склада» [Русская грамматика, 1980, т. 1, с. 539]. Среди грамматических признаков, свойственных качественным прилагательным, выделяются следующие: наличие полной (атрибутивной) и краткой (предикативной) формы, способность образовывать формы степеней сравнения, возможность сочетания с наречиями степени, возможность образования антонимичных пар и синонимичных рядов и др.

Однако не все качественные прилагательные характеризуются полным набором данных грамматических признаков. Особенность **собственно качественных прилагательных**, или **прилагательных абсолютной степени качества** (*хромой, глухой, слепой, босой* и др.), являющихся объектом данного исследования, заключается в неспособности образовывать формы степеней сравнения. Причина этого может быть сформулирована следующим образом: собственно качественные прилагательные обозначают признак, который не может проявляться в большей или меньшей степени. На отсутствие у данной группы прилагательных всего набора грамматических признаков этой части речи указывал еще А. М. Пешковский: «...у прилагательных качественная основа только способствует образованию степеней сравнения, но не обусловливает их категорически. Так, прилагательные *слепой, хромой, глухой* в их основных значениях лишь с трудом образуют степени сравнения: мы затрудняемся сказать про человека, что он *слепее, хромее, глуше* другого. И это потому, что сами качества-то эти представляются нам абсолютными, не могущими количественно изменяться» [Пешковский, 2001, с. 82].

Категория степеней сравнения – «это такая категория, граммемы которой характеризуют степень интенсивности данного свойства – либо по отношению к такому же свойству другого объекта или всех объектов, мыслимых в данной ситуации, либо по отношению к тому же свойству того же объекта, но в другой момент времени» [Мельчук, 1998, с. 117]. Семантической основой степеней сравнения является количественная оценка меры (степени проявления) признака [Князев, 2007, с. 179]. Такая оценка возможна лишь по отношению к признаку, который допускает упорядочение степени интенсивности по нарастанию или убыванию (то есть **градуирование**). Градуируемый признак, как правило (но не обязательно), задаётся не одиночным прилагательным, а парой антонимов: *хороший – плохой, добрый – злой, большой – маленький, широкий – узкий, дорогой – дешёвый* и т. п. (Н. Д. Арутюнова использует по отношению к ним термин «скалярно-антонимический комплекс»: «объединение поляризованных значений, относящихся к одному параметру объекта» [Арутюнова, 1988, с. 231]). «Образование форм степеней сравнения предполагает, что выражаемый прилагательным признак занимает некоторый диапазон, не имеющий точных объективно очерченных границ, отличающих его от других признаков», – отмечает Ю. П. Князев [Князев, 2007, с. 183]. Восприятие таких признаков всегда в той или иной мере субъективно, оценочно, тогда как признак, выражаемый собственно качественным прилагательным, свободен от «неизбежно субъективно несколько колеблющейся «мерной» зависимости» [Павлов, 1996, с. 23]. Употребленные в прямом значении, собственно качественные прилагательные не несут в себе добавочных оценочных оттенков.

Ограничение в формообразовании таких прилагательных зафиксировано, в частности, в «Словаре грамматических трудностей» И. М. Гольберг и С. В. Иванова [Гольберг, Иванов, 2012]. Это ограничение является одним из наглядных подтверждений того факта, что грамматическая система той или иной части речи далеко не всегда совпадает с грамматическими системами конкретных словоформ, к этой части речи принадлежащих. Эти расхождения объясняются следующими факторами: «1) спецификой лексического значения слова; 2) традицией функционирования слова в языке; 3) спецификой словообразовательной структуры слова; 4) функциональной спецификой текста, в котором употребляется данная словоформа, соотношением языкового и речевого» [Современный русский язык ... , 2008, с. 27].

Фактором, определяющим ограничение в формообразовании собственно качественных прилагательных, следует считать специфику их лексического значения. Данные прилагательные обозначают абсолютный признак предмета, то есть **неградуируемый** признак, который не может быть оценен с точки зрения степени интенсивности. Именно эта семантическая особенность препятствует образованию форм степеней сравнения собственно качественных прилагательных (происходит «тормозящее воздействие лексической семантики слова на его грамматическое значение» [Современный русский язык ... , 2008, с. 27]).

Тем не менее, несмотря на семантические особенности данной группы прилагательных и на обусловленные этими особенностями ограничения в их формообразовании, по тем или иным причинам в тех или иных ситуациях носители языка стремятся «заполнить лакуны» в парадигме форм степеней сравнения. Случаи образования нестандартных форм собственно качественных прилагательных становятся все более распространенными в современном русском языке и, следовательно, требуют особого рассмотрения.

На базе материалов Национального корпуса русского языка [НКРЯ], а также фактов разговорной речи интернет-пространства (социальных сетей, форумов) было проведено исследование, целью которого стал анализ случаев образования синтетических и аналитических форм сравнительной и превосходной степеней сравнения собственно качественных прилагательных в современной речи. Анализ включил в себя определение основных сфер распространения данных форм, выявление выполняемых ими функций и семантических и грамматических особенностей, реализующихся в конкретных высказываниях.

Синтетические формы сравнительной степени собственно качественных прилагательных (42 контекста употребления) актуальны в высказываниях, реализующих функцию создания языковой игры. Одной из основных причин обращения к использованию таких нестандартных форм является стремление носителя языка сделать свое высказывание более экспрессивным, запоминающимся, неординарным – в таком случае следует говорить об осознанном отступлении от нормы в целях привлечения внимания читателей, что подтверждается и частым соседством форм нестандартного компаратива с цитатами, с отсылками к названиям известных произведений, к известным высказываниям.

Примеры подобного использования синтетического компаратива чаще всего наблюдаются в заголовках статей, записей в блогах, в названиях тем на форумах:

(1) *«Не/смотря ни на что»: слепой и еще* ***слепее*** [Сайт kino-teatr.ru, 2017],

(2) *Хромой и еще* ***хромее*** [Блог Zarezky.spb.ru, 2013],

(3) *Хромая утка все* ***хромее*** [Сайт skurlatov.livejournal.com, автор skurlatov, 2011],

(4) *«Только два союзника», и один другого* ***хромее*** [Сайт livejournal.com, автор taki_net, 2014],

(5) *Чем дешевле нефть – тем «Король* ***голее****»* [Сайт 24tv.ua, автор Олег Пономарь, 2015],

(6) *«Выпуск № 5.* ***Слепее*** *слепого | 50 оттенков и все как один»* [Сайт youtube.com, автор Олег Хороший, 2016].

Так, в примерах (1) – (2) прослеживается отсылка к названию фильма «Тупой и еще тупее». В (1) языковая игра проявляется также через объединение в одном контексте прилагательного *слепой* и устойчивого сочетания *несмотря ни на что*, при этом написание *не/смотря* через слеш указывает на стремление автора высказывания актуализировать изначальное, «буквальное» значение данного компонента. В (3) грамматический неологизм *хромее* употреблен в одной синтаксической конструкции с выражением *хромая утка*. По происхождению это выражение является американским (ориг.: *lameduck*), неофициально обозначает президента, который вскоре должен покинуть свой пост. В данном случае оно использовано в заголовке поста, посвященного описанию последнего года правления Дмитрия Медведева. «*Только два союзника*» в (4) – отсылка к словам Александра III о том, что у России есть «только два верных союзника — армия и флот», в таком случае продолжение *и один другого хромее* придает новому высказыванию иронический эффект. В (5) синтетический компаратив является частью трансформированной цитаты «*А король-то голый!*» (источник — сказка Андерсена «Новое платье короля»; фраза стала употребляться при обозначении ситуаций, в которых люди по тем или иным причинам коллективно выдают за очевидное то, чего на самом деле не существует). В (6) синтетическая форма сравнительной степени соседствует с трансформацией названия фильма «50 оттенков серого» (языковую игру создает и само соседство трансформированной части *«...и все* [оттенки] *как один*» с прилагательным *слепой*).

Использование в речи отсылок к различным известным высказываниям и произведениям, умение включить в текст элементы языковой игры говорит о достаточно высоком уровне образованности и начитанности автора, о широте его кругозора и о нацеленности созданного им текста на аудиторию, способную все реализованные в нем приемы понять и оценить. Использование окказиональных форм является также показателем творческого потенциала носителя языка, что в настоящее время крайне актуально, в особенности с появлением возможности выразить свою творческую индивидуальность в Интернете [Борзенко, 2016, с. 362].

Формы синтетического компаратива употребляются в современном тексте и в целях экономии

речевых усилий. Носитель языка в отдельных случаях предпочитает образовать одну нестандартную словоформу для выражения своей мысли, а не строить синонимичную ей развернутую конструкцию без отступления от современной нормы. Примеры такого употребления компаратива можно наблюдать в так называемой «устно-письменной» интернет-речи на форумах, в комментариях, обсуждениях – то есть в спонтанных высказываниях. Грамматические неологизмы, используемые для выражения развернутого понятия одной словоформой, чаще всего встречаются в контексте обсуждения бытовых, житейских проблем, в основном касающихся брака, семейных отношений. Приведём примеры:

(7) *чем дольше* ***женатее****, тем все больше хулиганства из тебя лезет!* [Форум nissan4x4-club.ru, автор LadyJane, 2004],

(8) *Почему чем* ***женатее*** *мужчина, тем он больше одинок?* [otvet.mail.ru, автор Zoya, 2009],

(9) *А меня тянет к женатым!!! И чем* ***женатее****, тем интереснее!!!* [otvet.mail.ru, автор Стерва, 2008]. В данных случаях словоформа *женатее* используется вместо конструкции «*чем дольше мужчина женат...*».

Синтетические формы сравнительной степени, содержащие в своем значении компонент ‘дольше находящийся в каком-либо состоянии’, достаточно часто образуются от прилагательного *беременная*. Приведем примеры:

(10) *Подруга вернется еще на месяц* ***беременнее****, чем сейчас* [Елена Чалова. Охота на купидона (2017)],

(11) *Чем* ***беременнее*** *женщина, тем она капризнее?* [otvet.mail.ru, Макс Замоскворецкий, 2009].

В обсуждениях, тематика которых затрагивает ту или иную профессию или род занятий, собственно качественные прилагательные могут употребляться и в специализированном значении, например:

(12) *Почему фотики* ***слепее*** *видеокамер?* [Конференция iXBT.com → Цифровое видео: захват, монтаж, обработка, 2009].

В подобных случаях прилагательное утрачивает значение абсолютной степени качества. Примеры образования этих форм, графически и фонетически совпадающих с возможными «окказиональными» формами прилагательных, сохраняющих это значение, подтверждают отсутствие в сознании носителей языка тех строгих ограничений, которые накладывает современная грамматика.

Рассмотрим **аналитические формы сравнительной степени** собственно качественных прилагательных (33 контекста употребления). Они часто реализуются в высказываниях, в которых прилагательное допускает образование нестандартной формы в связи с ослаблением значения абсолютной степени качества. Показателен следующий пример:

(13) *С любопытством тетушек, прикладывающих* ***менее глухое*** *ухо к приемнику с прогнозом погоды, Инка следила, не строит ли вселенная каких козней, не близится ли метеорит...* [Улья Нова. Инка (2004)].

Прилагательное *глухой* является собственно качественным в значении ‘лишенный слуха, способности слышать’ [СОШ, 2006, с. 133]. В данном случае речь идет не об абсолютной неспособности слышать, а лишь о нарушениях слуха, и образ сравнения позволяет представить любопытство и настороженность героини произведения.

При употреблении аналитических форм степеней сравнения собственно качественных прилагательных наблюдаются и элементы языковой игры, основанные на актуализации прямых и переносных значений данных единиц:

(14) *Чизмаджев смотрел с колонны, как бы* ***более живой****, чем бывал прежде, на ставших чуть* ***менее живыми****, перед лицом такой живости, сотрудников...* [Андрей Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного (1997-1998)],

(15) *Я долго с изумлением бродила, явно видя, что картины для меня абсолютно живые,* ***более живые****, чем люди, которые их рассматривают* [Елена Эберле. «Есть жизнь как дискуссия, а есть жизнь как жизнь» // «Знание-сила», 2013].

В (14) значение ‘обладающий бо́льшим количеством качеств, свойственных живущему’ реализуется в форме *более живой*, использованной при описании фотопортрета недавно умершего человека; по отношению же к людям, смотрящим на фотографию, использована форма *менее живые*, в которой на первый план выходят обусловленный контекстом оттенок значения ‘жизнерадостный, полный жизненных сил’ [БТС, 2000, с. 304]. Элемент языковой игры, ощущение контраста достигается автором за счет употребления в одном предложении формы *менее живой* и сочетания *перед лицом такой живости*. В (15) языковая игра создается при помощи включения прилагательного *живой* в переносном значении (‘яркий, выразительный, образный’ [БТС, 2000, с. 304]) в один контекст со словом *люди*, для которого сема ‘живой’ является одной из главных.

Отдельно следует отметить случаи употребления аналитических форм сравнительной степени собственно качественных прилагательных, контаминирующих в сознании говорящего с другими качественно-оценочными прилагательными. Включая нестандартную словоформу в свое высказывание, говорящий не преследует цели создать каламбур или иронию, а лишь подразумевает другое прилагательное, схожее по семантике и имеющее полную парадигму форм степеней сравнения. Так, распространение в современной речи случаев образования форм степеней сравнения прилагательного *ключевой* указывает, на наш взгляд, на его отождествление в сознании говорящих с прилагательным *важный*, что в некоторых случаях подтверждается их употреблением в одном контексте. Например, после фразы (16) ***Более ключевой*** *вопрос для 2018 года, чем о премьер-министре...* следует ... (17) ***более важен*** *вопрос о том, кто станет в Армении оппозицией* [www.aravot.ru.am, 14.12.2017]. То же равенство значений ‘ключевой’ = ‘важный, значимый’ наблюдаем в примере (18) ***Не менее ключевое*** *значение имеет соотношение государства и человека* [Игорь Харичев. Повод стать Европой. Размышления на фоне кризиса // «Знание – сила», 2010].

Случаи образования **форм превосходной степени** собственно качественных прилагательных ещё более распространены в современном словоупотреблении: нами обнаружен 51 контекст употребления синтетической формы и 58 – аналитической формы.

Среди **синтетических форм превосходной степени** собственно качественных прилагательных представлены образования как с суффиксами *-ейш-/-айш-*, так и с приставкой *наи-*.

Здесь мы наблюдаем уже отмеченную выше игровую тенденцию включать данные формы в известные «формулы»:

(19) *Победит* ***слепейший*** [ok.ru, Злая Алиса original, 2018] (Ср.: *Пусть победит сильнейший*);

(20) *Да победит* ***цветнейший!*** [www.eventry.ru, 02.07.2016] (о фестивале красок);

(21) *Просто ждали начала регистрации в аэропорту и перебрасывались фразами: выживает сильнейший, выживает подлейший... А один человек сказал: выживает* ***живейший*** [lykasta.livejournal.com, lykasta, 03.09.2015].

В употреблении синтетических форм превосходной степени отметим и факты экономии речевых усилий, основанные на метонимическом замещении прилагательным целой ситуации:

(22) *...настраивайся, что эта попытка –* ***беременнейшая*** *из всех беременных...*[www.babyplan.ru, black_eyes, 15.05.2012] (в теме, посвященной обсуждению ЭКО) – словоформа *беременнейшая* выражает значение ‘обеспечивающая самую высокую вероятность забеременеть‘;

(23) *...полосочка* ***наибеременная!*** [www.mybt.ru, Настюша, 27.11.2014] – ‘несомненно подтверждающая факт беременности‘.

Использование синтетических форм превосходной степени собственно качественных прилагательных может стать средством выражения оценки, эмоционально-экспрессивного отношения к той или иной ситуации. Приведем примеры:

(24) *Матч, конечно,* ***КЛЮЧЕВЕЙШИЙ****!!!* [fnkforum.net, speculator, 16.02.2018] (дополнительное средство выражения экспрессии – прописные буквы и восклицательные знаки);

(25) *Папа коренной москвич,* ***кореннейший****, я бы сказала, все предки москвичи...* [www.cosmo.ru, kissa, 22.03.2015] (присутствует градация, отражающая желание автора высказывания привлечь внимание к объекту описания);

(26) *...«май» совсем не «мой».* ***немейший*** *месяц* [forum.littleone.ru, цитата; Мария Кевлина, 2011] (совсем не «мой» = совсем немой = немейший);

(27) ***немейший*** *из немых уже готов кричать* [stihi.ru, Алмаз Салихов] (форма превосходной степени используется для создания оксюморона);

(28) *Это не доводит их до добра, и Аскольд Аскольдович тому* ***живейший****... или, правильнее сказать,* ***мертвейший*** *пример?* [Юлия Федотова. Опасная колея (2017)].

Употребление **аналитических форм превосходной степени** собственно качественных прилагательных в современной речи также подчинено реализации определённых интенций говорящего.

Так, данные ненормативные формы встречаются в заголовках текстов СМИ с целью привлечения внимания читателей к сообщаемой информации:

(29) ***Самая замужняя*** *женщина в мире* [factroom.ru] – таков заголовок статьи о женщине, у которой было 23 официальных мужа.

В заголовке новости о разводе Романа Абрамовича (30) *Самый богатый и* ***самый холостой*** [inforos.ru, 14.03.2007] нестандартная форма собственно качественного прилагательного *холостой* мотивирована формой использованного с ним в одном контексте прилагательного *богатый*.

Частыми являются случаи семантического сдвига в значении собственно качественных при-

лагательных, их употребления в метафорическом значении. Рассмотрим примеры:

(31) *Основная масса молодых перспективных политиков четко ориентированы на Запад – и это уже очевидно даже* ***самым слепым*** *и упертым* [Тенгиз Харатишвили, Валерий Лебедев. Прошлое и будущее маленькой империи (2003) // Интернет-альманах «Лебедь», 2003.12.07];

(32) ***Самый «слепой»*** *судья Украины повесил свисток на гвоздь* [lb.ua, 19.06.2015];

(33) *Говорят, что знающий человек –* ***самый слепой*** *человек в мире. Почему?* [otvet.mail.ru, Кристина, 2010];

(34) *У какого танка в игре самый низкий обзор? Какой танк* ***самый «слепой»****?* [forum.worldoftanks.ru, Fillow, 06.10.2013].

В (31) – (33) употребляются формы прилагательного *слепой* в значении ‘не замечающий, не понимающий совершающегося, происходящего вокруг’ [БТС, 2000, с. 1209], в (34) – в специализированном значении ‘с наименьшим обзором’.

Отметим и случаи метонимического употребления аналитических форм превосходной степени собственно качественных прилагательных:

(35) ***Самый цветной*** *композитор* [www.mk.ru, 28.12.2011] (необычный заголовок статьи об А. Н. Скрябине, который обладал чувством музыкально-цветовой синестезии и стал первым в истории композитором, использовавшим цветомузыку. Форма превосходной степени в данном случае заключает в себе значение ‘первым использовавший цветомузыку’);

(36) ***...самый «живой»*** *метеорит из найденных на Земле* [www.nat-geo.ru, Наталия Майборода, 03.12.2015] (статья посвящена семи самым известным метеоритам на Земле, и описание каждого из них включает указание на какой-либо признак, проявляющийся в нем наиболее ярко и отличающий данный метеорит от остальных («крупнейший», «самый ‘мощный’», «наиболее изученный» и т. д.). Мурчисонский метеорит назван «самым ‘живым’», так как содержит большое количество органических соединений).

Отмеченные выше случаи отождествления в сознании говорящих собственно качественных прилагательных с прилагательными, схожими с ними по семантике, но обладающими полной парадигмой форм степеней сравнения, наблюдаются и в употреблении аналитических форм превосходной степени. Форма собственно качественного прилагательного *ключевой* – по аналогии с прилагательным *важный* – выражает высшую степень проявления признака:

(37) *Выбираем* ***самые ключевые*** *институты...* [Семен Данилюк. Рублевая зона (2004)];

(38) *...этот делитель в расчете частоты играет* ***самую наиключевую*** *роль* [www.radioscanner.ru, BurrMaster, 21.02.2018] (плеоназм в данном случае указывает, вероятно, на повышенную эмоциональность говорящего и заинтересованность темой).

Таким образом, в современной речи практически в равной степени распространены случаи образования каждой из четырёх форм степеней сравнения собственно качественных прилагательных.

Основными сферами употребления подобных нестандартных форм являются интернет-пространства (форумы, блоги, социальные сети и др.), в которых представлена форма «устно-письменной» речи; СМИ; тексты литературных произведений (как профессионалов, так и авторов-любителей).

Среди причин использования данных форм в речи можно отметить следующие:

− стремление говорящих к выражению в речи своей творческой индивидуальности, реализация способности создавать языковую игру как без отступлений от нормативной грамматики, так и с осознанным использованием нестандартных форм (и «в этих экспериментально-игровых формах использования языка также можно увидеть не только праздные упражнения в остроумии, но и определенные точки роста в языковом развитии [Современный русский язык: Система – норма – узус, 2010, с. 472]);

− растущая в связи с этим тенденция к экспрессивизации речи и к гиперболизации оценок (ср. также замечание Е. А. Земской о возрастании личностного начала в речи конца XX столетия, стремлении «выработать новые средства выражения, новые формы образности» [Русский язык конца XX столетия ... , 1996, с. 13-14];

− действие закона экономии речевых усилий.

Собственно качественное прилагательное в форме той или иной степени сравнения может сохранять прямое значение. Но проявление градуируемого признака часто сопровождается семантическим сдвигом: прилагательное утрачивает значение абсолютной степени качества вследствие метафорического и метонимического употребления, а также указания на специальное (техническое) значение.

Динамика и разнообразие активных процессов в современном русском языке в целом и начало распространения нестандартных форм степеней

сравнения в частности является показателем изменения представления о незыблемости литературного образца в установлении нормы [Валгина, 2003, с. 5]. Однако «грамматические изменения, превращение ошибок в варианты и полный переход нового явления из узуса в систему происходит крайне медленно» [Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков, 2008, с. 187]. «Несмотря на активность ряда процессов, происходящих в современном русском языке, его система сохраняет свою устойчивость, – справедливо отмечает Л. П. Крысин. – Изменения происходят в узусе, речевой практике, и многие из них свидетельствуют об обновлении литературной нормы или отклонениях от нее. Время покажет перспективность одних новшеств, возможность для них сохраниться и сделаться нормативными – и случайность, временность других» [Современный русский язык: Система – норма – узус, 2010, с. 472].

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. Москва : Наука, 1988. 340 с.

2. Борзенко Е. О. Компаратив в современном русском языке: норма и инновации // Русская грамматика 4.0 : сборник тезисов Международного научного симпозиума (Москва, 13-15 апреля 2016) / под ред. В. Г. Костомарова. Москва : ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина», 2016. С. 360-363.

3. БТС: Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. 1536 с.

4. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. Москва : Логос, 2003. 304 с.

5. Гольберг И. М., Иванов С. В. Словарь грамматических трудностей русского языка (5-11 классы). Москва : АСТ-Пресс Книга, 2012. 176 с.

6. Князев Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. Москва : Языки славянских культур, 2007. 704 с.

7. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Том II / пер. с фр. В. А. Плунгяна, общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. Москва – Вена : Языки русской культуры, Венский славистический альманах, 1998. 544 с.

8. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. – URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 02.12.2019).

9. Павлов В. М. Качественность и субстанциальная семантика // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. Санкт-Петербург : Наука, 1996. С. 8-53.

10. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

11. Русская грамматика: научные труды. В 2-х т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова / Н. С. Авилова, А. В. Бондарко, Е. А. Брызгунова и др. Репринтное издание. Москва, 2005. 784 с.

12. Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / В. Л. Воронцова, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова и др.; отв. ред. Е. А. Земская; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Москва : Языки русской культуры, 1996. 481 с.

13. Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва : Языки славянских культур, 2008. 712 с.

14. Современный русский язык: Система – норма – узус / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. Москва : Языки славянских культур, 2010. 480 с.

15. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц: учебник для студ. высш. учеб. заведений. В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис / В. В. Бабайцева, Н. А. Николина, Л. Д. Чеснокова [и др.]; под ред. Е. И. Дибровой. Москва : Издательский центр «Академия», 2008. 704 с.

16. СОШ: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. Москва : ИТИ Технологии, 2006. 944 с.

Reference List

1. Arutjunova N. D. Tipy jazykovyh znachenij: Ocenka. Sobytie. Fakt. = Language Meaning Types. Evaluation. Event. Fact. Moskva : Nauka, 1988. 340 s.

2. Borzenko E. O. Komparativ v sovremennom russkom jazyke: norma i innovacii = The Comparative in Modern Russian: the norm and innovations // Russkaja grammatika 4.0 : sbornik tezisov Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma (Moskva, 13-15 aprelja 2016) / pod red. V. G. Kostomarova. Moskva : FGBOU VO «Gos. IRJa im. A. S. Pushkina», 2016. S. 360-363.

3. BTS: Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka = Unabridged Russian Dictionary / sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. Sankt-Peterburg : Norint, 2000. 1536 s.

4. Valgina N. S. Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke = Active Processes in Modern Russian. Moskva : Logos, 2003. 304 s.

5. Gol'berg I. M., Ivanov S. V. Slovar' grammaticheskih trudnostej russkogo jazyka (5-11 klassy) = Dictionary of Russian Grammar (Grades 5 – 11). Moskva : AST–Press Kniga, 2012. 176 s.

6. Knjazev Ju. P. Grammaticheskaja semantika: Russkij jazyk v tipologicheskoj perspektive = Semantics in Grammar: the Russian Language from a Typological Perspective. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007. 704 s.

7. Mel'chuk I. A. Kurs obshhej morfologii = Course in General Morphology. Tom II / per. s fr. V. A. Plungjana, obshh. red. N. V. Percova i E. N. Savvinoj. Moskva – Vena : Jazyki russkoj kul'tury, Venskij slavisticheskij al'manah, 1998. 544 s.

8. NKRJa: Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = The Russian National Corpus. – URL: http://www.ruscorpora.ru (data obrashhenija: 02.12.2019).

9. Pavlov V. M. Kachestvennost' i substancial'naja semantika = The Category of Quality and Substantive-Related Semantics // Teorija funkcional'noj grammatiki. Kachestvennost'. Kolichestvennost' / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled. Sankt-Peterburg : Nauka, 1996. S. 8-53.

10. Peshkovskij A. M. Russkij sintaksis v nauchnom osveshhenii = Russian Syntax from Scientific Perspective. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. 544 s.

11. Russkaja grammatika: nauchnye trudy = Russian Grammar: Scientific Works. V 2-h t. T. 1 / Rossijskaja akademija nauk. Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova / N. S. Avilova, A. V. Bondarko, E. A. Bryzgunova i dr. Reprintnoe izdanie. Moskva, 2005. 784 s.

12. Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995) = The Russian Language of the Late 20th Century (1985-1995) / V. L. Voroncova, M. Ja. Glovinskaja, E. I. Golanova i dr.; otv. red. E. A. Zemskaja; Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN. Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. 481 s.

13. Sovremennyj russkij jazyk: Aktivnye processy na rubezhe XX – XXI vekov = The Modern Russian Language: Active Processes at the Turn of the 21st Century // In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2008. 712 s.

14. Sovremennyj russkij jazyk: Sistema – norma – uzus = The Modern Russian Language: System – Norm – Usage // In-t rus. jaz. im. V. V. Vinogradova RAN. Moskva : Jazyki slavjanskih kul'tur, 2010. 480 s.

15. Sovremennyj russkij jazyk. Teorija. Analiz jazykovyh edinic: uchebnik dlja stud. vyssh. ucheb. zavedenij. V 2 ch. Ch. 2: Morfologija. Sintaksis = The Modern Russian Language. Theory. Analysis of Language Units: Textbook for University Students. In Two Parts. Part 2 / V. V. Babajceva, N. A. Nikolina, L. D. Chesnokova [i dr.]; pod red. E. I. Dibrovoj. Moskva : Izdatel'skij centr «Akademija», 2008. 704 s.

16. SOSh: Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskih vyrazhenij = Russian Dictionary: 80000 words and Phraseological Units / S. I. Ozhegov, N. Ju. Shvedova. Moskva : ITI Tehnologii, 2006. 944 s.

УДК 811.161.1'38:811.161.1'42

Д. С. Труханова **https://orcid.org/0000-0002-9710-9293**

Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе

Для цитирования: Труханова Д. С. Правительственный час как коммуникативное событие в русскоязычном парламентском дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 94-103. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-94-103

В российском двухпалатном парламенте правительственный час представляет собой публичную форму взаимодействия исполнительной и законодательной властей с целью реализации последней функции парламентского контроля. В рамках правительственного часа представители исполнительной власти, приглашенные должностные лица, отчитываются о проделанной работе представителям законодательной власти, депутатам и сенаторам. Экстралингвистические факторы определяют особенности коммуникативного поведения участников правительственного часа, которое характеризуется сложной интенциональной и стратегемно-тактической структурой, реализуемой широким набором языковых средств. В статье на основе анализа стенограмм и видеограмм правительственных часов в Государственной Думе и Совете Федерации при помощи синтеза исследовательских методов определяются основные интенции типичных участников коммуникативного события «правительственный час» в каждой из палат, выявляется структура правительственного часа как коммуникативного события, его основные пространственно-временные характеристики. Проведенное исследование показало, что в ритуализованном парламентском дискурсе правительственный час – это планируемое коммуникативное событие, которое проводится по заранее утвержденному плану в строго определенное время, строится вокруг определенного топоса. Разные структурные элементы коммуникативного события «правительственный час» характеризуются разной степенью текстоориентированности. Повышенный уровень диалогичности отмечается в той части правительственного часа, когда приглашенные должностные лица отвечают на вопросы парламентариев. Приглашенные чиновники попадают в уязвимую позицию, так как их деятельность и деятельность представляемых ими органов власти становится объектом парламентского контроля. С целью позитивной самопрезентации, сокращения уязвимости и повышения авторитета приглашенное должностное лицо использует различные стратегии и тактики, реализуя их разнообразными языковыми средствами. Сходства основных характеристик коммуникативного события «правительственный час» в Государственной Думе и Совете Федерации позволяют рассматривать дискурсы этих палат в конкретно взятой ситуации как единое коммуникативное пространство.

Ключевые слова: институциональный дискурс; политический дискурс; парламентский дискурс; правительственный час; коммуникативное событие; митигация.

D. S. Trukhanova

Government hour as communication event in russian parliamentary discourse

In the Russian bicameral Parliament, the government hour is a public form of interaction between the executive and the legislative branches of power intended for the latter to implement the parliamentary control function. Extralinguistic factors define the communicative behavior of the government hour participants which features intentional and strategic complexity. The analysis of official transcripts and video records of government hours in the State Duma and the Federation Council allows for defining typical characteristics of the government hour as of a communication event, the analysis done via use of a synergy of research methods. The study has shown that in a ritualized parliamentary discourse the government hour is a pre-planned communication event held in accordance with a fixed plan at a specific time and built around a specific topos. Different structural elements of the government hour communication event are characterized by different degrees of orientation towards text. An increasing level of dialogics is observed at the point when invited officials answer the parliamentarians' questions. In is in this part of the government hour that the invited officials are in a vulnerable position. For the purpose of positive self-presentation, reduction of vulnerability and enhancement of positive credibility, the invited officials use various strategies and tactics implemented through a variety of language tools. The characteristics shared by government hour (communication) event in the State Duma and the Federation Council allow us to consider the ad hoc discourses of the two chambers of the Russian parliament as a single communicative space.

© Труханова Д. С., 2020

Keywords: institutional discourse; political discourse; parliamentary discourse; government hour; communicative event; mitigation.

Введение

Пространство политического дискурса неоднородно, в нем можно выделить ядерную и периферийную части [Шейгал, 2004, с. 35]. Ядерная часть – институциональный политический дискурс, то есть ***особое использование языка политическими субъектами в сфере институциональной коммуникации.*** Образцом институционального политического дискурса можно считать дискурс парламента как иерархически устроенного законодательного органа власти. Парламентский дискурс активно изучается в России и за рубежом как «вершина политической коммуникации» [Алфёров, Кустова, Попова, 2016, с. 5]. Русскоязычный парламентский дискурс получает лингвистическое описание в основном в компаративных исследованиях, среди исследований, выполненных полностью на русскоязычном материале, можно отметить работы, посвященные парламентаризму 90-ых годов XX века [Баранов, Казакевич, 1992; Культура парламентской речи, 1994], начала XX века [Громыко, 2016; Сметанин, 2014; Царьков, 2010 и др.]. Современный русскоязычный парламентский дискурс исследуется в меньшей степени, что, возможно, объясняется утвердившейся исследовательской традицией (исследуется наиболее репрезентативный материал, формирующиеся русскоязычные дискурсивные парламентские практики меньше привлекают лингвистов), особенностями российского парламентаризма (сильная президентская власть, конфронтационный стиль взаимодействия исполнительной и законодательной властей, сниженная авторитетность в обществе и др.). Вместе с тем именно названные выше факторы актуализируют лингвистическое описание парламентского дискурса.

Русскоязычный парламентский дискурс реализуется во множестве коммуникативных событий разного ранга, связанных с существующими формами деятельности обеих палат российского парламента (Федерального Собрания, состоящего из Совета Федерации и Государственной Думы, далее – ФС, СФ, ГД): заседания ГД и СФ, заседания входящих в их состав комитетов, комиссий и др. Мы рассматриваем коммуникативное событие как «ограниченный в пространстве и времени, мотивированный, целостный, социально обусловленный процесс речевого взаимодействия коммуникантов» [Борисова, 2005, с. 13]. Такой подход развивает идею об исследовании дискурса как единства языковой формы, значения и действия [ван Дейк, 1989, с. 122], однако мы не отождествляем коммуникативное событие и дискурс. Последний реализуется во множестве коммуникативных событий. Мы также не отождествляем коммуникативное событие с коммуникативной ситуацией (первое – динамично, вторая – статична), речевым актом (соотносятся как часть и целое), речевым жанром (последний функционирует как речевая/текстовая реализация коммуникативного события).

Крупные коммуникативные события могут включать малые, например, заседание ГД/СФ – правительственный час в ГД/СФ, час субъекта и час эксперта в СФ. Каждое из них имеет свою специфику, описание которой позволяет сформировать представление о разных формах институциональной коммуникации, в том числе о взаимодействии разных ветвей власти, привлекающее внимание исследователей [например, Bull, 2012; Mohammed, 2018; Головина, 2019]. Правительственный час в ГД/СФ РФ – одна из точек пересечения дискурсов исполнительной и законодательной ветвей власти, выделенное на заседании ГД/СФ время, когда контрагенты парламентского дискурса (приглашенные должностные лица (далее – ПДЛ), представители исполнительной власти) встречаются с агентами парламентского дискурса (депутатами/сенаторами, представителями законодательной власти). ПДЛ и его деятельность становится объектом парламентского контроля. Ассиметричные отношения участников правительственного часа определяют основные характеристики этого коммуникативного события.

Определение и описание этих характеристик представляет **цель нашего исследования.** К **задачам** исследования мы относим: определение целей и характеристик основных участников коммуникативного события, выявление его структуры и хронотопа, экспликацию его стратегемно-тактического рисунка. **Эмпирической базой** исследования стали стенограммы и видеозаписи правительственных часов в ГД VII созыва (октябрь 2016 – июль 2019 гг.) и СФ (за аналогичный период); 36 – в ГД, 59 – в СФ.

Правительственный час: цель, участники, структура

Правительственный час сами парламентарии часто называют *«форматом»* и «*рубрикой*» общения, уже на интуитивном уровне осмысляя его как самостоятельное, целостное коммуникативное

событие. Его цель – обсуждение сенаторами и депутатами совместно с ПДЛ важнейших вопросов внутренней и внешней политики. Депутаты/сенаторы и ПДЛ – это основные участники правительственного часа.

Приглашенными на правительственный час должностными лицами могут быть федеральные министры (и уполномоченные ими лица), председатель Правительства РФ (не реже 1 раза в год) и иные члены Правительства РФ и руководители других федеральных органов власти. Мы рассматриваем в настоящем исследовании ПЧ, в которых принимают участие федеральные министры. Статусные характеристики иных должностных лиц меняют структуру правительственного часа, а также в парламентских отчетах не всегда рассматриваются как правительственный час. Хотя представители исполнительной власти до определенной степени противопоставляют себя исполнительной, и сенаторы/депутаты, и ПДЛ – представители государственной власти. В их риторике много общих мест: подчеркивание важности решения задач, поставленных президентом, забота о населении, совершенствование с этой целью законодательной системы и др. Сложные отношения депутатов/сенаторов и ПДЛ определяют особенности их коммуникативного поведения, структуру правительственного часа.

Структура правительственного часа дискретна, довольно устойчива. Она изменилась незначительно в 2018 году, мы рассматриваем актуальную сегодня структуру. Смена элементов структуры правительственного часа определяет динамику коммуникативного события (таблица 1).

Правительственный час в ГД/СФ как коммуникативное событие имеет одинаковые узловые структурные элементы: объявления о начале и завершении правительственного часа, смене его структурных элементов, выступления ПДЛ и представителей Счетной палаты, ответы ПДЛ на вопросы депутатов/сенаторов, выступления депутатов/сенаторов по заслушанному вопросу.

Выступление ПДЛ – отчет о проделанной работе по заявленному в повестке вопросу. Основная интенция – сообщение ПДЛ информации о работе представляемого им органа власти и личном вкладе в эту работу, создание посредством этого «информирования» положительного имиджа власти, в первую очередь – исполнительной.

Выступление аудитора Счетной палаты – сравнение отчета ПДЛ со статистикой, собранной контролирующим органом в результате проверок. Основная интенция – попытка создания объективной картины работы исполнительной власти.

Таблица 1

Структура правительственного часа как коммуникативного события

ГД	СФ
Объявление о начале правительственного часа Выступление ПДЛ Выступление аудитора Счетной палаты Выступление представителя Комитета по регламенту и контролю Выступление представителя/главы профильного комитета и представителей других органов власти, чья деятельность связана с обсуждаемыми проблемами Вопросы депутатов и ответы ПДЛ Выступление представителей от фракций Заключительное слово ПДЛ Принятие проекта постановления о результатах проведения правительственного часа Объявление о завершении правительственного часа	Объявление о начале правительственного часа Выступление ПДЛ Время вопросов сенаторов и ответов ПДЛ Выступление аудитора Счетной палаты Выступление представителя профильного комитета и других членов палаты Принятие проекта постановления о результатах правительственного часа Объявление о завершении правительственного часа

Основная тема выступлений депутатов/сенаторов по мотивам правительственного часа – оценка работы ПДЛ, представляемых ими органов власти. Выставляя оценки, сенаторы и депутаты стремятся презентовать свои убеждения перед потенциальным электоратом, повысить свой авторитет. Важная интенция в выступлениях сенаторов – просьбы, пожелания, предложения, часто касающиеся применения того или иного законодательного акта в конкретном регионе, в выступлениях депутатов – подчеркнутая презентация политических идей своей партии. Просьбы и предложения от регионов часто упоминаются с целью презентации идеологии партии.

Структура правительственного часа и связь между структурными элементами рассматриваемого коммуникативного события определяется законодательно [Регламент работы ГД, эл. рес.; РФ, Регламент работы СФ РФ, эл. рес], на содержательном уровне – темой правительственного часа. О переходе от одного структурного элемента коммуникативного события к другому объявляет председательствующий (председатель ГД/СФ или его заместители): сообщает о начале и завершении правительственного часа, обосновывает необходимость коммуникации между ветвями власти по конкретному вопросу, даёт оценку качеству этой коммуникации и поведению всем её участникам. Можно говорить о метакоммуникативной

функции председательствующего. Положительно оценивается соответствие речи участников коммуникативного события регламенту, заявленной теме, а также содержательность и емкость, конкретность речи. Это часто подчеркивается председательствующими на заседании ГД/СФ. Например, В. Матвиенко 11 декабря 2018 на заседании СФ: «*Я думаю, что мы не только отметили профессионализм Владимира Владимировича, и содержательный доклад, и материалы, но, согласитесь, и сенаторы в теме, они ею владеют: не было никаких пустых вопросов, все вопросы были профессиональными, предложения – конкретными*» *(http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/).* Требование к точности речи олицетворяет профессионализм субъектов ПД, предъявляется и к агентам, и контрагентам ПД.

Если речь участников коммуникативного события не соответствует перечисленным выше условиям, то на них могут быть наложены санкции. Показателен пример, когда 6 марта 2019 года был прерван правительственный час с участием министра экономического развития М. С. Орешкина. Депутаты ГД оценили доклад министра как недостаточно конкретный и были не удовлетворены ответами на последовавшие вопросы (отсутствие точной информации и игнорирование проблем доведения средств, выделенных на национальные проекты, до регионов), как следствие, правительственный час был перенесен.

Председательствующий, прислушиваясь к мнению коллег, обобщает их высказывания и предлагает «*перестроить работу*», перевести из «*формальной плоскости в плоскость KPI, в плоскость достижения конкретных результатов*», отказаться «*от общих рассуждений*». Далее: *«Если мы не готовы к такому разговору, нам лучше перенести рассмотрение этого вопроса*». Предлагая перенести правительственный час, председательствующий использует местоимение «мы», референтами которого в первую очередь выступают ПДЛ, но формально в это «мы» включаются и парламентарии. Такое использование местоимения смягчает критику представителя исполнительной власти. Основная причина, по которой председательствующий вынужден остановить министра, это необходимость выполнить указы президента: «*<…> Коллеги,* ***ресурсы****, которые сейчас* ***направлены президентом*** *на реализацию национальных проектов, беспрецедентны, никогда такого не было: 1,7 триллиона рублей на этот год, 1,9 триллиона – на будущий год. Но сейчас уже заканчивается первый квартал, а ещё только договоры заключены, и средства – речь идёт приблизительно о 10 процентах – практически, значит, не направлены – о чём мы тогда говорим? Вот об этом речь идёт! Коллеги,* ***берите и используйте то, что сделал президент,*** *ещё раз говорю, это шанс! А нам сейчас почему-то дают прогнозы, касающиеся совершенно других задач, –* ***мы не можем отходить от тех задач, которые поставлены президентом*** *<…>*» *(http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/).* Этот ход председательствующего позволяет представить причину переноса правительственного часа как необходимость, давление обстоятельств. Отметим, что и агенты, и контрагенты часто упоминают президента, его решения в качестве аргументов, это, хотя и косвенно, всё же отражает специфику российского парламентаризма, развивающегося в условиях действия сильной президентской власти [Гаман-Голутвина, 2007, с. 21].

Завершая свою речь, председательствующий ещё раз приводит аргументы в пользу предложения о переносе ПЧ: *«Просто из уважения друг к другу мы стараемся как-то не обострять ситуацию, но это неправильно – время требует другого»*. Фраза *«из уважения друг к другу»* камуфлирует прагматику каузативности. Объявить о причине переноса без эвфемистической замены – значит публично унизить представителя одной из ветвей власти, что негативно скажется на имидже другой. Перенос встречи представлен как способ *«не обострять ситуацию»*, тогда как *«время требует* ***другого****»*. Председательствующий, используя неопределенное местоимение («другого») вербализует намек на то, что для ПДЛ, провалившего правительственный час, последствия должны быть более жесткими. Председательствующий действительно не обостряет ситуацию: *«Пожалуйста,* ***если вы готовы к разговору, давайте*** *продолжим,* ***если не готовы, лучше нам перестроиться, подготовиться****, и вы придёте снова.* ***Мы единомышленники, мы будем вам помогать****, но вы должны нам сказать, в чём именно»*. Сначала председательствующий допускает возможность продолжения правительственного часа, возлагая ответственность за это решение на министра, а затем настаивает на переносе, подчеркивая, что это совместно (председательствующим, парламентариями и представителями правительства) принятое решение (*«нам перестроиться»*) и демонстрируя готовность парламентариев помогать исполнительной власти (*«Мы единомышленники, мы будем вам помогать…»*), то есть сокращая дистанцию между представителями двух ветвей власти (*http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/*).

Председательствующий негативно реагирует на попытку министра представить заранее подго-

товленный материал: *«Максим Станиславович, у вас выступление в парламенте один раз в год,* ***сводить его к обсуждению вопроса чисто в разрезе малого и среднего бизнеса будет неправильно»*** (*http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/*).

Перед окончательным объявлением о переносе правительственного часа председательствующий снова аргументирует свое решение: *«Совершенно очевидно, что реализация послания президента требует* ***более ответственного*** *подхода и* ***более конкретного*** *разговора,* ***коллеги****, давайте исходить из этого.* ***Это и нас ко многому обязывает****. <…>* ***Коллеги, ещё раз подчёркиваю, что нас всех это ко многому обязывает****. У нас есть шанс, давайте его используем для того, чтобы были решены проблемы наших граждан. Коллеги, у нас общее мнение: переносим? Хорошо. Максим Станиславович, наше общее мнение: „правительственный час" переносится»* (*http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/*). Двусоставное предложение, в котором в качестве субъекта выступает трехкомпонентное словосочетание с опорным словом-неодушевленным существительным (*«реализация послания президента»*), позволяет председательствующему указать на дискурс президента как на причину переноса встречи. Вместе с тем, очевидно, что конкретный повод переноса встречи – недостаточно качественный доклад министра, игнорирование вопросов парламентариев. Компаративы (*«более ответственного» и «более конкретного»*), указывающие на неопределенно большую степень проявления признака, используются председательствующим, чтобы вербализовать критику работы исполнительной власти в митигативной форме. Продолжая свою речь, председательствующий использует обращение «коллеги», как бы сокращая дистанцию между субъектами ПД, давая возможность адресовать критику ко всем присутствующим (*«Это и нас ко многому обязывает», «Еще раз подчеркиваю, что нас всех это ко многому обязывает»*). Фокус смещается с критики представителя правительства на речь, мотивирующую всех присутствующих в зале представителей государственной власти исполнять свои обязанности надлежащим образом.

Далее председательствующий имплицитно выражает ещё один аргумент (наряду с необходимостью реализовать послание президента) в пользу переноса встречи – возможность стать более полезными гражданам: «*У нас есть шанс, давайте его используем для того, чтобы были решены проблемы наших граждан» (http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/).*

Министр, отвечая на обвинения, придерживается стратегии умолчания, в его речи причина, по которой переносится правительственный час (неподготовленность министра), не объективируется вовсе.

Описанный выше прецедент – исключение, станет ли это новой практикой – покажет время. Для нас же ценно, что в потенциально конфликтной ситуации участники коммуникативного события отказываются от выражения потенциально конфликтных интенций прямым способом. Такое коммуникативное поведение характерно для многих субъектов парламентского дискурса, однако в большей степени для председательствующего и ПДЛ.

Пространственно-темпоральные характеристики правительственного часа

Правительственный час проводится строго согласно регламенту (фиксированное место, время начала и конца и т. д.). Глобальные вопросы жизни страны обсуждаются в ограниченное время (например: выступления ПДЛ – 20 и 15 минут в ГД/СФ, вопросы депутатов/сенаторов ПДЛ по 1 минуте, ответы – не более 3 минуты и т. д.), что ограничивает динамичность диалога между участниками правительственного часа.

Правительственный час – планируемое коммуникативное событие, большинство материалов к нему готовится заранее, и затем лишь зачитывается. Институциональное общение вообще сопровождается различными видами текстов. Правительственный час в рамках заседания ГД/СФ не исключение (связан и с повесткой дня, и с материалами к заседаниям, и с текстами речей участников коммуникативного события). Вместе с тем многочисленны отступления. Текстоориентированность правительственного часа совершенно нарушается, когда депутаты/сенаторы задают вопросы ПДЛ.

Правительственный час проводится в зале заседания ГД/СФ. Расположение участников определяется иерархической структурой парламентского дискурса: президиум, аудитория (в том числе балкон с гостями), трибуна. Трибуна в парламенте – почти сакральный топос. Слово, сказанное с трибуны, имеет больший вес, на нём могут поймать, призвать к ответственности, что регулярно и происходит. Частотна такая тактика: обещание/заявление, произнесенное с трибуны политиком/группой политиков, цитируется/упоминается другим политиком/группой политиков и далее демонстрируется его неправдоподобность/несостоятельность. Приведем пример. 20 ноября 2018 года на заседании ГД А. Н. Грешневиков («Справедливая Россия») при

очередном обсуждении проблемы вывоза мусора: *«С этой трибуны неоднократно с гордостью говорили о том, что в законе прописана статья, что без обсуждения с населением, без разрешения, без учёта общественного мнения ни один полигон строиться не будет и что будет учитываться общественное мнение при завозе мусора».* Далее риторический вопрос («*Что мы видим?*») как маркер начала противопоставления: *«Вот я уже сказал, что Москва сегодня очищается за счёт того, что загаживает Ярославскую область: „Скоково" в 2 раза перегружено, днём и ночью возят!» (http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/)*

Частотно и, наоборот, – указание на заявление с трибуны как на проявление политической несостоятельности депутата/сенатора. Приведем пример. 18 декабря 2018 года на заседании ГД при обсуждении федерального бюджета И. М. Гусева («Единая Россия») обращается к депутатам – представителям оппозиционных партий: «*Депутаты, которые так рьяно призывали не голосовать за федеральный бюджет, не думая о детях, о приоритетах, а сегодня нам говорят: вы не думаете о стране, – может быть,* ***вы ко второму чтению наконец-то подготовите хоть одну поправку, кроме выступлений с трибуны****? Говорить то, что хотят услышать люди, зарабатывая дешёвый авторитет, потому что они хотят это услышать, – это просто, а принимать решение и брать на себя ответственность, – это, конечно, тяжело» (http://transcript.duma.gov.ru/node/5048/).*

Агенты парламентского дискурса часто напоминают о своих прошлых выступлениях с трибуны. Такая тактика позволяет им продемонстрировать включенность в процесс работы государственной машины: *я/мы/наша фракция/партия с этой (высокой) трибуны неоднократно заявлял(а/и)/выступал(а/и)/говорил(а/и)* и др.

Изучение трибуны как концептуального образования в парламентском дискурсе может быть продолжено в рамках самостоятельного исследования.

Особенности коммуникативного поведения ПДЛ

Участники правительственного часа представляют разные политические институты, находятся под влиянием сильной президентской власти, а также под наблюдением журналистов и удаленного массового адресата. Позиция ПДЛ более сложная, так как работа ПДЛ – объект контроля. Рассмотрим её подробнее. ПДЛ на правительственном часе выступает несколько раз: основной доклад, ответы на вопросы парламентариев и (опционально) заключительное слово.

Выступление ПДЛ, как правило, начинается с обращения к председательствующему, депутатам/сенаторам и благодарности за приглашение. Далее – определение тематической доминанты доклада, упоминание поставленной перед представляемым органом власти цели и обсуждение результатов его работы по её достижению, обозначение проблемных зон на этом пути. Завершая доклад, ПДЛ выражает надежду на сотрудничество с ФС/ГД РФ, демонстрирует готовность к совместной работе.

Эта совместная работа начинается непосредственно в зале заседания, во время ответов ПДЛ на вопросы депутатов/сенаторов. Вопросы затрагивают проблемы российской внутренней и внешней политики, но всё-таки ограничены темой встречи, прописанной в повестке.

Отвечая на вопросы, в ситуации условной открытости парламентской коммуникации ПДЛ должно сохранить своё лицо (как представитель конкретного органа власти, как носитель определенной идеологии, как личность [Bayley, 2004, с.18]). Именно поэтому ПДЛ, балансируя между конкретностью, содержательностью речи и демагогией, вынуждено прибегать к использованию коммуникативно-когнитивного феномена митигации. Существует много подходов к определению понятия «митигация» [Caffi, 2007, с. 89; Czerwionka, 2010, с. 234; Florres-Ferran, 2020, с.57; Fraser, 1980, с. 341-343; Martinovski, 2005, с. 1411; Malyuga, 2018, с. 69; Schneider, 2010, с.255; Thaler, 2012, с. 910; Каракулова, 2016, с. 55; Тахтарова, 2009, с. 90 и мн. др.]. Мы придерживаемся следующего: митигация – это ***явление из области прагматики, которое позволяет говорящему сократить уязвимость своего лица посредством выделения потенциально конфликтных интенций и вербализации их безопасными способами.*** Справедливо говорить о митигативном поведении, обусловленных во многом ситуацией общения. «Уязвимость» может проявляться в разных культурах и типах дискурса. На наш взгляд, в рассматриваемом коммуникативном событии – это возможность потерять свой авторитет как носителя институциональных функций. Реализуется феномен митигации за счет использования широкого набора тактик, реализуемых разноуровневыми языковыми средствами, что определяется типом дискурса. Сложилась традиция выделять 3 типа митигации: на уровне пропозиции (изменение модусных и семантических составляющих высказывания), иллокуции (выражение потенциально конфликтных иллокуций косвенными способами) и дейксиса (выведе-

ние нежелательных элементов пропозиции за пределы содержательной структуры высказывания). Хотя эти типы часто перекрывают друг друга [см. Thaler, 2012, с. 917]. Для ПДЛ наиболее характерны все три типа митигации. Основными митигативными тактиками можно назвать следующие: выведение адресата из фокуса при выражении потенциально конфликтных интенций, демонстрация неуверенности при выражении потенциально конфликтных интенций и субъективности мнения, эвфемизация, псевдосогласие, нивелирование проблемы, а также, наоборот, подчеркивание важности проблемы и своей вовлеченности в процесс её и мн. др. Митигативный эффект достигается за счет использования нескольких средств одновременно. Приведем пример. 23 января 2019 года на заседании СФ В. В. Якушев, министр строительства, отвечая на вопрос сенатора Л. З. Талабаева (представителя Приморского края) о сокращении объема непригодного для проживания жилищного фонда, вынужден использовать митигативные средства, так как разговор на обозначенную тему может негативно сказаться на имидже министра. ПДЛ в ответе добивается митигативного эффекта за счет использования разных митигативных средств. Министр подчеркивает намерение ответить честно (1), указывает на субъективность точки зрения и тут же демонстрирует неуверенность в высказанном предположении (2), затем включает в круг ответственных за проблему целый ряд органов власти (3). Причем в ответе министра реальная проблема, из-за которой возник вопрос, не называется прямо (‘затягивание решения проблемы’), она вуалируется эвфемизмом «пробуксовка» (4): «*Уважаемые коллеги,* ***честно говоря (1), мне кажется (2),*** *если с этим проектом* ***у нас еще будет (2) пробуксовка (4)****, то,* ***наверное (2), будет стыдно****. Причем должно быть стыдно* ***и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (2)*** *…».* Далее министр говорит об уже отработанных механизмах решения проблемы, но так и не примененных («*Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства,* ***потому что до этого момента****, реализуя эту программу достаточно длительное время,* ***мы довольно серьезно потренировались и отработали все механизмы»*** *(http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/))*, показывает активное вовлечение в работу. Хотя, подчеркнем, ПДЛ использует глагол ограничительного способа действия («*потренировались»*) и наречие степени (*«довольно»*), тем самым снижая иллокутивную силу высказывания и уходя от громких заявлений. Далее ПДЛ подчеркивает важность проблемы и сообщает, что государственная машина сегодня готова решить проблему аварийного жилья: *«****Мне кажется****, все региональные и муниципальные команды* ***сегодня к реализации этого проекта готовы»*** *(http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/).* В это высказывание опять используется вводное выражение с дуальной семантикой, одновременно подчеркивающее субъективность точки зрения и снижающее уверенность в своих словах. Далее министр описывает факторы, ограничивающие возможность решения обсуждаемой проблемы, на что указывает частотный эвфемизм «момент» (в значении ‘фактор, мешающий решению проблемы’): «*Единственный* ***момент****– 28 февраля по поручению Президента Российской Федерации мы внесли изменения в федеральный закон № 185 и Жилищный кодекс, но дали дополнительные возможности субъектам Российской Федерации или, как мы говорим, дополнительные опции. И это не что-то выдуманное, взятое из космоса, это лучшие практики, которые субъекты наработали при реализации предыдущей программы. Поэтому мы их облачаем в нормативное регулирование, и у субъектов появится возможность использовать те денежные средства, которые они получат, на то, чтобы увеличить объемы сносимого аварийного фонда. <Объяснение сути изменения, демонстрация их выгодности для населения>» (http://transcript.duma.gov.ru/node/4595/).* Сдерживающими незамедлительное решение проблемы факторами оказываются поправки, инициированные президентом, вышестоящей властью, поэтому рассматриваются исключительно их положительные стороны («*лучшие практики*»). Завершает свой ответ министр приведением статистики, которая показывает, какое количество жилья нужно, но невозможно построить без усовершенствования законодательной системы. Начинается и завершается ответ на вопрос ритуализованной благодарностью, что характерно для ответов ПДЛ и реже встречается в вопросах депутатов/сенаторов. ПДЛ использует различные митигативные средства, когда выражает интенции, потенциально угрожающие авторитетности его институционального лица. Эта особенность коммуникативного поведения ПДЛ связана с его уязвимой позицией, тогда как митигативное поведение председательствующего связано с его обязанностью обеспечивать коммуникацию субъектов парламентского дискурса.

Заключение

Правительственный час – это форма взаимодействия разных ветвей власти, а именно – контроля представителями законодательной власти представителей исполнительной. Правительственный час проводится в верхней и нижней палатах парламента. Рассматривая его как коммуникативное событие, то есть как целостное, социально мотивированное, развивающееся в определенных пространственно-временных координатах взаимодействие нескольких коммуникантов, можно выделить ряд значительных сходств между правительственными часами в ГД и СФ, позволяющих рассматривать дискурс двух палат как единое коммуникативное пространство в данном конкретном исследовании.

Правительственный час – планируемое коммуникативное событие, проводится по заблаговременно подготовленным материалам в фиксированное время в зале заседания ГД/СФ.

Участники коммуникативного события – агенты (сенаторы и депутаты) и контрагенты (ПДЛ) парламентского дискурса представляют государственную власть, но контрагенты по отношению к агентам находятся в зависимой позиции, их отношения ассиметричны. Общение на уровне иерархических статусов подразумевает определенный сценарий и использование конвенциональных коммуникативных паттернов.

С точки зрения структуры правительственный час в ГД и СФ имеет одни и те же важнейшие элементы: отчет ПДЛ, выступление аудитора Счетной палаты, вопросы сенаторов/депутатов к ПДЛ, выступления сенаторов/депутатов по мотивам правительственного часа.

Уязвимая позиция ПДЛ делает его речь интенционально наиболее сложной, а потому интересной для прагмалингвистического анализа. ПДЛ использует широкий набор языковых средств, чтобы сохранить авторитет своего институционального лица.

Исследование коммуникативного поведения должностных лиц разного уровня в уязвимой позиции на фоне возрастающей роли устной публичной речи в современном политизированном коммуникативном пространстве [Боженкова, 2019, с. 81; Медиалингвистика, 2018, с. 8; Саакян, Северская 2011, с. 21] представляется перспективным.

Библиографический список

1. Алферов А. В. Парламентский дискурс: динамика жанрового пространства французского парламента / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова, Г. Е. Попова // Политическая лингвистика: проблематика, методология, аспекты исследования и перспективы развития научного направления. Материалы международной научной конференции / гл. ред. А. П. Чудинов. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2016. С. 13-15.

2. База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы». Москва. URL: http://transcript.duma.gov.ru/ (дата обращения: 08.10.2019).

3. Баранов А. Н. Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. Москва : Знание, 1992. 64 с.

4. Боженкова Н. А. Русский политический дискурс в фокусе лингвоэкологии / Н. А. Боженкова, П. А. Катышев, С. В. Ионова и др. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2019. Т. 18, № 3. С. 76-92.

5. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика. Москва : КомКнига, 2005. 320 с.

6. Гаман-Голутвина О. В. Российский парламентаризм: история и современность // Вестник РУДН. Политология. 2007. № 1. С. 5-21.

7. Головина Н. М. Парламентские «непарламентские выражения»: речевая агрессия как риторическая стратегия в парламентском дискурсе // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3(41). С. 200-215.

8. Громыко С. А. Особенности речевой агрессии русских националистов в дореволюционной Государственной Думе // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С. 217−224.

9. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. Москва : Прогресс, 1989. 312 с.

10. Каракулова С. Ш. Реализация митигативной стратегии смягчения оценки в интервью с немецкими политиками // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 52-62.

11. Культура парламентской речи // Рос. АН, Ин-т рус. яз. Москва : Наука, 1994. 359 с.

12. Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник / под ред. Л. Р. Дускаевой. Москва : Флинта, 2018. 442 с.

13. Регламент работы Государственной Думы РФ. Москва. URL: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (дата обращения: 12.01.2019).

14. Регламент работы Совета Федерации РФ. Москва. URL: http://council.gov.ru/structure/council/regulations/32833/ (дата обращения: 12.01.2019).

15. Саакян Л. Н. Новые смыслы в актуальном политическом дискурсе сквозь призму корпусных исследований / Л. Н. Саакян, О. И. Северская // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2018. Т. 7, № 6. С. 20-25.

16. Сметанин А. В. Семантический контент-анализ выступлений депутатов Государственной Думы Российской империи: методологические аспекты // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2014. № 3 (26). С. 57−66.

17. Совет Федерации Федерального Собрания РФ: официальный сайт. Москва. URL:

http://council.gov.ru/activity/meetings/ (дата обращения: 10.10.2019).

18. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград : Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2009. 380 с.

19. Царьков П. Б. Понятие «языковой портрет» думского политика либерала // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2010. № 21. С. 53−69.

20. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Москва : ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.

21. Эзех А. О. Коммуникативное смягчение как результат дефокусирования в директивных речевых актах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 2016. № 2 (741). С. 135-143.

22. Bayley P. Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2004. 372 p.

23. Bull P. Adverbial Discourse in Prime Minister's Questions / P. Bull, P. Wells // Journal of Language and Social Psychology. 2012. № 31(1). P. 30-48.

24. Caffi C. Mitigation. Amsterdam, Netherlands : Elsevier, 2007. 342 p.

25. Czerwionka L. A. Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on: dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Austin : The University of Texas at Austin, 2010. 260 p.

26. Flores-Ferrán N. Linguistic Mitigation in English and Spanish: How Speakers Attenuate Expressions. London, UK : Routledge, 2020. 246 p.

27. Fräser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4. Amsterdam, Netherlands: North-Holland, 1980. P. 341-350.

28. Malyuga E. N. Linguistic Pragmatics of Intercultural Professional and Business Communication. Luxembourg : Springer, 2018. 145 p.

29. Martinovski B. Mitigation Theory: An Integrated Approach // Appears in the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society. Stresa, Italy : Proceedings of Cog Sci, 2005. P. 1407-1412.

30. Schneider S. Mitigation // Interpersonal pragmatics. Berlin, Germany : Mouton de Gruyter, 2010. P. 253-269.

31. Mohammed D. Argumentation in Prime Minister's Question Time: Accusation of inconsistency in response to criticism (Argumentation in Context). John Benjamins Publishing Company, 2018. 174 p.

32. Thaler V. Mitigation as modification of illocutionary force // Journal of Pragmatics. 2012. № 44. P. 907-919.

Reference List

1. Alferov A. V. Parlamentskij diskurs: dinamika zhanrovogo prostranstva francuzskogo parlamenta = Parliamentary Discourse: Dynamics of French Parliamentary Genre Space / A. V. Alferov, E. Ju. Kustova, G. E. Popova // Politicheskaja lingvistika: problematika, metodologija, aspekty issledovanija i perspektivy razvitija nauchnogo napravlenija. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / gl. red. A. P. Chudinov. Ekaterinburg : Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2016. S. 13-15.

2. Baza dannyh «Stenogrammy zasedanij Gosudarstvennoj Dumy» = «Shorthand Notes of the State Duma Proceedings» Database. Moskva. URL: http://transcript.duma.gov.ru/ (data obrashhenija: 08.10.2019).

3. Baranov A. N. Kazakevich E. G. Parlamentskie debaty: tradicii i novacii = Parliamentary Debates: Traditions and Innovations. Moskva : Znanie, 1992. 64 s.

4. Bozhenkova N. A. Russkij politicheskij diskurs v fokuse lingvojekologii = The Russian Political Discourse in the Focus of Linguistic Ecology / N. A. Bozhenkova, P. A. Katyshev, S. V. Ionova i dr. // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 2. Jazykoznanie. 2019. T. 18, № 3. S. 76-92.

5. Borisova I. N. Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika = The Russian Spoken Dialogue: Structure and Dynamics. Moskva : KomKniga, 2005. 320 s.

6. Gaman-Golutvina O. V. Rossijskij parlamentarizm: istorija i sovremennost' = The Russian Parliamentary System: History and Present Time // Vestnik RUDN. Politologija. 2007. № 1. S. 5-21.

7. Golovina N. M. Parlamentskie «neparlamentskie vyrazhenija»: rechevaja agressija kak ritoricheskaja strategija v parlamentskom diskurse = 'Unparliamentary Language' in Parliament: Hostile Rhetoric as a Strategy in Parliamentary Discourse // Voprosy psiholingvistiki. 2019. № 3(41). S. 200-215.

8. Gromyko S. A. Osobennosti rechevoj agressii russkih nacionalistov v dorevoljucionnoj Gosudarstvennoj Dume = The Russian Nationalists' Hostile Rhetoric in the Prerevolutionary State Duma // Politicheskaja lingvistika. 2016. № 4 (58). S. 217−224.

9. van Dejk T. A. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija = Cognition, Language, and Communication. Moskva : Progress, 1989. 312 s.

10. Karakulova S. Sh. Realizacija mitigativnoj strategii smjagchenija ocenki v interv'ju s nemeckimi politikami = Implementation of the Assessment Mitigation Strategy in Interviews with German Politicians // Nauchnyj dialog. 2016. № 2 (50). S. 52-62.

11. Kul'tura parlamentskoj rechi = Parliamentary Speech Culture // Ros. AN, In-t rus. jaz. Moskva : Nauka, 1994. 359 s.

12. Medialingvistika v terminah i ponjatijah = Medialinguistics in Terms and Concepts: slovar'-spravochnik / pod red. L. R. Duskaevoj. Moskva : Flinta, 2018. 442 s.

13. Reglament raboty Gosudarstvennoj Dumy RF = The Rules of Procedure of the Russian State Duma. Moskva. URL: http://duma.gov.ru/duma/about/regulations/ (data obrashhenija: 12.01.2019).

14. Reglament raboty Soveta Federacii RF = The Rules of Procedure of the Russian Council of Federation. Moskva. URL: http://council.gov.ru/structure/council/regulations/32833/ (data obrashhenija: 12.01.2019).

15. Saakjan L. N. Novye smysly v aktual'nom politicheskom diskurse skvoz' prizmu korpusnyh issledovanij = New Meanings in Contemporary Political Discourse through the Prism of Corpus-based Research / L. N. Saakjan, O. I. Severskaja // Nauchnye issledovanija i razrabotki. Sovremennaja kommunikativistika. 2018. T. 7, № 6. S. 20-25.

16. Smetanin A. V. Semanticheskij kontent-analiz vystuplenij deputatov Gosudarstvennoj Dumy Rossijskoj imperii: metodologicheskie aspekty = Semantic Content Analysis of Speeches of Imperial Russia's State Duma Deputies // Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Istorija. 2014. № 3 (26). S. 57−66.

17. Sovet Federacii Federal'nogo Sobranija RF = Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: oficial'nyj sajt. Moskva. URL: http://council.gov.ru/activity/meetings/ (data obrashhenija: 10.10.2019).

18. Tahtarova S. S. Kategorija kommunikativnogo smjagchenija (kognitivno-diskursivnyj i jetnokul'turnyj aspekty) = Communicative Mitigation Category (Cognitive-Discursive and Ethno-cultural Aspects). Volgograd : Izd-vo Volgogradskogo gos. un-ta, 2009. 380 s.

19. Car'kov P. B. Ponjatie «jazykovoj portret» dumskogo politika liberala = The Concept of a 'Linguistic Portrait' of the Duma Liberal Politician // Mir lingvistiki i kommunikacii: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. 2010. № 21. S. 53−69.

20. Shejgal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of Political Discourse. Moskva : ITDGK «Gnozis», 2004. 326 s.

21. Jezeh A. O. Kommunikativnoe smjagchenie kak rezul'tat defokusirovanija v direktivnyh rechevyh aktah = Communicative Mitigation as a Result of Defocusing in Directive Speech Acts // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. № 2016. № 2 (741). S. 135-143.

22. Bayley P. Cross-cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. Amsterdam, Netherlands : John Benjamins, 2004. 372 p.

23. Bull P. Adverbial Discourse in Prime Minister's Questions / P. Bull, P. Wells // Journal of Language and Social Psychology. 2012. № 31(1). P. 30-48.

24. Caffi C. Mitigation. Amsterdam, Netherlands : Elsevier, 2007. 342 p.

25. Czerwionka L. A. Mitigation in Spanish Discourse: Social and Cognitive Motivations, Linguistic Analyses, and Effects on: dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. Austin : The University of Texas at Austin, 2010. 260 p.

26. Flores-Ferrán N. Linguistic Mitigation in English and Spanish: How Speakers Attenuate Expressions. London, UK : Routledge, 2020. 246 p.

27. Fräser B. Conversational mitigation // Journal of Pragmatics 4. Amsterdam, Netherlands: North-Holland, 1980. P. 341-350.

28. Malyuga E. N. Linguistic Pragmatics of Intercultural Professional and Business Communication. Luxembourg : Springer, 2018. 145 p.

29. Martinovski B. Mitigation Theory: An Integrated Approach // Appears in the Twenty-Seventh Annual Conference of the Cognitive Science Society. Stresa, Italy : Proceedings of Cog Sci, 2005. P. 1407-1412.

30. Schneider S. Mitigation // Interpersonal pragmatics. Berlin, Germany : Mouton de Gruyter, 2010. P. 253-269.

31. Mohammed D. Argumentation in Prime Minister's Question Time: Accusation of inconsistency in response to criticism (Argumentation in Context). John Benjamins Publishing Company, 2018. 174 p.

32. Thaler V. Mitigation as modification of illocutionary force // Journal of Pragmatics. 2012. № 44. P. 907-919.

Теория языка

УДК 81'246.2

Г. М. Вишневская **https://orcid.org/0000-0003-0615-7351**

А. А. Абызов **https://orcid.org/0000-0002-0691-8184**

'Канадизм' как локально-маркированная лингвистическая единица (лексикографическая трактовка термина)

Для цитирования: Вишневская Г. М., Абызов А. А. 'Канадизм' как локально-маркированная лингвистическая единица (лексикографическая трактовка термина) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 104-108. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-104-108

В статье рассматривается лексикографический аспект канадского английского (*Canadian English*) в контексте языковой глобализации и языкового контакта. Уточняется понятие *канадизма* как локально-маркированной лингвистической единицы. Дается подробный анализ трактовки лексикографами Канады многостороннего и противоречивого характера указанного известного термина, функционирующего, с одной стороны, в континуальном пространстве как дивергентная лингвистическая единица канадского варианта английского языка, в виде как собственно канадизма, так и североамериканизма, а с другой – в виде англоканадизма и франкоканадизма. Затрагивается спорный вопрос о границах и толковании дивергентной лингвистической единицы канадских вариантов английского и французского языков. Проводится дифференциация локально маркированных лингвистических единиц *Canadian English* и *French Canadian* от соответствующих единиц английского и французского языков остальных регионов земного шара. Канадские лексикографы особо подчеркивают преимущественно канадское употребление лингвистических локализмов. Обсуждается дискуссионная в зарубежной лексикографии тема дифференциации американизма и канадизма для англоговорящих людей, поскольку изначально канадизмы обозначались в словарях как лингвистические единицы американского варианта английского языка. Уточнение понятия *канадизм,* по мнению канадских лексикографов, основано на пяти признаках входных единиц существующих словарей: 1) слова, возникшие в Канаде (канадские неологизмы); 2) сохранившиеся в вокабуляре CnE 3) словоформы или значения, вышедшие из употребления; 3) лексика с измененной семантической структурой в CnE; 4) лексика, характеризующая отчетливо реалии канадской культуры; 5) высокочастотные словоформы (не канадского происхождения).

Ключевые слова: лексикография; языковой контакт, канадизм; североамериканизм, англоканадизм; франкоканадизм; национальный вариант английского языкаб, канадский вариант английского языка.

Language theory

G. M. Vishnevskaya, A. A. Abyzov

'Canadianism' as a specific locally determined language entity (lexicographic approach to meaning and use)

The article deals with the lexicographical aspect of *Canadian English* in the context of language globalization and language contact. *Canadianism* is viewed by Canadian lexicographers as a diverse and complex entity which is manifested, on the one hand, in Canadian English speech continuum as a *canadianism* proper or as a *northamericanism*, and on the other, as an English *canadianism*, or a French *canadianism*. The authors touch upon a controversial problem of defining the borders and the meaning of the divergent linguistic units in *Canadian English* and *French Canadian.* Canadian lexicographers are trying to differentiate the locally marked linguistic entities from the corresponding language units of English and French spoken in other countries. The scholars point out the fact of predominant use of local language units in Canada. Canadian lexicographers also debate the issue of differentiating the use of canadianisms by American and Canadian English language speakers. The main factors named by Canadian lexicographers for determining the term *canadianism* are discussed and analyzed.

Keywords: lexicography, language contact, a canadianism, a northamericanism, an English canadianism, a French canadianism, a national variety of English, Canadian English.

© Вишневская Г. М., Абызов А. А., 2020

Вопрос о толковании и границах понятия *канадизм* особенно остро встал в середине XX столетия, когда ряд лингвистов Канады [Lovell, 1955a; Lovell, 1955b; Lovell, 1956] обратили внимание ученых и общественности на присутствие в «Словаре американизмов, основанном на исторических принципах» – *DA* (*Dictionary of Americanisms on Historical Principles – 1951*) [Dictionary of Americanisms … , 1951] довольно большого количества входных лексических единиц канадского происхождения с пометой *американизм*. В частности, Ч. Ловэл [Lovell, 1955a, с. 4] ссылался на «…буквальную слепоту, если не сказать, близорукость некоторых ученых-редакторов ряда лексикографических источников». И это, несмотря на существование локально-маркированной лексики со времени появления на территории Канады первых европейских колонистов-поселенцев из Англии и Франции (XVI–XVII в. в.). К этому времени относится и начало создания глоссариев на материале лексики *Canadian English.* Первые англичане-торговцы пушниной и охотники составляли списки необычных слов (глоссарии), которые они могли услышать от местного населения или французов-поселенцев. Глоссарии были призваны объяснить значения этих слов англичанам-британцам. Изначально обозначаемые как *американизмы канадизмов* [Абызов, 2016].

Локально-маркированные лингвистические единицы, именуемые *канадизмами*, отличают как *Canadian English (CnE)*, так и *Canadian French (CnF)* от английского и французского языков остальных регионов земного шара. В своей диссертации С. Гамильтон [Hamilton, 1997, с. 15] выделяет четыре источника *канадизмов*:

1) архаизмы, вышедшие из употребления в английском и французском языках Старого Света, но сохранившие свою функциональность в Канаде;

2) дополнительные значения некоторых лексических единиц, которые впервые появились в Канаде и стали отражать культуру и реалии новой территории;

3) неологизмы, ставшие чисто канадской инновацией;

4) другие языки (не английский и не французский), повлиявшие на *CnE* и *CnF*.

В *предисловии* к одному из первых лексикографических источников *CnE – A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles (DCHP)* – содержалось определение *англо-канадизма*, представлявшего собой «…слово, выражение (словосочетание) или значение, возникшее в Канаде или характеризующееся отчётливо канадским употреблением, хотя оно может употребляться и в других англоязычных странах» [A Dictionary of Canadianisms … , 1967, с. XIII]. К первой группе можно отнести *Winnipeg couch, mukluks, by acclamation, band (a group of Indians),* а ко второй – *chesterfield* (*sofa*), *I want off* (без глагола *to get*), *the cat wants out* (без глагола *to go*). Хотя последние примеры и могут служить примерами *канадизмов*, характеризующихся типично канадским употреблением, тем не менее, они встречаются и в других вариантах английского языка, но в ином контексте [McConnell, 1978, с. 11, 56]. Вышеприведенное определение *англо-канадизма* «пионера» англо-канадской лексикографии У. Эвиса, по мнению С. Гамильтон [Hamilton, 1997, с. 16], в равной степени применимо и к *CnF*. Примерами *франко-канадизмов*, возникших в Канаде, могут служить слова *débarbouillette, gratte (snowplough)* и выражение *avoir de l'allure (to make sense);* отчетливо канадским употреблением характеризуется такой *франко-канадизм* как *additionnel* [Hamilton, 1997].

Как утверждает далее С. Гамильтон [Hamilton, 1997, с. 16], несмотря на очевидность и точность приведенного определения, само понятие *канадизм* поставило ряд вопросов перед лексикографами и учеными-лингвистами. Это, во-первых, *дифференциация понятий американизм и канадизм для англоговорящих людей*. Так, в вышеупомянутом «Словаре американизмов» [Dictionary of Americanisms … , 1951] М. Мэтьюсом под *американизмом* понимается слово, выражение (словосочетание), возникшее в США. Однако еще У. Эвис [A Dictionary of Canadianisms … , 1967, с. VIII] указывал на размытость данного определения, поскольку в ряде случаев весьма сложно определить источник происхождения того или иного термина. Свидетельством тому, по мнению С. Гамильтон [Hamilton, 1997, с. 17], могут служить исторически засвидетельствованные данные о постоянных миграциях канадцев и американцев через границу вплоть до XVII века, а также установление самой границы между Канадой и США лишь только к XIX веку. Отсюда и присутствие в *DA* достаточно большого количества входных лексических единиц канадского происхождения с пометой *американизм* [Абызов, 2016b]. Во избежание дальнейшей путаницы У. Эвис предложил использовать термин *североамериканизм* для расширения и уточнения значения термина *канадизм*, охватывающего не только лексику, возникшую в Канаде, но также и слова, характеризующиеся исключительно канадским употреблением [Hamilton, 1997, с. 17]. Во-вторых, *проблема, связанная с историей*

становления CnE и CnF, и в этой связи толкования понятия канадизм, ставшего чисто канадской инновацией, или являющегося архаизмом, вышедшим из употребления в английском и французском языках Старого Света [Vinay J.-P, 1981, с. 153]. Большинство архаизмов (в первую очередь лексических), употребляющихся в *CnE* и *CnF*, С. Гамильтон [Hamilton, 1997, с. 17] считает *канадизмами* на основании причисления данного пласта лексики к *североамериканизмам*, например, для *CnE*: *fall (autumn), mad (angry)* [McConnell, 1978, с. 12], а для *CnF*: *abrier (take shelter), à cette heure (now)* [Poirier, 1980, с. 59]. Для *CnF* проблему усугубляет маркирование французских архаизмов *англицизмами*, например: *appartement (part), en temps (in time)* [Poirier, 1978, с. 55, 64].

Из всего вышесказанного, однако, вовсе не следует, что понятие *канадизм* охватывает исключительно лексику *CnE* и *CnF*. Так, если в *предисловии* к *DCHP* У. Эвис ограничился определением лексического *канадизма*, то уже в словарной статье содержалась более широкая трактовка дивергентной единицы лингвистической системы *CnE* – любого лингвистического признака (например, в произношении, морфологии, синтаксисе, лексике, правописании), характерного для английского языка Канады [A Dictionary of Canadianisms … , 1967, с. 117-118]. Таким образом, понятие *канадизм* распространялось не только на лексический, но и на фонетико-орфографический, а также грамматический ярусы канадского варианта английского языка. Сходного мнения относительно *канадизма* придерживаются и авторы *Penguin Canadian Dictionary* [Penguin Canadian Dictionary, 1990], полагая, что это «слово или его произношение, характерны для канадского употребления». Все вышесказанное об англоканадизме в равной степени относится и к *франко-канадизму.* Подтверждением тому может служить следующее определение *франко-канадизма*, содержащееся в *Dictionnaire du français plus* [Dictionnaire du français plus, 1988], как языкового явления (будь то произношение, слово, выражение и т. д.), встречающегося во французском языке Канады.

Со времени выхода в свет *DCHP* [A Dictionary of Canadianisms … , 1967] переосмыслению подверглось и само понятие *канадизм*. Приводимое У. Эвисом [A Dictionary of Canadianisms … , 1967] определение, прежде всего лексического *канадизма,* было неоднократно уточнено, расширено и дополнено, поскольку именно лексика, включающая множество слов, составляет ту часть *CnE*, которая четко демонстрирует национальные особенности, присущие только этому варианту английского языка [Вишневская, Абызов, 2016, с. 121]. Работа по отбору лексических *канадизмов* не прекращалась со времени выхода в свет *DCHP* [A Dictionary of Canadianisms … , 1967]. Собранный к началу XXI столетия лексикографический материал был настолько обширен, что на проходившей в 2005 году в г. Торонто конференции под названием «Канадский английский в контексте глобализации» Т. К. Прэт инициировала проект создания *DCHP-2*, озаглавленный «Ко второму изданию словаря канадизмов, основанного на исторических принципах» (*Towards a second edition of A Dictionary of canadianisms on Historical Principles*) [Абызов, 2016b]. Авторы данного проекта внесли свои коррективы и уточнения в понятие *канадизм*, поделив последние на 5 групп:

1) слова, возникшие в Канаде (самые ранние зафиксированные *словоформы-канадизмы*, так называемые канадские *неологизмы*, то есть инновации в области лексики *CnE*), например: *loonie* «монета достоинством 1 канадский доллар»; *tuque* «вязаная шапка»; *ghost car* «полицейский автомобиль без специальной маркировки»; *side bacon* «бекон по-канадски»; *emerg* «приемный покой больницы» и др.;

2) сохранившиеся в вокабуляре *CnE* словоформы или значения, но вышедшие из употребления, либо не прижившиеся в других вариантах английского языка, например: *chesterfield* «диван, софа»; *eavestrough* «водосточная труба», а также ряд таких *бритицизмов*, как *soother* «миротворец»; *serviette* «салфетка»; *riding* «избирательный округ и др.;

3) лексика с измененной семантической структурой в *CnE*, например: *Generation X* «потерянное поколение конца 80-х годов»; *homo* «молоко с высоким процентом жирности»; *all-dressed* «гамбургер или пицца со всеми ингредиентами»; *blue box* синий пластиковый контейнер для перерабатываемых продуктов отхода» и др.;

4) лексика, характеризующая отчетливо реалии канадской культуры, например: *grade 1, 2, 3* «1, 2, 3 классы общеобразовательной школы»; *francophone* «франкофон»; *Zamboni* «машина для шлифовки льда»; *treaty rights* «договорные права»; *French immersion* «погружение во французский язык, особенно в англоязычной культуре Канады» и др.;

5) высокочастотные словоформы (не канадского происхождения, не подвергшиеся семантической трансформации, необязательно характеризующие реалии культуры Канады), например: *wash-*

room «туалет»; *Chinook (wind)* «ветер»; *credit union* «кредитный союз»; *residence* «общежитие университета»; *impaired* «пьяный (о водителе в нетрезвом состоянии)» и др.

По утверждению С. Доллинджера и др. [Dollinger, Brinton, 2012], *канадизмы* 1, 2 и 3 групп являются типичными дивергентными локально-маркированными лексическими единицами *CnE*. *Канадизмы* 4 группы – наиболее значимые лексемы для жителей Канады, нежели для носителей иных национальных вариантов английского языка. Так, многие канадцы свято верят, что такой дискурсивный элемент как слово *eh* используется исключительно канадцами в речи, несмотря на то, что в лингвистической литературе по сей день не прекращаются споры относительно статуса и сферы употребления этого лингвистического явления. В свое время У. Эвис [Avis, 1972] исключил данный маркер как типичный *канадизм* из *DCHP* [A Dictionary of Canadianisms … , 1967]. Однако в дальнейшем исследователи [Columbus, 2010; Gold, Tremblay, 2006] указали на высокую частотность данной лексемы в *CnE*. Лексические единицы 5 группы были выявлены коллективом авторов *DCHP-2*, исходя исключительно из их повторяемости использования в языке печати.

Таким образом, можно утверждать, что в рамках североамериканского языкового континуума, наряду с понятием *американизм*, сосуществует такое явление как *канадизм*, многогранность которого проявляется, с одной стороны, во вхождении *канадизма* и *американизма* в более сложную группу лингвистических понятий, именуемых североамериканизмами, а с другой – в манифестациии самого *канадизма* в двух других ипостасях, как *англоканадизмов* и *франкоканадизмов*.

Библиографический список

1. Абызов А. А. Лексикографический аспект Canadian English (к истории вопроса и перспективам) // Теория и практика иностранного языка в высшей школе: сб. науч. трудов. Иваново : ИвГУ, 2016а. Вып. 12. С. 3-7.

2. Абызов А. А. От DCHP-1 к DCHP-2 (имеющиеся данные и перспективы // Иностранные языки: теория и практика. Литературоведение: сб. науч. ст. Иваново : ИВГПУ, 2016б. Вып. 10. С. 3-8.

3. Вишневская Г. М., Абызов А. А. Канадский языковой разлом (англо-французский билингвизм) : монография. Иваново : ИВГПУ, 2016. 200 с.

4. Avis W. So Eh? Is Canadian, Eh? // Canadian Journal of Linguistics. 1972. Vol. 17. № 2. P. 89-104.

5. Columbus G. Nice day eh? : Canadian and New Zealand eh Compared // Proceedings of Methods XIII / Ed. by B. Hesewood, C. Upton. Frankfurt / Main : Peter Lang, 2010. P. 219-224.

6. Dictionary of Americanisms on Historical Principles / Ed. by M. M. Mathews. Chicago : University of Chicago Press, 1951. 1946 p.

7. A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles / Ed. by W. S.Avis et al. Toronto : Gage, 1967. 927 p.

8. Dictionnaire du français plus / Ed. by C. Poirier. Québec : CEC : Gage, 1988. 1856 p.

9. Dollinger S., Brinton L. J., Fee M. Revising The Dictionary of Canadianisms on Historical Principles: A Progress Report, 2006 (April) 2012 // Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America. 2012. № 33. P. 164-178.

10. Gold E., Tremblay M. Eh? And Hein?: Discourse Particles or National Icons // Canadian Journal of Linguistics. 2006. Vol. 51. № 2-3. P. 247-264.

11. Hamilton S. Canadianisms and their Treatment in Dictionaries. MA Thesis / S. Hamilton. Ottawa, 1997. 210 p.

12. Lovell Ch. J. Lexicographic Challenges of Canadian English // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1955a. Vol. 1. № 1. P. 2-5.

13. Lovell Ch. J. Whys and Hows of Collecting for the Dictionary of Canadian English: Part I: Scope and Source Material // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1955b. Vol. 1. № 2. P. 3-8.

14. Lovell Ch. J. Whys and Hows of Collecting for the Dictionary of Canadian English: Part II: Exerption of Quotations // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1956. Vol. 2. № 1. P. 23-32.

15. McConnell R. E. Our Own Voice: Canadian English and How it Came to be / R. E. McConnell. Toronto, 1978. 276 p.

16. Penguin Canadian Dictionary / Ed. by T. Paikeday. Mississauga: Penguin, 1990. 852 p.

17. Poirier C. L'Anglisisme au Québec et l'héritage français // Travaux de linguistique québécoise. 1978. Vol. 2. P. 43-106.

18. Poirier C. Le lexique québécois: son evolution, ses composantes // Stanford French Review. 1980. Vol. IV. № 1-2. P. 43-80.

19. Vinay J.-P. Note sur l'élargissement possible du terme canadianisme // Canadian Journal of Linguistics. 1981. Vol. 26. № 1. P. 150-159.

Reference List

1. Abyzov A. A. Leksikograficheskij aspekt Canadian English (k istorii voprosa i perspektivam) = Lexicographic Aspect of Canadian English (History and Perspectives on the Question) // Teorija i praktika inostrannogo jazyka v vysshej shkole: sb. nauch. trudov. Ivanovo : IvGU, 2016a. Vyp.12. S. 3-7.

2. Abyzov A. A. Ot DCHP-1 k DCHP-2 (imejushhiesja dannye i perspektivy) = From DCHP-1 to DCHP-2 (Data Available and Perspectives) // Inostrannye jazyki: teorija i praktika. Literaturovedenie: sb. nauch. st. Ivanovo : IVGPU, 2016b. Vyp. 10. S. 3-8.

3. Vishnevskaja G. M., Abyzov A. A. Kanadskij jazykovoj razlom (anglo-francuzskij bilingvizm) = Canadian

Language Split (English and French Bilingualism): monografija. Ivanovo : IVGPU, 2016. 200 s.

4. Avis W. So Eh? Is Canadian, Eh? // Canadian Journal of Linguistics. 1972. Vol. 17. № 2. P. 89-104.

5. Columbus G. Nice day eh? : Canadian and New Zealand eh Compared // Proceedings of Methods XIII / Ed. by B. Hesewood, C. Upton. Frankfurt / Main : Peter Lang, 2010. P. 219-224.

6. Dictionary of Americanisms on Historical Principles / Ed. by M. M. Mathews. Chicago : University of Chicago Press, 1951. 1946 p.

7. A Dictionary of Canadianisms on Historical Principles / Ed. by W. S.Avis et al. Toronto : Gage, 1967. 927 p.

8. Dictionnaire du français plus / Ed. by C. Poirier. Québec : CEC : Gage, 1988. 1856 p.

9. Dollinger S., Brinton L. J., Fee M. Revising The Dictionary of Canadianisms on Historical Principles: A Progress Report, 2006 (April) 2012 // Dictionaries: Journal of the Dictionary Society of North America. 2012. № 33. P. 164-178.

10. Gold E., Tremblay M. Eh? And Hein?: Discourse Particles or National Icons // Canadian Journal of Linguistics. 2006. Vol. 51. № 2-3. P. 247-264.

11. Hamilton S. Canadianisms and their Treatment in Dictionaries. MA Thesis / S. Hamilton. Ottawa, 1997. 210 p.

12. Lovell Ch. J. Lexicographic Challenges of Canadian English // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1955a. Vol. 1. № 1. P. 2-5.

13. Lovell Ch. J. Whys and Hows of Collecting for the Dictionary of Canadian English: Part I: Scope and Source Material // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1955b. Vol. 1. № 2. P. 3-8.

14. Lovell Ch. J. Whys and Hows of Collecting for the Dictionary of Canadian English: Part II: Exerption of Quotations // Journal of the Canadian Linguistic Association. 1956. Vol. 2. № 1. P. 23-32.

15. McConnell R. E. Our Own Voice: Canadian English and How it Came to be / R. E. McConnell. Toronto, 1978. 276 p.

16. Penguin Canadian Dictionary / Ed. by T. Paikeday. Mississauga: Penguin, 1990. 852 p.

17. Poirier C. L'Anglisisme au Québec et l'héritage français // Travaux de linguistique québécoise. 1978. Vol. 2. P. 43-106.

18. Poirier C. Le lexique québécois: son evolution, ses composantes // Stanford French Review. 1980. Vol. IV. № 1-2. P. 43-80.

19. Vinay J.-P. Note sur l'élargissement possible du terme canadianisme // Canadian Journal of Linguistics. 1981. Vol. 26. № 1. P. 150-159.

УДК 81'42; 801.7

В. Н. Степанов **https://orcid.org/0000-0001-81-98-2517**
Е. Н. Зарина **https://orcid.org/0000-0002-0513-2606**

Речевой жанр сентенции в социальных сетях: от изречения к мему

Для цитирования: Степанов В. Н., Зарина Е. Н. Речевой жанр сентенции в социальных сетях: от изречения к мему // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 109-118.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-109-118

На основе выявленных в ходе исследования категориальных признаков сентенций, их функций и коммуникативного веса в социальных сетях авторы рассматривают трансформации речевого жанра сентенции в социальных сетях. Сентенция как древний вид изречений занимает уверенные позиции в качестве тиражируемых мемов и удобна для репликации в первую очередь благодаря своей лаконичности. Современная сентенция-мем не является сжатой формой мудрости философско-этического свойства, но в качестве текста массовой культуры становится хранилищем и аккумулирует потенциальные смыслы. Репликация и мультипликация (в результате) потенциальных и актуальных смыслов в сентенции приобретают коммерческие свойства, ибо привлечение внимания к определенным страницам с помощью сентенций ведет к получению авторами страницы определенного капитала – социального или коммуникативного. Мощный суггестивный и провокативный потенциал сентенций-мемов делает их великолепной «наживкой» для так называемого «хайпа» – максимального привлечения внимания не к самому изречению, а к странице, на которой оно было опубликовано. Исключительная легкость создания подобных изречений делает их актуальными и популярными в сети и позволяет тиражировать жанровую модель и создавать новые сентенции самостоятельно. Современные сентенции, используемые в интернет пространстве в целом, и в социальных сетях в частности, по-прежнему являются обобщением личного опыта говорящего. Однако, проходя через коммуникационные (технологические) «фильтры» канала массовой коммуникации, становятся уже отражением не личного, а социального (генерализованного, совокупного) опыта целых групп и сообществ людей.

Ключевые слова: сентенция, изречение, пост, мем, социальные сети, трансформация, речевой жанр, провокативность, медиатекст.

V. N. Stepanov, E. N. Zarina

Maxim as a speech genre in social media: from saying to meme

Based on the identified category features, their functions and communicative significance for the social media, the authors are focused on the transformation of maxim as a speech genre in the social media. Maxim, an ancient type of saying, is currently taking a prominent place as a replicated meme, which it is highly convenient for due to its brevity. The modern type of the maxim-meme is no longer a concise form of philosophical and ethic wisdom, but rather a text of mass culture, a storage and accumulation of potential meanings. Replication and multiplication of potential and actual meanings in a maxim serve commercial purposes since public attraction to meme-running web pages results in their authors earning a certain capital – social or communicative. A powerful suggestive and provocative potential of maxims-memes makes them a perfect «bait» for the so called hype that attracts rapt attention to the web page where they are posted rather than to the saying itself. The exceptional simplicity of saying creation provides for their popularity in the social media and allows for replicating the genre model after which new maxims can be coined. Modern maxims encountered in the social media still present the speakers' generalized experience. However, going through the communicative (technological) «filters» of mass communication channels they turn into a reflection of social experiences of certain groups and communities rather than that of the speaker's personal practices.

Keywords: maxim, saying, post, meme, social media, transformation, speech genre, provocative, media text.

Поле языковых объектов медиалингвистики представляет собой обширный пласт возникающих новых (и незнакомых) и видоизменяющихся «старых» и знакомых лингвистам языковых явлений, коммуникативных стратегий и жанров, требующих постоянного лингвистического наблюдения и изучения.

Еще совсем недавно медиатекст служил исключительно профессиональной коммуникации «узких» специалистов – журналистов, писателей,

© Степанов В. Н., Зарина Е. Н., 2020

филологов, и считалось, что «медиатекст – форма речевой деятельности, в которой выражаются принятые в профессиональной медийной среде правила речевого поведения, утвердившиеся в профессиональной среде стереотипы текстовой организации» [Дускаева, 2012, 10].

С развитием сети каналов массовой коммуникации (социальные сети, блогосфера, сайты) каждый желающий может создавать тексты любого качества и содержания, теперь говорить о правилах речевого поведения, утвердившихся в узкой профессиональной среде, не приходится. С учетом технологических условий массовых коммуникаций медиатекстом отныне можно считать любой текст, который представлен в медиапространстве в том или ином канале коммуникации, поскольку, как отмечает Т. Г. Добросклонская, описывая различия текста и медиатекста, текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал [Добросклонская, 2009].

В социальных сетях текст помещен во вполне определенную технологическую среду с заданными технологическими условиями, в которых он доступен другим пользователям в неограниченном количестве «контактов». Это свойство доступности медиатекста для широкого круга пользователей с большим успехом используется рыночными субъектами для решения маркетинговых задач, в частности – для получения прибыли компаниями, размещающими тексты рекламного свойства в социальных сетях.

В условиях коммерческой направленности медиатекст не только способствует продвижению и продаже товара или услуги, но и сам становится товаром. Сайты, страницы, группы, паблики, индивидуальные аккаунты в соцсетях – всюду медиатекст используется как товар, который приносит владельцам реальный капитал – социальный и коммуникативный [Степанов, 2014], что непременно сказывается на целеполагании о форме и содержании сообщения и обусловливает технологическую сложность современного медиатекста.

Определяя понятие интенциональности в масс-медиа, Л. Р. Дускаева характеризует две ее стороны: интенциональность определяется, во-первых, традицией употребления в той или иной профессиональной сфере общения, а во-вторых – самим творцом [Дускаева, 2012]. Такая бинарность обусловлена сочетанием стереотипного (автоматизированного) и творческого в конкретном творческом акте медиакоммуникации. Сложная интенциональная структура современного медиатекста определяется тем, что пост в социальных сетях направлен на привлечение внимания многочисленной многоликой и одновременно «безликой», часто анонимной, скрывающейся за псевдонимами-никами публики.

По мнению Е. С. Кара-Мурзы, понятия «интенциональный» и «интенциональность» как свойство, приписанное феноменам-персонам, можно трактовать как «целеустремленный, заинтересованный в общении и его результатах, в том числе вследствие нужды в информации, через запрос о ней, а те же определения применительно к предметным феноменам можно интерпретировать как предназначенный / предназначенность для речевого функционирования. Тогда этот понятийный комплекс обнаруживает свою диалогическую природу» [Кара-Мурза, 2012, с. 35].

Феноменология медиатекста определяется его существованием в системе массовой коммуникации, его нахождением в открытом доступе и возможностью получать обратную связь в неограниченном количестве. Соответственно, медиатекст в интернет-пространстве обнаруживает не только диалогическую природу, но и полилогическую экзистенцию. Таким образом, в любом медиатексте лингвист имеет дело со стремлением автора выстроить диалог (полилог) и получить обратную связь – рефлексию.

Социальные сети как средства массовой коммуникации формируют новые формы медиатекстов, которые проходят испытание массовой рефлексией и либо исчезают, не успев развиться, либо приобретают вид модных трендов, становятся клишированными и узнаваемыми, тиражируются и обрастают новыми языковыми деталями, сохраняя полюбившуюся пользователям структуру. Постоянно появляются различные виды постов: заметки, подписи к фотографиям, мемы, высказывания, топики, комментарии, модульные тексты и пр.

Одним из распространенных видов содержания медиатекстов стали изречения, или сентенции, встречающиеся как на официальных страницах организаций и сообществ, так и на личных страницах пользователей соцсетей. Сентенции могут предварять текст, заметку, статью, быть заголовком, выводом или отдельным высказыванием. Все случаи употребления сентенций объединяет одно важное свойство – отсутствие в них специальной аргументации и логически выстроенных доказательств.

Именно сентенции прекрасно встраиваются в модуль и «работают» как модульные тексты. По мнению Е. В. Быковой, модуль – это плоскостной, двухмерный текст, а модульные тексты легко извлекаются из общего информационного поля подобно неделимой смысловой ячейке или даже

кванту [Быкова, 2006]. Благодаря своей особой легкости в восприятии малоформатные модульные тексты в новостной «ленте» пользуются огромной популярностью у авторов и их читателей и тиражируются ими с помощью так называемых «перепостов», «расшариваний».

В литературной энциклопедии определение сентенции дано через родовой признак – «изречение», которое в свою очередь характеризуется следующим образом: «изречение – законченное выражение определенного, преимущественно философского или практически-морального смысла в пределах минимального интонационного (фраза, период) или метрического (строфа) единства» [Изречение…, 1929-1939]. В качестве примеров приводятся широко известные сентенции, давно ставшие частью языковой реальности: «Ничего слишком», «Познай самого себя», «Человеку свойственно ошибаться», «Умному достаточно». Таким образом, изречения-сентенции в значительной степени характеризуются стремлением дать сжатое и в то же время исчерпывающее, подводящее итог длительному социальному опыту определение предмета вне зависимости от формы. Как отмечает В. Н. Степанов, «сентенция – это обобщенное высказывание, отражающее социальный опыт говорящего» [Степанов, 2008, с. 186]. В качестве предпосылок, или условий, существования сентенции как самостоятельного речевого жанра принято считать следующие: статичность, канонизация форм отражаемой в изречениях культуры, позволяющая одним кратким намеком указать на существующие в ней отношения; слабая роль индивидуальности, всецело растворяющейся в типической идеологии включающего ее общественного класса, и достаточно высокая степень развития словесной культуры, создающая необходимые предпосылки для стилистического выделения жанра [Сентенция … , 1929-1939].

Мнемотехнические соображения объясняют тяготение всех видов изречений к метрической (замкнутые, допускающие пуэнтировку конца строфические формы дистиха, четверостишия и т. п.) или хотя бы ритмизованной прозаической форме, к анафоре и эпифоре, рифме, аллитерации и т. п. Сентенция становится максимально лаконичной благодаря игре слов, особенно излюбленной на Востоке, при которой одно слово или словосочетание получает несколько значений.

В определенные исторические эпохи сентенция раскрывается как жанр риторический, что объясняет его репрезентацию в риторически заостренных элементах больших литературных форм. Заключая в себе «мудрость веков» и являясь часто высказыванием формульного типа, в котором сконцентрирован социальный опыт целой исторической формации, сентенция существенно отличается от афоризма или «мысли», развитие которых предполагает заметную текучесть социального быта и высокую степень развития индивидуальности. Афоризм или «мысль» – это всегда глубоко личные высказывания, тогда как наиболее чистым видом сентенции является *анонимное изречение*.

Среди функций сентенциальных изречений следует выделить следующие: *мнемоническая, когнитивная, дидактическая и кумулятивная функции*.

Чешский педагог-реформатор и религиозный деятель Ян Амос Коменский оттачивал *мнемотехнические* функции сентенции, разрабатывал наиболее эффективные формы для запоминания, используя емкие компактные системы знания, соединение знания и понимания [Шола, 2017, с. 288].

Другую важную функцию сентенции выделяет Томислов С. Шола – *обобщение и передача опыта (когнитивная)*: «Изречение, или высказывание, часто в метафоричной форме, содержит общее наблюдение, иногда довольно ироничное, но почти отчаянно пытается сжать жизненную мудрость: «Куй железо, пока горячо» [Шола, 2017, с. 288].

Сентенции часто имеют назидательный характер – поучающий, предостерегающий, предупреждающий, объясняющий, следовательно, одна из функций сентенции – *дидактическая функция, помогающая сохранять опыт предшествующих поколений (охранительная, кумулятивная функция)*.

Интересно проследить композиционно место сентенции в структуре текста. Исторически сложилось представление, что сентенция может быть «обрамлена» контекстом или историей, которая поясняет, почему данное изречение было необходимо. Такой жанр малоформатной прозы называется хрией. Характеризуя данный жанр, В. П. Москвин разъясняет суть хрии через родовой признак наставление, и из этой дефиниции следует, что хрия – это назидательный жанр речи. Этимологически слово «хрия» связано с «пользой» («usus»). Как считает исследователь, хрия демонстрирует возможные последствия неверных действий и учит как их избежать [Москвин, 2015]. Автор вводит автономное понятие сентенциальной хрии как одного из вербальных типов такого рода текстов, которые фактически являются рассказом о сентенции, гноме, афоризме. Хрии дан-

ного типа различаются по способу предъявления сентенции, то есть указывают на ее местоположение в тексте. Так, декларативная хрия описывает обстоятельства и причины, вызвавшие появление ставшего необходимым высказывания известного лица, ответная хрия предъявляет сентенцию как ответ известного лица, обретший статус крылатых слов.

Подведем некоторые предварительные итоги. Итак, сентенция – это исторически сложившийся речевой жанр, целью которого является обобщение и передача личного и общественного опыта в лаконичной, легко запоминающейся форме высказывания, имеющего дидактическую, поучающую и, как следствие, охранительную направленностью содержания. Сентенции обладают следующими категориальными признаками:

− по функции служат обобщению и передаче опыта, мудрости предшествующих поколений, аккумулируют знания, используются в назидание и ради дидактики;

− по содержанию обладают философским или практически-моральным смыслом, заключают в себе общее наблюдение, дидактический оттенок, нравоучение, нотацию;

− по структуре сентенции суть коммуникативное целое (фраза, строфа, текст);

− по авторству изначально сентенции используются как анонимные изречения.

Границы сентенции и родственных ей жанров той же породы изречений часто бывают достаточно текучи, к изречениям можно отнести малые формы дидактической и философской поэзии и прозы (апофегма, гнома, афоризм, максима, сентенция и т. п.).

Афоризмы или афористические высказывания часто определяются как лаконичное выражение доктрины или принципа, или общепринятой истины, переданные в форме выразительного, запоминающегося изречения.

В литературной энциклопедии содержится специальное указание на то, что афоризм в отличие от сентенции является текстом: «Афоризм [от греч. αφοριζω – отграничивать, отрывать] является совершенно самостоятельным жанром прозы. Формально он как бы воспроизводит структуру общего логического суждения. Но, в то время как научное суждение направлено на исчерпывающее развитие своих положений и стремится к логически ясной расчлененности, афоризм напротив повсюду как бы обрывает логические периоды, превращая тем самым любое положение в самостоятельный смысловой организм» [Афоризм…, 1929-1939]. Афористический текст не представляет собой единого логически выстроенного рассуждения, а стремится достичь внезапной убедительности исключительно средствами изощренного стиля. Афоризм в равной мере отграничен, с одной стороны, от логического суждения, с другой – от пословицы и лозунга. С последними афоризм разделяет разве только относительную краткость формы.

Н. А. Карлик подробно подробно описывает суггестивный потенциал малоформатного афористического текста и рассматривает афористический дискурс, который давно стал объектом междисциплинарного изучения: «На сегодняшний день афористика является преимущественно предметом изучения литературоведения, при котором главенствующее место занимает позиция автора-мыслителя, генерирующего некое философское знание о мире. Однако афористический, малоформатный текст представляет собой не только емкую форму для воплощения сентенционного свидетельства о бытии, но и сам является структурой, порождающей афористическую сентенцию, восходящую к языковым и суггестивным планам человеческого сознания» [Карлик, 2013, с. 10]. Помимо суггестивности, Н. А. Карлик выделяет следующие категориальные критерии афористического текста: законченность, образность, оценочность и прагматическая направленность (последние признаки могут быть представлены в завуалированном виде), наличие механизмов конденсирования опыта до универсалий и его обратного развертывания до n-множества частных примеров, равных количеству реципиентов.

Итак, афоризм, по мнению Н. А. Карлик, «сентенционное свидетельство о бытии». Исследователь подчеркивает заразительную (провокативную) сущность афористики: «афористический малоформатный текст представляет собой не только емкую форму для воплощения сентенционного свидетельства о бытии, но и сам является структурой, порождающей афористическую сентенцию», более того, афоризмы, которые затрагивают этические, чаще всего поэтические и философские вопросы, называются гномами (gnomae)» [Карлик, 2013, с. 11].

Таким образом, гному следует рассматривать как родственный сентенции и афоризму речевой жанр, обладающий схожими признаками по форме и структуре, тяготеющий, однако, к более определенным признакам содержательного характера – нравоучению и назиданию.

Гномы – образные изречения, выражающие определенный философский смысл или правило житейской мудрости. Гномическая литература

была распространена в Греции в VI в. до н. э. в форме дистихов, содержащих поучения, в арабской, персидской, еврейской литературах, в евангелиях [Гномы…, 1929-1939].

Родственным жанрам гномы и сентенции является апофегма, которая представляет собой гномические максимы и анекдотические афоризмы. Апофегмы, возможно, изначально предназначались для преподавания в школах, но в эпоху эллинизма стали основным средством распространения учений философских школ благодаря своему этическому содержанию. Их называют «своего рода мобильной мудростью, которая предлагала ориентиры для развития более глубокого миропонимания. Некоторые апофегмы содержали общеизвестные или общепринятые истины, выражаемые в виде максим или прямого и ясного утверждения» [Шола, 2017, с. 290].

Исторически сложившееся жанровое разнообразие и литературные формы различных типов изречений и афористических текстов указывает на важность и высокую цивилизационную значимость передачи коллективного опыта следующему поколению и создания условий для непрерывной преемственности культуры поколений.

В качестве современного аналога сентенции и преемника исторически сложившейся древней традиции изречений можно представить получивший огромное распространение в интернете речевой жанр мема.

Первое, «биологическое», определение мема дал сам автор термина Р. Доукинз: мем, по его мнению, это основная единица передачи культурной информации, передающиеся от человека к человеку, то есть имитации [Докинз, 2016]. Подобное определение удобно и практично, но не объясняет причин популярности мемов. На наш взгляд, более точным является определение, данное Н. Г. Марченко, для которого мем это в первую очередь хранилище культурных кодов сетевого сообщества [Марченко, 2013].

Интернет-мем в современных социальных сетях превратился в сложное ментальное образование и представляет собой единицу информации, передаваемую посредством сети, содержащую вербальную часть (текст) и паралингвистическую (картинка) и совместно продуцирующую какую-либо идею он-лайн сообщества. С. В. Канашина выделяет в меме как речевом жанре ряд признаков, среди которых следующие: вирусность, реплицируемость, эмоциональность, минимализм формы, полимодальность, актуальность и др. [Канашина, 2017].

Проведенный анализ позволяет выделить определенные категориальные признаки родственных речевых жанров, на основании этих данных можно составить таблицу. В таблице 1 приведены данные о наличии или отсутствии определенных категориальных критериев в характеристике речевых жанрах сентенции, гномы, афоризма, апофегмы, сентенциальной хрии и мема по следующим параметрам: функции, форма, содержание, авторство, структура. При этом знаком «+» обозначено определение положение дел, при котором данный признак выявлен в результате анализа специальной литературы и, соответственно, приписывается изречениям данного типа.

Таблица 1

Категориальные признаки родственных жанров сентенции, гномы, афоризма, апофегмы, сентенциальной хрии, мема

Критерии		**Сентенция**	Гнома	Афоризм	Апофегма	Хрия	**Мем**
Функции	Обобщение опыта	+	+	+	+		+
	Мудрость	+	+		+	+	+
	Назидание	+			+		+
	Дидактика	+	+		+		+
	Мнемотехника	+	+	+	+	+	+
Форма	Проза	+	+	+	+	+	+
	Поэзия	+		+		+	+
Содержание	Бытовое			+		+	+
	Философское	+	+	+	+	+	+
	Этическое	+	+	+	+		+
Авторство	Авторское			+	+	+	
	Анонимное	+	+		+	+	+
Структура	Предложение	+	+	+	+		+
	Текст	+	+	+		+	+

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 1, набор категориальных признаков у речевых жанров сентенции и мема практически совпадает. Различаются эти жанры только по одному признаку: содержанием сентенции не может быть бытовая тема, а в меме – встречается. Выявленная закономерность, на наш взгляд, достаточно прозрачно объясняет, почему сентенция так уверенно заняла свое место в современном медиапространстве.

Краткость, лаконичность, минимальное коммуникативное единство, присущее сентенциям, как нельзя лучше способствуют их применению и распространению в медиапространстве в качестве мемов, особенно в огромном потоке информации важна концентрация смысла и принцип языковой экономии. Сентенции-мемы в большинстве своем анонимны, могут носить этический, бытовой, философский характер, любо быть подражанием широкоизвестным пословицам, утверждениям, выраженным в форме сентенций. Еще одной причиной, почему сентенции превосходно встраиваются в интернет-мем, является их легкая *копируемость*, поскольку мемы суть репликаторы, иными словами, объекты, которые копируют сами себя.

Древний жанр сентенции претерпел трансформации в плане содержания, но подстраивается под современные нормы коммуникативного поведения в медиапространстве, учитывает интересы отдельных групп и сообществ, сохраняет традиционные для сентенции форму и структуру, по-прежнему оказывает эмоциогенный, провокативный и суггестивный эффект, принимает вид мема, тиражируется «горизонтально» – от одного человека к другому и, как и прежде, не требует аргументации и доказательств своей истинности.

Отсутствие явного авторства или приписывание авторства сентенций известным личностям прошлого и настоящего способствует росту их суггестивного и провокативного потенциала, делает изречения похожими на приговор, подчеркивая неоспоримость (но не бесспорность) их содержания.

По своему содержанию современные сентенции-мемы часто напоминают трюизмы – «самое очевидное утверждение, общеизвестная, избитая, банальная истина… мысль, с которой невозможно не согласиться» [Балахонская, 2019, с. 54], например: «Вся жизнь человека посвящена поиску рецептов счастья», «Без истинной любви всё теряет свой смысл...», «Что толку от красивой тарелки, если она пустая» (подробнее см. таблицу 2).

Принимая во внимание фактор многочисленности и неопределенного количества массовой аудитории в социальных сетях, можно рассматривать сентенции и сентенциальный дискурс в целом как институциональное явление массовой культуры, где интерес к первоисточнику или авторству публикуемых изречений и текстов невелик, ибо легкость репликации и акцент на эмоциогенном характере «новых сентенций» вытесняет актуальность источника информации и авторства. Как справедливо отмечает Т. И. Ерохина, «в массовой культуре практически утрачивается понятие текста-оригинала. Это происходит прежде всего потому, что тексты-«оригиналы» массовой культуры не представляют собой новаторских» или собственно «оригинальных» текстов, характерных для модернизма или «элитарного» искусства. Кроме того, текст, созданный на основе «первичного» текста (являющегося репродукцией, симуляцией), текст в другом пространстве культуры вовсе не стремится точно воспроизводить «смысл» и даже структуру текста-оригинала, а скорее, берет из него нарративные структуры, которые наиболее подходят для его собственных производящих механизмов. Таким образом, тексты массовой культуры становятся хранилищем потенциальных значений, которые могут меняться в зависимости от их прочтения той или иной группой» [Ерохина, 2015, с. 42].

Говоря о передаче коллективной мудрости в виде изречений, Шола утверждает, что в современном обществе «у этих традиций мало шансов, так как в обществе утеряно понимание и склонность к назидательному тону и отношению» [Шола, 2017, с. 289].

В отношении тиражируемых в виде сентенций высказываний, на наш взгляд, следует говорить не о передаче мудрости, а *о передаче практически любого (универсального) смысла посредством исторически сложившейся формы сентенции*. Однако для медиатекста, помимо прочих его функциональных характеристик, описанных выше, важным свойством становится *удобство для передачи по каналу коммуникации*.

Один из главных их инструментов репликация в социальных сетях – это репост («расшаривание»), возможность поделиться информацией в личном аккаунте. Число копий может расти до неограниченного количества и в неограниченное время. В качестве примера репликации современных сентенций можно привести следующие данные, полученные на основе анализа двадцати трех сентенций, опубликованных в течение 5 дней в группе «Клуб успешных женщин» [Клуб успешных женщин…].

Таблица 2

Анализ сентенций в группе «Клуб успешных женщин»

№	Текст сентенции	Отметки «Нравится»	Комментарии	Поделились	Время
1	Наберись смелости, если хочешь что-то изменить, наберись терпения, если ничего изменить невозможно. И будь мудрым, чтобы знать, когда нужна смелость, а когда терпение	669	6	465	7ч
2	Не тряси зеленую яблоню – когда оно созреет, оно упадет само. Все происходит так, как должно быть, и в тот момент, когда это нужно.	931	7	593	13ч
3	Если у тебя есть с кем дурачиться до старости, ты счастливый человек.	1800	23	780	17ч
4	Мы сами виноваты в своих бедах. Слишком любим. Слишком много отдаем. Слишком много позволяем…	2000	32	1400	23ч
5	Есть только миг между сном и работой. Именно он называется жизнь.	686	5	595	1д
6	Лучший друг-это такой человек, который выскажет тебе в глаза все, что его бесит в тебе… А всем скажет, что ты самый замечательный человек на земле.	1400	22	1100	1д
7	В каждой девушке живет стерва, дура, ведьма, ангел. Что разбудите, то и получите.	1200	22	984	1д
8	Люди всегда ненавидят тех, кто говорит правду. А зря – они никогда не бьют в спину.	1300	28	1200	1д
9	Счастливым нужно быть тихо.	1200	17	747	2д
10	Я прощаю людей, но это не значит, что я по-прежнему доверяю им.	971	12	776	2д
11	Есть такие люди- ты их не видишь месяцами, а они все равно самые близкие.	2000	38	1400	2д
12	Когда ты будешь ценить то, что у тебя есть, ты будешь по-настоящему счастлив.	1500	15	1200	3д
13	Жестокость –это черта характера добрых людей. Она возникает, когда о твою доброту начинают вытирать ноги.	647	11	726	3д
14	Если человек сделал тебе больно, не отвечай ему тем же, сделай добро. Ты другой человек. Ты лучше.	1500	34	1500	3д
15	Я прощаю людей, просто забывая об их существовании.	1600	40	1400	4д
16	Если у тебя есть мечта, желание и настойчивость, ты прорастешь даже сквозь асфальт!	2300	20	2600	4д
17	Самый редкий вид дружбы –это дружба с собственной головой.	1100	12	1000	4д
18	Бог сказал: «Бойся слов обиженного тобой человека, ведь он будет просить меня о помощи, и я помогу.»	995	28	693	4 д.
19	Разница между ложью и правдой в том, что у лжи всегда есть свидетели, а у правды- никогда.	570	9	500	5д
20	Если Бог дал, значит знал, что выдержишь.	611	22	342	5д
21	Дуб остается дубом, даже если золотая цепь на дубе том.	2700	22	2500	5д
22	Как бы это ужасно ни звучало, но некоторых людей лучше вовремя потерять.	1800	24	1100	5д
23	Невероятное счастье иметь мужчину, который не создает проблемы, а решает их.	2700	47	2000	5д
Итого		32380	493	25601	5д
Среднее		1408	21,4	1113	

В таблице 2 представлены тексты сентенций, количество отметок «нравится», количество комментариев, количество репостов и «время жизни» данных постов на момент исследования от 7 часов до 5 дней, которое иллюстрирует скорость распространения данных постов в единицу времени.

Представленные в таблице данные, на наш взгляд, наглядно иллюстрируют высокую степень репликации (копирования) сентенций, представленных в группе в виде мемов. Все изречения имеют форму модульных текстов и не требуют дополнительного клика для просмотра, то есть они удобны для «пролистывания» (скроллинга) и мгновенного реагирования. Анализ содержания и количества откликов на данные сентенции показал высокую степень их эмоциогенности и провокативности, что объясняет быстрое реагирование подписчиков.

Сентенция сама по себе относится к провокативным речевым жанрам и принадлежит к сфере непрямой коммуникации, на этом основании в своей жанровой форме (план выражения) может содержать другие провокативные жанры (план содержания, намерение подразумевания) – признания, нотации, совета.

Под признанием В. Н. Степанов понимает «сообщение о внутреннем состоянии говорящего» [Степанов, 2008, с. 195] и относит его к одноименной провокативной стратегии, обобщенным содержанием высказываний в которой является внимание к собственному миру говорящего. В сентенции (пример № 10 в табл. 2) «Я прощаю людей, просто забывая об их существовании» (план выражения) в качестве намерения подразумевания (план содержания) могут выступать «каскад» советов («Прощай людей», «Не думай о людях», «Забудь о существовании людей») или даже нотация, в качестве эталонного субъекта которой выступает сам автор, а содержание намерения подразумевания: «Делай, как я».

Провокативная стратегия заботы проявляется во внимании к внутреннему миру «собеседника» (в нашем случае – читателя) и представлена в проанализированном материале в виде провокативного жанра нотации в сентенции «Если Бог дал, значит знал, что выдержишь» (пример № 20 в табл. 2). Высказывание в провокативном жанре нотации носит генерализованный характер и апелирует к персонализированному общественному опыту, в пресуппозиции высказывания в этом жанре обычно содержится отрицательная характеристика поведения адресата речи и указание на эталонное поведение третьего лица. Апелляция к будущему сближает нотацию с еще одним провокативным жанром – професемой [Степанов, 2017], например: «Когда ты будешь ценить то, что у тебя есть, ты будешь по-настоящему счастлив» (пример 12 в табл. 2).

На основе выявленных категориальных признаков сентенций, их функций и коммуникативному весу в социальных сетях, можно сделать следующий вывод. Сентенция как древний вид изречений занимает уверенные позиции в качестве тиражируемых мемов и удобна для репликации в первую очередь благодаря своей лаконичности. Современная сентенция-мем не является сжатой формой мудрости философско-этического свойства, но в качестве текста массовой культуры становится хранилищем и аккумулирует потенциальные смыслы. Репликация и мультипликация (в результате) потенциальных и актуальных смыслов в сентенции приобретают коммерческие свойства, ибо привлечение внимания к определенным страницам с помощью сентенций ведет к получению авторами страницы определенного капитала – социального или коммуникативного. Мощный суггестивный и провокативный потенциал сентенций-мемов делает их великолепной «наживкой» для так называемого «хайпа» – максимального привлечения внимания не к самому изречению, а к странице, на которой оно было опубликовано. Исключительная легкость создания подобных изречений делает их актуальными и популярными в сети и позволяет тиражировать жанровую модель и создавать новые сентенции самостоятельно. По своему содержанию сентенции-мемы зачастую относятся к разряду «банальных истин», что, однако, и позволяет «построить подобное высказывание самому, используя устойчивую модель» [Балахонская, 2019, С. 55]. Современные сентенции, используемые в интернет пространстве в целом, и в социальных сетях в частности, попрежнему являются обобщением личного опыта говорящего. Однако, проходя через коммуникационные (технологические) «фильтры» канала массовой коммуникации, становятся уже отражением не личного, а социального (генерализованного, совокупного) опыта целых групп и сообществ людей.

Библиографический список

1. Афоризм // Литературная энциклопедия : В 11 т. Москва, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (дата обращения: 05.02.2020)

2. Балахонская Л. В., Сергеева Е. В. Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. Москва : Флинта, 2019. 352 с.

3. Быкова Е. В. Принципы анализа модульного текста (к постановке вопроса) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2006. № 1. С. 103-106.

4. Гномы // Литературная энциклопедия : в 11 т. Москва, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (дата обращения: 05.02.2020)

5. Добросклонская Т. Г. Медиатекст как единица дискурса средств массовой информации // Актуальные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: материалы междунар. конф. (19-21 июня 2009 г.). Москва, Ярославль, 2009. С. 137-143.

6. Докинз Р. Эгоистичный ген. Москва : Litres, 2016. 610 с.

7. Дускаева Л. Р. Интенциональность медиаречи: онтология и структура // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 10-16.

8. Ерохина Т. И. Текст – код массовой культуры // Ярославский педагогический вестник. 2015. № 2. Том I (Культурология). С. 37-45.

9. Изречение // Литературная энциклопедия : в 11 т. Москва, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (дата обращения: 05.02.2020)

10. Канашина С. В. Что такое интернет-мем? // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2017. С. 84-90.

11. Кара-Мурза Е. С. Полиинтенциональность медиатекста // Медиатекст как полиинтенциональная система : сб. статей / отв. ред. Л. Р. Дускаева, Н. С. Цветова. Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2012. С. 33-39.

12. Карлик Н. А. Теоретические основы суггестивного потенциала малоформатных афористических текстов. Санкт-Петербург, 2013. 28 с.

13. Клуб успешных женщин : аккаунт. URL https://www.facebook.com/luckywomen.club/?epa=SEARCH_BOX (дата обращения: 05.02.2020)

14. Марченко Н. Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества // Казанская наука. 2013. №. 1. С. 113-115.

15. Москвин В. П. Речевой жанр хрии: история изучения и типология // Жанры речи. Вып. 2 (12). Саратов, 2015. С. 96-104.

16. Сентенция // Литературная энциклопедия: В 11 т. Москва, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (дата обращения: 05.02.2020)

17. Степанов В. Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. Санкт-Петербург : Роза мира, 2008. 268 с.

18. Степанов В. Н. Пост как инструмент формирования социального капитала в социальной сети (на примере социальной сети фейсбук) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». Вып. 1. 2014. С. 183-191.

19. Степанов В. Н. Професема как инвариантная единица профетической коммуникации (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) // Иностранные языки в высшей школе. 2017. № 3 (42). С. 7-13.

20. Шола Т. С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. Ростов Великий : ИКОм России; ГМЗ «Ростовский кремль», 2017. 320 с.

Reference List

1. Aforizm = Aphorism // Literaturnaja jenciklopedija : V 11 t. Moskva, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (data obrashhenija: 05.02.2020)

2. Balahonskaja L. V., Sergeeva E. V. Lingvistika rechevogo vozdejstvija i manipulirovanija = Linguistics of Manipulation and Persuasion. Moskva : Flinta, 2019. 352 s.

3. Bykova E. V. Principy analiza modul'nogo teksta (k postanovke voprosa) = Analytical Framework for a Modular Text (Statement of the Question) // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2006. № 1. S. 103-106.

4. Gnomy = Gnomes // Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. Moskva, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (data obrashhenija: 05.02.2020)

5. Dobrosklonskaja T. G. Mediatekst kak edinica diskursa sredstv massovoj informacii = Media Text as a Unit of Mass Media Discourse // Aktual'nye processy v razlichnyh tipah diskursov: politicheskij, medijnyj, reklamnyj diskursy i internet-kommunikacija: materialy mezhdunar. konf. (19-21 ijunja 2009 g.). Moskva, Jaroslavl', 2009. S. 137-143.

6. Dokinz R. Jegoistichnyj gen = The Selfish Gene. Moskva : Litres, 2016. 610 s.

7. Duskaeva L. R. Intencional'nost' mediarechi: ontologija i struktura = Media Speech Intentionality: Ontology and Structure // Mediatekst kak poliintencional'naja sistema : sb. statej / otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Cvetova. Sankt-Peterburg : S.-Peterb.gos. un-t, 2012. S. 10-16.

8. Erohina T. I. Tekst – kod massovoj kul'tury = Text as a Code of Mass Culture // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2015. № 2. Tom I (Kul'turologija). C. 37-45.

9. Izrechenie = Saying // Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. Moskva, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (data obrashhenija: 05.02.2020)

10. Kanashina S. V. Chto takoe internet-mem? = What is an Internet Meme? // Nauchnye vedomosti Belgo-

rodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija : Gumanitarnye nauki. 2017. S. 84-90.

11. Kara-Murza E. S. Poliintencional'nost' mediateksta Polyintentionality of a Media Text // Mediatekst kak poliintencional'naja sistema : sb. statej / otv. red. L. R. Duskaeva, N. S. Cvetova. Sankt-Peterburg : S.-Peterb.gos. un-t, 2012. S. 33-39.

12. Karlik N. A. Teoreticheskie osnovy suggestivnogo potenciala maloformatnyh aforisticheskih tekstov = Theoretical Foundations for the Suggestive Potential of Short Aphoristic Texts. Sankt-Peterburg, 2013. 28 s.

13. Klub uspeshnyh zhenshhin = Lucky Women Club: akkaunt. URL https://www.facebook.com/luckywomen.club/?epa=SEARCH_BOX (data obrashhenija: 05.02.2020)

14. Marchenko N. G. Internet-mem kak hranilishhe kul'turnyh kodov setevogo soobshhestva = The Internet Meme as a Storage of the Web Community's Cultural Codes // Kazanskaja nauka. 2013. №. 1. S. 113-115.

15. Moskvin V. P. Rechevoj zhanr hrii: istorija izuchenija i tipologija = The Speech Genre of Chria: Research History and Typology // Zhanry rechi. Vyp. 2 (12). Saratov, 2015. S. 96-104.

16. Sentencija = Sententia // Literaturnaja jenciklopedija: V 11 t. Moskva, 1929-1939. URL: http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/ (data obrashhenija: 05.02.2020)

17. Stepanov V. N. Provocirovanie v social'noj i massovoj kommunikacii = Provocation in Social and Mass Media. Sankt-Peterburg : Roza mira, 2008. 268 s.

18. Stepanov V. N. Post kak instrument formirovanija social'nogo kapitala v social'noj seti (na primere social'noj seti fejsbuk) = The Post as a Tool for Social Capital Accumulation in the Social Media (a Case Study of Facebook Posts) // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Filologija». Vyp. 1. 2014. S. 183-191.

19. Stepanov V. N. Profesema kak invariantnaja edinica profeticheskoj kommunikacii (na materiale astrologicheskih prognozov na anglijskom, russkom i ukrainskom jazykah) = The Propheseme as an Invariant Unit of Prophetic Communication (a Case Study of Astrological Forecasts in English, Russian and Ukrainian) // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2017. № 3 (42). S. 7-13.

20. Shola T. S. Mnemosofija. Jesse o nauke publichnoj pamjati = Mnemosophy. An Essay on the Science of Public Memory. Rostov Velikij : IKOm Rossii; GMZ «Rostovskij kreml'», 2017. 320 s.

УДК 81-11

О. В. Лукин **https://orcid.org/0000-0001-9101-9134**

Роль немецких лингвистов в формировании научных взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (к 150-летию вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете)

Для цитирования: Лукин О. В. Роль немецких лингвистов в формировании научных взглядов И. А. Бодуэна де Куртенэ (к 150-летию вступительной лекции в Санкт-Петербургском университете) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 119-125. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-119-125

Статья посвящена лингвоисториографическому контексту лекции, которую прочитал И. А. Бодуэн де Куртенэ 29 декабря 1870 года по случаю своего вступления в должность приват-доцента по кафедре сравнительного языкознания индоевропейских языков Санкт-Петербургского университета. После окончания варшавской Главной Школы молодой ученый был командирован на два семестра 1867/68 гг. в Германию. Значительное влияние на формирование его лингвистических взглядов оказали немецкие лингвисты, лекции которых он слушал во время этой командировки и труды которых хорошо знал. Это были основатель натуралистического направления в языкознании А. Шлейхер, знаменитый естествоиспытатель и философ Э. Геккель, крупный специалист по санскритской литературе и санскритскому языку А. Вебер, основатель лейпцигской младограмматической школы А. Лескин. В 1870 году было опубликовано одиннадцать трудов И. А. Бодуэна де Куртенэ, среди них – большая работа «Некоторые случаи действия аналогии в польском склонении» (нем. *Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination*) и семь статей в журнале «*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*», книга «О дневнепольском языке до XIV-го столетия». В своей вступительной лекции, опубликованной впоследствии отдельной брошюрой, молодой приват-доцент обращается к трудам не только таких известных лингвистов как Я. Гримм, А. Шлейхер, Т. Бенфей, Г. Курциус, И. Шмидт, но и менее известных ученых (К. Г. Фойгтманн, Э. Фёстеманна), показывая знание современной ему немецкой лингвистической литературы. Автор статьи не отрицает влияния немецких авторов на становление лингвистических взглядов молодого ученого, но подчеркивает, что Бодуэн не стал продолжателем того или иного направления, а сформировал свои оригинальные взгляды, впервые изложенные в его вступительной лекции.

Ключевые слова: лингвоисториография, лингвистика, И. А. Бодуэн де Куртенэ (13.03.1845-3.11.1929), Россия, Германия, младограмматики, XIX век.

O. V. Lukin

Role of german linguists in the formation of I. A. Baudouin de Courtenay's scholarly views (marking the 150th anniversary of his introductory lecture at university of St Petersburg)

The article is devoted to the linguo-historiographical context of the lecture given by I. A. Baudouin de Courtenay on the occasion of his appointment as private assistant Professor at the Department of comparative linguistics of Indo-European languages at Saint Petersburg University on December 29, 1870. In 1867-68, after graduating from the Warsaw Main School, the young scientist was sent to Germany for two semesters. A significant influence on the formation of his linguistic views was exerted by German linguists whose lectures he listened to during his trip and whose works he knew well. Among them were A. Schleicher, the founder of the naturalistic direction in linguistics, E. Haeckel, a famous naturalist and philosopher, A. Weber, a major specialist in Sanskrit literature and the Sanskrit language and A. Leskien, the founder of the Leipzig neogrammarian school. In 1870, eleven works by I. A. Baudouin de Courtenay were published, a large work «A few cases of the action of analogy in the Polish declension» (*Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination*) among them. Seven articles were also published in the magazine «*Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen»*, as well as a book «On the Old Polish Language Prior to the 14th Century». In his introductory lecture, published later as a separate booklet, the young private assistant Professor refers to the works of not only such famous linguists as J. Grimm, A. Schleicher, Th. Benfey, G. Kurtius, and J. Schmidt, but also to less well-known scientists (Ch. G. Voigtmann, E. Förstemann), showing knowledge of contemporary German linguistic literature. The author of the article does not deny the influence of German authors on the formation of the linguistic views of the young scientist, but highlights an idea that I. A. Baudouin de Courtenay did not follow this or that school of thought, but developed his own original ideas which were first expressed in his introductory lecture.

© Лукин О. В., 2020

Keywords: linguistic historiography, linguistics, Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay (13.03.1845-3.11.1929), Russia, Germany, neogrammarians, 19th century.

29 декабря (17 декабря по старому стилю) 1870 года И. А. Бодуэн де Куртенэ (Ян Нецислав Игнаций Бодуэн де Куртенэ; польск. Jan Niecisław Ignacy Baudouin de Courtenay, 13.03.1845-3.11.1929) прочитал лекцию по случаю своего вступления его в должность приват-доцента по кафедре сравнительного языкознания индоевропейских языков Санкт-Петербургского университета, в которой сформулировал свои лингвистические взгляды.

Двадцатипятилетний ученый встал за кафедру императорского университета, уже имея за плечами солидный багаж научного опыта и опубликованных работ. Семнадцатилетним юношей он поступил во вновь открытую варшавскую Главную Школу (Царство Польское, входившее в состав Российской империи) вопреки воле отца на историко-филологический факультет, после разделения которого в 1864 году выбрал отделение славянской филологии (биографические сведения мы приводим по: [Булич, 1897]). Как подчеркивает сам С. К. Булич, благотворное влияние на молодого студента более всего оказали чешский писатель, преподаватель чешского языка и литературы, последователь философии Гербарта Ф. Б. Квет (F. B. Květ, 1825-1865), польский ученый, преподаватель польского языка И. Пржиборовский (J. Przyborowski, 1823-1896) и В. Ю. Хорошевский, хотя Бодуэн не мог считать себя учеником ни одного из них, «… ибо уже в варшавском университете, как и впоследствии, он был по преимуществу автодидактом в области языкознания» [Булич, 1897, с. 22].

В 1866 году И. А. Бодуэн де Куртенэ закончил свою *alma mater* со степенью магистра историко-филологических наук, а в 1867 году благодаря ходатайству В. Ю. Хорошевского и В. М. Белозерского был командирован в Европу *для приготовления к профессорской деятельности*.

За границей молодой ученый провел около года. Зимний семестр 1867-1868 годов он провел в Йене, слушая лекции известного лингвиста, основателя натуралистического направления в языкознании А. Шлейхера (нем. August Schleicher; 19.02.1821-6.12.1868) и знаменитого естествоиспытателя и философа Э. Геккеля (нем. Ernst Heinrich Philipp August Haeckel; 16.02.1834-09.08.1919), а также изучая сочинения о дарвинизме. Летний семестр 1868 года Бодуэн провел в Берлине, посещая лекции крупного специалиста по санскритской литературе и санскритскому языку, члена Берлинской Академии наук А. Вебера (нем. Albrecht Friedrich Weber; 17.02.1825-30.11.1901) и изучая Ригведу и Сама-Веду.

После Германии в 1868 году И. А. Бодуэн де Куртенэ был командирован в качестве стипендиата варшавского округа в Санкт-Петербург «… для усовершенствования в избранной им отрасли наук и для полного ознакомления с русским языком» [Булич, 1897, с. 23], где более двух лет занимался научной деятельностью под руководством выдающегося отечественного слависта И. И. Срезневского. Заметим, впрочем, что и сам его учитель в свою бытность адъюнктом был в Германии и слушал лекции известных немецких ученых в Восточной Пруссии (Тильзит, Кенигсберг), Пруссии (Галле, Берлин), Саксонии (Дрезден, Лейпциг) (подробнее об этом см. [Лукин, 2017]).

Парадоксально, но несмотря на очень хорошие личные отношения Бодуэна со Срезневским, у последнего существовало весьма негативное отношение как к общему, так и сравнительному языкознанию. С. К. Булич замечает, например, что академик «… не только не признавал той науки, которой Б. хотел посвятить свою деятельность, но даже относился к ней насмешливо и с презрением … После этого не мудрено, что Б-де-К., начавший еще за границей в 1868 г. свою литературно-научную деятельность именно в направлении обобщений, был теперь сильно парализован в этих своих стремлениях» [Булич, 1897, с. 23].

В 1870 году в шестом томе известнейшего органа сравнительно-исторического языкознания «Материалы по сравнительному изучению языков в области арийских, кельтских и славянских языков» (нем. *Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der arischen, celtischen und slawischen Sprachen*), издаваемого известным немецким индоевропеистом и мифологом, А. Куном (нем. Franz Felix Adalbert Kuhn; 19.11.1812-5.05.1881) совместно с выдающимся младограмматиком А. Лескином (нем. August Leskien; 8.06.1840-20.09.1916) и автором волновой теории языкового развития И. Шмидтом (нем. Johannes Schmidt; 29.07.1843-4.07.1901), была опубликована статья молодого ученого «Некоторые случаи действия аналогии в польском

склонении» (нем. *Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination*), которую двадцатитрехлетний Бодуэн написал в 1868 году в Йене [Baudouin de Courtenay, 1870]. Этот труд получил исключительно высокую оценку как современниками Бодуэна, так и учеными XX–XXI вв. В этом же номере было опубликовано еще семь небольших статей ученого, написанных в Берлине в мае-июне 1868 года.

Летом 1870 года И. А. Бодуэн де Куртенэ на несколько месяцев выехал в Лейпциг, признанный центр младограмматизма, где выдержал докторский экзамен, на основании которого и ранее опубликованных научных трудов (лат. *editis variis scriptis ad litteras slavieas pertinentibus et examine superato*) был удостоен степени доктора философии. Тогда же в Лейпциге на русском языке была опубликована его магистерская диссертация «О дневнепольском языке до XIV-го столетия» [Бодуэн де Куртенэ, 1870]. Эта работа – следующее весьма значительное достижение молодого лингвиста: «Если в лейпцигской диссертации Бодуэн проявил тонкое понимание психологической стороны языка, то в этом труде в нем обнаружился замечательно подготовленный лингвист-фонетик, умеющий, на основ фактов современного языка, изучать с лингвистической точки зрения и древние памятники» [Фасмер, 1906, с. 137].

Еще один парадокс: доктор философии, которому ученое звание присудил лейпцигский университет, осенью 1870 года в Петербурге защищает магистерскую диссертацию и становится магистром сравнительного языковедения. В самом конце года он в должности приват-доцента был допущен историко-филологическим факультетом Санкт-Петербургского университета к чтению лекций по сравнительной грамматике индоевропейских языков. Особо подчеркнем, что в Петербурге он был первым преподавателем, который читал лекции по этому предмету (см. [Булич 1897, с. 23]). Его вступительная лекция опубликована в виде статьи в Журнале Министерства народного просвещения (часть CLIII, с. 279-316) и брошюры «Некоторые общие замечания о языковедении и языке», изданных в 1871 году в печатне В. И. Головина [Бодуэн де Куртенэ, 1871].

Всего к концу 1870 года, как свидетельствует автор статьи в биографическом словаре профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета, молодой ученый опубликовал одиннадцать трудов на русском, польском и немецком языках, из них – восемь статей на немецком языке в журнале «Материалы по сравнительному изучению языков в области арийских, кельтских и славянских языков» и магистерская диссертация, опубликованная в Лейпциге на русском языке отдельной книгой [Б. а., 1896, с. 70].

Отечественные историки языкознания подчеркивают исключительное значение работы «Некоторые общие замечания о языковедении и языке» в истории науки о языке. Так, В. М. Алпатов отмечает, что в ней Бодуэн пишет, с одной стороны, о связи лингвистики с психологией и социологией, и, с другой стороны, о последовательно синхронном подходе к языку как о возможностях выхода из намечавшегося к тому времени идейного кризиса в языкознании [Алпатов, 2005, с. 121].

Ф. М. Березин обращает внимание на то, что еще до Ф. де Соссюра в этой лекции И. А. Бодуэн де Куртенэ обращал внимание на различение языка и речи, ср.: «… на различие речи человеческой вообще, как собрания всех языков... от отдельных языков, наречий и говоров и наконец от индивидуального языка отдельного человека, с другой же стороны – на различие языка как определенного комплекса известных составных частей и категорий, существующего только in potentia и в собрании всех индивидуальных оттенков, от языка как беспрерывно повторяющегося процесса, основывающегося на общительном характере человека и его потребности воплощать свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам ему подобным, то есть другим людям (язык – речь – слово человеческое)» [Березин, 1975, с. 154].

Как видно из этой работы, молодой ученый демонстрирует не только хорошее знание современной ему лингвистической, прежде всего, немецкоязычной литературы, но и нередко критический настрой к работам и идеям своих немецких предшественников и старших современников.

Так, критикуя «… сознательное и бессознательное стремление к идеальному, стройному, правильному», которое «... порождает языковой пуризм, граничащий с педантизмом и заставляющий своих представителей вмешиваться постоянно в естественное развитие языка, класть veto против известных явлений, кажущихся почему-то неправильными, и приказывать, чтобы то-то и то-то в языке приняло такой-то и такой-то вид» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 6], начинающий приват-доцент ссылается на не столь известную статью великого Я. Гримма (нем. Jacob Ludwig Karl Grimm; 4.01.1785-20.09.1863) «О педантизме в немецком языке» (нем. *Ueber das pedantische in der deutschen sprache*) [Grimm, 1864].

Бодуэн не принимает грамматик, игнорирующих идею развития языка, ср.: «Разумеется, что грамматики, смотрящие на язык с такой точки зрения, не имеют понятия о его развитии; им неизвестно, что все мнимые грамматические исключения объясняются историей языка и представляют или остатки древних «правил», или же задатки будущих» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 6-7]. Здесь он практически дословно приводит высказывание Я. Гримма из уже упомянутой нами статьи (ср. [Grimm, 1864, с. 329].

Говоря о прескриптивном характере некоторых грамматик, ученый несколько иронично пишет о заботе своего учителя по Йенскому университету А. Шлейхера о чистоте немецкого языка: «Так, например, даже Шлейхер, считавший себя только строгим наблюдателем естественного развития языка, отрицавший вполне влияние на язык человеческого сознания, не допускавший вмешательства свободной воли человека в чисто естественное развитие слова человеческого, заботился о чистоте отечественного языка; он очень часто восставал против разных, как он называл, «неорганических» явлений в немецком языке, введенных в него несведущими шульмейстерами, и призывал земляков отказаться от этих погрешностей. В особенности вторая часть его «Deutsche Sprache» преисполнена мест, отличающихся таким проповедническим направлением и патриотическим жаром. Здесь это практическое направление доведено до крайности. Ведь эта книга имеет, между прочим, целью разбудить «Nationalgefühl» немцев: по-моему, это почти то же, что статье о пищеварении приписывать возбуждение аппетита» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 7].

В этой работе И. А. Бодуэн де Куртенэ много говорит о необходимости хорошего владения языковым материалом, на котором проводится теоретическое исследование и приводит мнение своего учителя: «Я, как „эмпирический глоттик”, – говорит Шлейхер, – твердо убежден в том, что одно только дельное знание языков может быть основанием занятий языковедения и что прежде всего надобно стремиться к тому, чтобы, сколько возможно, ознакомиться с языками, которые избраны предметом исследования. Только на основании солидного, положительного знания можно сделать нечто дельное в нашей науке» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 7] (см. [Schleicher, 1865, s. IV]). Ссылаясь на предисловие к книге А. Шлейхера «Морфология церковнославянского языка, представленная в объяснении и сравнении» (нем. *Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt*) [Schleicher, 1852, s. XI], российский ученый обращает внимание на неверно истолкованные и переведенные формы церковнославянского языка, приведенные в словаре известного немецкого языковеда и историка языкознания Т. Бенфея (нем. Theodor Benfey; 28.01.1809-26.06.1881) [Benfey, 1839].

На книгу Т. Бенфея «История языкознания и восточной филологии в Германии с с начала 19 столетия со взглядом на более ранние периоды » (нем. *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten*) [Benfey, 1869] Бодуэн ссылается, говоря о трех направлениях «… в исторически развившемся, сознательном, научном исследовании языков и речи человеческой вообще» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 9]. Здесь же он упоминает книгу известного берлинского профессора К. Гейзе (нем. Karl Wilhelm Ludwig Heyse; 15.10.1797-25.11.1855) «Система языкознания» (нем. *System der Sprachwissenschaft*), [Heyse, 1856], изданную известным немецким филологом и философом Г. Штейнталем (нем. Chajim Heymann Steinthal; 16.05.1823-14.03.1899) уже после смерти автора (о Гейзе см. [Лукин, 2013], [Lukin, 2013]).

Критикуя второе из этих направлений как «резонирующее, умствующее, априористическое, ребяческое», Бодуэн пишет: «Кому не известны курьезные этимологии, за которые так и хотелось бы поместить самих господ этимологов в доме умалишенных? Как алхимики старались отыскать первобытное тело, из которого развились все остальные, или же таинственную универсальную силу, так же точно и некоторые из представителей априористического направления в языковедении пытались из одного или же нескольких созвучий вывести все богатство человеческой речи» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 10].

В этой части статьи он ссылается на статью Я. Гримма «Об этимологии и сравнении языков» (нем. *Ueber etymologie und sprachvergleichung*) [Grimm, 1964, s. 307], книгу К. Г. Фойгтманна (Christoph Gottlieb Voigtmann) «Вау-вау теория д-ра Макса Мюллера и происхождение языка» (нем. *Dr. Max Müllers Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der Sprache*) [Voigtmann, 1865] и рецензию на эту книгу И. Шмидта, опубликованную в«Журнале сравнительного языковедения в области немецкого, греческого и латинского языков» (нем. *Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen*) [Schmidt, 1866].

Анализируя «… общие причины, общие факторы, вызывающие развитие языка и обусловливающие его строй и состав», Бодуэн подчеркивает влияние на язык человеческого сознания [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 14] и ссылается на одну из статей в известном журнале «Вопросы этнической психологии и языкознания» (нем. *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*), издаваемом Г. Штейнталем и известным немецким психологом и философом М. Лацарусом (нем. Moritz Lazarus; 15.09.1824-13.04.1903) [Büchmann, 1868].

Описывая хронологический принцип грамматического рассмотрения языка, «… то есть принцип объективности по отношению к совершающемуся во времени генетическому развитию языка», Бодуэн выражает его несколькими положениями, в частности: «Положение 1-е. Данный язык не родился внезапно, а происходил постепенно в течение многих веков: он представляет результат своеобразного развития в разные периоды» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 23]. Здесь он особо подчеркивает роль известного немецкого специалиста по сравнительному языкознанию и классической филологии Г. Курциуса (нем. Georg Curtius; 16.04.1820-12.08.1885) в применении этого положения к индоевропейским языкам, собранных им в работе «К хронологии индоевропейского исследования языков» (нем. *Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung*) [Curtius, 1867].

В качестве иллюстрации своего рассуждения об одном из разделов прикладного языковедения, которое состоит «… в применении данных из грамматики к вопросам из области мифологии (этимологические мифы), древностей и истории культуры вообще» [Бодуэн де Куртенэ, 2010, с. 30], российский ученый приводит цитату о попытках объяснить библейское сказание о Вавилонском столпотворении из статьи известного немецкого историка, математика и лингвиста, основателя немецкой ономастики Э. Фёстеманна (нем. Ernst Wilhelm Förstemann; (18.09.1822-4.11.1906) [Förstemann, 1852, s. 6].

Не подлежит сомнению, что труды всех этих, и не только этих, ученых, с которыми был знаком И. А. Бодуэн де Куртенэ, не могли не оказать значительного, пусть не самого прямого влияния на становление лингвистических взглядов молодого языковеда. Но очевидно, верно и то, что Бодуэн как автодидакт не стал представителем или последователем какого бы то ни было научного направления лингвистики в Германии, а сформировал свои оригинальные идеи, впервые в таком формате и в таком объеме выраженные в этой вступительной лекции.

Библиографический список

1. Алпатов В. М. История лингвистических учений : учебное пособие. 4-е изд., испр. и доп. Москва : «Языки русской культуры», 2005. 368 с.

2. Б. а. Бодуэн-де-Куртенэ (Baudouin de Courtenay) // Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Санкт-Петербургского университета за истекшую треть четверть его существования 1869-194. Том первый. А-Л. Санкт-Петербург : Типография и литография Б. М. Вольфа, 1896. С. 69-75.

3. Березин Ф. М. История лингвистических учений : учебное пособие для филологических специальностей университетов и педагогических институтов. Москва : Высшая школа, 1975. 304 с.

4. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке. Санкт-Петербург : Печатня В. И. Головина, 1871. 38 с.

5. Бодуэн де Куртенэ И. А. Некоторые общие замечания о языковедении и языке // Бодуэн де Куртенэ И. А. Языковедение и язык: Исследования, замечания, программы лекций. Москва : Издательство ЛКИ, 2010 (Лингвистическое наследие XX века). С. 3-33.

6. Бодуэн де Куртенэ И. А. О дневнепольском языке до XIV-го столетия. Лейпциг : в типографии Бэра и Германа, 1870. VIII, 100, 84, IV с.

7. Булич,С. К. Бодуэн де Куртенэ (Baudouin de Courtenay), И. А. // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). Том V. Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1897. С. 18-51.

8. Лукин О. В. Научное сообщество Кенигсберга, Берлина, Галле и Дрездена глазами адъюнкта И. И. Срезневского (1839-1842 гг.) // И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И. И. Срезневского : сборник статей Международной научно-практической конференции, 21-23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е. П. Осипова; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. Рязань, 2017. С. 412-417.

9. Лукин О. В. Семья Гейзе: два поколения в немецкой педагогике и филологии // Ярославский педагогический вестник. Серия «Психолого-педагогические науки». Ярославль : Изд-во Ярославского государственного педагогического университета. 2013, № 3. С. 74-78.

10. Фасмер М. Р. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ // Живая старина. Периодическое издание отделения этнографии Императорского русского географического общества. Вып. II. Санкт-Петербург : Типография М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1906. С. 135-146.

11. Baudouin de Courtenay J. Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. Bd. VI. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung, 1870. S. 19-88.

12. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. München : Literarisch-artistische Anstalt der J. G. Cotta schen Buchhandlung, 1869. X, 838 S.

13. Benfey Th. Griechisches Wurzellexikon. Bd. I. Berlin : bei G. Reimer, 1839. XVIII, 688 S.

14. Büchmann G. Berichtigung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Fünfter Band. Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung. Harrwitz und Gossmann, 1868. S. 106-109.

15. Curtius G. Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung. Des V. Bandes der Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften № III. Leipzig : Bei S. Hitzel, 1867. 80 S.

16. Förstemann A. E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung, 1852. s. 1-25.

17. Grimm J. Ueber das pedantische in der deutschen sprache // Kleinere schriften. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmler's verlagsbuchhandlung, 1864. s. 327-373.

18. Grimm J. Ueber etymologie und sprachvergleichung // Kleinere schriften. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmler's verlagsbuchhandlung, 1864. s. 299-326.

19. Heyse K. W. L. System der Sprachwissenschaft. Berlin : Ferd. Dümmler′s Verlagsbuchhandlung, 1856. XX, 476 S.

20. Lukin O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur // Пути развития немецкого языка: российско-немецкие инициативы. Материалы Международной научно-практической конференции (27-31 марта 2013 г.)/ Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Институт филологии и межкультурной коммуникации, Лекторат Германской службы академических обменов в Архангельске (отв. ред. и сост. Щипицина Л. Ю.). Архангельск : КИРА, 2013. С. 79-84.

21. Schleicher A. Vorwort // Schmidt J. Die wurzel ak im indogermanischen. Weimar : Herrmann Böhlau, 1865. s. III–X.

22. Schleicher A. Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn : Verlag von H. B. König, 1852. XXIV, 378 s.

23. Schmidt J. Voigtmann, Max Müller's bau-wau-theorie und der ursprung der sprache // Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. Bd. XV. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossmann), 1866. S. 235-237.

24. Voigtmann Chr. G. Dr. Max Müller's Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der Sprache. Ein Wort zur Verständigung an den Herausgeber der „Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache". Leipzig : Verlag von Bernhard Schlicke, 1865. VIII, 174 S.

Reference List

1. Alpatov V. M. Istorija lingvisticheskih uchenij = Linguistic Doctrines: a Historical Overview: uchebnoe posobie. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva : «Jazyki russkoj kul'tury», 2005. 368 s.

2. B. a. Bodujen-de-Kurtenje (Baudouin de Courtenay) = Baudouin de Courtenay // Biograficheskij slovar' professorov i prepodavatelej imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta za istekshuju tret' chetvert' ego sushhestvovanija 1869-194. Tom pervyj. A–L. Sankt-Peterburg : Tipografija i litografija B. M. Vol'fa, 1896. S. 69-75.

3. Berezin F. M. Istorija lingvisticheskih uchenij = Linguistic Doctrines: a Historical Overview: uchebnoe posobie dlja filologicheskih special'nostej universitetov i pedagogicheskih institutov. Moskva : Vysshaja shkola, 1975. 304 s.

4. Bodujen de Kurtenje I. A. Nekotorye obshhie zamechanija o jazykovedenii i jazyke = General Observations on Language and Linguistics. Sankt-Peterburg : Pechatnja V. I. Golovina, 1871. 38 s.

5. Bodujen de Kurtenje I. A. Nekotorye obshhie zamechanija o jazykovedenii i jazyke = General Observations on Language and Linguistics // Bodujen de Kurtenje I. A. Jazykovedenie i jazyk: Issledovanija, zamechanija, programmy lekcij. Moskva : Izdatel'stvo LKI, 2010 (Lingvisticheskoe nasledie XX veka). S. 3-33.

6. Bodujen de Kurtenje I. A. O dnevnepol'skom jazyke do XIV-go stoletija = On the Old Polish Language before the 14th Century. Lejpcig : v tipografii Bjera i Germana, 1870. VIII, 100, 84, IV c.

7. Bulich,S. K. Bodujen de Kurtenje (Baudouin de Courtenay) = Baudouin de Courtenay, I. A. // Vengerov S. A. Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh (ot nachala russkoj obrazovannosti do nashih dnej). Tom V. Sankt-Peterburg : Tipografija M. M. Stasjulevicha, 1897. S. 18-51.

8. Lukin O. V. Nauchnoe soobshhestvo Kenigsberga, Berlina, Galle i Drezdena glazami ad#junkta I. I. Sreznevskogo (1839-1842 gg.) = The Academic Community of Koenigsberg, Berlin, Halle and Dresden through the Eyes of the Adjunct I. Sreznevsky // I. I. Sreznevskij i russkoe istoricheskoe jazykoznanie: opyt i perspektivy. K 205-letiju so dnja rozhdenija I. I. Sreznevskogo : sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 21-23 sentjabrja 2017 g. / otv. red. E. P. Osipova; Rjaz. gos. un-t imeni S. A. Esenina. Rjazan', 2017. S. 412-417.

9. Lukin O. V. Sem'ja Gejze: dva pokolenija v nemeckoj pedagogike i filologii = The Heyse Family: Two Generations in German Philology and Pedagogy // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. Serija «Psihologo-pedagogicheskie nauki». Jaroslavl' : Izd-vo Jaroslavskogo

gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013, № 3. S. 74-78.

10. Fasmer M. R. I. A. Bodujen-de-Kurtenje = Baudouin de Courtenay // Zhivaja starina. Periodicheskoe izdanie otdelenija jetnografii Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshhestva. Vyp. II. Sankt-Peterburg : Tipografija M. P. S. (T-va I. N. Kushnerev i K°), 1906. S. 135-146.

11. Baudouin de Courtenay J. Einige fälle der wirkung der analogie in der polnischen declination // Beiträge zur vergleichenden sprachforschung auf dem gebiete der arischen, celtischen und slawischen sprachen. Bd. VI. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung, 1870. S. 19-88.

12. Benfey Th. Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange 19. Jahrhunderts mit einem Rückblick auf die früheren Zeiten. München : Literarisch-artistische Anstalt der J. G. Cotta schen Buchhandlung, 1869. X, 838 S.

13. Benfey Th. Griechisches Wurzellexikon. Bd. I. Berlin : bei G. Reimer, 1839. XVIII, 688 S.

14. Büchmann G. Berichtigung // Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Fünfter Band. Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung. Harrwitz und Gossmann, 1868. S. 106-109.

15. Curtius G. Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung. Des V. Bandes der Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften № III. Leipzig : Bei S. Hitzel, 1867. 80 S.

16. Förstemann A. E. Ueber deutsche volksetymologie // Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung, 1852. s. 1-25.

17. Grimm J. Ueber das pedantische in der deutschen sprache // Kleinere schriften. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmler's verlagsbuchhandlung, 1864. s. 327-373.

18. Grimm J. Ueber etymologie und sprachvergleichung // Kleinere schriften. Bd. I. Berlin : Ferd. Dümmler's verlagsbuchhandlung, 1864. s. 299-326.

19. Heyse K. W. L. System der Sprachwissenschaft. Berlin : Ferd. Dümmler's Verlagsbuchhandlung, 1856. XX, 476 S.

20. Lukin O. W. Familie Heyse: drei Generationen im Dienste der deutschen Sprachwissenschaft und Literatur // Puti razvitija nemeckogo jazyka: rossijsko-nemeckie iniciativy. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (27-31 marta 2013 g.)/ Severnyj (Arkticheskij) federal'nyj universitet im. M. V. Lomonosova, Institut filologii i mezhkul'turnoj kommunikacii, Lektorat Germanskoj sluzhby akademicheskih obmenov v Arhangel'ske (otv. red. i sost. Shhipicina L. Ju.). Arhangel'sk : KIRA, 2013. S. 79-84.

21. Schleicher A. Vorwort // Schmidt J. Die wurzel ak im indogermanischen. Weimar : Herrmann Böhlau, 1865. s. III–X.

22. Schleicher A. Die Formenlehre der kirchenslawischen Sprache, erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn : Verlag von H. B. König, 1852. XXIV, 378 s.

23. Schmidt J. Voigtmann, Max Müllers bau-wau-theorie und der ursprung der sprache // Zeitschrift für vergleichende sprachforschung auf dem gebiete des deutschen, griechischen und lateinischen. Bd. XV. Berlin : Ferd. Dümmlers verlagsbuchhandlung (Harrwitz und Gossmann), 1866. S. 235-237.

24. Voigtmann Chr. G. Dr. Max Müllers Bau-Wau-Theorie und der Ursprung der Sprache. Ein Wort zur Verständigung an den Herausgeber der «Vorlesungen über die Wissenschaft der Sprache». Leipzig : Verlag von Bernhard Schlicke, 1865. VIII, 174 S.

УДК 81'246.2

Л. А. Гунько **https://orcid.org/0000-0001-8896-7600**

Структура кодовых переключений в романах Питера Мейла «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра»

Для цитирования: Гунько Л. А. Структура кодовых переключений в романах Питера Мейла «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра» // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 126-133. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-126-133

В статье рассматриваются структурные особенности переключений кодов в англоязычных романах «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра» современного британского писателя Питера Мейла. Матричным языком произведений является английский, а гостевым французский. Переключением кода можно считать попеременное использование единиц одного языка в высказывании на другом языке в пределах одной беседы. Выделяются две группы переключений кодов: в речи билингвальных персонажей и в авторской речи. Питер Мейл использует различные по структуре типы переключений кодов в речи своих героев для того, чтобы подчеркнуть билингвальную компетентность персонажей, которые переключаются с английского на французский язык в различных языковых ситуациях. В текстах изучаемых произведений были выявлены разные типы переключений: межфразовые, внутрифразовые внутри простых предложений (вкрапления, острова гостевого языка), так и внутрифразовые в обособленных частях сложных предложений. В тексте двух романов было обнаружено 502 случая употребления переключений кодов (263 случая переключений кодов в авторской речи, 239 случаев в речи персонажей). Результаты количественного анализа показывают, что наиболее частотным типом является внутрифразовый в пределах простого предложения, внутри которого наличие островов гостевого языка преобладает над вкраплениями, как в билингвальной, так и в авторской речи.

Ключевые слова: переключение кода (ПК), художественный билингвизм, билингвальная речь, вкрапление, остров, матричный язык, гостевой язык.

L. A. Gunko

Structure of code switches in Peter Mayle's novels «The Marseille Caper» and «The Corsican Caper»

The author examines the structural features of code switches in two novels – «The Marseille Caper» and «The Corsican Caper» written by the modern British writer Peter Mayle. The Matrix language of multilingual utterances is English, while the Embedded language is French. A code-switch is an alternate use of units of one language within an utterance in another language in a single conversation. Two groups of code-switches are distinguished: those in the bilingual characters' speech and those in the author's speech. Peter Mayle has used different types of code-switches in the bilingual characters' speech to emphasize their bilingual competence when they switch from English to French in various communicative situations. Different types of code-switches have been identified: intersentential, intrasentential – within a phrase (insertions, embedded language islands), clause-switches and tag-switches. The author of the article has found 502 units of code-switches in the two novels, with 263 units being represented in the author's speech and 238 units – in the bilingual characters' speech. The study has shown that the intrasentential type occurring within a simple sentence is the most frequently used code-switch type characteristic of both the bilingual characters' and the author's speech, the embedded language islands being predominant.

Keywords: code-switches, bilingualism in fiction, bilingual speech, insertion, embedded language island, the Matrix language, the Embedded language.

В современной лингвистике множество работ посвящается изучению единиц языкового контакта, то есть заимствованиям, интерференции и кодовым переключениям. Англоязычные и русскоязычные СМИ и художественные произведения представляют собой яркие образцы письменного текста, характеризующиеся наличием переключений кодов. Переключения кодов представляют собой многоаспектное явление, они становятся средством передачи информации и придают экспрессию письменной речи. Двуязычные авторы используют в своих произведениях переключения кодов, которые различаются по структуре, графи-

© Гунько Л. А., 2020

ческому оформлению и выполняемым ими функциям [Исаева, 2017, с. 70; Исаева, 2012, с. 99].

В лингвистике билингвизм определяется как способность использовать два языка одновременно и равнозначно. Билингвы обладают компетенцией говорить на одном языке в беседе с монолингвом, однако разговаривая с другими билингвами, они употребляют оба известных им языка, то есть они могут легко переключаться с одного языка на другой в пределах дискурса. Данное явление называется переключением кодов и часто происходит в коммуникативном процессе, его можно легко обнаружить в любом диалоге между двумя билингвами, способными переключаться с языка на язык в своей речи [Souadkia, 2017, p. 100]. Билингвальную речь можно определить как чередование активности двух языков, которое часто происходит при общении одного билингва с другими билингвами [Чиршева, 2012, с. 148]. На наличие ПК в билингвальной речи, их структурные и прагматические особенности могут влиять такие компоненты коммуникативной ситуации, как говорящий и слушающий, предмет их разговора, место и время общения, наличие посторонних слушающих [Чиршева, 2018, с. 194].

Переключения кодов изучаются с позиций разных подходов, в связи с чем этому явлению даются разнообразные определения.

Л. Милрой и П. Муйскен определяют ПК как попеременное использование билингвами двух или более языков в пределах одной беседы. Они замечают, что переключение кодов происходит между разными говорящими в разговоре, между высказываниями в рамках реплики и иногда даже в пределах предложения [Milroy, Muysken, 1995, p. 7]. Ш. Поплак под ПК понимает чередование двух языков в пределах дискурса, предложения или его конституэнты [Poplack, 1980, p. 583].

Дж. Гамперц считает переключение кода соседством в пределах одного разговора речевых отрывков, принадлежащих к разным грамматическим системам или подсистемам [Gumperz, 1982, p. 59].

Согласно Ф. Грожану переключение кода можно определить как попеременное использование двух или более языков в пределах высказывания или разговора [Grosjean, 1982, p. 145]. Позднее он добавляет, что переключение кода – это попеременное использование двух языков, при котором, говорящий переходит полностью на другой язык, а потом возвращается к основному языку разговора [Grosjean, 2012, p. 18]. Ф. Грожан отмечает, что говорящие при переходе на другой язык могут включать в свою речь слово, фразу или предложение, то есть использовать переключение кода [Grosjean, 2018, p. 109].

По определению К. Майерс-Скоттон, в широком смысле переключением кода можно считать использование двух языков в пределах одной беседы [Myers-Scotton, 2006, p. 239]. Однако, согласно же ее более детализированному определению ПК – это выбор формы гостевого языка (или языков) билингвом или полиглотом в высказываниях на матричном языке за время одного и того же разговора [Myers-Scotton, 1997, p. 3].

Художественный билингвизм требует от писателя-билингва глубоких знаний как языка, так и литературных традиции соответствующей страны [Кораблева, Логинова, 2015, с. 26].

Согласно У. М. Бахтикиреевой художественный текст писателя обуславливается творческим билингвальным сознанием, которое отражает свой национальный образ на языке второй (или приобретенной) языковой культуры. В отличии от монолингва билингвальная личность обладает способностью адекватно передать национальный образ двух культур при помощи двух языковых систем [Бахтикиреева, 2004, с. 48].

Двуязычные авторы наполняют речь своих билингвальных героев переключением кодов как способ передачи имплицитной информации о происхождении героя, его социальном статусе, эмоциональном состоянии и особенностях самой коммуникативной ситуации. ПК несут важную для понимания персонажа смысловую нагрузку [Синеокова, Шмелева, 2017, с. 83].

Переключения кодов создают образность самого литературного произведения, позволяют охарактеризовать героев, ситуацию в описываемом обществе и языковой репертуар автора [Мишинцева, 2017, с. 116]. Причины использования ПК разнообразны: от желания употребить наиболее подходящее слово или выражение, заполнить языковую потребность, проявить свою групповую принадлежность, исключить или включить кого-то в беседу, повысить свой статус [Grosjean, 2012, p. 19].

Цель данной работы – рассмотреть структуру переключений кодов в двух англоязычных книгах билингвального писателя. Материал исследования составляет 502 случая употребления переключений кодов, извлеченных методом сплошной выборки из романов Питера Мейла. Матричным языком является английский, а гостевым – французский. Встречаются также единичные переключения на несколько других гостевых языков (ита-

льянский, латинский, немецкий). Источники материала исследования – романы «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра», написанные в 2012 и в 2014 годах соответственно.

Британский писатель Питер Мейл родился в Брайтоне в 1939 году, в период своей карьеры издателя он работал в Нью-Йорке и Лондоне. Питер Мейл стал известен благодаря публикации книги «Год в Провансе», переведенной на 17 языков. Согласно газете «Гардиан» книгу можно считать наиболее успешной в жанре литературы о путешествиях за всю историю [Le figaro, 2018].

Рассматриваемые нами романы «Марсельская авантюра» и «Корсиканская авантюра» являются частью цикла, повествующего о приключениях Сэма Левитта в Провансе.

Сэм – американец, его тяга к приключениям проявилась во времена обучения в юридическом колледже как средство подзаработать на криминальных расследованиях. Его не интересовали тяжкие преступления, Сэма интриговали такие расследования, в которых он мог использовать интеллект, а не оружие. Он выбрал свою карьеру и стал зарабатывать, практикуя корпоративное право. Он много путешествовал, посетив Южную Америку, Африку, Россию и Францию. Длительное пребывание в Париже позволило ему выучить французский, полюбить французские блюда и вина. В описываемых романах Сэм и Элена отправляются на отдых во Францию и предотвращают неприятности, преследующие их друга миллиардера Фрэнсиса Ребуля.

Можно предположить, что билингвизм Сэма является приобретенным, так как он поехал во Францию после колледжа и прожил там какое-то время уже будучи взрослым человеком. Интересным является замечание Элены о том, как меняется его поведение и манера говорить, когда он приезжает в другую страну и говорит по-французски. Она отмечает, что Сэм становится гулякой, любителем удовольствий, как только он приезжает во Францию. Например, «Over the years, Elena had become used to Sam having ***bon viveur*** moments as soon as he set foot in France. It was part of the travel experience» [Mayle, 2014, p. 18] – За годы совместной жизни Элена привыкла, что Сэм превращается в bon viveur, стоит ему ступить на землю Франции. Это входило в программу путешествия [Мейл, 2015, с. 27]. Elena smiled. Sam's enthusiasm, when he was having one of his ***bon viveur moments***, was infectious. «You sold me,» she said. «I'll have the same» [Mayle, 2014, p. 45] – Элена улыбнулась. Энтузиазм Сэма, когда он переживал очередной приступ своего ***bon viveur,*** бывал заразителен [Мейл, 2015, с. 87].

Переключения кодов анализируются по месту появления в высказывании. Нами были выявлены два структурных типа переключений в исследуемом материале: а) межфразовые переключения или интерсентенциональные (*intersententional*) б) внутрифразовые переключения или интрасентенциональные (*intrasententional*) подразделяются на несколько видов: 1) между компонентами сложного предложения (*clause-switches*), 2) в обособленных оборотах (*parenthetical switches*), 3) в присоединенных частях (*tag-switches*); 4) между лексическими единицами в простом предложении – подразделяются на два подтипа – вкрапления (*insertions*) и островные переключения (*island switches*) [Чиршева, 2004, с. 41-45].

Питер Мейл использует переключение кодов как в диалогах, так и в самом тексте произведения. Соответственно, мы выделяем две группы ПК: в речи билингвальных персонажей и в авторской речи, под которой подразумевается авторское повествование, не содержащее речи персонажей [Гунько, 2019, с. 45].

Рассмотрим первую группу ПК – в речи билингвальных персонажей в романе «Марсельская авантюра»:

А. Межфразовые ПК составляют 33,8 % (44 единицы) и обнаруживаются между предложениями в пределах одного высказывания.

He looked from Sam to Elena, his eyebrows raised. «***Et voilà.*** What do you think?» [Mayle, 2012, p. 14].

Ребуль говорит «***et voilà»*** (вот так), ПК представлено отдельным предложением внутри высказывания персонажа.

Б. Внутрифразовые ПК составляют 15,4 % (20 единиц), они наблюдаются внутри предложения, между обособленными компонентами предложений, когда между лексикой и грамматикой наблюдается небольшое взаимодействие. Они подразделяются на несколько видов:

1. Внутрифразовые ПК между частями сложного предложения:

Reboul shook his head and laughed. «I once heard a winemaker describe his wine as ***'Comme le petit Jésus en pantalon de velours'*** – like Jesus in velvet trousers.» He shrugged [Mayle, 2012, p. 15].

Употребляется ПК ***'Comme le petit Jésus en pantalon de velours'*** (подобно маленькому Иисусу в бархатных штанишках [Мейл, 2013, с. 24], которое дублируется на английский в последующей после ПК части фразы.

2. Внутрифразовые ПК в обособленном обороте:

«The tent is a good idea,» he said. «Now we must make it work. For the tent itself, ***pas de soucis***, no problem. But the beach is uneven, so you will need a level, solid plank floor» [Mayle, 2012, p. 72].

Французское ***«pas de soucis»*** (без проблем) обособляется внутри простого предложения. ПК продублировано на английский язык.

3. Внутрифразовые ПК в присоединенных частях предложения:

Reboul chuckled. «You're right. But don't forget, my dear Sam, he's our rogue. Let me know if you have any problems, ***d'accord***? Oh, and Sam? I thought it would be amusing to celebrate the presentation with a little dinner – very quiet, just the four of us. I'd like you to meet my new friend.» [Mayle, 2012, p. 80].

ПК ***«d'accord***?» (хорошо?) выделяется запятой и завершает высказывание персонажа.

4. Переключения в пределах словосочетания или простого предложения, между грамматикой и лексикой происходит тесное взаимодействие, так как ПК происходят между лексическими единицами; целое предложения произносится на Я1, но в него внедряется единица на Я2.

Последний подтип в свою очередь подразделяется на два подвида:

1. Вкрапление – одиночная лексическая единица (морфема или слово) гостевого языка, которая подчиняется грамматическим правилам матричного языка, и не содержит системных морфем гостевого языка. В рассматриваемой книги вкрапления составляют 23,1 % (30 единиц).

«Perhaps I should have given you some warning,» said Reboul, with a shrug, «but I only flew into Los Angeles last night – there's some business I need to attend to here – and I thought I would take the opportunity to come and say ***bonjour***.» He took a card from his top pocket and pushed it across the table [Mayle, 2012, p. 7].

Французское «***bonjour***» (добрый день) является вкраплением так как состоит из содержательной морфемы гостевого языка – существительного и не содержит системных морфем ГЯ.

2. Островные переключения состоят из одной или нескольких содержательных морфем, они могут включать одну или несколько системных морфем ГЯ, например, существительное с артиклем и флексией, существительное с предлогом [Чиршева, 2018, с. 89].

В рассматриваемой книге островные переключения представлены 27,7 % (36 единицами).

Philippe smiled and shrugged. «Some would say ***joie de vivre***, but I have another theory. I think that French drivers suffer from a physical disability: they only have two hands, when, of course, they need three. Smoking and the telephone take up one hand and the other must be kept free in order to make insulting gestures at other drivers who are too fast, too slow, too close, or Belgian.» [Mayle, 2012, p. 37].

Остров «***joie de vivre***» (радость жизни, жизнерадостность) образован при помощи двух существительных и предлога родительного падежа *de*.

Обратимся ко второй группе ПК – в авторском тексте:

А. Межфразовые ПК не обнаружены в авторском тексте.

Б. Внутрифразовые ПК составляют 100 % (136 единиц).

1. Внутрифразовые ПК между частями предложения:

The same three words – ***buvez riez chantez*** – were repeated around all the walls of the upstairs room [Mayle, 2012, p. 36].

Обособленное ПК «***buvez riez chantez»*** (пейте, смейтесь, пойте) представляет собой часть неполного предложения, выраженнго глаголами.

2. Внутрифразовые в обособленном обороте:

A man desperate for a nap, he only just missed falling asleep in his dessert. It wasn't until the early evening, ***l'heure du pastis***, that they settled down on the terrace. Sam collected his thoughts and started at the beginning [Mayle, 2012, p. 88].

Французское ПК «***l'heure du pastis***» (час пастиса) обособляется внутри предложения.

3. Вкрапления представлены 31,6 % (43 единицы).

There is something about eating outside on a fine warm day that brings out the ***raconteur*** in people [Mayle, 2012, p. 101].

ПК представлен существительным ***«raconteur»*** (хороший рассказчик) и не содержит системных морфем.

4. Остров составляет 64,7 % (88 единиц).

Sam considered the pleasing possibility that ***soupe de poissons*** could be a mood-enhancing substance, and had a brief vision of restaurant customers floating back to work after lunch high on fish soup [Mayle, 2012, p. 32].

ПК «***soupe de poissons»*** (Суп де Пуассон) образован при помощи двух существительных и предлога родительного падежа *de*.

Обратимся к рассмотрению ПК первой группы – в речи билингвальных персонажей, выявленных в романе «Корсиканская авантюра»:

А. Межфразовые ПК представлены 14.7 % (16 единиц).

In his brief but charming remarks, Reboul thanked his audience for their support and emphasized that this evening was just a start – the first step on a journey that he hoped would end with a spectacular addition to the delights of his beloved Marseille. «But I'm sure you're all hungry,» he said, looking toward the summer kitchen, «and I can see my friend Alphonse the chef tapping his watch. In my experience, he is not a man to be kept waiting. ***Allons, mes amis! À la bouffe!»*** [Mayle, 2014, p. 31].

Переключение ***«Allons, mes amis!»*** (вперед, мои друзья!) происходит на стыке со следующим предложением и побуждает собеседников к действию. ПК ***«À la bouffe!»*** (за еду!) употребляется между двумя другими предложениями в пределах высказывания одного и того же персонажа. Оба межфразовых ПК являются восклицательными и побуждают собеседников к действию.

Б. Внутрифразовые ПК составляют 85.3 % (93 единицы).

1. Внутрифразовые ПК в обособленном обороте составляют 13.8 % (15 единиц).

He seemed to have shrunk behind the wheel, his face the picture of apprehension. Olivier opened the driver's door and, in his most threatening police manner, told Rocca to get out. «Nobody ever comes down here,» he said, «so we can have a nice quiet chat without being disturbed. ***Bon***, now let me see your driver's license, and give me your cell phone.» [Mayle, 2014, p. 52].

Французское ПК «*bon*» (хорошо) обособляется внутри простого предложения.

2. Внутрифразовые ПК в присоединенной части предложения:

«Let me see what I can find out. Rich Russians in Europe aren't too difficult to track. I'll try to have something for you in a couple of days. Meanwhile, don't do anything I wouldn't do, ***d'accord***?» [Mayle, 2014, p. 24].

ПК ***«d'accord***?» (хорошо?) завершает высказывание говорящего.

3. Внутрифразовые ПК в обращении:

«Well, ***mon vieux,»*** said Hervé, «what have you done now? Too many parking tickets? Assaulted a politician? Been caught pinching girls' bottoms again?» [Mayle, 2014, p. 24].

Внутри предложения употребляется обращение «***mon vieux»*** (старина) присоединяемое к главной части предложения.

4. Вкрапления в простом предложении представлены 33.9 % (37 единиц).

«I think you will enjoy the cheeses. There are three: one soft and creamy; one hard and strong; and one ***cendré***, with a fine dusting of ashes. The combination is subtle and delicious.» [Mayle, 2014, p. 109].

Единица французского языка ***cendré*** (копченый) является вкраплением, так как состоит из содержательной морфемы гостевого языка – прилагательного и не содержит системных морфем ГЯ.

5. Острова в простом предложении составляют 37.6 % (41 единица).

Sam was impressed. «Have you done this sort of thing before?» «Oh, once or twice. Before working for Monsieur Francis, I was a cop. In fact,» he said, putting a finger to his lips, «I've still got my gun. But that's strictly ***entre nous.»*** [Mayle, 2014, p. 51].

Фраза ***entre nous*** (между нами) является островным переключением, потому что состоит из предлога ***entre*** и местоимения ***nous***.

Обратимся ко второй группе ПК – в авторском тексте:

А) Межфразовые ПК не выявлены в данном группе.

Б) Внутрифразовые ПК составляют 100 % (127 единиц).

1. Внутрифразовые ПК в обособленной части предложения:

He embraced Reboul, kissed Elena's hand, shook Sam's, and led them up the beach toward a low, open-fronted shack with tables and chairs arranged under faded canvas umbrellas. A sign hanging above the bar read ***Le Cac Quarante*** and, in smaller letters, ***Les chèques sont pas acceptés*** [Mayle, 2014, p. 22].

Французское предложение ***«les chèques sont pas acceptés***» (чеки к оплате не принимаются) является простым предложением и обособляется внутри другого предложения.

2. Внутрифразовые ПК в обособленном обороте:

They were all, without exception, ***affaires à saisir***, to be snapped up before July and August, when the hot money came down from Paris and people would be fighting – literally fighting – over such highly desirable properties [Mayle, 2014, p. 44].

Выражение «***affaires à saisir»*** (ухватить инвестиционные возможности) обособляется внутри предложения.

3. Внутрифразовые ПК в присоединенной части предложения:

Six months previously, Reboul had allowed his good nature to get the better of him and had agreed to act as host for a dinner in aid of a local charity, ***Les Amis de Marseille*** [Mayle, 2014, p. 28].

ПК ***«Les Amis de Marseille»*** (друзья Марселя) присоединяется к главному предложению и несет в себе дополнительную информацию.

4. Вкрапление в простом предложении составляет 24.4 % (31 единицу).

There were also new museums and exhibition sites, newly created gardens both wet and dry, even a glamorous glass ***ombrière*** to give visitors to the fish market some shelter from the elements, if not from the ripe language [Mayle, 2014, p. 17].

Французская единица «***ombrière***» (навес от солнца) является вкраплением так как состоит из содержательной морфемы гостевого языка – существительного и не содержит системных морфем ГЯ.

5. Остров в простом предложении – 59.1 % (75 единиц).

The ***langoustes*** were fresh, firm, and sweet, served with a mayonnaise almost thick enough to need a knife, made with egg yolks and extra-virgin Corsican olive oil [Mayle, 2014, p. 23].

Единица французского языка ***langoustes*** (лангусты) является островным переключением, потому что в состав слова входит окончание множественного числа – *s*. Внутренний остров ГЯ внешне оформлен при помощи артикля – the матричного языка.

В тексте романов было обнаружено 502 случая употребления переключений кодов, в авторской речи выявлено 263 случая ПК, а в речи персонажей – 239.

По структуре в романе «Марсельская авантюра» в речи билингвальных персонажей (130 единиц) преобладают внутрифразовые ПК в пределах простого предложения – 66 единиц (островов – 36, вкраплений – 30) над внутрифразовыми ПК в обособленных компонентах предложения – 20, и над межфразовыми ПК – 44 единицы.

В авторской речи романа «Марсельская авантюра» (136 единиц) также преобладают внутрифразовые ПК в пределах простого предложения – 131 единица (островов – 88, вкраплений – 43) над внутрифразовыми ПК в обособленных компонентах предложения – 5 единиц.

По структуре в романе «Корсиканская авантюра» в речи билингвальных персонажей (127 единиц) внутрифразовые ПК в пределах простого предложения составляют – 78 единиц (островов – 41, вкраплений – 37), внутрифразовыми ПК в обособленных компонентах предложения – 15 единиц, межфразовых – 16 единиц.

В авторской речи романа «Корсиканская авантюра» (109 единиц) внутрифразовые ПК в пределах простого предложения преобладают – 106 единиц (островов – 75, вкраплений – 31) над внутрифразовыми ПК в обособленных компонентах предложения – 21 единица.

В структуре рассмотренных романов межфразовый тип переключения был представлен только в речи персонажей, что вероятно связано с тем, что употребление гостевых единиц правильно встроенных в матричный язык, требует наибольшей компетенции говорящего, которую могут продемонстрировать билингвальные персонажи.

Внутрифразовые ПК в пределах простого предложения преобладали в обоих романах как в билингвальной, так и в авторской речи, внутри данного подтипа островов было представлено больше, чем вкраплений.

Преобладание внутрифразовых переключений объясняется тем, что автор использует ПК для передачи французских реалий, что особенно заметно при рассмотрении ПК в пределах простых предложений: *Anse des Pêcheurs, La Vallée des Grenouilles, baguette, bouillabaisse rouille, foie gras, calanques, myrte, monsieur.*

Внутрифразовые переключения могут использоваться для передачи идиом, при цитировании. В речи персонажей рассматриваемых романов внутрифразовые переключения представляют самый распространенный структурный тип, использующийся для передачи эмоций, при приветствии, обращении, в присоединяемых частях обособленных предложений [Гунько, 2019, с. 296].

Питер Мейл использует различные по структуре типы ПК в речи своих героев, чтобы подчеркнуть билингвальную компетентность персонажей, которые переключаются с английского на французский язык в разных языковых ситуациях (для передачи эмоций, при приветствии, извинении, обсуждении реалий), так и указать на их способность грамматически корректно строить предложения на обоих языках, учитывая место появления ПК. Употребление ПК также в авторской речи, вероятно, указывает на то, что писатель пытается внедрить читателя в среду своих героев и приблизить их к персонажам, используя ПК при описании реалии, окружающих их.

Библиографический список

1. Бахтикиреева У. М. Особенности художественного текста писателя-билингва // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2004. № 1(2). С. 43-50.

2. Гунько Л. А. Прагматика переключений кодов в романе Питера Мейла «Хороший год» // Актуальные

проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной международной конференции. Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2019. Ч. I. С. 44-49.

3. Гунько Л. А. Структура переключений кодов в речи персонажей романа Питера Мейла «По следу Сезанна» // Лингвистика, переводоведение и методика обучения иностранным языкам : актуальные проблемы и перспективы : сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Орёл : ОГУ имени И. С. Тургенева, 2019. С. 291-297.

4. Исаева М. Г. Кодовые переключения в СМИ : монография. Череповец : ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2012. 162 с.

5. Исаева М. Г. Структурные и функциональные особенности кодовых переключений в глянцевых журналах на итальянском языке // Вестник тверского государственного университета. 2017. № 3. С. 70-75.

6. Кораблева В. В., Логинова Т. Г. Художественный билингвизм В. В. Набокова // Вестник Пермского национального политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. № 1. С. 24-30.

7. Мейл П. Марсельская авантюра : роман. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука – Аттикус, 2013. 256 с.

8. Мейл П. Корсиканская авантюра : роман. Санкт-Петербург : Азбука, Азбука – Аттикус, 2015. 224 с.

9. Мишинцева И. Ю. Передача кодовых переключений при переводе романа Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» // Взаимодействие языков и культур, материалы VI Международной научной конференции. Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. С. 114-121.

10. Синеокова Т. Н., Шмелева Д. Ю. Переключение кода в художественном тексте // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. Нижний Новгород, 2017. Т. 12. № 5. С. 82-91.

11. Чиршева Г. Н. Двуязычная коммуникация : монография. Череповец, 2004. 193 с.

12. Чиршева Г. Н. Детский билингвизм : одновременное усвоение двух языков : монография. Санкт-Петербург : Златоуст, 2012. 488 с.

13. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В. Смешанные высказывания билингвальных детей в русскоязычной семье // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 48. С. 84-97.

14. Чиршева Г. Н., Коровушкин П. В., Мушникова Н. С. Прагматика русско-английских переключений кодов // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 193-199.

15. Grosjean F. Life with two languages: An introduction to bilingualism. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 1982. 370 p.

16. Grosjean F. Bilingualism : A short introduction. In F. Grosjean & P. Li (Eds.), The psycholinguistics of bilingualism. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2012. 256 p.

17. Grosjean F. & Byers-Heinlein K. The listening Bilingual : Speech Perception, Comprehension, and Bilingualism. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2018. 272 p.

18. Gumperz J. J. Language and social identity // Discourse strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 55-99.

19. Le figaro.fr AFP agence. Peter Mayle, le plus provençal des écrivains britanniques, est mort. URL : http://www.lefigaro.fr/livres/2018/01/19/03005-20180119 ARTFIG00176-peter-mayle-le-plus-provencal-des-ecrivains- britanniques-est-mort.php.

20. Mayle P. The Marseille Caper. New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd, 2012. 152 p.

21. Mayle P. The Corsican Caper. New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd, 2014. 116 p.

22. Milroy L., Muysken P. Introduction : Code-switching and bilingualism research // One Speaker, Two Languages. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 1-14.

23. Myers-Scotton C. Duelling Languages : Grammatical Structure in Codeswitching. New York : Clarendon Press, 1997. 285 p.

24. Myers-Scotton C. Multiple voices : An introduction to bilingualism. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.

25. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en Espanol : Toward a Typology of Code-switching // Linguistics. 1980. V. 18. P. 581-618.

26. Souadkia M. Code-switching in bilingual education // Языки. Народы. Культуры: альманах научных статей / отв. ред. Е. С. Михеева. Москва : РУДН, 2017. 304 с.

Reference List

1. Bahtikireeva U. M. Osobennosti hudozhestvennogo teksta pisatelja-bilingva = Peculiarities of a Bilingual Writer’s Fictional Text // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija : Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanija. 2004. № 1(2). S. 43-50.

2. Gun'ko L. A. Pragmatika perekljuchenij kodov v romane Pitera Mejla «Horoshij god» = Code Switch Pragmatics in Peter Mayle’s Novel «A Good Year» // Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki: materialy ezhegodnoj mezhdunarodnoj konferencii. Ekaterinburg: Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 2019. Ch. I. S. 44-49.

3. Gun'ko L. A. Struktura perekljuchenij kodov v rechi personazhej romana Pitera Mejla «Po sledu Sezanna» = Code Switch Structure in the Characters’ Speech in Peter Mayle’s Novel «Chasing Cézanne» // Lingvistika, perevodovedenie i metodika obuchenija inostrannym jazykam: aktual'nye problemy i perspektivy : sbornik materialov I Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Orjol : OGU imeni I. S. Turgeneva, 2019. S. 291-297.

4. Isaeva M. G. Kodovye perekljuchenija v SMI = Code Switches in Mass Media: monografija. Cherepovec :

FGBOU VPO «Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet», 2012. 162 s.

5. Isaeva M. G. Strukturnye i funkcional'nye osobennosti kodovyh perekljuchenij v gljancevyh zhurnalah na ital'janskom jazyke = Structural and Functional Peculiarities of Code Switches in Italian Glossy Magazines // Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 70-75.

6. Korableva V. V., Loginova T. G. Hudozhestvennyj bilingvizm V. V. Nabokova = Artistic Bilingualism of V. Nabokov // Vestnik Permskogo nacional'nogo politehnicheskogo universiteta. Problemy jazykoznanija i pedagogiki. 2015. № 1. S. 24-30.

7. Mejl P. Marsel'skaja avantjura = The Marseille Caper: roman. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka – Attikus, 2013. 256 s.

8. Mejl P. Korsikanskaja avantjura = The Corsican Caper: roman. Sankt-Peterburg : Azbuka, Azbuka – Attikus, 2015. 224 s.

9. Mishinceva I. Ju. Peredacha kodovyh perekljuchenij pri perevode romana G. Fildinga «Istorija Toma Dzhonsa, najdenysha» = Reproduction of Code Switches in the Translation of H. Fielding's Novel «The History of Tom Jones, a Foundling» // Vzaimodejstvie jazykov i kul'tur, materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Cherepovec: Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet, 2017. S. 114-121.

10. Sineokova T. N., Shmeleva D. Ju. Perekljuchenie koda v hudozhestvennom tekste = Code Switch in a Fictional Text // Teoreticheskie i prikladnye aspekty izuchenija rechevoj dejatel'nosti. Nizhnij Novgorod, 2017. T. 12. № 5. S. 82-91.

11. Chirsheva G. N. Dvujazychnaja kommunikacija = Bilingual Communication: monografija. Cherepovec, 2004. 193 s.

12. Chirsheva G. N. Detskij bilingvizm : odnovremennoe usvoenie dvuh jazykov = Child's Bilingualism: Simultaneous Bilingual Development: monografija. Sankt-Peterburg : Zlatoust, 2012. 488 s.

13. Chirsheva G. N., Korovushkin P. V. Smeshannye vyskazyvanija bilingval'nyh detej v russkojazychnoj sem'e = Mixed Utterances of Bilingual Children in a Russian-speaking Family // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 48. S. 84-97.

14. Chirsheva G. N., Korovushkin P. V., Mushnikova N. S. Pragmatika russko-anglijskih perekljuchenij kodov = Pragmatics of Russian-English Code Switches // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 3. S. 193-199.

15. Grosjean F. Life with two languages: An introduction to bilingualism. Cambridge, MA; London : Harvard University Press, 1982. 370 p.

16. Grosjean F. Bilingualism : A short introduction. In F. Grosjean & P. Li (Eds.), The psycholinguistics of bilingualism. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2012. 256 p.

17. Grosjean F. & Byers-Heinlein K. The listening Bilingual : Speech Perception, Comprehension, and Bilingualism. Hoboken, NJ : John Wiley & Sons, 2018. 272 p.

18. Gumperz J. J. Language and social identity // Discourse strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. P. 55-99.

19. Le figaro.fr AFP agence. Peter Mayle, le plus provençal des écrivains britanniques, est mort. URL : http://www.lefigaro.fr/livres/2018/01/19/03005-20180119 ARTFIG00176-peter-mayle-le-plus-provencal-des-ecrivains- britanniques-est-mort.php.

20. Mayle P. The Marseille Caper. New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd, 2012. 152 p.

21. Mayle P. The Corsican Caper. New York : Alfred A. Knopf. Escargot Productions Ltd, 2014. 116 p.

22. Milroy L., Muysken P. Introduction : Code-switching and bilingualism research // One Speaker, Two Languages. Cambridge : Cambridge University Press, 1995. P. 1-14.

23. Myers-Scotton C. Duelling Languages : Grammatical Structure in Codeswitching. New York : Clarendon Press, 1997. 285 p.

24. Myers-Scotton C. Multiple voices : An introduction to bilingualism. Oxford : Blackwell Publishing, 2006. 457 p.

25. Poplack Sh. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en Espanol : Toward a Typology of Code-switching // Linguistics. 1980. V. 18. P. 581-618.

26. Souadkia M. Code-switching in bilingual education // Jazyki. Narody. Kul'tury: al'manah nauchnyh statej / otv. red. E. S. Miheeva. Moskva : RUDN, 2017. 304 s.

УДК 81'366.582

А. Г. Столярова **https://orcid.org/0000-0001-8620-5143**

Особенности восприятия времени через призму грамматических структур

Для цитирования: Столярова А. Г. Особенности восприятия времени через призму грамматических структур // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 134-142.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-134-142

Предметом рассмотрения настоящей статьи является семантика граммем прошедшего времени в русском и корейском языках. Автор ставит перед собой задачу описать и сопоставить наборы (диапазоны) грамматических значений, выражаемых русскими и корейскими формами прошедшего времени. Целью работы является выявление особенностей выражения темпоральных значений грамматическими структурами разных языков, которое могло бы лечь в основу концептуального исследования об особенностях восприятия времени носителями этих языков. Основные источники исследования – грамматические словари русского и корейского языков: «Русская грамматика» под ред. Н. Ю. Шведовой (том 1), «Корейский язык» Ли Иксопа, Ли Санока и Чхэ Вана, «Корейский язык как иностранный. Грамматический словарь» Пэк Пон Чжа и др. В ходе исследования, который представляет собой последовательное описание семантических возможностей граммем прошедшего времени в русском и корейском языках, выясняется, что корейская граммема прошедшего времени является гораздо более сложной в семантическом плане, чем соответствующая граммема в русском языке. В отличие от последней, образующейся в рамках индикатива, тесно связанной со значениями видов глагола и в своей основе реализующей принцип связанности/несвязанности с моментом речи, корейская граммема совмещает в себе как реальные, так и ирреальные (эпистемическая модальность, эвиденциальность) смыслы, разграничивает формы и их значения по принципу наличия/отсутствия длящегося до момента речи результативного состояния, а также ранжирует прошлые события по степени определенности.

Ключевые слова: время, граммема прошедшего времени, грамматическое значение, русский язык, корейский язык, вид глагола, эпистемическая модальность, эвиденциальность, индикатив.

A. G. Stolyarova

Peculiarities of time perception from the perspective of grammar structures

The subject of the article is the semantics of the past tense grammemes in Russian and Korean languages. The author aims to describe and compare sets (ranges) of grammatical meanings expressed by Russian and Korean forms of the past tense. The objective of the research is to identify the features of how grammatical structures of different languages express temporal meanings. In the author's opinion, such work could form the basis for a conceptual study on the features of time perception. The study is based on the material of Russian and Korean explanatory and grammar dictionaries: «Russian Grammar» edited by N. Y. Shvedova (Vol. 1), «Korean Language» by Lee Ikseop, Lee Sanok and Choi Wan, «Korean as a Foreign Language. Grammar dictionary» by Paek Pong Cha et al. The study which is a consistent description of semantic possibilities of the past tense grammemes in Russian and Korean allows for concluding that the Korean past tense grammeme is semantically much more complex than the corresponding grammeme in Russian. Unlike the Russian grammeme which is formed within the framework of the indicative mood closely related to the verb aspect meanings and implements the principle of connectedness/disconnectedness to the moment of speech, Korean grammeme combines both real and unreal (epistemic modality, evidentiality) meanings, distinguishes forms and their meanings by the principle of presence/lack of a resultant state lasting up to the moment of speech, and ranks past events by the degree of certainty.

Keywords: time, grammeme of the past tense, grammatical meaning, Russian language, Korean language, verb aspect, epistemic modality, evidentiality, indicative mood.

Введение

Что представляют собой топологические свойства времени, находящие выражение языке? Согласно исследованиям, единое целое – время – следует рассматривать как взаимодействие онтологических антиномий, дихотомий времени: одномерности (линейности) и многомерности; однонаправленности (от прошлого к будущему) и разнонаправленности; необратимости и обратимости; непрерывности, континуальности (течение) и пре-

© Столярова А. Г., 2020

рывности, дискретности (отрезки времени), продолжительности, длительности и чередования, последовательности явлений и т. д. [Михеева, 2003]. Эти универсальные черты проявляются в языке в виде «однонаправленности от прошлого к будущему (прошедшее, настоящее и будущее время), временного порядка и причинно-следственной связи (*вчера, сегодня, завтра; молодой, зрелый, старый*), причем временной порядок находит отражение как в лексике, так и в грамматическом времени (вид, время), ассиметричности (*до* и *после*), одновременности […], течении времени (*раньше / позже*) с точкой отсчета (*тогда, сейчас, потом*), ритме (*быстро / медленно*), скорости (*долго, скоро* и другие наречия протекания действия), последовательности и т. д.» [Михеева, 2003, с. 70-71].

Познание временных свойств мира человеком происходит параллельно с развитием мышления, закрепляясь в системе языка. Вместе с тем время, как любая универсальная категория, «не гарантирует единообразия, как вариативность не предполагает отсутствия универсалий» [Михеева, 2003, с. 54]. Общая модель временных отношений отражается в сложной сети временных значений, которые, даже выступая как инварианты категории времени, тем не менее, распределяются по средствам выражения различным образом, что проявляется, в том числе, в виде ориентации глагольной системы языка на выражение аспектуальных, темпоральных или модальных значений [Bhat, 1999], [Урманчиева, 2006].

Большинство лингвистов рассматривает время как глагольную категорию. Это справедливо, так как именно действие, а не предмет, обладает свойством протекания во времени, совершения. Время – это процесс, а «понятие процесса – семантическая основа глагола как части речи» [Михеева, 2003, с. 73]. Между глаголом и действием устанавливается когнитивная связь двух типов. В дейктической плоскости это отнесенность события на временной оси, его принадлежность плану прошлого, настоящего или будущего. С точки зрения грамматики эта плоскость находит выражение в системе глагольных времен. В другой плоскости действие воспринимается как продолжительный (дуративный) либо непродолжительный (пунктирный) процесс, что в языке закрепляется в виде способов глагольного действия [Менгель, 2007].

Несмотря на универсальность восприятия событий как предшествующих настоящему моменту, соответствующих ему или следующих за ним, грамматическое время в языках не всегда соответствует схеме «прошлое-настоящее-будущее», что вынуждает исследователей прибегать к созданию особой системы лингвистического времени, отличного от реального. Так, в лингвистическое время включаются подсистемы вида, последовательности (привязка событий во времени относительно друг друга), отмечается необходимость учета соотнесенности глагольного действия с точкой отсчета [Золотова, 1975]. Применительно к русскому языку (и шире – к славянским языкам) утверждение о включенности в лингвистическое время категории аспектуальности имеет принципиальное значение, поскольку, по мнению исследователей, оппозиция «совершенный вид – несовершенный вид», охватившая практически всю глагольную лексику, превратила вид в «новую форму времени в языке, значение которой заключается в отражении качественного воздействия на процесс» [Михеева, 2003, с. 76]. С. Менгель путем диахронического анализа форм прошедшего времени в восточнославянских языках приходит к выводу, что в русском, украинском и белорусском языках не существовало разветвленной сети прошедших времен, а процесс протекания действия во времени отражался и отражается с помощью описания способа действия, аспектуальности. Исследователь объясняет данный феномен тем, что сознание восточных славян воспринимает действие в первую очередь как продолжительный или непродолжительный процесс и лишь затем – как процесс, происходящий в прошлом, настоящем или будущем [Менгель, 2007].

Обязательность категории вида в славянских языках обуславливает высокую степень абстрактности, грамматической формальности категориальных видовых значений, формирующих ФСП лимитативности, длительности, кратности, фазовости, перфектности, а также поля действия (акциональность), состояния (статальность) и отношения (реляционность). Данные значения конкретизируются и обогащаются через воздействие лексики и контекста, но «сами по себе […] не заключают […] такого смыслового содержания, которое постоянно и регулярно осознавалось бы говорящими как мотивированный элемент речевого смысла» [Бондарко, 1990, с. 22].

Лингвистическое время (а также его отдельные части – прошедшее, настоящее, будущее) в языках может иметь совершенно разную природу, отражающую особенности познания мира и времени тем или иным народом. Для описания концептуального содержания грамматической формы Д. А. Разоренов вводит термин «грамматический концепт» и утверждает, что грамматические концепты «не только фиксируют уникальный общественно-исторический опыт […] национальной общности, но и придают специфический колорит той модели мира, которая порождается опреде-

ленным образом жизни и уникальной национальной культурой этого народа» [Разоренов, 2010, с. 73]. Тот факт, что даже генетически близкие языки проявляют значительные различия в области отражения процесса протекания действия во времени, свидетельствует о когнитивных различиях в восприятии сути данного феномена. «При несомненно важной роли характеристик физических, психических, общечеловеческих лингвист должен прежде всего рассматривать время как грамматическую категорию в данном языке, имеющем свои особенности» [Скубриева, 2013].

Морфологическая закрепленность означает не только обязательность выражения тех или иных аспектов действительности (например, отнесенности события во времени), но и определенную степень ограниченности видения мира рамками представленных в языке категорий: «язык как бы накладывает некоторые объективные ограничения на возможности выбора» [Кубрякова, 2004, с. 313], вынуждая говорящего выражать те характеристики, «которые, может быть, и не входили в его первоначальный коммуникативный замысел» [Плунгян, 2011].

«Задает ли язык структуру и специфику временных диспозиций, или же он ее лишь фиксирует? […] Нет сомнения, что все люди одинаково переживают время на психологическом уровне, но мировоззренческий и онтологический уровень его понимания по каким-то причинам различается. […] Мы можем лишь констатировать, что время и язык – модусы друг друга, это подтверждается тем фактом, что сквозь грамматические структуры разных языков время просматривается поразному» [Медова, 2014, с. 143].

Чтобы продемонстрировать ограничения, налагаемые грамматикой на процесс восприятия и осмысления времени, обратимся к анализу и сопоставлению диапазонов грамматических значений прошедшего времени в русском и корейском языках.

Значения граммем прошедшего времени в русском и корейском языках

Категориальным значением форм прош. вр. является значение предшествования по отношению к грамматической точке отсчета. В русском языке в качестве грамматических средств выражения семантики прошлого используются суффикс прош. вр. *-л-*, присоединяющийся к основе инфинитива/прош. вр., а также показатели рода и числа. Наряду с показателями наст. и буд. вр., показатели прош. вр. выступают также маркерами изъявительного наклонения.

Глаголы СВ и НСВ для образования прош. вр. используют одну и ту же морфологическую форму. Различия в типах употребления видов обусловлены категориальными видовыми значениями: глаголы СВ выступают в перфектном типе употребления, что подразумевает тесную связь между временными планами – прошлым и настоящим; глаголы НСВ, наоборот, маркируют действие в прошлом, как правило, не связанное с настоящим [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 627]. (*Пр.: Попробуй только ослушаться, немедленно Клавдию Петровичу расскажу, кто портрет* ***спрятал****… Я видел вчера, как ты его* ***прятал****. (А. Н. Толст.))*

Для форм любого из времен – прошедшего, настоящего, будущего простого и будущего сложного – существует прямое и переносное употребление. При прямом употреблении категориальное значение грамматической формы времени не противоречит контексту (*Я иду в парк.*), при переносном – категориальное значение глагольной формы не соответствует значению контекста (*Еду я вчера в автобусе…*). В формах прош. вр. прямое употребление характерно для глаголов обоих видов, а переносное – только для глаголов СВ.

Типами прямого употребления глаголов СВ являются:

1. перфектное (действие относится к плану прошлого, а его результат – к плану настоящего; особой разновидностью перфектного употребления считаются случаи, когда результат действия относится не к настоящему, а к более позднему временному плану прошлого) (*Пр.: Я один, я спать* ***услал*** *ученика. (Б. Паст.) Я спал.* ***В ту ночь*** *мой дух дежурил. /* ***Раздался*** *стук.* ***Зажегся*** *свет. / В окно врывалась повесть бури. /* ***Раскрыл****, как был, – полуодет. (Б. Паст.))*

2. аористическое (обозначения действия в прошлом без указания на его наличный результат; часто встречается при повествовании о сменяющих друг друга фактах) (*Пр.: Как воды* ***набрала*** *в рот, / Взор* ***уперла*** *в потолок. (Б. Паст.) Мы время по часам* ***заметили*** */ И кверху* ***поползли*** *по склону. (Б. Паст.))*

Типами переносного употребления глаголов СВ являются:

− форма прош. вр. в контексте будущего (действие предстает уже осуществившимся, что может указывать на уверенность говорящего в его осуществлении или на его отрицание) (*Пр.: Дорогой самодержец, мы* ***пропали****. (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию») Ну, все, я* ***пошел****! Так я тебе и* ***поверил****!*)

− форма прош. вр. в контексте настоящего абстрактного (наглядная конкретизация обычного

действия) (*Пр.: Бывает так:* ***проснулся*** *ночью / Без всяких видимых причин / И* ***понял*** *совершенно точно, / Что ты один, один, один. (С. Строганов))*

Глаголы НСВ прош. вр. в прямом употреблении, как правило, имеют значения, соотносимые с категориальными значениями вида:

− действие в процессе протекания *(Пр.: Два часа* ***объяснял*** *правило.*)

− действие в его неограниченной повторяемости *(Пр.: А там и рассвет* ***занимался****. До двух / Несметного неба* ***мигали*** *богатства, / Но вот петухи* ***начинали*** *пугаться / Потемок и* ***силились*** *скрыть перепуг… (Б. Паст.))*

− действие в его постоянном существовании *(Пр.: Лес* ***тянулся*** *на север, и* ***не было*** *ему ни края, ни исхода.)*

− действие как обобщенный факт *(Пр.: Ты* ***смотрел*** *последний фильм Тарантино?)*

В переносном употреблении глаголы НСВ прош. вр. встречаются лишь в чрезвычайно редких случаях.

Таким образом, в русском языке время вообще и прош. вр., в частности, семантически и формально тесно связано с категорий вида. «Парадигма времени зависит от вида. Закономерности употребления видов в изъявительном наклонении во многом зависят от выражения в разных временах единичных (неповторяющихся) действий или действий повторяющихся, обычных, типичных» [Русская грамматика, Т. 1, 1980, с. 640]. С. Менгель, анализируя способы отражения протекания действия во времени в славянских языках, также приходит к выводу, что в русском языке характеристика действия с точки зрения вида оказывается более значимой, чем характеристика с точки зрения времени. «Отнесение действия в прошлое маркируется единственно формой на *-л-*. Напротив, описание способов протекания действия во времени как отражение дуративных или пунктирных процессов широко представлено помимо компонентов лексической семантики соответствующих глаголов использованием дополнительных лексических языковых средств и транспозиционным употреблением всевозможных форм глагола с учетом их грамматического и лексического значения» [Менгель, 2007, с. 29]. По мнению исследователя, выбор именно таких языковых средств соответствует потребностям носителей русского языка при выражении «специфических нюансов и модификаций языковой картины мира» [Менгель, 2007, с. 29].

В корейском языке в качестве маркеров прош. вр. используются глагольные суффиксы −았/었/였−, −았/었/였었− и −더−, обозначающие три разных типа восприятия прошлого. Следует также отметить, что глагольная система корейского языка существенным образом отличается от глагольной системы русского. Корейский глагол как часть речи состоит из 2 разрядов – глаголов действия (동작동사) и глаголов состояния (상태동사). Первые представляют собой глаголы, типичные для русского языка (читать 읽다, жить 살다, идти 가다, быть 있다 и т. д.), а вторые – то, что в русском языке является прилагательным и категорией состояния (большой 크다, красный 빨갛다, интересный 재미있다, мрачный 캄캄하다, облачно 흐리다, холодно 춥다 и т. д.). Не развив самостоятельной части речи, категориальным значением которой можно было бы назвать обозначение признака, корейский язык осмыслил признаки как внутренние действия, поэтому точным переводом приведенных выше примеров было бы «быть большим», «быть красным», «интерес есть», «делать (себя) темным», «быть облачным», «быть холодным».

Суффикс прошедшего времени −았/었/였− реализует, по мнению корейского исследователя Пэк Пон Чжа [백봉자, 2015, с. 7-9], 4 значения:

1. завершенное действие в настоящем или прошлом (*Пр.:* 기차가 서울역에 **지금 막 도착했읍니다**. *Поезд* ***только что прибыл*** *на Сеульский вокзал.)*

2. состояние завершенного действия (*Пр.:* 할머니는 이모 집에 **가셨읍니다**. *Бабушка* ***пошла*** *в дом тети.* В настоящий момент осуществляется состояние пребывания в доме тети.)

3. состояние в прошлом (Пр.: 시험이 끝나서 우리는 **한가했다**. Мы **были свободны**, потому что закончились экзамены.)

4. предположение о том, что действие в будущем будет обязательно совершено (переносное значение формы прош. вр.; модальное значение уверенности в осуществлении действия через представление его уже осуществившимся) (*Пр.:* 공부를 안 했으니 시험 잘 보기는 **틀렸지요**? *Ты не учился, поэтому [можно заранее считать, что]* ***провалил*** *экзамен.)*

По мнению Ли Чунмина [Lee Chungmin, 1987], простая форма прош. вр. (simple past form) – 았/었/였 – обозначает событие в прошлом, эффект которого постоянно ощущается вплоть до настоящего момента. Такое сохранение эффекта действия или события особенно очевидно в тех случаях, когда его результативное состояние

(result state) заметно в силу семантических особенностей глагола. (*Пр.:* (나는) 감기에 **걸렸다**. *(Я)* ***простудился.)***

Глаголы с заметным результативным значением (늙었다 состарился, 밝았다 осветился и т. д.) практически во всех случаях даже в форме прош. вр. обозначают длящееся результативное состояние, поэтому такие глаголы, как 사귀다 («общаться, состоять в отношениях с кем-л.»), присоединяя суффикс −았/었/였− со значением завершенности, способны сочетаться в одном предложении с показателями длительности. (*Пр.:* 나는 그 여자와 **2년전부터 사귀었다**. *Я* ***встречался (начал встречаться)*** *с этой женщиной* ***в течение последних 2 лет***. Дословный перевод данного примера на русский невозможен из-за видо-временной системы, которая не позволяет объединить в одном предложении значения продолжительности и результативности.) Особый статус таких глаголов подчеркивают и корейские исследователи Ли Иксоп, Ли Санок и Чхэ Ван [Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван, 2005]. Также приводя в пример глагол 늙다 «старый, быть старым», они замечают, что он «не может конкретно назвать какое-либо событие или действие, поэтому форма 늙었다 не может обозначать действия или состояния, относящегося к прошлому, а обозначает нынешнее, „настоящее" состояние» [Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван, 2005, с. 245].

Не столь очевиден эффект продолженного результативного состояния, когда суффикс −았/었/였− присоединяют обычные глаголы действия. В этом случае можно говорить не о состоянии, а о длящемся (продолженном) восприятии действия или события. (*Пр.:* 내가 그렇게 **말했니**? *Я так* ***сказал****?* Я не думаю, что я так сказал, но если это правда, я должен быть ответственным за свои слова в настоящий момент.)

Таким образом, можно заключить, что значением суффикса прош. вр. −았/었/였− в широком смысле является «завершенность», которая в случае с глаголами действия подразумевает не абсолютное прекращение действия или события, а их переход в стадию результативного длящегося состояния, что обусловливает обязательную связь плана прошлого, выражаемого глаголом, с настоящим. Иными словами, любое действие и состояние в корейском языке, привязанное ко времени с помощью суффикса −았/었/였−, понимается как продолженное. Это возможно благодаря тому, что корейский язык осмыслил состояние как осуществление внутреннего действия и сделал этот смысл одним из принципов своей глагольной системы.

Единство действия и состояния прослеживается также и в том, что в атрибутивной позиции глаголы действия в прош. вр. присоединяют то же окончание, что и глаголы состояния в настоящем. (*Пр.:* 숨**는** 아이 *прячущийся ребенок*; форма숨는 образована от глагола действия숨다 «прятаться» с помощью окончания причастия наст. вр. −는; 작**은** 집 *маленький дом*; форма작은 образована от глагола состояния 작다 «маленький» с помощью окончания причастия наст. вр. −은; 숨**은** 아이 *спрятавшийся ребенок*; форма숨은образована от глагола действия 숨다 «прятаться» с помощью окончания причастия прош. вр. −은; 작**던** 집 *дом, который был маленьким*; форма작던 образована от глагола состояния 작다 «маленький» с помощью окончания причастия прош. вр. −던).

Понимание продолженности как состояния, а не как действия, важно учитывать еще и потому, что при беглом знакомстве с корейским языком может показаться, будто его временные формы обязательно характеризуют действие с точки зрения аспекта. Время и аспектуальность действительно связаны и часто их значения «соседствуют» в одном предложении, однако в корейском языке, в отличие от русского, нет видо-временной системы, лишь временна́я, значение времени является обязательным, а значение аспекта – опциональным, факультативным. Например, длительное действие в прошлом можно обозначить как глаголом с суффиксом −았/었/였− (어제 책을 **읽었다**. *Вчера* ***читал*** *книгу.*), так и с помощью конструкции −고 있었다 (어제 하루 종일 책을 **읽고 있었다**. *Вчера весь день* ***читал*** *книгу.*). Последняя используется в том случае, если длительность действия необходимо подчеркнуть. Иными словами, говорящий *сознательно* выбирает эту форму для обозначения длительности, поэтому выражаемое ею значение нельзя признать регулярным. С другой стороны, оформление причастия от глагола действия в прош. вр. и причастия от глагола состояния в наст. вр. одним окончанием −(으)ㄴ носит регулярный характер, то есть является обязательным. Это свидетельствует о том, что первичным, основным значением продолженности в прош. вр. является именно продолженность в качестве состояния, а не продолженность как длительность процесса осуществления действия.

Второй суффикс прош. вр. −았/었/였었− образуется путем удвоения простой формы и выражает, в разной терминологии, преждепрошедшее, давнопрошедшее, прошлое завершенное время. Пэк Пон Чжа считает, что эта форма обозначает событие, содержание которого отличается от ситуации в настоящем или мыслится как оторванное от него [백봉자, 2015, с. 10]. (*Пр.:* 누가 **왔었어요**? *Кто* ***приходил****?* К настоящему моменту приходивший уже ушел.) Нетрудно заметить, что значение данного суффикса соответствует значению аннулированного результата – одному из значений формы НСВ прош. вр. в русском языке. (*Пр.:* 그는 지난 달에 제주도에 **갔습니다**. *В прошлом месяце он* ***поехал*** *на остров Чэджу.* Он все еще на острове Чэджу или в другом месте (но не дома), либо нам неизвестно, что происходило после его отъезда. 그는 지난 달에 제주도에 **갔었습니다**. *В прошлом месяце он* ***ездил*** *на остров Чэджу.* Он уже вернулся с острова Чэджу.)

Нельзя утверждать, что удвоенная форма прош. вр. обозначает событие или действие, не связанное с планом настоящего или моментом речи. Даже в том случае, если действие и результирующее состояние не продолжались, результат прошлого события может относиться к событиям, происходящим в момент речи. (*Пр.:* 사장님, 아까 거래처에게서 **전화가 왔었습니다**. *Директор, недавно [вам]* ***звонил*** *клиент.* Результат действия аннулирован: в данный момент клиент не звонит, однако сам факт этого сообщения говорит о том, что от директора ожидается реакция, например, в виде требования перезвонить клиенту, поэтому ситуация в прошлом связана с ситуацией в настоящем самым непосредственным образом.)

Исходя из этих соображений, мы считаем, что значением данной формы является не «несвязанность» события или действия в прошлом с моментом речи, а именно их «непродолженность», смена ситуации на противоположную, а также утверждение, что с момента события до момента речи прошло определенное количество времени.

Особой формой прош. вр. является также сочетание суффикса −았/었/였− с суффиксом прогностического наклонения -겠-. Последний добавляет к значению прош. вр. значение предположительности, поэтому форма −었(았/였)겠− представляет собой модальную форму прош. вр. (*Пр.:* 그 청년은 이제 의사가 **되었겠습니다**. *Тот молодой человек теперь, наверное,* ***стал*** *врачом.)*

Отличительной особенностью корейского языка, по сравнению с русским, является включение в ряды показателей прош. вр. эвиденциального суффикса −더−. По словам Пэк Пон Чжа, этот суффикс используется в тех случаях, когда говорящему необходимо описать свои воспоминания о личном опыте прошлого [백봉자, 2015, с. 11]. В предложении данный суффикс реализует себя в виде финитных конструкций −더군(요), −었(았/였)더군(요), −더라, −더라고요, −던가요?, соединительных конструкций −더니, −었(았/였)더니, −던데, −더라도, −더라면 и причастных окончаний −던, −었(았/였)던. Его основным значением является прямая личная засвидетельствованность (обычно визуальная) события, действия или признака, имевшего место в прошлом. (*Пр.:* 비가 **오더라**. *[Я видел, что]* ***шел*** *дождь.*아버지는 화가 많이 **나셨더군요**. *[Я видел, что] отец сильно* ***рассердился****.)*

Из самого феномена наблюдения явствует, что выступать свидетелем говорящий может лишь в том случае, если он наблюдает событие или действие со стороны, поэтому для конструкций с эвиденциальными маркерами типично субъектное ограничение на использование в предложении 1 лица. Это ограничение нарушается только тогда, когда говорящий сообщает о своих эмоциях, чувствах и ощущениях. С другой стороны, невозможно лично наблюдать за эмоциями, чувствами и ощущениями других людей «изнутри», поэтому на суффикс −더− накладывается также ограничение на использование с глаголами внутреннего состояния в предложении с субъектом в 3 лице. Если последнее необходимо, используется конструкция −겠더− со значением догадки, основанной на личных наблюдениях (см. ниже). (*Пр.:* 내가 **어지럽더라**. *У меня кружилась голова.* 미아가 **어지럽겠더라**. *У Мии,* ***должно быть, кружилась голова****.)*

Как видим, суффикс −더− способен сам по себе, без сочетания с суффиксом прош. вр. −았/었/였−, обозначать отнесенность содержания высказывания к плану прошлого. Значением суффикса прош. вр. здесь является указание не на прошлое, а на завершенность события и продолженность его в виде результирующего состояния, которое наблюдал говорящий. (*Пр.:* 약국이 문을 **닫더군요**. *[Я видел, как] аптека* ***закрывалась****.* 약국이 문을 **닫았덕군요**. *[Я видел, что] аптека* ***закрылась****.* В первом случае говорящий сообщает о том, что видел процесс закрывания дверей, а во втором – что видел результат (результирующее состояние) – закрытые двери.)

Однако не во всех случаях конструкция −었(았/였)더− обозначает прямую личную засвидетельствованность. Наряду с конструкциями −겠더−, −었(았/였)겠더− она может маркировать т. н. инферентив, умозаключение или догадку, основанную на личном наблюдении косвенных свидетельств события. (*Пр.:* 비가 **왔더라**. *[На основе моих личных наблюдений результата (например, влажной земли) я заключаю, что]* ***был/прошел*** *дождь.)* Суффикс эпистемической модальности −겠− добавляет к значению эвиденциальности значение оценки говорящим истинности пропозиции. (*Пр.:* 비가 **왔겠더라**. *[Судя по наблюдениями, предполагаю, что],* ***должно быть, был/прошел*** *дождь.)*

Можно заметить, что значение инферентивной эвиденциальности должно регулярно сопровождаться модальным значением уверенности/неуверенности, поскольку говорящий наблюдает лично не сам факт события, а лишь его косвенные признаки. По замечанию В. А. Плунгяна, «эвиденциальная семантика в них [показателях инферентива], как правило, не отделена от модальной семантики, а именно, семантики *эпистемической оценки* (или оценки степени достоверности высказывания). Прагматические основания для такой близости вполне понятны: информация, полученная говорящим не в результате непосредственного синхронного наблюдения за ситуацией, оценивается им как менее достоверная. Более осторожная формулировка предполагала бы здесь даже не понятие "недостоверности", а скорее понятие "эпистемической дистанции" говорящий как бы снимает с себя ответственность за истинность сказанного, поскольку соответствующая информация не входит в его личную сферу и он не может, так сказать, выступить ее гарантом» [Плунгян, 2011]. Схожие наблюдения находим у Ли Чунмина. По его словам, «интересным аспектом эвиденциального показателя −더− является то, что в разговоре он часто выступает показателем достижения правомерности [высказывания], объективности и дистанцированности [от ситуации]» [Lee Chungmin, 2010, с. 195].

Категория эвиденциальности в корейском языке представляет собой отражение того, насколько важной является для корейского сознания степень оценки говорящим определенности прошлого события. Так, например, Ли Чунмин считает, что наибольшей степенью определенности (100 %) обладают утвердительные финитные окончания (*Пр.:* 비가 **왔다**. ***Был/Прошел*** *дождь.*), чуть меньшей (95 %) – суффикс прямой личной засвидетельствованности −더− (*Пр.:* 비가 **오더라**. *[Я видел, что]* ***шел*** *дождь.*), еще меньшей (70 %) – суффикс эпистемической модальности −겟− (*Пр.:* 비가 **왔겠다**. ***Должно быть, был/прошел*** *дождь.*), наименьшей (66,5 %) – сочетание суффиксов в конструкциях −겠더− и −었(았/였)겠더− (*Пр.:* 비가 **왔겠더라**. *[Судя по моим наблюдениям],* ***должно быть, был/прошел*** *дождь.*). Результат «66,5 %» Ли Чунмин получает путем умножения степеней определенности суффиксов −겠− и −더− (0,70 x 0,95 = 0,665), поскольку считает, что в данном случае имеет место эффект двойной модализации (эпистемическая модальность + эвиденциальность) описываемой ситуации [Lee Chungmin, 2010, с. 196].

Результаты

При сопоставлении семантических диапазонов граммем прош. вр. в русском и корейском языках видим, что спектр смысловых доминант граммемы прош. вр. в корейском языке гораздо шире, чем в русском.

− Граммема прош. вр. в русском языке реализуется в рамках индикатива, то есть ориентирована на реальные смыслы, в то время как корейская граммема прош. вр. совмещает смыслы индикатива (−았/었/였−, −았/었/였었−), эпистемической модальности (−었(았/였)겠−, −겠더−, −었(았/였)겠더−) и эвиденциальности (−더−, −었(았/였)더−, −겠더−, −었(았/였)겠더−), то есть ориентирована как на реальные, так и на ирреальные смыслы.

− В русском языке в основе разграничения форм прош. вр. лежит принцип связанности/несвязанности с планом настоящего и моментом речи: глаголы СВ могут быть связанными (перфектное значение) и несвязанными (аористическое значение) с моментом речи; глаголы НСВ, как правило, не связаны с моментом речи. В корейском языке в основе разграничения форм лежит принцип наличия/отсутствия длящегося до момента речи результативного состояния или восприятия: у форм −았/었/였− есть результативное состояние, у форм −았/었/였었− его нет.

− В русском языке граммема прош. вр. тесно связана со значениями видов: СВ реализует значения результативности, завершенности, единичности, перфектности, аористичности; НСВ – процессуальности, многократности, постоянства существования, фактичности, аористичности. В корейском языке основными значениями граммемы прош. вр. являются завершенность действия, завершенность состояния, продолженность действия в виде результативного состояния, аннулированный результат (смена ситуации

на противоположную). Завершенное действие продолжается в виде результативного состояния или эффекта продолженного восприятия. Значения действия и состояния как внутреннего действия, завершенности и продолженности слиты в одной морфологической форме.

Помимо вышеперечисленных, граммема прош. вр. в корейском языке обладает рядом значений, эквиваленты которым в русском языке отсутствуют:

− преимущественная связанность с более поздним временем, чем время события или действия (лишь форма с суффиксом −았/었/였었− может быть охарактеризована как связанная или несвязанная через результат с последующим временем; форма с суффиксом −았/었/였− всегда связана с ним результирующим состоянием; эвиденциальные формы связаны моментом личного наблюдения ситуации или ее результата говорящим);

− указание на источник сведений о прошлом (прямой личный доступ: −더−, −었(았/였)더−; непрямой личный доступ, инферентив: −겠더−, −었(았/였)더−, −었(았/였)겠더−);

− ранжирование прошлых событий по степени определенности с помощью утвердительных финитных окончаний −았/었/였− и −았/었/였었−(100 %), модального суффикса −겟− (70 %) и эвиденциальных показателей −더− (95 %) и −겠더− (66,5 %).

Заключение

Проведенный анализ граммем прош. вр. в русском и корейском языках выявил несовпадения в наборах выражаемых ими грамматических значений. На наш взгляд, данные несовпадения дают основания предположить не только существование отличий в восприятии времени русским и корейским сознанием, но и корреляцию этих отличий с особенностями грамматического выражения темпоральных значений на концептуальном уровне. Таким образом, результаты исследования открывают возможность дальнейших русско-корейских лингвокультурных сопоставлений в концептуальном поле времени.

Библиографический список

1. Бондарко А. В. О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4. С. 5-24.

2. Золотова Г. А. Аспекты изучения категории глагольного времени // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1975. Т. 34. № 3. С. 248-258.

3. Кубрякова Е. С. Язык и знание : На пути получения знаний о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Рос. академия наук. Ин-т языкознания. Москва : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

4. Ли Иксоп, Ли Санок, Чхэ Ван. Корейский язык. Москва : РОО «Первое Марта», 2005. 484 с.

5. Медова А. А. Сознание в модусе времени. Москва : NONA BENE, 2014. 220 с.

6. Менгель С. Отражение протекания действия во времени в языке восточных славян // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 14-31.

7. Михеева Л. Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново : Иван. гос. ун-т, 2003. 252 с.

8. Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику : грамматические значения и грамматические системы языков мира. Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2011. 672 с.

9. Разоренов Д. А. Грамматический концепт «время» в английском языке // Филологические науки. 2010. № 3. С. 70-76.

10. Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. / под ред. Н. Ю. Шведовой. Москва : Наука, 1980. 789 с.

11. Скубриева А. И. Категория времени в логико-философском и лингвистическом аспектах // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 7-2. URL: https://vivliophica.com/articles/linguistics/652836 (дата обращения: 21.02.2020) .

12. Урманчиева А. Ю. Время, вид или модальность? Глагольная система энецкого языка // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 84-100.

13. Bhat D. N. S. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999. 198 p.

14. Lee Chungmin. Evidentials and Epistemic Modal in Korean: Evidence from Their Interactions. PACLIC (2010). P. 193-202.

15. Lee Chungmin. Temporal expressions in Korean // The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics, John Benjamins. Verschueren and Bertuccelli-Papi (eds). 1987. P. 435-453.

16. 백봉자. 외국어로서의 한국어 문법 사전. 서울: (주)도서출판 하우, 2015. 461 페이지. (Пэк Бон Чжа. Корейский язык как иностранный. Грамматический словарь. Сеул: Изд-во Хау, 2015. 461 с.)

Reference List

1. Bondarko A. V. O znachenijah vidov russkogo glagola = On the Meaning of the Russian Verb Aspect // Voprosy jazykoznanija. 1990. № 4. S. 5-24.

2. Zolotova G. A. Aspekty izuchenija kategorii glagol'nogo vremeni = Dimensions of the Verb Tense Study // Izv. AN SSSR. Serija literatury i jazyka. 1975. T. 34. № 3. S. 248-258.

3. Kubrjakova E. S. Jazyk i znanie: Na puti poluchenija znanij o jazyke : Chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira = Language and Knowledge: on the Way to Gaining the Knowledge of the Language: Parts of Speech in Terms of Cognition // Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. Moskva : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004. 560 s.

4. Li Iksop, Li Sanok, Chhje Van. Korejskij jazyk = The Korean Language. Moskva : ROO «Pervoe Marta», 2005. 484 s.

5. Medova A. A. Soznanie v moduse vremeni = Consciousness in the Time Mode. Moskva : NONA BENE, 2014. 220 s.

6. Mengel' S. Otrazhenie protekanija dejstvija vo vremeni v jazyke vostochnyh slavjan = Reflection of the Action Temporal Progress in the Language of Eastern Slavs // Voprosy jazykoznanija. 2007. № 6. S. 14-31.

7. Miheeva L. N. Vremja v russkoj jazykovoj kartine mira = Time in the Russian Linguistic World Image. Ivanovo : Ivan. gos. un-t, 2003. 252 s.

8. Plungjan V. A. Vvedenie v grammaticheskuju semantiku : grammaticheskie znachenija i grammaticheskie sistemy jazykov mira = Introduction to Grammatical Semantics: Grammatical Meanings and Grammar Systems of World's Languages. Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2011. 672 s.

9. Razorenov D. A. Grammaticheskij koncept «vremja» v anglijskom jazyke = The Grammatical Concept of 'Time' in the English Language // Filologicheskie nauki. 2010. № 3. S. 70-76.

10. Russkaja grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija = Russian Grammar. Volume 1. Phonetics, Phonology, Stress, Intonation, Stem Composition, Morphology / pod red. N. Ju. Shvedovoj. Moskva : Nauka, 1980. 789 s.

11. Skubrieva A. I. Kategorija vremeni v logiko-filosofskom i lingvisticheskom aspektah = The Category of Time in the Logical-philosophical and Linguistic Aspects // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2013. № 7-2. URL: https://vivliophica.com/articles/linguistics/652836 (data obrashhenija: 21.02.2020) .

12. Urmanchieva A. Ju. Vremja, vid ili modal'nost'? Glagol'naja sistema jeneckogo jazyka = Tense, Aspect, or Modality? The Verbal System of the Enets Language // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 4. S. 84-100.

13. Bhat D. N. S. The prominence of tense, aspect, and mood. Amsterdam, 1999. 198 p.

14. Lee Chungmin. Evidentials and Epistemic Modal in Korean: Evidence from Their Interactions. PACLIC (2010). P. 193-202.

15. Lee Chungmin. Temporal expressions in Korean // The Pragmat. Perspective: Selected Papers from 1985 Int'l Conference on Pragmatics, John Benjamins. Verschueren and Bertuccelli-Papi (eds). 1987. P. 435-453.

16. 백봉자. 외국어로서의 한국어 문법 사전. 서울: (주)도서출판 하우, 2015. 461 페이지. (Pjek Bon Chzha. Korejskij jazyk kak inostrannyj. Grammaticheskij slovar'. Seul: Izd-vo Hau, 2015. 461 s.)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 008

Т. С. Злотникова **https://orcid.org/0000-0003-3481-0127**
М. А. Соболева **https://orcid.org/0000-0003-0536-1561**

Мотив двойничества в художественном мире Д. Рубиной

Для цитирования: Злотникова Т. С., Соболева М. А. Мотив двойничества в художественном мире Д. Рубиной // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 143-148.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-143-148

К проблеме двойственности модели мира и двойственности сознания человека на протяжении веков обращались многие представители как науки, так и культуры. Начиная с античности и по сей день над этой проблемой размышляли и продолжают размышлять писатели, создавая в своих произведениях множественную реальность (двоемирие или «многомирие») и образы персонажей-двойников. Особое значение имеет то, что двойничество как мотив творчества сопровождает бытие представителей сферы художественного творчества: артистов, писателей, художников. Проблеме двойничества в настоящее время уделяется достаточно большое внимание, вместе с тем, почти всеми исследователями признается важность ее мифологической составляющей, но недостаточно последовательно изучается личностно детерминированная проблематика. В данной статье на материале трилогии Д. И. Рубиной «Люди воздуха» («Почерк Леонардо», «Синдром Петрушки», «Белая голубка Кордовы») сделана попытка рассмотреть реализацию мотива двойничества в художественном творчестве популярного современного автора, создателя многочисленных литературных произведений. Наше исследование творчества писательницы позволяет выдвинуть гипотезу относительно того, что мотив двойничества в трилогии реализуется на четырех уровнях: в названии романов, на сюжетно – композиционном уровне, на предметном, а также при помощи введения в текст произведения образа двойника. Также мы попытались рассмотреть специфические черты реализации гениальной личности в романах. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что мотив двойничества, реализованный через особый тип героя, становятся ключом к пониманию авторской картины мира в выбранных произведениях.

Ключевые слова: двойничество, художественное творчество, мотив, гений, конфликт, зеркальность, Д. И. Рубина.

CULTURAL SCIENCE

T. S. Zlotnikova, M. A. Soboleva

Duality motif in Dina Rubina’s artistic world

The ambivalence of the world model and the dualism of human consciousness have long been discussed by men of science and culture. From antiquity to the present day it has also been addressed by writers, their works featuring a multiple reality (duality or «multi-world») and presenting images of character doubles. Of particular importance is the fact that duality as a motif runs through the life of literary characters representing the realm of art: actors, writers, and artists. The problem of duality has generated considerable academic interest with nearly all researchers recognizing its strong reference to myth. However, the studies of the issues and themes defining the author’s personality lack consistency. In this article which presents a research based on the material of Dina Rubina's trilogy «People of the Air» («Style of Leonardo», «Petrushka’s Syndrome», «White Dove of Cordova») an attempt is made to explore the duality motif in the artistic work of a popular modern writer, author of many books. The study of Dina Rubina's trilogy allows us to hypothesize that the duality motif is to be observed on four levels: the novel titles, the narrative and compositional level, the subject level, as well as the introduction into the text of the image of a character double. Peculiar features of a genius’ self-fulfillment are also pointed out. The results obtained allow for the conclusion that the duality motif realized through a special type of hero becomes the key to understanding the author’s world picture in their selected works.

© Злотникова Т. С., Соболева М. А., 2020

Keywords: duality, artistic creativity, motif, genius, world picture, mirror image, Dina Rubina.

Феномен двойничества является одной из важных тем в искусстве практически всех культурных эпох, не утрачивает своей актуальности и в настоящее время. С эстетической точки зрения, развиваемой и в античности, и в эпоху Возрождения, и в период расцвета романтизма, и в символистской парадигме, двойничество – это частная разновидность дуализма. По словам А. З. Вулиса, дуализм предполагает как симметричные варианты двойственности, так и асимметричные. «Дуализм – это парность на началах сходства, но дуализм – это и парность на основе различия. Так формируется дуализм контрастов: зло – добро, белое – черное, небо – земля, умный – глупый, тело – душа, творец – произведение» [Вулис, 1991, с. 480] .

Проблеме двойничества в настоящее время уделяется достаточно большое внимание, вместе с тем, почти всеми исследователями признается важность ее мифологической составляющей, но недостаточно последовательно изучается личностно детерминированная проблематика.

Двойничество – сквозной мотив трилогии «Люди воздуха» («Почерк Леонардо» (2008), «Белая голубка Кордовы» (2009), «Синдром Петрушки» (2010)), написанной Диной Рубиной в конце 2000-х годов. По словам писательницы, темой этих произведений стала тема «двоящейся реальности»: «в «Почерке Леонардо» она двоится в зеркалах, в «Белой голубке Кордовы» – между искусством подделки и в его подлинности. В «Синдроме Петрушки» – между куклой и человеком»» (прив. по: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32849/episode_id/1086037/video_id/1076540/).

Наше исследование творчества писательницы позволяет выдвинуть гипотезу относительно того, что двойничество в трилогии реализуется на нескольких уровнях.

Во-первых, мотив двойничества в трилогии выражается уже в названиях романов. «Говорящие» заголовки задают тему каждого произведения, выражая при этом общую для всех семантику двойственности. Так, «почерк Леонардо» – это одновременно и воплощение диагноза, сюжетный ход, эстетически значимая деталь, отсылка к способности, развивающейся у некоторых левшей и заключающейся в умении писать в зеркально отраженном или перевернутом виде, (зеркальный почерк). Но там же осуществляется и введение в текст зеркала как символа особого мировидения, а заодно и намек на значение тайной стороны явлений – левой стороны. В «Белой голубке Кордовы» свойством зеркальности обладает сочетание религиозного символа белой голубки (спасенной души, прошедшей очищение) с грешной сущностью земного, причем не только странного, но и преступного человека – Кордовина. В названии «Синдром Петрушки» присутствует уже не тема, но идея романа: сравнение страсти к творчеству с болезнью, то есть, взаимное зеркальное отражение творчества в болезни (и это при условии, что в действительности существует одноименный медицинский диагноз). Имя главного героя – Петр (это прямая отсылка к Петрушке, главному персонажу кукольного мира); его сын болен синдромом Ангельмана, имеющим неофициальное название Синдром Петрушки или же «синдром счастливой марионетки»: больные дети отличаются, как кажется окружающим, счастливым выражением лица и особенной (прыгающей, танцующей, по разным версиям) походкой.

Второй уровень, на котором в творчестве Д. Рубиной выявляется идея двойничества, – сюжетно-композиционный. Романы трилогии построены по закону зеркальной симметрии. Энантиоморфизм, или зеркальная симметрия, – такой вид композиции, для которой характерно то, что две части соотносятся зеркально, но не при наложении. Ю. М. Лотман называл энантиоморфизм «элементарной “машиной” диалога», поскольку «зеркальная симметрия создает необходимые отношения структурного разнообразия и структурного подобия, которые позволяют построить диалогические отношения. С одной стороны, системы не тождественны и выдают различные тексты, а с другой, они легко преобразуются друг в друга, что обеспечивает текстам взаимную переводимость» [Лотман, 1992, с. 472]. Закон зеркальной симметрии является одним из главных структурных принципов внутренней организации текста. На уровне сюжета этот принцип включает параллелизм присутствия в текстах «высокого» и комического персонажей, часть из которых являются двойниками, параллельных сюжетных ходов, «текста в тексте» (причем следует отметить, что названные приемы нельзя соотносить с интертекстуальностью, которая обычно проявляется не в симметрии, а, напротив, в своего рода «художественном беспорядке»).

Особенностью «Почерка Леонардо» является эффектный повествовательный прием, который расширяет семантику заголовка. Автор строит его на образе зеркал и феномене зеркальности. Ком-

позиция романа выстроена на переплетении двух пластов: один – повествование от лица автора; другой – два автономных, параллельных повествования от лица двух мужей главной героини Анны (Володи и Сени). Мы узнаем историю Анны через воспоминания разных героев. Именно в них судьба Анны отражается, словно в зеркалах, создавая, в свою очередь, зеркало и их мужских характеров. Такая композиция является основой удвоения текстовой структуры, это так называемый текст в тексте, который ведет к ее углублению. Своеобразие проявления зеркальности и, в результате, двойничества заключается в том, что от лица Анны не написана ни одна глава, т. к. Анна – зеркало, а этот «предмет» не может видеть сам себя.

В романе «Белая голубка Кордовы» судьба героя развивается в нескольких плоскостях, каждая из которых частично отражает другие, создавая уже не зеркальный, а стереоскопический эффект во взгляде на одну судьбу, где двойничество – признак и людей, и их жизненных ситуаций:

1) жизнь главного героя Захара Кордовина;

2) детство тети Захара, Жуки, история ее выживания в годы войны;

3) детство мамы Захара в Виннице;

4) испанская история-разгадка рода Кордовина.

Особый смысл, основанный и на семантике, и на прагматике зеркальности (отражение конкретных событий и представлений, с одной стороны, и создание новых, искаженных представлений, с другой), в романе имеют сны Захара: он, то мучается от кошмаров, в которые заложены его воспоминания, то видит сны-предвестники.

Но помимо условно-символического мотива зеркальности присутствует и план, конкретно отраженный в описании творческого пути Кордовина. Когда Захар решил стать художником, его не приняли в молодежную секцию Союза художников, его талант и собственный индивидуальный стиль попросту не были оценены. Поэтому герой пошел по другому пути и стал искусно подделывать картины именитых художников и превратился в своего рода кривое зеркало чужой гениальности.

В романе трилогии – «Синдром Петрушки» – линейное повествование ведется от лица автора. При этом рассказ дополняется воспоминаниями друга детства героя, доктора Бориса Горелика, и рассказом самого Петра.

Третий уровнь, на котором присутствует тема двойничества, предметный. Среди многочисленных символов в произведениях Д. Рубиной можно выделить зеркало в «Почерке Леонардо», картину в «Белой голубке Кордовы», куклу в «Синдроме Петрушки». Зеркало, картина, кукла – это предметы-двойники, символы архаические, и также имеют одну общую черту – они выражают идею отражения, как двойника действительности. Так, зеркало – отражение персоны, смотрящей в него; картина – отражает мировосприятие творца; театр – отражение многообразия и эфемерности жизни.

В романе «Почерк Леонардо» зеркало является своеобразным персонажем, оно так или иначе оказывает влияние на разворачивающиеся перед нами события. Во – первых, зеркало выполняет функцию инструмента, с помощью которого героиня видит будущее (зеркало традиционно ассоциируется с дверью между естественным и сверхъестественным мирами). Поэтому можно говорить о том, что зеркало удваивает художественное пространство романа; представляя события в реальном времени и события будущего, предвиденные героиней. Далее, дар героини предвидеть будущее, и не только свое лишает ее свободы, а это еще одно свойство зеркала – удержание души человека, смотрящего в него. Кроме того, героиня всегда говорила только правду (зеркало – принадлежность добродетелей – правды, искренности).

«О существовании связи между картиной и зеркалом говорят с давних времен, данные символы объединяет функция отражения и принцип смены сторон: у зеркала – по отношению к отражаемому, у картины – по отношению к зрителю» [Меднис, 1999, с. 391]. Кроме того, можно отметить кажущуюся отграниченность и физическую непроницаемость мира картины и зеркала. Как справедливо подчеркивает Н. Е. Меднис, «в простейшем случае картина в литературном тексте “работает” по принципу образного отражения или удвоения его структурных составных. В более сложных вариантах живописное полотно может стать сюжетообразующим элементом или выразительным центром произведения, взяв на себя огромную смысловую нагрузку» [Меднис, 1999, с. 391]. Картины в структуре романа «Белая голубка Кордовы» являются механизмом удваивания: подлинные произведения искусства и искусно написанные подделки. Помимо этого, картины в какой-то мере формируют конфликт романа, в котором формулируются вопросы: «считать ли точную копию картины предметом искусства?», «где лежит грань между великолепной подделкой и подлинной картиной?». Д. Рубина в этом своем использовании зеркальной функции живописного произведения идет вслед за многими классиками,

начиная с Н. Гоголя («Портрет») и Ф. Достоевского (картина, изображающая Иисуса Христа в романе «Идиот») и продолжая О. Уайльдом с его «Портретом Дориана Грея».

Кукла по традиции осознается писательницей как ритуальный предмет, поскольку она во многих ритуалах ранее использовалась вместо человека. Поэтому можно говорить о том, что кукла является двойником человека. Куклы двойственны по природе: в них одновременно сочетаются такие диаметрально противоположные качества, как живое/неживое, а значит, и одухотворенное/механическое, жизнь мнимая/подлинная, о чем говорил Ю. М. Лотман [Лотман, 2003, с. 337-381]. В своих работах ученый отмечал, что куклы символически обозначают смерть и псевдожизнь. Как отмечалось выше, в романе «Синдром Петрушки» главные герои имеют своих кукольных двойников: Петр похож на Петрушку, «заместителем» Лизы является кукла Эллис. На сюжет «кукольность» также влияет: Петр, являясь кукловодом, теряет границы между реальной жизнью и нереальной.

Четвертый уровень – введение в ткань повествования собственно персонажа – двойника. Все герои трилогии «Люди воздуха» имели двойника или двойников. Это важный в художественном отношении прием реализации мотива двойничества. Двойник, особенно вследствие господства романтической традиции (которая нашла парадоксальное отражение и в комедийном гротеске у Н. Гоголя, и в психологических парадоксах Ф. Достоевского) обычно рассматривается как «некая проделка дьявола, которая создает нечто похожее на субъекты, но таковым не являющееся» (прив. по: http://video.sibnet.ru/video1041963Vladimir_Kantor__Lyubov_k_dvoyniku__Mif_i_realnost__1ya_lektsiya). Необходимо отметить, что двойник не близнец, не просто другой двойник – это тот, кто стремится занять место героя (тень у Г. Х. Андерсена и Е. Шварца). Встреча героя со своим двойником обычно заканчивается гибелью первого.

Так, встреча Нюты и ее приемной мамы Маши в романе «Почерк Леонардо» со своими двойниками приводит к гибели героинь. Володя видит сходство между даром Анны и даром Христа: «...она же многое умела, что тот проделывал...» [Рубина, 2008, с. 480]. Учитель Анны, Элиэзер, видит у нее улыбку Создателя.

Также Д. Рубина проводит также параллель между Анной и Иаковом, героем Пятикнижия. Его образ вводится Рубиной в эпиграфе произведения: «И остался Иаков один. И боролся Некто с ним до восхода зари» [Рубина, 2008, с. 480]. Имя Иаков имеет несколько толкований: «бог да поможет, да охранит» и подошва, пята (поскольку Иаков родился, «держась рукой за пяту Исава»). Второе толкование имеет значение плута, обманщика, проникшего в мир под чужим патронажем.

Рубина проводит параллель между судьбой Иакова и судьбой Анны. Героиня появилась на свет ровно через год после того, как в семье родился красивый мертвый мальчика. Дар Нюты воспринимался окружающими, как обман, злая шутка. Сама же героиня постоянно ощущает себя игрушкой в руках безжалостных создателей.

Мотив двойничества, который мы считаем инвариантом мотива зеркальности, возникает и в романе «Белая голубка Кордовы». Герой картины, которую реставрировал, а по сути, сфальсифицировал Захар, является его далеким предком-двойником – евреем, пиратом, учеником великого Эль-Греко, и весь этот набор признаков высвечивает в образе «современного» Захара все новые и новые грани. Герой словно обретает себя и свое, правда, неизвестно, истинное ли лицо несколько раз – в образе деда (таким видит его Жука в Ленинграде), в образе святого/пирата на картине (в Испании), в образе брата Мануэлы.

Как отмечает Вулис: « … встреча человека со своим зеркальным подобием часто переходит во встречу с самим собой, а встреча с самим собой – в разлад или даже в скандал» [Вулис, 1991, с. 480]. Поэтому, кроме двойничества, проявляющегося в схожести внешних качеств одного персонажа с другими, происходит и его внутреннее раздвоение: одновременно существуют Захар, подделывающий картины, и Захар-художник. Это двойники-антагонисты.

Главный герой «Синдрома Петрушки» Петр похож, как внешне, так и определенными чертами характера на Петрушку – героя кукольных представлений; его внешность – это внешность традиционного Петрушки: «впалые щеки, орлиный нос, вытянутый подбородок, косичка на воротнике куртки» [Рубина, 2010, с. 432]. Подражание характеру театрального Петрушки (остряка, задиры, правдоруба) привело к тому, что сам герой жил «как бы насмехаясь над другими». Роль Петра зеркальна сама и сама по себе: для Лизы и других персонажей он сначала является «кукловодом», позже становится «куклой» в руках другого кукловода.

Кроме того, характерно развивается судьба Лизы, жены Петра. Сначала она играла роль куклы,

как в жизни, так и на сцене. А затем Петр создал Эллис, куклу-двойника, и уже она стала играть роль Лизы: Петр никогда не расставался с ней, восхищался ею, обращался с ней, точно с живой.

Кукла в мировой культурной традиции связана с темой рока, судьбы, предопределенности; встреча героя с двойником в лице куклы становится губительной для него вдвойне. Действительно, знакомство героини со своим двойником приводит ее к болезни.

Намек на зеркальность присутствует в именах героини и ее куклы-двойника. Полное имя Лизы – Елизавета, кукла носит похожее имя, но на английский манер – Эллис. Оба героя воспринимают куклу, как живое существо. Лиза мучается страшной ревностью, на полном серьезе утверждая, что Петр забрал для куклы ее душу. Петр в свою очередь восхищается своим творением, разговаривает с ней, как с живой и любимой ему женщиной. Примечательно и то, что спасти семью от проклятья (все сыновья в роду рождались с синдромом Альгенмана) может только таинственная кукла.

Стоит заметить, что герои романов являются еще и двойниками друг друга. Произведения объединены автором в трилогию «Люди воздуха». Как правило, романы, входящие в трилогию должны взаимно дополнять друг друга, должны обладать общим замыслом и преемственностью сюжета, иметь полностью или частично перемещающихся из одного произведения в другое персонажей. Но романы Д. Рубиной не обладают вышеперечисленными признаками, хотя мы можем обнаружить элементы некую переклички героев. Автор представляет в романе героев-двойников.

Гениальная личность, по версии Д. Рубиной. неизбежно остается непонятой и, как следствие, одинокой. Так, Петр Уксусов полностью раскрывается перед читателями лишь в своей страстной любви к куклам. Дар Петра «оживлять» кукол может оценить лишь Каземир Матвеевич, потому что сам много лет связан с кукольным театром. Он часто наставлял Петю: «…если ты, старичок, хочешь заниматься куклами, ты должен спятить, перевернуть мозги, научиться инако мыслить. Кукольным делом должны заниматься фанатики….» [Рубина, 2010, с. 432]. Именно он и Петр Уксусов относятся к тем мастерам, которые все свои безграничные возможности реализуют в творческом процессе.

Такой же гениальной и одновременно одинокой является и героиня романа «Почерк Леонардо» Анна, которая остается наедине со своим даром-проклятием. Единственным человеком, который принял ее умение видеть в зеркалах и ничуть этому не удивлялся, а наоборот восхищался и поддерживал, был Элиэзер. Он закончил с отличием физтех университета, но поскольку имел инвалидность, работал в зеркальном цехе при мебельной фабрике имени Боженко. Именно он рассказал Нюте про зеркальные вселенные и двойников: «Надо допустить, что у каждого нейтрино есть зеркальный двойник. Я, скажем, нейтрино, а ты – мое зеркальное нейтрино…» [Рубина, 2008, с. 480]

Но в финале каждый из героев делает выбор, отказываясь от служения дару – проклятью: Петр из-за любви к жене отрекается от части своих творческих амбиций, а Анна уходит в небытие, преодолевая грань между опостылевшей реальностью и манящим зазеркальем.

Таким образом, мотив двойничества в романах «Синдром Петрушки», «Почерк Леонардо» и «Белая голубка Кордовы» становится ключом к пониманию конфликта в произведениях: внешнего (творчески одаренных людей с их окружением) и внутреннего (драматичная борьба между стремлением к творческой самореализации и желанием жить нормальной жизнью, не принося окружающим страданий). Персонажи утверждаются как исключительные личности, непонятые, одинокие и живущие в совершенно ином измерении, чем обычные люди.

Библиографический список

1. Берковский Н. Я. Романтизм в Германии : монография. Ленинград : Художественная литература, 1973. 568 с.

2. Вашукова М. Интервью с Диной Рубиной «Между земель, между времен» // т/к Культура: сайт. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32849/episode_id/1086037/video_id/1076540/ (дата обращения: 23.05.2019).

3. Вулис А. З. Литературные зеркала. Москва : Советский писатель, 1991. 480 с.

4. Злотникова Т. С. Философия творческой личности : монография. Москва : ООО «Издательство «Согласие», 2017. 918 с.

5. Исупов К. Г. Зеркало // Культурология. XX век. Энциклопедия. 1998. Т. 1. С. 447.

6. Кантор В. К. Любовь к двойнику. Миф и реальность. 1-я лекция // Academia.2013: сайт. URL: http://video.sibnet.ru/video1041963Vladimir_Kantor__Lyubov_k_dvoyniku__Mif_i_realnost__1ya_lektsiya (дата обращения: 23.05.2019).

7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. 2-е изд., испр. Москва : Искусство, 1995. 320 с.

8. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и топологии культуры: избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. 1. С. 377-381

9. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры: избранные статьи в трех томах. Таллин, 2003. Т. 1. С. 377-381.

10. Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе: учебное пособие. Новосибирск, 1999. 391 с.

11. Рубина Д. Белая голубка Кордовы. Москва : Эксмо, 2009. 576 с.

12. Рубина Д. Почерк Леонардо. Москва : Эксмо, 2008. 480 с.

13. Рубина Д. Синдром Петрушки. Москва : Эксмо, 2010. 432 с.

14. Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры. Москва: URSS, 2012. 216 с.

Reference List

1. Berkovskij N. Ja. Romantizm v Germanii = Romanticism in Germany: monografija. Leningrad : Hudozhestvennaja literatura, 1973. 568 s.

2. Vashukova M. Interv'ju s Dinoj Rubinoj «Mezhdu zemel', mezhdu vremen» = “Amid the Lands, amid the Times” Interview with Dina Rubina // t/k Kul'tura: sajt. URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/32849/episode_id/1086037/video_id/1076540/ (data obrashhenija: 23.05.2019).

3. Vulis A. Z. Literaturnye zerkala = Literary Mirrors. Moskva: Sovetskij pisatel', 1991. 480 s.

4. Zlotnikova T. S. Filosofija tvorcheskoj lichnosti = Philosophy of a Creative Personality: monografija. Moskva : OOO «Izdatel'stvo «Soglasie», 2017. 918 s.

5. Isupov K. G. Zerkalo = Mirror // Kul'turologija. XX vek. Jenciklopedija. 1998. T. 1. S. 447.

6. Kantor V. K. Ljubov' k dvojniku. Mif i real'nost'. 1-ja lekcija = Love for a Double. Myth and Reality. Lecture 1 // Academia.2013: sajt. URL: http://video.sibnet.ru/video1041963Vladimir_Kantor__Lyubov_k_dvoyniku__Mif_i_realnost__1ya_lektsiya (data obrashhenija: 23.05.2019).

7. Losev A. F. Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo = The Problem of Symbol and Realistic Art. 2-e izd., ispr. Moskva : Iskusstvo, 1995. 320 s.

8. Lotman Ju. M. Stat'i po semiotike i topologii kul'tury: izbrannye stat'i v treh tomah = Theses on Semiotics and Cultural Topology: selected papers in three volumes. Tallin, 1992. T. 1. S. 377-381

9. Lotman Ju. M. Kukly v sisteme kul'tury: izbrannye stat'i v treh tomah = Dolls in the System of Culture: selected papers in three volumes. Tallin, 2003. T. 1. S. 377-381.

10. Mednis N. E. Venecija v russkoj literature = Venice in Russian Literature: uchebnoe posobie. Novosibirsk, 1999. 391 s.

11. Rubina D. Belaja golubka Kordovy = White Dove of Cordova. Moskva : Jeksmo, 2009. 576 s.

12. Rubina D. Pocherk Leonardo = Style of Leonardo. Moskva : Jeksmo, 2008. 480 s.

13. Rubina D. Sindrom Petrushki = Petrushka’s Syndrome. Moskva : Jeksmo, 2010. 432 s.

14. Shapinskaja E. N. Obraz Drugogo v tekstah kul'tury = The Image of The Other in Texts on Culture. Moskva: URSS, 2012. 216 s.

УДК 008:1-027.21, 008(091)

Н. А. Хренов **https://orcid.org/0000-0002-6890-7894**

Вторая мировая война как вызов: роль культуры в его преодолении

Для цитирования: Хренов Н. А. Вторая мировая война как вызов: роль культуры в его преодолении // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 149-159. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-149-159

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. Она является продолжением предыдущих текстов, в которых излагается смысл возникшей в результате революции 1917 года экстремальной ситуации, обозначаемой здесь как столкновение цивилизаций. Пик этого становления связан со второй мировой войной. Кроме всех возможных смыслов, которые необходимо учитывать при осмыслении опыта второй мировой войны, необходимо иметь в виду столкновение между цивилизацией, развивающейся в динамичных ритмах и вызывающей к жизни проект модерна (это, разумеется, Запад), и цивилизации, в которой оказались весьма мощными традиции, заимствованные еще в угасшей в XV веке византийской цивилизации и ритмы развития которой отличаются от тех, что имели место на Западе. Из этой экстремальной ситуации, которая для России представляет самый настоящий Вызов, необходимо было выходить. Возникает проблема выживаемости российской цивилизации. Иначе говоря, необходимо было давать творческий ответ. Обычно такие творческие ответы на ранних этапах в истории народов дают «культурные герои», а в поздних секулярных обществах – представители элиты. В России в силу сложившихся условий творческий ответ должен был дать вождь. Такой творческий ответ им был дан. Им оказалась реабилитация имперского комплекса, то есть византийская традиция, позволившая в экстремальной ситуации спасти российскую цивилизацию. Только вот, прибегая к этому средству, вождь ведь изменял той идее свободы, ради которой революция и совершалась. Таким стал подтекст того, что обычно называется тоталитаризмом. Однако развивая тему индивидуального вклада вождя в разрешение проблемы, связанной со столкновением цивилизаций, автор не склонен сводить это разрешение исключительно к деятельности вождя. Творческий ответ, как он утверждает, все-таки носил не индивидуальный характер. Во всяком случае к этому разрешение проблемы не сводится. Такой ответ был дан народом и той культурой, которую этот народ создал. В осмыслении этого парадокса заключается вклад автора этой статьи в понимании проблемы столкновения цивилизаций. Таким образом, автор на примере Второй мировой войны формулирует универсальную закономерность, связанную с взаимодействием истории и культуры. Вывод автора заключается в том, что без культуры выход из экстремальных ситуаций, разрешение проблемы выживаемости народов не может быть решен.

Ключевые слова: творческий ответ, Сталин, столкновение цивилизаций, модерн, романтизм, российская цивилизация, революция, культура, война, Вторая мировая война, народ, реабилитация истории, реабилитация религии, пограничная ситуация, оттепель.

N. A. Khrenov

Challenge of World War II: role of culture in its overcoming

The article deals with the question of the Russian Revolution and post-revolutionary era in the history of Russian civilization. As a part of cultural and philosophical studies, it continues a series of papers which analyze the extreme situation arising from the Russian Revolution (1917) and considered here a clash of civilizations. It peaked in World War II. When considering all the aspects and outcomes of the war, it is necessary to conceive it as a clash between the civilization featuring dynamic development and bringing to life the Modern Project (this naturally refers to the West) and the civilization upholding the traditions stemming from Byzantine Empire which declined in XV century, the civilization whose development rate differed significantly from that of the West. This extreme situation was a real challenge for Russia which it was to overcome. Thus, a question arose, whether Russian civilization would survive. This question could only be addressed in terms of a creative approach. In the early days of human history it was the ‘cultural heroes’ that provided the appropriate answer whereas later, in secular societies, it was the prerogative of the elite members. In Russia it was the leader who was traditionally expected to tackle it and he did find the answer. It was the rehabilitation of the so-called imperial complex which means that the Byzantine tradition helped to save Russian civilization in the extreme situation. However, resorting to this the leader betrayed the idea of freedom which had been impetus for the Revolution outbreak. This implied what is called totalitarianism. The article looks beyond the leader’s individual contribution to the solution of the civilization clash issue. The author argues that the creative approach was

© Хренов Н. А., 2020

not of individual nature. At least, the issue cannot be reduced to it. The solution was found by the people in their culture. The author's contribution to the understanding of the civilization clash issue consists in reflecting on this paradox. Thus, using the example of World War II the author offers a universal principle of interaction between history and culture. The author concludes that it is impossible to solve the issue of people's survival and of overcoming an extreme situation without appealing to culture.

Keywords: creative approach, Stalin, clash of civilizations, Modern, romanticism, Russian civilization, revolution, culture, war, World War II, people, rehabilitation of history, rehabilitation of religion, boundary situation, Thaw.

До сих пор, касаясь войны, в формах которой произошло столкновение цивилизаций, мы ставили акцент на первостепенное внимание роли личности в преодолении или, наоборот, в обострении этого столкновения. В данном случае, роли личности вождя. Мы пытались показать, что Сталин как один из самых известных в XX веке политиков дал новый творческий ответ на вызов истории, а этим вызовом явилась очередная вспышка в истории столкновения цивилизаций. Но к этому объяснению проблема не сводится. Все гораздо сложнее. Ведь данный вождем творческий ответ был связан уже не прогрессом как ключевым понятием модерна, а, по сути дела, с регрессом. Как это понимать? Как известно, история не развертывается лишь в соответствии с линейным принципом. В ней имеет место нелинейный, то есть циклический принцип. Поэтому регресс также закономерен, как и прогресс. Тем более, если речь идет о выживании целых народов. Тут возникает нечто вроде парадокса. Ради спасения российской цивилизации Сталин в экстремальной ситуации, когда давление Запада на этот раз перерастало в военное столкновение, вернул традиционную для России форму государственности, тем самым воскрешая ее византийские основы. Но возрождение византинизма как раз и означает регресс. Но, видимо, как рассчитывал вождь, это и позволяло решить проблему, то есть преодолеть возможные последствия возникающей экстремальной ситуации.

В этом случае напрашивается вопрос: можно ли это возвращение к основополагающим для российской цивилизации историческим формам называть «творческим ответом»? Ведь творческий ответ связан скорее с появлением такого варианта, который в истории еще не имел место и который обращен в будущее. Скорее может показаться, что такой творческий ответ давали Ленин и Троцкий. Но соответствовала ли политика Ленина и Троцкого творческому ответу? Смысл творческого ответа Сталина заключался, может быть, как раз в том, что ему пришлось пожинать плоды того творческого ответа, который был дан Лениным и Троцким, а точнее, Сталину пришлось выводить из того тупика, в который завела революция. И думать следовало уже не о революции, а о цивилизации. Тут-то и возникает возможность того странного отношения к революции, которое описал Л. Троцкий, имея в виду отсутствие активности Сталина в самых известных революционных событиях.

Ради того, чтобы российская цивилизация не исчезла, ему снова пришлось возродить то, чего никакая революция не могла ставить своей целью, и что было чуждо самой ее природе. Возродить византийскую имперскую традицию. Цивилизацию удалось спасти, но какой ценой? Ценой отказа от свободы, что, конечно, в истории России случалось и раньше. Так стоило ли совершать революцию, чтобы вернуть ее не только к исходной точке, но и к средневековым формам государственности? Единственный вывод, который можно сделать из политического опыта большевизма, как в его ленинской, так и в сталинской форме, это вывод о ставшем уже традиционным несходстве цивилизаций России и Запада. Так история XX века вновь продемонстрировала то, что знали и в предшествующие столетия, но на этот раз это имело место в беспрецедентно жестоких формах. Следовательно, вина за многочисленные жертвы, что имели место в России, несет не только Сталин, но и Запад. Столкновение цивилизаций затрагивает интересы многих народов.

Что же касается победы во второй мировой войне, то в ее осмыслении может помочь позиция Л. Толстого, изложенная им в романе «Война и мир». Войну выигрывают не государственные мужи, а обладающий определенной ментальностью народ, а, следовательно, культура. А если так, то мы уже вправе сформулировать: а был ли вообще у Сталина творческий ответ? Был ли он? Последующая история России разворачивается в направлении реабилитации того, что было уничтожено и разрушено в ходе реализации проекта модерна. Эта реализация далеко выходит за пределы XX века. Чтобы точнее представить роль народа во второй мировой войне, необходимо понять и генезис той традиции, которая в ходе войны активизировалась, проявившись в активности народа. Генезис же этой традиции связан с противостоянием модерну, а это противостояние имеет

длительную историю, началом которой является романтизм.

Начиная с рубежа XVIII–XIX веков, в мировой истории возникает альтернативная по отношению к модерну традиция. Эта традиция отвергает футуризм, то есть обращенность в будущее модерна, свидетельствующую о его утопичности. Романтическая традиция наоборот исходит из ценности прошлого. Она ориентирована на сохранение культуры. Противостояние модерна и романтизма не было чисто западным явлением. Оно имело резонанс и в России, расколов интеллигенцию на западников и славянофилов. Западники – это не только те, кто хотел бы направить Россию по западному пути развития, но те, смысл деятельности которых связан с реализацией идеи модерна. Как свидетельствует история реализации этой идеи, модерн изымает человека из культурной, религиозной и национальной стихии. Идентичность человека модерна связана, прежде всего, с разумом и идеологией. Не случайно для всех носителей модерна на первый план выходит идея нового человека, его воспитание и перевоспитание.

Наш российский романтизм связан со славянофильской традицией, исключающей имперскую идею. Именно поэтому славянофилы критически оценивали роль Петра I в истории. Они культивировали средневековые ценности, связанные с народом, религией и культурой. Вот эта традиция в ходе войны и заявила о себе, поскольку стало очевидным, что ни прогрессивная идея, ни государство как институт, ни первое лицо государства не решают исход дела, не помогают выжить людям в экстремальной ситуации. В этой ситуации срабатывает древнейший механизм культуры. Решающую роль в этой войне сыграло не государство, а культура, то есть то, что было сформировано в истории.

О том, какой слом произошел в ходе войны, будет свидетельствовать последующая история. А она будет демонстрировать реабилитацию именно романтической традиции, связанной с активизацией национального и религиозного фактора. А. Янов справедливо свидетельствует, что в эпоху оттепели возникает новое славянофильство. Лидером славянофильских, а точнее, романтических настроений во второй половине XX века, с его точки зрения, будет А. Солженицын. Между тем, именно война стимулировала пробуждение национального комплекса, и это обстоятельство констатирует В. Гроссман. Как пишет В. Гроссман, с этого времени русские люди стали по-новому понимать себя («История России стала восприниматься как история русской славы, а не как история страданий и унижений русских крестьян и рабочих. Национальное из элемента формы перешло в содержание, стало новой основой миропонимания» [Гроссман, 1988, с. 622]).

Конечно, как свидетельствовала еще популярность С. Есенина в 20-е годы, этот процесс уже имел место, но он сдерживался. В. Гроссман точно говорит, что он имел место не столько в сознании, сколько в подсознании. Иное дело – война. «Война ускорила процесс переосмысления действительности, подспудно шедший уже в довоенное время, ускорила проявление национального сознания – слово «русский» вновь обрело живое содержание. Сперва, в пору отступления это слово связывалось большей частью с отрицательными определениями: российской отсталости, неразберихи, русского бездорожья, русского «авось»… Но, появившись, национальное сознание ждало дня военного праздника. Государство также шло к самосознанию в новых категориях. Национальное сознание проявляется как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий. Народное национальное сознание в такую пору прекрасно потому, что оно человечно, а не потому, что оно национально. Это – человеческое достоинство, человеческая верность свободе, человеческая вера в добро, проявляющееся в форме национального сознания» [Гроссман, 1988, с. 623].

Как бы Сталин не приватизировал победу, уже в годы войны он оказался не ведущей, а ведомой фигурой. Почему? Да потому, что идеология, которую навязывала власть, а она возникала на основе императивов модерна, не мобилизовала людей на противостояние. Она не могла обеспечить победу. Победу мог обеспечить лишь дух народа. Следует отдать должное Сталину, что он сам этот понял еще до войны, дав сигнал искусству реабилитировать историю. На нашем экране появились герои победоносных войн прошлого. Пытаясь понять этот «творческий ответ» Иосифа Сталина, Д. Андреев пишет об этом открытии в сознании вождя значимости национального импульса. Имея в виду Сталина, он пишет: «Он, несколькими годами раньше, из побуждений, недалеких, очевидно, от хулиганской потребности колотить зеркала и разбивать статуи, сносивший безо всякой нужды памятники русского зодчества, превративший черт знает во что храмы и монастыри, а иные гражданские сооружения уничтоживший под предлогом выпрямления улиц (то есть ради злосчастной идет «прямолинейности»), – теперь вдруг обратился к национальному прошлому России, реабилитировал целый пантеон русских государственных деятелей прежних эпох и стимули-

ровал воспитание в подрастающем поколении некоего синтетического – и национально-русского, и интернационально-советского чувства «родины». Он понял, что ввиду предстоящего столкновения с агрессивно-национальной идеологией фашизма не нужно пренебрегать национальным импульсом в собственном народе. Наоборот: следует его расшевелить, разбередить, заставить и его лить воду на ту же мельницу» [Андреев, 1991, с. 224].

К этой переоценке совершенно не были готовы представители старой гвардии большевиков. В сознании большевиков первого призыва – истинных носителей модерна это была революция. Многие из них оказались в оппозиции по отношению к новому, но консервативному курсу Сталина и за это жестоко поплатились. Так получилось, что в годы войны Сталину пришлось реабилитировать даже религию. Известно, каким гонениям после революции подвергали священнослужителей. Конечно, он вынужден был это делать, поскольку в открытые немцами на оккупированных территориях православные храмы хлынули массы народа. Выяснялось, что не такими уж и атеистами были русские люди. Пришлось возвращать из лагерей даже священнослужителей. Постепенно от реабилитации истории Сталин подходил к реабилитации религии. Встреча Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем в сентябре 1943 года – начало возобновления отношений государства и церкви. Из лагерей возвращались осужденные священнослужители. По всей стране стали открываться православные храмы.

Конечно, этот разворот власти нельзя объяснить лишь проницательностью Сталина и его способностью уловить кризис идеологии. Дело в том, что Сталин вынужден был пойти на этот шаг. Этому его решению, противоречащему ранним установкам большевизма, способствовало открытие немцами православных храмов на захваченных ими русских территориях. Эффект от такого решения немцев был значительный. Это способствовало оживлению религиозной жизни. Всего немцы открыли 7 405 храмов, и это событие послужило основой сюжета фильма В. Хотиненко «Поп». Как пишет исследователь, «сводки немецких властей, а также данные советской разведки свидетельствовали о переполненных верующими храмах, о большом количестве исполняемых религиозных обрядов, о многотысячных крестных ходах и молебнах под открытым небом» [Чумаченко, 2007].

Естественно, что это не могло не оказаться в центре внимания Сталина. Атеизм, которым кичились большевики, как выяснялось, не затрагивал глубинных структур психологии массы. Нужно было делать выводы, причем, срочно. Они и были сделаны. Но это только свидетельствует о том, что в этой ситуации Сталин был не ведущей, а ведомой фигурой. Вот как это решение Сталина комментирует А. Солженицын. «Накануне войны в Ростове не оставалось ни одной действующей церкви, – пишет он – они казались закрытыми навсегда. Режим „ликвидировал" Бога – по крайней мере, он так думал. Но я вам скажу, что может вас изумить: когда гитлеровские войска вошли в Ростов, они открыли собор и три-четыре церкви. И толпы буквально бросились в церковь… Это был жестокий провал коммунизма. Впрочем, Сталин не ошибся. Он знал, что делает. Потому он и завел мелодию национализма в то время, как советские войска пытались задержать немецкое наступление. И религию ему тоже пришлось реабилитировать» [Солженицын, 1996, с. 322].

Однако вот ведь что интересно. Открывая церкви, Сталин вовсе не имел намерения предоставить церкви свободу на все оставшееся время. Это была игра, подобная той, что совершал Ленин с новой экономической политикой, которая тоже мыслилась как временная. Но не тут-то было. Как покажет последующая история, выпущенный на свободу религиозный комплекс загнать обратно на место уже было невозможно. Хотя Хрущев после смерти Сталина и пытался это сделать. А. Солженицын проницательно комментирует эту тактическую уловку вождя. Он пишет: «Сам Сталин тоже попался на собственную удочку. Русский народ снова проявился глубоко верующим и русским. Христианство сразу же было воспринято. И с тех пор у нас вера не перестает развиваться, несмотря на преследования» [Солженицын, 1996, с. 322].

Но вслед за реабилитацией религии изменяется и отношение к архитектуре, которую недавно пытались безжалостно разрушать. Так. И. Эренбург пишет, как исчезали памятники старины: Китай-город, Сухарева башня, Красные ворота. «На севере я увидел, с каким исступлением люди разрушали то, что стоило сохранять. Еще можно было найти немало деревянных церквей шестнадцатого-семнадцатого веков, в которых сказался творческий гений русского народа. В таких церквах хранили картошку, сено, и, простоявшие триста-четыреста лет, они сгорали одна за другой. Когда я был в Архангельске, там с величайшими усилиями взрывали прекрасное здание таможни петровского времени… Я видел, как по кирпичикам разбирали одну из старейших церквей Великого

Устюга; мне объяснили: „Баню строим”» [Эренбург, 1990, Т. 2, с. 40].

Что же касается Второй мировой войны, то ее последствия, в том числе, и для России, несмотря на ее победу в этой войне, свидетельствуют, что ее исход решал исключительно народ, демонстрируя массовое жертвоприношение. Решал, опираясь не на идеи модерна, чем жила старая гвардия большевиков, не на большевистскую идеологию как порождение этой идеи модерна. В этой войне русский народ выстоял, утеряв на полях сражений огромное количество жизней. Как это ни странно, но свободу, отнятую у него в период реализации проекта модерна, народ мог проявить исключительно в период войны. Для русских война оказалась пространством свободы. Свободы в условиях постоянно угрожающей смерти. Свобода в смерти. А о том, что только в ситуации войны русский человек может быть свободным, проницательно писал Ф. Достоевский. В своем «Дневнике писателя» за 1876 год Ф. Достоевский сообщает об одном своем знакомом, которого он называет любителем парадоксов. Одним из парадоксов у него была защита войны. Писатель предупреждает, что эта защита объясняется у него единственно, может быть, игрой в парадоксы. Опровергая распространенное мнение по поводу того, что война является бичом человечества, парадоксалист, словно следуя гегелевскому суждению о войне, доказывал, что, наоборот, война полезна. Исключением для него является лишь война междоусобная, братоубийственная. По его мнению, «она мертвит и разлагает государство, продолжается всегда слишком долго и озверяет народ на целые столетия» [Достоевский, 1981, с. 123].

Что верно, то верно. Императив гражданской войны в советской империи, кажется, уже пропитал гены русского человека. Мы от этого не избавились до сих пор, о чем свидетельствует новый призыв к созданию сегодня, в начале XXI века новой идеологии, которая непременно кончится тем, что одни воспользуются ею для подавлению других. Но отрицая войну гражданскую, братоубийственную, парадоксалист Ф. Достоевского приветствует войну внешнюю или междоусобную. Парадоксалист убежден (и в этом он явно не разделяет позицию, манифестируемую в романе В. Астафьева), что в войне люди принимают участие вовсе не потому, что жаждут убивать друг друга. Он говорит: «Никогда этого не бывает на первом плане, а, напротив, идут жертвовать собственною жизнью – вот что должно стоять на первом плане. Это же совсем другое. Нет выше идеи, как пожертвовать собственною жизнью, отстаивая интересы своего отечества. Без великодушных идей человечество жить не может, и я даже подозреваю, что человечество именно потому и любит войну, чтоб участвовать в великодушной идее. Тут потребность» [Достоевский, 1981, с. 123].

В рассуждениях парадоксалиста Ф. Достоевского мы узнаем, однако, знакомые по Гегелю идеи. В самом деле, для парадоксалиста опасаться следует вовсе не войны, а мира, ведь ожесточает людей именно мир, а не война. «Положительно можно сказать, – говорит парадоксалист – что долгий мир ожесточает людей. В долгий мир социальный перевес всегда переходит на сторону всего, что есть дурного и грубого в человечестве, – главное к богатству и капиталу. Честь, человеколюбие, самопожертвование еще уважаются, еще ценятся, стоят высоко сейчас после войны, но чем дольше продолжается мир – все эти прекрасные великодушные вещи бледнеют, засыхают, мертвеют, а богатство, стяжание захватывают все… Долгий мир производит апатию, низменность мысли, разврат, притупляет чувства. Наслаждения не утончаются, а грубеют. Грубое богатство не может наслаждаться великодушием, а требует наслаждений более скоромных, более близких к делу, то есть к прямейшему удовлетворению плоти. Наслаждения становятся плотоядными. Сластолюбие вызывает сладострастие, а сладострастие всегда жестокость» [Достоевский, 1981, с. 124].

Собственно, война как контраст миру, в котором есть не только позитивное, но и негативное, предстает и у Р. Кайуа. Во-первых, война разрушает частную жизнь и создает лиминальную ситуацию («Война грубо разрушает тот мирок свободы, который человек создает вокруг себя для собственного удовольствия и считается с правом своего соседа на такой же мирок. Она прерывает блаженство и ссоры влюбленных, интриги честолюбца и молчаливое творчество художника, ученого или изобретателя» [Кайуа, 2003, с. 279]). Это ситуация повышенной социализации, растворения лишающегося всего человека в массе, коллективного возбуждения, формы которого знакомы человечеству с древности.

В этом смысле Р. Кайуа и приравнивает войну к празднику как форме максимального коллективного возбуждения. Не случайно А. Блок именно так воспринимал войну. Вот что пишет в связи с этим в своем дневнике З. Гиппиус. «Сегодня был А. Блок. С фронта приехал (Он там в Земсоюзе, что ли). Говорит, там тускло. Радости революционной не ощущается. Будни войны невыносимы (В начале – то на войну, как на «праздник» смот-

рел, прямо ужасал меня: Весело!» [Гиппиус, 1991, с. 320]. Война может восприниматься как праздник, поскольку предстает состоянием, когда рушатся все твердо установленные в социуме табу. Вот как это сближение войны и праздника мотивирует Р. Кайуа. «Но вот наступает час боя или пляски – пишет он – и возникают иные, новые нормы, еще вчера считавшиеся запретными и гнусными жесты приносят ныне славу и престиж – главное, осуществлять их в рамках известного этикета и сопровождать ритуальными действиями, призванными их освещать или скрадывать, хотя на самом деле они совершаются в безудержной разнузданности яростных инстинктов» [Кайуа, 2003, с. 280].

В конечном счете, решающую роль в войне сыграл не имперский дух, а та специфическая и имеющая место в редких случаях ситуация переживания единения, когда отдельный человек ощущает себя уже не одиноким, а продолжением, частью общей массы, что описано лишь в тех сочинениях, которые можно было бы назвать сочинениями по психологии массы (от Лебона до Московичи). Однако задолго до открытия и осмысления этого эффекта массы подобный феномен был описан еще в литературе. Причем, именно война как раз и предоставляла возможность испытывать это необычайное и выводящее из повседневности коллективное переживание, возвышающее человека и освобождающего его от страха. Вот как, например, у Ф. Достоевского описано это переживание, посещающее человека именно во время войны. Почему, собственно, война не только отталкивает человека, но и притягивает, поскольку предоставляет человеку возможность пережить то великое чувство, которое его в обычной и мирной жизни не посещает. Война сближает сословия, она уничтожает иерархию, разрушает навязываемые человеку обществом социальные роли. То, что делает человека несвободным в мирное время, исчезает. Отступает болезненно переживаемое чувство социального неравенства. «Как ни освобождайте и какие не пишите законы, – говорит парадоксалист Ф. Достоевского – неравенство людей не уничтожится в теперешнем обществе. Единственное лекарство – война. Пальятивное, моментальное, но отрадное для народа. Война поднимает дух народа и его сознание собственного достоинства. Война равняет всех во время боя и мирит господина и раба в самом высшем проявлении человеческого достоинства – в жертве жизнью за общее дело, за всех, за отечество… Взаимный подвиг великодушия порождает самую твердую связь неравенств и сословий. Помещик и мужик, сражаясь вместе в двенадцатом году, были ближе друг к другу, чем у себя в деревне, в мирной усадьбе. Война есть повод массе уважать себя, а потому народ и любит войну: он слагает про войну песни, он долго потом заслушивается легенд и рассказов о ней… пролитая кровь важная вещь!» [Достоевский, 1981, с. 126].

Очевидно, что Вторая мировая война с ее беспрецедентной жестокостью выводила за пределы культуры и нравственности, выводила в доисторию, в варварство, можно сказать, в доосевое время. Казалось, что в ходе этой войны рушились все созданные в прошлые столетия ценности культуры, вообще, культура как таковая. Об этом весьма необычно высказался Т. Адорно, вынужденный в годы войны эмигрировать из Германии в Америку. Он говорит: Освенцип показал, что культура потерпела крах («После Освенцима любая культура… всего лишь мусор» [Адорно, 2003, с. 327]. Очень многое свидетельствует о зверствах войны. Об этом достаточно написано. Вот как, например, это представлено в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты». «Совершив преступление против разума, добра и братства, – читаем в тексте романа – изможденные, сами себя доведшие до исступления и смертельной усталости, люди спали, прижавшись грудью к земной тверди, набираясь новых сил у этой, ими многажды оскорбленной и поруганной планеты, чтобы завтра снова заняться избиением друг друга, нести напророченное человеку, всю его историю, из рода в род, из поколения в поколение, изо дня в день, из года в год, из столетия в столетие переходящее проклятие» [Астафьев, 2011, с. 436].

Действительно, может показаться, что культура превратилась в мусор. Но так ли это? Можно ли этим высвобождением разрушительных инстинктов исчерпать весь смысл второй мировой войны? Можно ли утверждать, что культура для этой войны не имела значения, что и в самом деле свершался выход за пределы осевого времени в дикость? В том-то и дело, что, может быть, лишь война, создавшая своих мучеников и своих палачей, продемонстрировала активность того спасительного инстинкта, что пробуждается исключительно в экстремальных ситуациях. А такой ситуацией и является война. А вот этот спасительный инстинкт и есть инстинкт культуры. И именно этому инстинкту, а не отдельной харизматической личности или правящему меньшинству мы обязаны победой.

Ответ на вопрос, что такое культура и какую миссию она в мире осуществляет, может дать лишь то колоссальное напряжение, которое воз-

никает в ситуации, которую экзистенциалисты называют пограничной ситуацией, ситуацией на грани жизни и смерти. Вот культура как раз в ходе этой истребительной вакханалии и активизировалась, и сработала. Она ведь в принципе вообще предназначена для того, чтобы выживать и выходить из экстремальных ситуаций. С этого исключительного события в нашей истории, а совсем не с эпохи оттепели, как принято считать, по-настоящему и началось осознание культуры и ее реабилитация. Потому что вторая мировая война вызвала к жизни традиционный ментальный комплекс и похоронила смысл ориентированного на перманентное пересоздание социума проекта модерна. И только потому все закончилось так, как закончилось. В этом случае этот наш тезис следует аргументировать.

Возникнув еще в XVIII веке и провозгласив идею прогресса, модерн оказался для культуры весьма неблагоприятным. Причем, как в западном, так и в русском варианте. В этом смысле русский вариант вообще предстает весьма крайним. Ведь представши в интерпретации Ленина, идеи модерна трансформировались в идеологию, в такую идеологию, которая оказалась необремененной гуманистическим потенциалом. Война высвечивает и обнажает накопившиеся в предвоенное время язвы. Здесь следует сказать еще об одном варианте в интерпретации войны, который тоже является возможным. Он связан с пониманием свободы не только как свободы государства, но и как свободы личности. Вообще исход войны способен обернуться не только глотком свободы. Он способен укреплять власть, в том числе, власть диктаторов. Но он может означать и утрату власти.

Мы уже цитировали Гегеля по поводу того, что война не позволяет обществу загнивать, что случается в мирное время. Следовало бы это состояние свободы, возникающее в экзистенциальной ситуации, а именно, на грани жизни и смерти рассмотреть под углом зрения переоценки и переосмысления установок, которые в предвоенные десятилетия были определяющими. Конечно, идея личной свободы связывается с шестидесятниками и вообще с периодом оттепели. Но этот прогресс в достижении свободы подчас сводится исключительно к преодолению периода сталинизма, поскольку, как доказывал А. Солженицын, Сталин лишь продолжал реализовывать установки и ленинизма, и большевизма. Короче говоря, происходящие процессы осмыслялись исключительно как процессы для России внутренние. Но смысла этой войны они не исчерпывают. Ее смысл заключается не только в соприкосновении Запада с Востоком, но и в отталкивании Запада от Востока.

Но смысл этой войны в еще большей степени приоткрывается, если мы ее соотнесем с проектом модерна, перечеркивающим не только не соответствующие принципу разума политические структуры, но историю, традиции и, соответственно, культуру. По сути, вторая мировая война на этом проекте ставила крест. Спрашивается, а как же тогда быть с большевизмом? А просто: большевизм был частным вариантом этого проекта. Анализ негативных последствий модерна был дан еще в книге Т. Адорно и К. Хоркхаймера «Диалектика Просвещения». Но в этой книге отсутствует русская тема. А жаль, ведь вторая мировая война – значимая страница в истории реализации идеи модерна. Именно в России решалась ее будущая судьба. В чем была уязвимость проекта модерна, из которого вышли все революции и который стал могильщиком традиционных ценностей? В том, что в его основу была положена идея чистого разума, которому не соответствовали ни культура, ни религия. Но, как пишет Л. Толстой, «если допустить, что жизнь человеческая может управляться разумом, – то уничтожится возможность жизни» [Толстой, 1963, Т. 7, с. 267]. Кажется, именно это чуть и не произошло.

Кстати сказать, на Западе это понимал современник авторов модерна XVIII века Гете, как и некоторые философы X1X века, для которых главным философским концептом оказался не разум, а жизнь. В эпоху модерна смысл культуры еще не был открыт. С этим нашим тезисом не все могут согласиться. Можно предвидеть вопрос: как же, разве идея культуры не возникла уже в эпоху Просвещения? Конечно, возникла, например, у Гердера. И не только. Но этот процесс происходил в сознании отдельных выдающихся людей. Но хотелось бы говорить не об идеях, высказываемых отдельными мыслителями, а об идеях, осознаваемых обществом в целом. Может быть, даже следует говорить не просто об идеях, а об осознании того, как культура бессознательно срабатывает в таких экстремальных и экзистенциальных ситуациях, когда не только отдельный человек, но целые народы могут и не выжить. Когда человек оказывается, как бы выразились экзистенциалисты, в пограничной ситуации. В ситуации, какой оказалась война и вообще, войны XX века, словно созданные для того. Чтобы продемонстрировать беспрецедентные акты массового истребления людей. Чтобы вывести человечество за границы того, что К. Ясперс назвал осевым временем. Чтобы вернуть человечество в состояние варварства,

что прогнозировал в конце XIX века Ф. Ницше. Тем не менее, повторим еще раз: с Т. Адорно трудно согласиться. Культура – не мусор. Да, последующее развертывание истории показывает, что власть, кажется, и сохранилась, и укрепилась. Это подтверждает уже цитируемый нами тезис Гегеля по поводу того, что удачные войны не дают развиться внутренним смутам и укрепляют государственную власть.

Д. Робертс констатирует, что война укрепила власть Сталина. Это могло иметь разные последствия – или дальнейшее ущемление свободы или, наоборот, свободу [Робертс, 2014, с. 463]. Еще в 1944 году В. Вишневский прогнозировал после окончания войны большую свободу. «Когда война закончится, – писал он – жизнь будет очень приятной. В результате нашего опыта появится великая литература. Будет активное движение и много контактов с Западом. Каждому будет разрешено читать, что ему хочется. Будет обмен студентами, поездки за рубеж для советских граждан будут упрощены» [Робертс, 2014, с. 463].

Некоторые усматривали развертывающееся потепление непосредственно уже в годы войны. Так, например, один из американских журналистов М. Хиндус, побывав в Куйбышеве, опубликовал в «Нью – Йорк Херальд Трибьюн» статью (17 июля 1942 года), в которой констатировал, что в СССР за 6 лет, пока он не был в Москве, уже произошли колоссальные изменения, а именно, стали заметными ценности частной жизни. После первого посещения СССР он написал книгу о советской России «Искоренение гуманизма». Но новое посещение СССР, как он утверждал, дает основание писать книгу под названием «Укоренение гуманизма». В частности, журналист в качестве подтверждения изменений описал свои впечатления от спектакля «Анна Каренина». Как он утверждает, еще недавно публика смеялась над чувствами и терзаниями героев, ибо была убеждена, что при советской власти такие страсти больше никого не волнуют. Сегодня, как уверял журналист, все изменилось. Русские начинают себя чувствовать как герои толстовского и тургеневского романов. Это свидетельствует о повороте к новому восприятию частной жизни и новому индивидуализму [Сталинград…, 2013, с. 57].

Впрочем, зафиксированные изменения не были для русских совершенно новыми. Они явились продолжением тех процессов, которые имели место после окончания гражданской войны и в особенности в 30-е годы. Так, например, еще В. Мейерхольд постановкой в 1934 году драмы Дюма-сына «Дама с камелиями» удивлял отходом от аскетизма и новым гедонистическим пафосом. Спектакль привлекал вниманием к красоте повседневной жизни, что подчеркивалось костюмами персонажей, обстановкой действия, подбором мебели, обилием цветов на сцене и вообще сопереживанием простым и естественным чувствам людей [Юзовский, 1934].

Конечно, сразу же после войны власть снова стремилась ущемить свободы. Как известно, было принято ряд крутых мер, в том числе, против искусства. Тем не менее, последующая история – это не укрепление, а ослабление власти, которая ближе к концу XX века и вовсе распалась. Вот как, например, изображается это время, время оттепели в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго». «Хотя просветление и освобождение, которых ждали после войны, не наступили вместе с победою, как думали, но все равно, предвестие свободы носилось в воздухе все послевоенные годы, составляя их единственное историческое содержание» [Пастернак, 1989, с. 503].

Конечно, после войны свободы все же оказалось не так много. Победа в войне внешней вовсе не была победой внутренней. Присваивая себе достигнутую народом победу, Сталин продолжал закручивать гайки. Видимо, диктатор не исключал и войну следующую. Имперская идея оказывалась в силе. После передышки имперская армия могла быть востребованной снова. Поэтому гуманизация государства не предполагалась. Начались гонения на интеллигенцию. В 1946 году А. Ахматову и М. Зощенко исключили из Союза писателей. «Мне казалось, – пишет И. Эренбург – что после победы советского народа тридцатые годы не могут повториться, а все напоминало прежнее – собирали писателей, кинорежиссеров, композиторов, выявляли «соучастников», каждый день список провинившихся пополнялся новыми именами: обвиняли Пастернака и Шостаковича, Эйзенштейна и Пудовкина, Козинцева и Трауберга, Погодина и Сельвинского, Кирсанова и Гроссмана, Эйхенбаума и Берггольц, Л. И. Тимофеева и Садофьева, Межирова и А. Гладкова» [Эренбург, 1990, Т. 3, с. 34].

Чтобы подавить Запад, необходимо было спровоцировать против него ненависть. Но необходимо было и укрощать, обуздать и ту вырвавшуюся во время войны свободу, которая могла проявиться в послевоенное время. Но она проявилась. Люди, выражая свое недовольство, писали письма в государственные инстанции. Вот одно из суждений, извлеченное из такого письма 1946 года. «Ну, вот и дожили. Это называется забота о материальных нуждах трудящихся в четвертую сталинскую пя-

тилетку. Теперь понятно нам, почему по этому вопросу собрания не проводят. Бунты будут, восстания, и рабочие скажут: «За что воевали?» [Молодчик, 2007, с. 146]. Так начиналась кампания против космополитов, преследующая обуздание тех, кто, пройдя войну, уже не опасался выразить свое недовольство.

Тем не менее, война все же дала возможность не только осознать реальность, но и высказываться о ней, о чем и свидетельствуют романы В. Гроссмана и В. Астафьева. А, следовательно, последующих процессов истории – оттепели, перестройки и демократизации во второй половине XX века без того, что произошло во второй мировой войне, произойти бы не могло. Революция и гражданская война, связанные с реализацией проекта модерна, заслонили традицию романтизма в культуре России. Между тем, она была не менее сильной, чем традиция модерна. И, кстати сказать, она была предельно активной в эпоху Серебряного века. Можно даже утверждать, что в начале XX века славянофильская идея переживала своеобразный Ренессанс. Период ленинской политики исключал ее продолжение и развитие. Новый политический курс изымал народы из привычной культурной и национальной среды и формировал утопическое, оторванное от культурной почвы мировосприятие. Это, конечно, не могло продолжаться долго.

Возникшая во время Второй мировой войны экстремальная ситуация освободила человека от утопии, поставив перед реальностью. Чтобы это осознать, человек должен был оказаться на пороге смерти. Это отрезвление как раз и произошло в ходе войны. Несмотря на то, что в ходе сражений в критические мгновения солдаты произносили имя вождя, именно в этой ситуации магия его имени покидает сознание людей. Так, в ситуации войны русский человек выходит из утопии и открывает реальность. Но чтобы этот сдвиг получил осмысление не только в сознании отдельных людей, но и во всем обществе, должно было пройти значительное время. Этим временем стала вся вторая половина XX века. Процесс осознания охватил и науку, прежде всего, гуманитарную.

Противостояние модерна и романтизма оказалось реальным и для второй половины XX века. Ведь из этой новой вспышки романтизма, что имела место в эпоху оттепели, когда был отрефлексирован ментальный сдвиг, происшедший в годы войны, возникает целая новая наука – наука о культуре. Она призвана объяснить то, что не смогла объяснить возникшая в XIX веке, когда модерн трансформировался в индустриальную цивилизацию, социология. Преодоление хаоса, связанного с распадом традиционной культуры и традиционного общества, вовсе не исчерпывается возникновением и утверждением общественных и государственных институтов, функционирующих в соответствии с разумом. А именно функционированием таких институтов и занималась социология. Такие институты, как оказывается, способны не только исходить из реальности человеческого бытия, но и отрывать от него.

Но первичная изначальная реальность человеческого бытия связана, прежде всего, с культурой. Модерн разрушал культуру, отрывал человека от культуры и поселял его в утопический мир. Он нанес культуре непоправимый ущерб. Новая наука о культуре возникает, чтобы понять ситуацию, в которой культура оказалась в XX веке. Ведь человек, извлеченный из культуры и жертвующий культурой, обречен на бюрократию. Бюрократия возникает как следствие утраты культуры, блокирования ее действия. Но дело не только в бюрократии. Когда происходит тотальное разрушение культуры, как раз и возникают тоталитарные государства как реальности уже не утопии, а антиутопии. Возвращая культуру, пытаясь осознать ее жизнестроительные функции уже в постиндустриальном обществе, необходимо помнить о ее значимости и ее спасительной миссии. Об этом заставляют задуматься лишь такие экстремальные события в жизни народов, как война. Сначала как первая мировая, а затем и вторая мировая война приблизили человечество к пониманию смысла культуры. То, что произошло в ходе войны, постепенно трансформировалось в политические реформы.

Таким образом, наше настоящее и наши перспективы по-прежнему связаны с войной. Не в том смысле, что нас ждут новые войны и новые открытия, а в том, что мы по-прежнему продолжаем осознавать то, что проявилось в ходе войны. Осознавать и пытаться реализовать в жизни. Поэтому не в период оттепели начались реабилитационные процессы культуры. Их истоком явилась именно война. Реабилитация и истории, и церкви для возрождения культуры уже являются весьма показательными. Исток этого – возникшая в годы войны экзистенциальная пограничная ситуация. Собственно, проект модерна рано или поздно должен был рухнуть. Поэтому ближе к концу XX века появляется все больше критики модерна. Когда А. Солженицын получал в 1974 году премию от Союза итальянских журналистов, он по поводу смысла и последствий модерна (не называя, правда, фиксируемый нами процесс терминологий

Ю. Хабермаса) говорил следующее: «Мы – все мы, все цивилизованное человечество, – посаженные на одну и ту же жестко связанную карусель, совершили долгий орбитальный путь. Как детишкам на карусельных конях, он казался нам нескончаемым – и все вперед, все вперед, нисколько не в бок, не вкривь. Это орбитальный путь был: Возрождение – Реформация – Просвещение – физические кровопролитные революции – демократические общества – социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро Средние века когда-то не удержали человечество, оттого, что построение Царства Божия на земле внедрялось насильственно, с отобранием существенных прав личности в пользу Целого. Нас тянули, гнали в Дух – насилием, и мы рванули, нырнули в материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек – мера всех вещей, а человек превыше всего. Весь этот неизбежный путь весьма обогатил опыт человечества, но вот на наших глазах и он подошел к исчерпанию: ошибки в основных положениях, не оцененные в начале пути, ныне мстят за себя. Поставив высшею мерой всех вещей человека, со всеми его недостатками и жадностью, отдавшись материи неумеренно, несдержанно, – мы пришли к засорению, к изобилию мусора, мы тонем в земном мусоре, этот мусор заполняет, забивает все сферы нашего бытия» [Солженицын, 1996, Т. 1, с. 196].

Следующее высказывание в еще большей степени проясняет мысль А. Солженицына. «Гремливая цивилизация совершенно лишила нас сосредоточенной внутренней жизни, вытащила наши души на базар – партийный или коммерческий. В сфере социальной наш многовековый путь привел нас в одних случаях на край анархии, в других – к стабильной деспотии. Между этими двумя грозными исходами на наших глазах становятся немощными, бесправными одно за другим демократические правительства – оттого что малые и большие соединения людей не желают самоограничиваться в пользу Целого. Это понимание, что должно же быть нечто Целое, Высшее, где-то разрозненное нами, когда-то полагавшее предел нашим страстям и безответственности, – это понимание чутко сторожится современными жестокими тираниями и вовремя выставляется под названием социализма. Но это обман вывески, неисследованность термина: полстолетия достаточно показали, что и там мы массами унавоживаем благоденствие малых групп людей – и притом самых ничтожных, мусорных» [Солженицын, 1996, Т. 1, с. 197]. И еще: «Как нам видится, цивилизованное человечество подошло сейчас к повороту мировой истории (жизни, быта и миропонимания), по значению такому же, как от Средних веков к Новому времени – если только по беспечности и по упадку духа мы не пропустим этого поворота» [Солженицын, 1996, Т. 1, с. 198].

Но, собственно, то, что говорит А. Солженицын, было уже сказано Т. Адорно и К. Хоркхаймером в их книге, вышедшей сразу же после войны, в 1947 году. В ней философы попытались показать, что Просвещение не только никого не просветило [Хабермас, 2003, с. 313], но привело к разрушительным последствиям, По сути, культивируя разум, модерн вызвал к жизни и тоталитарные общества, и варварство в его современных формах, что и проявилось во время войны. Вместо того, чтобы облагородить человечество, модерн привел к тому, что многие народы были поставлены на грань жизни и смерти. Поэтому Т. Адорно и К. Хоркхаймер и приходят к выводу о том, что «Просвещению надлежит осознать самое себя, чтобы человек не оказался окончательно преданным» [Хоркхаймер, 1997, с. 12]. Вот это исчерпание веры в чистый разум, не опирающийся на культуру в эпоху модерна, развертывается на протяжении всего XX века, что объясняет катастрофизм этой эпохи. Война оказалась значимым событием в угасании того этапа истории, когда культура была загнана в подсознание. Она не была открыта и осознана. Тем не менее, в момент экстремальный, экзистенциальный она сработала. С тех пор она набирала силу и, достигнув сознания, стала предметом специальной науки. Вот почему нам, культурологам, следует возвращаться к этому событию и осмыслять его под углом зрения культуры и содержащегося в ней потенциала выживания человека и человечества.

Библиографический список

1. Адорно Т. Негативная диалектика. Москва, 2003. С. 327.
2. Андреев Д. Роза мира. Метафилософия истории. Москва, 1991. С. 224.
3. Астафьев В. Прокляты и убиты. Москва, 2011. С. 436.
4. Гиппиус З. Живые лица. Стихи. Дневники. Тбилиси, 1991. С. 320.
5. Гроссман В. Жизнь и судьба. Москва, 1988. С. 622, 623.
6. Достоевский Ф. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 22. Ленинград, 1981. С. 123, 124, 126.
7. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. Москва, 2003. С. 279, 280.
8. Молодчик А. Война после войны. Социальные вопросы государственной политики в условиях после-

военного восстановления экономики // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск. 2007. С. 146.

9. Пастернак Б. Доктор Живаго. Москва, 1989. С. 503.

10. Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны». Москва, 2014. С. 463.

11. Солженицын А. Публицистика : в 3-х т. Т. 1. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, Верхневолжское книжное издательство. 1996. С. 196, 197, 198.

12. Солженицын А. Публицистика : в 3-х т. Т. 2. Общественные заявления, письма, интервью. Ярославль, Верхневолжское книжное издательство. 1996. С. 322.

13. Сталинград. Величайший провал Гитлера. 1942-1943. Сталинградская битва глазами американских и британских журналистов. Москва, 2013. С. 57.

14. Толстой Л. Собрание сочинений. В 20 т. Т. 7. Москва, 1963. С. 267.

15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Москва, 2003. С. 313.

16. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Москва, 1997. С. 12.

17. Чумаченко Т. Власть и русская православная церковь: отношения, рожденные войной (К вопросу о причинах возрождения государственно-церковных отношений и пределах их эволюции) // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007.

18. Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания : в 3-х т. Т. 2. Москва, 1990. С. 40.

19. Эренбург И. Люди. Годы. Жизнь. Воспоминания : в 3-х т. Т. 3. Москва, 1990. С. 34.

20. Юзовский Ю. О «Даме с камелиями» и красоте жизни. Литературный критик. 1934. № 6.

Reference List

1. Adorno T. Negativnaja dialektika = Negative Dialectics. Moskva, 2003. S. 327.

2. Andreev D. Roza mira. Metafilosofija istorii = The Rose of the World.. Metaphilosophy of History. Moskva, 1991. S. 224.

3. Astaf'ev V. Prokljaty i ubity = The Cursed and the Slain. Moskva, 2011. S. 436.

4. Gippius Z. Zhivye lica. Stihi. Dnevniki = The Living Faces. Poems. Diaries. Tbilisi, 1991. S. 320.

5. Grossman V. Zhizn' i sud'ba = The Life and Fate. Moskva, 1988. S. 622, 623.

6. Dostoevskij F. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 22. = Complete Works in 30 Volumes. Volume 22 Leningrad, 1981. S. 123, 124, 126.

7. Kajua R. Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe = Myth and man. Man and the sacred. Moskva, 2003. S. 279, 280.

8. Molodchik A. Vojna posle vojny. Social'nye voprosy gosudarstvennoj politiki v uslovijah poslevoennogo vosstanovlenija jekonomiki = War after War. The Social Issues of Public Policy in the Context of Post-war Economic Recovery // Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii. Cheljabinsk. 2007. S. 146.

9. Pasternak B. Doktor Zhivago = Doctor Zhivago. Moskva, 1989. S. 503.

10. Roberts D. Iosif Stalin. Ot Vtoroj mirovoj do «holodnoj vojny» = Joseph Stalin. From World War II to the «Cold War». Moskva, 2014. S. 463.

11. Solzhenicyn A. Publicistika. V 3-h t. T. 1. Obshhestvennye zajavlenija, pis'ma, interv'ju = Non-fiction in 3 volumes. V.1. Public Statements, letters, interviews. Jaroslavl', Verhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1996. S. 196, 197, 198.

12. Solzhenicyn A. Publicistika. V 3-h t. T. 2. Obshhestvennye zajavlenija, pis'ma, interv'ju = Non-fiction in 3 volumes. V.2. Public Statements, letters, interviews.. Jaroslavl', Verhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. 1996. S. 322.

13. Stalingrad. Velichajshij proval Gitlera. 1942-1943. Stalingradskaja bitva glazami amerikanskih i britanskih zhurnalistov = Stalingrad. The Great Failure of Hitler. 1942-1943. The Battle of Stalingrad as Viewed by American and British Journalists. Moskva, 2013. S. 57.

14. Tolstoj L. Sobranie sochinenij. V 20 t. T. 7 = Collective Works in 20 volumes. V. 7. Moskva, 1963. S. 267.

15. Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne = The Philosophical Discourse of Modernity. Moskva, 2003. S. 313.

16. Horkhajmer M., Adorno T. Dialektika Prosveshhenija = The Dialectics of Education. Moskva, 1997. S. 12.

17. Chumachenko T. Vlast' i russkaja pravoslavnaja cerkov': otnoshenija, rozhdennye vojnoj (K voprosu o prichinah vozrozhdenija gosudarstvenno-cerkovnyh otnoshenij i predelah ih jevoljucii) // Opyt mirovyh vojn v istorii Rossii = Power and Russian Orthodox Church: Relations Born of War (In relation to the reasons for the revival of State-church relations and the limits of their evolution) // Experience of World Wars in Russian History. Cheljabinsk, 2007.

18. Jerenburg I. Ljudi. Gody. Zhizn'. Vospominanija v 3-h t. T. 2. = People. Years. Life. Memoirs. In 3 volumes. V.2. Moskva, 1990. S. 40.

19. Jerenburg I. Ljudi. Gody. Zhizn'. Vospominanija v 3-h t. T. 3. = People. Years. Life. Memoirs. In 3 volumes. V.3. Moskva, 1990. S. 34.

20. Juzovskij Ju. O «Dame s kamelijami» i krasote zhizni = On “Lady with Camelia” and the Beauty of Life. Literaturnyj kritik. 1934. № 6.

УДК 008

Чжан Цзунхуа **https://orcid.org/0000-0002-5736-5532**
Цзян Яньхун **https://orcid.org/0000-0001-9092-6701**

Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949)

Для цитирования: Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун Русское дворянство и восточноазиатская культура в Шанхае (1917-1949) // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 160-174.
DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-160-174

В статье рассматривается история пребывания русских дворян в Шанхае после Октябрьской революции (1917-1949) и их деятельность в различных областях. Отмечается, что с получением статуса открытого города в 1843 г. и упразднением иммиграционных правил город стал привлекательным местом для вынужденных переселенцев, разного рода авантюристов, а также для торговых людей, включая русских купцов и промышленников. Подчеркивается, что массовая эмиграция русских дворян в Шанхай началась в 1918 г., причем все местное население, включая многочисленных граждан других государств, было против присутствия в городе русских, среди которых было много людей без средств к существованию. Отмечается, что после установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1924 г. произошла дифференциация российских эмигрантов на граждан СССР и на эмигрантов-белогвардейцев без гражданства, причем представители русской аристократии отказывались принимать советское гражданство, предпочитая гражданство других стран, включая китайское гражданство. Подчеркивается, что в ходе адаптации к местным условиям российские эмигранты-дворяне к концу 1920-х годов стали хорошо одетыми, энергичными жителями Шанхая, к середине 1930-х годов их численность возросла до 20 тыс. человек. Отмечается, что 70 % эмигрантов-белогвардейцев имели постоянную работу, другие 30 % делились поровну на людей свободных профессий и уголовный элемент. Отмечается активное участие эмигрантов-дворян в экономической жизни Шанхая, имевших в собственности универмаги, магазины, аптеки, парикмахерские. Исследуется активное участие эмигрантов-дворян в культурной жизни Шанхая, в частности, Шанхай стал литературным центром российской диаспоры в Китае. Здесь функционировали три русских музыкальных центра, включая Шанхайский симфонический оркестр. Отмечается большой вклад российских эмигрантов-дворян в развитие системы образования Шанхая. Они основали 12 общеобразовательных групп, 5 российских школ, 12 технических училищ, 3 дворянских образовательных учреждения. В заключение подчеркивается, что демократическая система, установленная в Шанхае капиталистическими странами Европы и Америки, обеспечивала российским эмигрантам-дворянам относительную свободу и дала возможность проявить свои таланты в сфере политики, экономики и культуры.

Ключевые слова: Октябрьская революция, русские эмигранты-дворяне, изгнание в Шанхае, успех.

Zhang Zonghua, Jiang Yanhong

Russian nobility and east-asian culture in Shanghai (1917-1949)

This paper is a historical review of the Russian nobility's presence in Shanghai after the October Revolution (1917-1949). It is noted that after obtaining the status of an open city in 1843, the immigration regulations having been demolished, the city became an attractive place for forced migrants, adventurers, fortune-seekers and merchants, including Russian tradesmen and manufacturers. The authors claim that mass immigration of the Russian nobility to Shanghai started in 1918, with the whole local population including numerous foreign citizens being against it, the more so as many of the Russian immigrants were without means of support. It is stated that the period following 1924 when diplomatic relations were established between China and the Soviet Union saw differentiation of Russian migrants into the Soviet citizens and the White Russian emigrants. Moreover, representatives of the Russian nobility refused to take Soviet citizenship favouring the citizenship of other countries including China. It is worth noting that having adjusted to local customs at the end of the 1920s, the Russian nobility, now vigorous and well-dressed people, were actively involved in the life of Shanghai. By mid-1930s their population had increased to 20 thousand people. 70 % of the White Russian immigrants had regular jobs with the other 30 % being involved in freelance and criminal activities. The Russian nobility's active participation in Shanghai economic life is proved by their running department stores, small shops including chemist's and hairdressing salons. The article also explores the Russian nobility's involvement in the cultural life of Shanghai, illustrating it by the fact of Shanghai's becoming a literary center of the Russian expatriate

© Чжан Цзунхуа, Цзян Яньхун, 2020

community in China. The authors also note the establishment of 3 Russian musical centers including Shanghai symphony orchestra. It is emphasized that the Russian noble immigrants greatly contributed to the development of the educational system of Shanghai. They established 12 general education groups, 5 Russian schools, 12 technical schools, 3 educational institutions for the noble families. The research highlights the fact that the democratic system established in Shanghai by the capitalist countries of Europe and America gave the Russian nobility relative freedom as well as the opportunity to demonstrate their talents in political, economic and cultural realms.

Keywords: October Revolution, Russian nobility migrants, expatriation in Shanghai, success.

Диаспоры давно являются общественно-политической реальностью. История России в XX веке была захватывающей: две мировые войны и «Холодная война» между Востоком и Западом, в которых Россия была основным полем битвы; три национальные революции (Февральская революция 1917 г., Октябрьская революция 1917 г., перестройка, проводившаяся М. Горбачевым, и реформы, осуществлявшиеся Б. Ельциным) значительно изменили судьбу и внешность русской нации и всего мира. В 1917 году Октябрьская революция привела к коренным изменениям в политических, социальных, экономических и культурных структурах России, а миллионы русских эмигрантов отправились в изгнание по всему миру. Китайские ученые детально исследовали различные аспекты пребывания российских экспатриантов в Китае после Октябрьской революции. Однако авторы намерены продолжить изучение данного вопроса, начатое в предыдущей статье [Чжан Цзуньхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань, 2017], так как социально-экономическая и культурная адаптация русских дворян-эмигрантов в Шанхае продолжалась в течение последующих лет, что требует дальнейшего рассмотрения.

1. История пребывания русских дворян в Шанхае

Русские эмигранты в Китае до Октябрьской революции

Трехсотлетняя история пребывания русских в Китае прослеживается с 1780-х годов до 1950-х годов и разделяется на четыре периода: с конца XVII века до середины XIX века, с середины XIX века по начало XX века, после Октябрьской революции, а также во время Второй мировой войны [Хуан Диньтян, 2004, с. 15]. После Октябрьской революции Харбин, который уже сформировал «небольшую российскую диаспору» благодаря строительству железной дороги на Дальнем Востоке, стал идеальным убежищем для этих людей. Значительная часть российских экспатриантов осела в Харбине, но многие продолжили свой путь через различные города и водные пути Китая к Шанхаю. Российская диаспора прошла три этапа своего пребывания в Шанхае: 1917-1933, 1933-1941 и 1941-1949 гг. [Ван Чжичэн, 1995, с. 60].

Шанхай, будучи расположенным в середине западной части Тихого океана и в дельте Янцзы – водного пути, соединяющего многие города и провинции Китая – предоставлял уникальные возможности для развития внешней и внутренней торговли. Это «Золотое побережье» как в XIX-ом, так и в XX-ом в. привлекало особый интерес европейских и американских предпринимателей, что способствовало укреплению Шанхая как международного торгового центра на Дальнем Востоке [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 48]. В ноябре 1843 года Шанхай получил статус открытого города, так как здесь в качестве господствующей укрепилась власть не связанных с Китайской Империей социально-политических групп, преследовавших свои экономические интересы. Местные власти Шанхая имели исключительную юрисдикцию, упразднившую иммиграционные правила, что сделало город привлекательным местом для авантюристов, изгнанников и преследуемых людей. По причине многонационального населения Шанхай получил название «Город десяти тысяч стран» и превратился в международный город, в котором также обосновались крупные финансовые и торговые институты мира [Мосински Сэм, 2012, с. 25]. В Шанхае существовали три типа муниципальных органов власти и четыре типа судебной системы (верховный консульский суд, консульские суды, смешанный суд и китайские суды), три системы полиции, три транспортные системы. В городе функционировали три системы водоснабжения, три системы электропитания и два режима напряжения тока. Для трамваев существовало два типа шин [Сюн Юечжи, 2008, с. 1].

Шанхай в 1920-х и 1930-х годах превратился в многофункциональный экономический и культурный центр, объединявший судоходство, внешнюю торговлю, финансы, промышленность и информационные ведомства. Население Шанхая пополнялось как за счёт внутренней миграции китайского контингента из провинций Цзянсу, Чжэцзян и других 18 провинций, так и за счёт международной миграции из Великобритании, Франции, Японии,

России и других стран. Шанхай стал крупнейшим городом Китая по числу проживавших иностранцев.

Местная шанхайская валюта была диверсифицирована. Западные страны создали в Шанхае 18 банков, чтобы выпускать банкноты разных номиналов, символов, цветов и узоров. Среди крупных международных центров Шанхай не знал себе равных в мире по распространению валютной массы. В Шанхае сосуществовали различные системы образования, различные религиозные верования и районы для проживания людей, приехавших из разных мест, а также районы смешанного проживания. Этот плюрализм оказался возможным, потому что Шанхай той эпохи находился на краю как китайского, так и внешнего государственного контроля за правами, в регионе со сложным множеством культурных влияний. Великобритания, Франция, США и другие страны понуждали власти Шанхая к демократической системе западного стиля, в которой осуществлялись свобода слова, собраний, ассоциаций. Шанхай являлся «государством в государстве». Все группы иммигрантов могли легко найти место для проживания в Шанхае.

За 100 лет в Шанхае не существовало единой господствующей тенденции жизненных обычаев и образа жизни, не существовало единой чисто национальной культуры. Мирное сосуществование разнообразных восточных храмов и христианских церквей позволяло мигрантам из разных стран относительно легко сохранять свои культурные модели в Шанхае. Жизнь на чужой земле помогала мигрантам избавиться от психологического барьера своей культуры и легко воспринимать культурные реалии других народов.

В 1860 году российское правительство создало надзорное консульство в Шанхае. Консулами были американец Грид и британский дипломат Харт. В 1862 году была заключена китайско-российская конвенция о торговых маршрутах. Российские торговцы чаем в Ханькоу стали первыми российскими экспатриантами в Шанхае. В 1875 году пост надзорного консула России в Шанхае занял русский чиновник. В 1880 году российское правительство назначило Рединга управляющим официальными и коммерческими интересами России. Согласно китайско-японскому договору, заключённому в Шимоносеки после окончания войны 1894-1989 годов, Япония получила остров Ляодун, но была вынуждена отказаться от его оккупации под объединённым влиянием России, Франции и Германии. Чтобы усилить борьбу с Японией на Дальнем Востоке и обеспечить возможность строительства Транссибирской железной дороги, российское правительство официально основало Генеральное консульство России в Шанхае в 1896 году и последовательно создало некоторые важные институции, такие как Большая телеграфная компания, Китайско-российский победоносный банк, Российское почтовое отделение и так далее. Согласно статистическим данным Бюро промышленности и торговли Шанхайской государственной концессии, с 1865 по 1890 год среднее число россиян, проживавших в общественных местах для иностранцев, составляло всего 4 русских мигранта. С конца XIX века число россиян в Шанхае увеличилось, с 28 в 1895 году до 47 в 1900 году [Ван Чжичэн, 1996, с. 61].

После ввода в эксплуатацию Транссибирской магистрали в 1916 году Шанхай стал ближайшим портом, отправлявшим суда в Россию и Европу. В это время Россия уже открыла регулярное судоходное сообщение от Владивостока до Шанхая. В течение 10 лет между русско-японской войной и началом Первой мировой войны общее число россиян в двух арендных кварталах в Шанхае составляло около 400, включая небольшое количество русских евреев [Ван Чжичэн, 2007, с. 1]. Однако с поражением в русско-японской войне, Шанхай стал важной базой и целью для России в борьбе за сферу влияния в Китае. В Шанхае появилось несколько представительств и офисов московских фирм, а русские мигранты начали открывать свои фирмы на Нанкинской улице Шанхая. В 1904 году в Шанхае в Жабейском районе был возведён православный собор, и Шанхай, наконец-то, стал «родным городом русских». В отличие от евреев сефарди, для русских евреев коммерция не была мотивом для переселения в Китай. В 1880-х годах это было результатом антиеврейской политики, проводимой в Восточной Европе и в России царским правительством. Гражданская война, вызванная революцией 1917 года, заставила большое число русских евреев покинуть пределы России и направиться в северную часть Китая и далее на юг вплоть до прибытия в Шанхай.

Шанхайские русские эмигранты-дворяне в 1920-е годы

После Октябрьской революции почти 2 миллиона россиян были вынуждены бежать в разные части света. Советский писатель И. Эренбург в своих репортажах проанализировал причины их эмиграции, он писал: «Некоторые люди сбежали из-за внезапного и ужасного террора. Многие бежали от голода, а некоторые бежали, потому что их соседи бежали, эти простые причины определяют судьбу миллионов людей». В Европе российские эмигранты в основном были сосредоточены в Париже, Лондоне, Берлине, Праге, Софии и других больших городах, в Китае они в основном жили в районах вдоль железных дорог в Харбине, Шанхае, Пекине, Тяньцзине, Циндао и Синьцзяне. Царские генералы, министры, дворяне

и их семьи покинули свои великолепные особняки и усадьбы, чтобы пересечь холодную Сибирь и осесть сначала в северо-восточном Синьцзяне, а также в Харбине и других местах. Таким образом Китай также стал прибежищем для аристократических семей, представителей оппозиционных политических партий и художников, представлявших дореволюционные российские культурные круги. В Харбине количество россиян, осевших в этом городе, достигло 200 000 человек и даже превысило число местных жителей. «Харбин известен как крупнейший в Китае центр размещения русских эмигрантов» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 68].

В начале 1918 года в Шанхай прибыли первые русские беженцы-дворяне. Все три ветви властей Шанхая: государственная концессия, французская концессия и китайский сектор, – были против присутствия новых беженцев, но недовольство местных властей не остановило поток русских эмигрантов. 5 декабря 1922 года и 14 сентября 1923 года генералы Г. К. Старк и Ф. Л. Глебов прибыли в порт Узун на военных российских кораблях, которые перевезли в Шанхай тысячи новых беженцев-белогвардейцев. На улицах Шанхая внезапно появились 2000 нищих россиян, которые резко контрастировали с русскими мигрантами, уже много лет проживавшими в городе. Появление вооруженного флота под флагом могущественной страны, которая больше не существовала, оказывало грубое давление, что, естественно, вызывало негативную реакцию всех слоев общества Шанхая. Подавляющее большинство китайских и иностранных властей Шанхая и представителей всех слоев общества выступали за оказание некоторой помощи, чтобы белогвардейцы-эмигранты могли покинуть Шанхай. На тот момент общее количество русских беженцев, оказавшихся в Шанхае, достигло более 6000 человек.

31 мая 1924 года Китай и Советский Союз установили дипломатические отношения и подписали ряд соглашений, в совокупности названных «Китайско-российским соглашением». Эта серия соглашений заложила основу не только для восстановления правительством Китая своих прав, которые оно потеряло на Дальневосточной железной дороге, но и сохранило контроль Советского Союза за работой железнодорожной магистрали. Эти соглашения привели к дифференциации русских эмигрантов Харбина на граждан Советского Союза, проживающих на территории Китая и белогвардейских эмигрантов без гражданства. Старые русские дворяне стали обращаться с просьбой о получении советского гражданства и в 1926 году 1866 русских эмигрантов Харбина стали советскими гражданами [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 76]. Большинство беженцев, таких как русская аристократия, бежавшая через Сибирь в Китай, отказались принять советское гражданство, а некоторые русские аристократы предпочли принять китайское подданство, чтобы обеспечить себе право на работу. Дворяне-белогвардейцы, которые отказались принять как советское, так и китайское подданство, потеряли работу и стали лицами без гражданства. Они были вынуждены покинуть Харбин и отправиться либо в Шанхай, либо за границы Китая. Количество русских эмигрантов в Китае сократилось с 155 000 человек в 1922 году до 55,959 в 1927 году, из которых 30 322 были белогвардейцы, не имевшие гражданства [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 80]. На материковой части Китая Шанхай стал первым местом приюта для этих людей. Начиная с 30 мая 1925 года около двух тысяч дворян-белогвардейцев прибыли из Харбина в Шанхай [Ван Чжичэн, 1993, с. 75, 97]. По подсчётам Шанхайской группы русских эмигрантов, в то время в Шанхае насчитывалось более 20000 россиян. В 1934 году шанхайская газета «Заря», писала, что число россиян, проживающих в городе, превышает 25000 человек. В 1930-е годы численность россиян, прибывших в Шанхай на протяжении 12 лет, возросла в 12 раз, тогда как общее количество эмигрантов из других стран за тот же период увеличилось в два раза [Ван Чжичэн, 1993, с. 59]. В 1902 году в Шанхае обосновалось 25 семей российских евреев. После Октябрьской революции, в 1924 году, численность евреев, проживавших в Шанхае достигла 800-1000 человек [Пан Гуан Ван Цзянь, 2002, с. 25]. В 1930-х годах переселение российских евреев в Шанхай было масштабным по ряду причин.

В 1929-1933 годах разразился мировой экономический кризис, который сильно повлиял в северо-восточном регионе Китая на международную еврейскую торговлю мехом. В результате инцидента 18 сентября 1931 года в Маньчжоу-Го было создано бюро по делам белогвардейцев, которое в 1934 году стало контролировать евреев на северо-востоке страны, вследствие чего в середине 1930-х годов около 70 % евреев Харбина прибыло в Шанхай. Численность российской еврейской общины Шанхая достигла 4000 человек, значительно превысив число евреев-сефардов, до этого крупнейшей еврейской общины в Шанхае [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 26].

Большое количество российских беженце осело в Шанхае, что очень осложнило их социально-экономические проблемы на протяжении 1920-х годов. С конца 1922 года по лето 1925 года в Шанхае более половины россиян были безработными. Дальневосточный казачий кавалерийский корпус во главе с генералом Ф. Л. Глебовым находился в тупиковой ситуации, не имея реального её решения. Воспоминания о прежней жизни и славной истории царской эпохи преследовали их, вызывая глубокую ностальгию и психологический стресс. Жизнь в изгнании по сравнению с роскошью прошлого и воспоминания приносили им большую скорбь. Всякий раз, когда наступала глубокая ночь, во французском секторе Шанхая ресторан «Русская кухня» был местом необыкновенно оживлённым, некоторые были пьяны, некоторые дразнили горничных, а некоторые сидели одни в темных углах и пили кофе. Они ненавидели большевиков, они тосковали по родине, но все это стало мечтой о прошлом ...

Великие изменения в истории Китая вскоре позволили русским эмигрантам-дворянам избавиться от затруднительного положения. Когда 30 мая 1925 года в Шанхае начались социально-политические волнения, весь город был парализован. Городские власти наняли более двух тысяч русских белогвардейцев, приехавших из Харбина в Шанхай, чтобы заменить китайских рабочих, которые объявили забастовку. В 1926 году Северная революционная армия прибыла в Шанхай. В 1927 году Общественный сектор Шанхая совместно с Французским сектором использовали российских белогвардейцев-эмигрантов, особенно казаков и курсантов военных школ, чтобы защитить безопасность концессии. Они создали команду Шанхайской международной торговой группы из российских беженцев и разрешили им жить в Шанхае на законных основаниях. 7 ноября 1927 года в Генеральном консульстве СССР в Шанхае состоялось мероприятие, посвященное 10-летию Октябрьской революции. Русский комитет по правам беженцев-россиян призвал белогвардейцев объявить 7 ноября забастовку, в тот же день состоялось траурное шествие перед Генеральным консульством СССР. Шанхайская газета «Заря» также опубликовала статьи и мемуары о крупных событиях после Октябрьской революции. Русские, живущие в изгнании в Шанхае, были неимущими, истощенными и без гроша. Они в основном полагались на помощь, благотворительность и прибежище, предоставляемые благотворительными организациями различных административных органов Шанхая. В пиковый период около 3500 российских беженцев, существовавших на благотворительную помощь, составляли половину от общего числа русских эмигрантов в Шанхае. Но в 1920-х годах вошёл в силу государственный закон об особом статусе Шанхая, в котором отмечалось: «Шанхай является одним из городов новейшего типа, известным во всём мире иммиграционным центром, в котором не важен прежний статус жителей» [Чжу Сяоци, 2002, с. 63]. Население Шанхая терпело и субсидировало российских эмигрантов, обосновавшихся в Шанхае, создавших новые поселения для шанхайских русских. Экономически состоятельные россияне-дворяне жили в основном на территории французской концессии и искали работу в относительно хорошо оплачиваемых иностранных компаниях. В 1928 году на территории французской концессии количество русских эмигрантов превышало в три раза численность китайцев. Улица Xiafeilu вскоре стала второй новой шумной улицей в Шанхае, уступая только Nankinglu. Русскими эмигрантами-дворянами она была названа «Невским проспектом» [Ван Чжичэн, 2007, с. 70].

Русские также начали проявлять себя во многих областях общественной жизни. В конце 1920-х годов более одной десятой врачей, архитекторов и инженеров Шанхая составляли русские эмигранты. Различные русские литературные и художественные сообщества были созданы одно за другим. Социальная и культурная деятельность российских эмигрантов стала все более процветающей. В 1920-х годах на севере Китая произошли несколько природных катастроф, и русская эмигрантская общественность провела благотворительный концерт, чтобы своими скромными силами помочь пострадавшему китайскому населению. В 1922 году они пожертвовали 24 000 юаней [Ван Чжичэн, 2007, с. 236]. В конце 1920-х годов нищие прежде русские эмигранты стали постоянными, хорошо одетыми и энергичными гражданами Шанхая. Они с большими надеждами вступили в экстраординарные 1930-е годы.

Русская эмиграция в Шанхае в 1930-е годы

С 1930 по 1931 год в Шанхае насчитывалось 3 724 русских эмигранта. 18 сентября 1931 года Япония начала оккупацию Северо-Востока Китая и российские эмигранты из Харбина, служившие на Восточно-Китайской железной дороге, переехали в Шанхай. В 1932 году японские власти создали государство Маньчжоу-Го. После того, как Советский Союз принял решение продать Даль-

невосточную дорогу Японии и властям марионеточного Маньчжоу-Го в 1935 году, большинство сотрудников-белогвардейцев и советских эмигрантов были уволены, в Шанхай прибыли 2285 белогвардейцев и 204 советских граждан [Ван Чжичэн, 1994, с. 61]. Согласно неполным статистическим данным, после передачи ближневосточной железной дороги Японии в Советский Союз вернулись около 30000 проживавших в Харбине россиян, в том числе тысячи белогвардейцев, не имевших гражданства, с временными советскими паспортами. В период сталинской чистки НКВД издал приказ 00593, в результате которого было арестовано 50000 «харбинцев» и 30992 из них были казнены [Чжун Нан, 2011, с. 25, 26]. В 1936 году В Харбине осталось только 30 589 белогвардейцев и 7804 советских граждан [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 90].

В середине 1930-х годов число россиян, которые переехали в Шанхай, достигло 15000-20000 человек, в том числе 4 000 евреев. Русская диаспора была не только многочисленна, но и располагала относительно хорошей экономической базой, которая сыграла определенную роль в развитии бизнеса и промышленности русских эмигрантов. Увеличение числа российских эмигрантов объективно потребовало более совершенного управления общиной. До 1920-х годов русские в Шанхае находились под управлением российских консульских должностных лиц. Генеральный российский консул в Шанхае В. Ф. Гроссе занимал эту должность в течение 20 лет. В 1920 году пекинское правительство закрыло посольство Российской Империи в Китае. Вскоре после установления китайско-советских дипломатических отношений в 1924 году В. Ф. Гроссе основал «Шанхайскую федерацию России» и был избран президентом, став де-факто лидером белогвардейских эмигрантов Шанхая. После инцидента 28 января 1932 года русские дворяне-эмигранты Шанхая из Общего сектора перебрались во Французский сектор. Улица Xiafeilu стала местом сбора русских дворян-эмигрантов. Это делает Xiafeilu и её окрестности частицей русского мира, вскоре получившей название «Восточный Санкт-Петербург». Согласно статистическим данным, к середине 1930-х годов в этой части города насчитывалась 1000 личных автомобилей, что составляло 1/10 от общего количества автомобилей в городе. Здесь более 1000 магазинов принадлежало русским торговцам-эмигрантам, а также была построена великолепная православная церковь. Были открыты различные школы для детей русских эмигрантов, больницы, банки, газеты, журналы, клубы, издательства и библиотеки. В то время общее количество русских эмигрантов в Шанхае составляло около 16 000 человек [Ван Чжичэн, 1994, с. 62].

В середине 1930-х годов белогвардейцы Шанхая начали поляризоваться. Среди эмигрантов-дворян и торговцев были миллионеры, например, В. С. Касепкин, открывший фарфоровый магазин «Руйчэн» Кроме самых богатых и самых бедных русских эмигрантов, 70 % россиян имели постоянную работу, а другие 30 % белогвардейцев-эмигрантов представляли собой два диаметрально противоположных типа: людей свободных профессий и тех, кто использовал незаконные средства для зарабатывания на жизнь. Русские уголовные элементы включали воров, мошенников, международных шпионов, профессиональных убийц, создателей фальшивых банкнот, наркоторговцев и тех, кто стал японскими наёмниками во время падения Шанхая. Многие русские дворяне безработны, бедны, пьянствуют, играют в азартные игры. Они живут попрошайничеством, воровством и более серьёзными преступлениями. Некоторые русские девушки, не имея постоянной работы, вынуждены добывать средства к существованию как платные партнёрши для танцев в пабах и ночных клубах и даже заниматься проституцией.

В 1937 году японцы вторглись в Китай. Подавляющее большинство россиян проживали на территории Французского и Общего секторов, они не сильно пострадали.

В 1930-е годы дворяне-белогвардейцы в Шанхае все еще были очень довольны своей жизнью, и русская культура вскоре вступила в период великого процветания. Между Японией и Соединенным Королевством, а также Соединенными Штатами не было открытой конфронтации. Хотя Общий сектор и Французский сектор находились в окружении территории, оккупированной японской армией, но Англия, США, Франция и ряд других стран продолжали пользоваться своими привилегиями в Шанхайской концессии. В результате русские эмигранты в Шанхае по-прежнему могли вести мирную «островную» жизнь.

Русские эмигранты-дворяне в 1940-е годы

Перед началом Второй мировой войны настроения русских дворян-эмигрантов Шанхая изменились. 4 сентября 1939 года в Шанхае были распроданы все британские и российские вечерние газеты. Звонки в редакционный отдел агентства «Новости» были бесконечными, и чита-

тели спрашивали, появилась ли свежая информация о делах в Европе. Различные группы российских эмигрантов-белогвардейцев в Шанхае, обсудив ситуацию, выступили с совместным заявлением «К русскому народу», заявив, что они всегда будут несовместимы с советским коммунизмом. Грядущая война Германии с Советским Союзом – это способ освободить русский народ от коммунизма. Декларация Комитета русских эмигрантов, влиятельной группы в российской диаспоре Шанхая, продемонстрировала свою позицию: строгий нейтралитет, упорство в антикоммунизме и отказ поддержать Советский Союз в сопротивлении захватчикам.

Хотя лидеры белогвардейского дворянства сохраняли свою антисоветскую позицию, у рядовых россиян-эмигрантов пробудился высокий патриотический энтузиазм. Многие из них выразили готовность вернуться в Советский Союз и бороться с Германией. Русские эмигранты пожертвовали деньги в Московский национальный банк Шанхая. Советское правительство со своей стороны также предоставило условия для ускоренной натурализации эмигрантов-белогвардейцев.

В декабре 1941 года, когда началась Тихоокеанская война, японская администрация, захватившая Шанхайскую концессию, усилила контроль над собственностью стран-противников и русскими эмигрантами в Шанхае. Однако в связи с подписанием в апреле 1941 года «Советско-японского договора о нейтралитете» россиянам-эмигрантам посчастливилось не попасть в лагеря для эмигрантов из стран-противников. Отношение лидеров русской диаспоры Шанхая к Японии изменилось. Полковник Сережников, исполнявший обязанности председателя Комитета русских эмигрантов, издал пять последовательных распоряжений и постепенно занял прояпонскую позицию. Экономический контроль Японии над Шанхаем привел к истощению сырьевых ресурсов. Многие японцы вступили в англо-американские предприятия и оставили русских эмигрантов без работы. Несмотря на то, что Советский Союз добился больших побед во Второй мировой войне, русские дворяне-эмигранты предвидели, что возвращение в Советскую Россию грозит не только опасностью, но и гибелью: «На протяжении более 20 лет мы всегда были несовместимы с русским коммунизмом. В прошлом мы не верили и теперь всё еще не верим, что советский режим будет изменяться и развиваться. И мы, русские, никогда не забудем и не простим оскорблений и преследований советской власти в отношении Православной церкви и убийства наших семей. Мы не простим гибели миллионов русских людей в концентрационных лагерях на протяжении многих лет, преступлений, репрессий ЧК и насилия в отношении солдат» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 214].

15 августа 1945 года японское правительство капитулировало. Русские, китайцы, иностранцы – представители всех слоев общества радовались, но у русских эмигрантов возникло некоторое беспокойство. Во-первых, в период правления марионеточной японской администрации одна часть русских дворян сотрудничала с японскими оккупантами из-за крайней враждебности к Советскому Союзу. Другая часть русских дворян, движимая экономическими интересами, сотрудничала с японскими военными для перепродажи стратегических товаров. Комитет русских эмигрантов Шанхая сотрудничал с Японией во время войны, что серьезно повредило общественному имиджу всей организации и привело к попытке ликвидировать Комитет после войны. Во-вторых, «Китайско-советский договор о дружбе и сотрудничестве», подписанный китайским правительством и Советским Союзом, сделал правительство Гоминьдана осторожным в отношении к русским эмигрантам-дворянам. В-третьих, после начала Тихоокеанской войны многочисленные неимущие русские эмигранты составили конкуренцию китайским рабочим в трудоустройстве. С этой целью Национальное правительство и Шанхайское муниципальное правительство соответственно обнародовали ряд местных законов и правил для управления общиной белогвардейцев-эмигрантов, не имевших своего политического представительства. Ограничение права эмигрантов-белогвардейцев на трудоустройство в Шанхае привело к тому, что жизненные трудности вынудили их покинуть город.

В апреле 1946 года Министерство внутренних дел дало указание Шанхайскому муниципальному правительству предоставить краткую информацию о количестве и распределении экспатриантов-белогвардейцев, на подозреваемых в нарушении законов собрать доказательства их вины, а также издать и применить на практике правила проживания лиц без гражданства. Правительство помогало эмигрантам с советскими паспортами изменить статус на лиц без гражданства. Несмотря на это, после известий об эвакуации русских эмигрантов в Советский Союз в июне 1947 года большое количество российских эмигрантов подали заявления о получении советского граждан-

ства. Ежедневно около 500-600 человек стояли в очереди перед консульством Советского Союза [Сюй Чжэньнин, 2008, с. 15].

После этого изменение гражданства советских эмигрантов и русских эмигрантов стало обычным явлением. Чтобы избежать вмешательства Советского Союза и проникновения советских шпионов в процессе изменения гражданства в феврале 1948 года был выпущен секретный приказ о прекращении действия закона о помощи эмигрантам-белогвардейцам. Правительство Гоминьдана, которое было не в состоянии препятствовать гражданской войне, изменило меры по управлению русскими эмигрантами. С одной стороны, когда русские эмигранты без гражданства покидали Китай, они могли подать заявление на получение паспорта «Нансена» или паспорта без гражданства, которые позволяли оформление визы. С другой стороны, Департамент полиции по делам иностранцев активизировал контроль за эвакуацией русских эмигрантов в Советский Союз. Для тех, кто подозревался в шпионаже, были приняты строгие меры отслеживания и пресечения влияния коммунистически настроенных эмигрантов на местное население. В апреле 1947 года полиция отказала во въезде двум русским эмигрантам с Филиппин в Шанхай по причине отсутствия визы. Была упрощена процедура подачи заявления на получение китайского гражданства для русских эмигрантов. В первой половине 1946 года около ста российских граждан обратились с просьбой о получении китайского гражданства и получили его. Со второй половины 1947 года до первой половины 1948 года более 60 россиян успешно подали заявления на получение китайского гражданства. 23 октября 1948 года 135 беженцев-белогвардейцев из Северо-Западного Ланьчжоу получили разрешение на проживание и работу в Шанхае.

Во время Второй мировой войны советское правительство начало проводить более гибкую и толерантную политику. Русские эмигранты в Шанхае быстро разделились на два лагеря: половина из них постепенно получила советское гражданство, и 4000 человек вернулась в Советскую Россию небольшими партиями до конца 1947 года. Другая половина русских эмигрантов, то есть более 7 тысяч, отказалась от получения советского гражданства и в соответствии с договоренностями Международной организации по делам беженцев весной 1949 года более 5000 человек были отправлены на остров Самар на Филиппинах, а другие – в разные страны. В 1947 году Управление полиции Шанхая сообщило, что в городе осталось 7614 советских эмигрантов и 9 054 эмигранта-белогвардейца, в общей сложности 16 658 человек. В 1944 -1946 годах около 120 000 человек в Синьцзяне получили советское гражданство и советские документы для проживания за рубежом [Хуан Динтянь, 2004, с. 17, 19]. После Второй мировой войны, с 1947 по 1952 год, в результате политики эвакуации, проводимой советским правительством, некоторые российские эмигранты вернулись в Советский Союз, а другая часть переехала в Австралию, Канаду и США из-за ухудшения китайско-советских отношений. Русские эмигранты Шанхая оказались в опасности и были вынуждены покинуть Китай. Когда большинство советских эмигрантов по приказу советского правительства вернулись в Советский Союз, а белогвардейская и русская диаспора также покинула Шанхай, то в этом городе, ранее процветавшем как один из дальневосточных культурных центров русской эмиграции, прекратилась русская жизнь.

2. Деятельность русских эмигрантов-дворян в Шанхае

Политический и военный аспекты

Во время третьего вооружённого восстания китайских рабочих Шанхая военное руководство города привлекло 21 марта 1927 года белогвардейцев-наёмников для подавления беспорядков. Белогвардейцы были втянуты в гражданскую войну в Китае самой судьбой и понесли большие потери в ряде кровопролитных сражений. На обширной земле Китая от Шэньяна до Шанхая, от Циндао на побережье Тихого океана до Кайфэна, столицы провинции Хэнань, в столице провинции Шаньдун городе Цзинань – везде и всюду есть кладбища, где похоронены русские солдаты и офицеры, погибшие в гражданской войне в Китае [Чжу Сяоци, 2002, с. 168].

В начале 1927 года генерал-лейтенант Ф. Л. Глебов сформировал российский полк, впоследствии ставший регулярной армией Шанхайской международной торговой группы. 28 января 1932 года в Шанхае японские оккупанты неожиданно начали атаку против подразделений Гоминьдана, после этого 11 военнослужащих-белогвардейцев вошли в состав пехотной бригады Шанхайской международной торговой группы. Еврейский отряд Шанхайского внешнеторгового корпуса принял участие в военном эскорте внешнеторговых миссий в 1937 и 1938 годах и был награжден Министерством промышленности и

торговли Шанхая [Пан Гуан, Ван Чзянь, 2002, с. 42].

В период антияпонской войны белогвардейцы-дворяне Шанхая и представители других диаспор также активно присоединились к китайской армии, чтобы помочь в борьбе с захватчиками. В китайских вооруженных силах воевал 451 иностранец: 152 американца, 124 француза, 115 советских граждан, 55 англичан и 5 человек других национальностей. Кроме того 300 белогвардейцев, которые получили китайское гражданство, вышли на поле битвы вместе с советскими эмигрантами. Среди почти 800 иностранцев, получивших китайское гражданство, большинство были белогвардейцами [Ван Чжичэн, 1993, с. 237-238].

Во время японской оккупации Шанхая, Шанхайский комитет русских эмигрантов под руководством Ф. Л. Глебова вступил в сотрудничество с японскими властями. Сама позиция Комитета как самой влиятельной организации русских эмигрантов Шанхая стала причиной стыда всей российской общины Шанхая. Впоследствии, после войны, помощник Глебова Борогов фактически захватил Комитет русских эмигрантов. Чтобы восстановить иммиграционный статус русских эмигрантов в Шанхае, он 26 июня 1946 года поднял вопрос о создании Шанхайской ассоциации русских эмигрантов. В качестве основной организации для русских эмигрантов в Шанхае Ассоциация взяла на себя право выдавать членам сертификаты, рекомендательные письма, паспорта и выполнять другие консульские функции. А 20 ноября 1948 года Шанхайская ассоциация русских эмигрантов представляла всех своих членов и отправляла письма в управление Шанхайского народного хозяйства. Данная ассоциация торжественно заявляла о своей лояльности к националистическому правительству и готовности к борьбе с коммунизмом в защите своего дома в Шанхае [Сэй Чжэньнин, 2008, с. 18]. Кроме того, Шанхайская ассоциация русских эмигрантов активно сотрудничала с Шанхайским муниципальным правительством и другими благотворительными организациями. В трудных жизненных ситуациях русские эмигранты подавали правительству заявления и просьбы о помощи.

Экономический аспект

Большинство россиян, прибывших в Китай до Октябрьской революции, – молодые мужчины и женщины в возрасте 20-50 лет, которые были заняты на железных дорогах Дальнего Востока, включая менеджеров, инженеров, дорожных рабочих, военный и полицейский персонал. После 1917 года большую часть эмигрантов в Китае составляли дворяне, привилегированный класс имперской России. Подавляющее большинство из них мигрировали с семьями, поэтому возрастной разрыв мигрантов исчез после 1917 года. Русские в Харбине – главным образом железнодорожники и инженеры, обслуживавшие железные дороги Дальнего Востока. Российскими эмигрантами Шанхая являлись в основном сотрудники компаний, врачи, учителя, юристы, духовенство, владельцы небольших гостиниц или небольших магазинов, музыканты, моряки и т. д.

После Октябрьской революции торговая деятельность русских эмигрантов в Шанхае быстро развивалась. В 1919 году в Шанхае находилось около 1000 русских эмигрантов. На Xiafeilu с 1926 по 1928 годы русские эмигранты открыли 15-20 небольших универмагов, 10 продовольственных магазинов, 30 магазинов одежды, 5 больших кондитерских магазинов, 5 аптек, 5 часовых и ювелирных магазинов и 3 фотоателье, 2 магазина электрических светильников , 5 парикмахерских, 5 фирм по аренде автомобилей, 4 магазина обуви, 6 газетных киосков, 4 кондитерских магазина, несколько цветочных магазинов и 1 магазин по продаже золотых рыбок [Ван Чжичэн, 1993, с. 70]. В конце 1920-х годов более десятой части лучших врачей, архитекторов и инженеров Шанхая составляли русские дворяне. С 1920 года по 1930 год число врачей-эмигрантов, практикующих в Шанхае, увеличилось с 2 до 35. Число профессиональных медсестер увеличилось до 45. Было также много стоматологов, ветеринаров и акушерок [Ван Чжичэн, 1993, с. 71-72].

В 1929 году российский дворянин И. В. Кураев основал крупнейший европейский ломбард в Шанхае и Дальневосточную кредитную компанию. В 1933 году русские дворяне Г. И. Ралин и М. А. Мошкин стали президентами Шанхайско-российской ассоциации взаимных кредитов, которая в 1943 году была реорганизована в Шанхайский коммерческий банк. В 1934 году Ассоциация выпускников школ Хабаровска в Шанхае учредила Российско-китайский кредитный кооператив, пост управляющего и генерального директора заняли М. И. Шаскин и Н. Г. Выняков [Ван Чжичэн, 1993, с. 736-738].

В отличие от евреев сефарди, которые владели гостиничным и развлекательным бизнесом, большинство русских евреев занимались изготовлением и продажей одежды, продуктов питания, книг, игрушек и других товаров, их бизнес процветал.

Например, Г. М. Клебанов открыл знаменитый первый сибирский меховой магазин в Шанхае в храме Цзинань. Госпожа Аида Рабинович открыла два магазина детских продуктов и мальтийских шляп на перекрестке Xiafei lu. С. Щетин (китайское имя Шэнь Шити) открыл фотоателье «Ruitai» на Нанкинской улице. Профессиональные техники и интеллигенты работали в Бюро промышленности и торговли, в иностранных банках, в оркестрах и школах, а также в качестве юристов и врачей. Русские эмигранты среднего и низшего классов тесно контактировали с обычными жителями Шанхая [Пан Гуан, Ван Цзянь, 2002, с. 27].

После победы в антияпонской войне все слои общества Шанхая находились в состоянии экономической депрессии, и жизнь людей стала труднее. Эмигранты стали угрозой китайскому населению в различных аспектах повседневной жизни, таких как выбор профессии, занятость, жилье и поездки. Соединенные Штаты, исходя из соображений глобальных стратегических интересов, помогли Гоминьдану контролировать Шанхай и получить японское военное снаряжение. Офисы различных учреждений постоянно перемещались в Шанхай из других городов Китая. Военным службам США для выполнения своих функций потребовалось большое количество свободных гражданских работников, и русские эмигранты стали для них предпочтительным контингентом. Войска США прибыли в Шанхай, и в Шанхае появилось большое количество баров, ночных клубов и других развлекательных заведений, которые были привлекательны для русских эмигрантов как рабочие места. Все магазины русских эмигрантов, занимавшиеся продажей продуктов питания, напитков, кофе, кондитерских изделий, одежды, косметики, а также универмаги, меховые и другие магазины не могли выдержать конкуренции и были вынуждены закрыться. Нестабильность рынка занятости и ухудшение экономических условий жизни русских эмигрантов в Шанхае вызвали множество социальных проблем. Наиболее трагичным стало положение женщин из семей белогвардейцев [Сюй Чжэньнин, 2008, с. 22-25].

Культура и образование русских эмигрантов в Шанхае

Литературная деятельность. В 1920-1930-х годах в Шанхае деятельность русских литераторов-эмигрантов развивалась плодотворно. Русская литература в XX веке была богатой и разнообразной: «советская литература» и «русская литература», «местная литература» и «литература экспатриантов», «официальная литература» и «запрещенная литература», «литература Серебряного века». «Литература русского зарубежья» пережила три волны своего развития. После Октябрьской революции около 10 миллионов человек покинули постреволюционную Россию. Известными писателями, среди них, являются И. Бунин, А. Толстой, М. Замятин, А. Куприн, М. Цветаева, Д. Мережковский и др. Они обосновались в Париже, Праге, Берлине, Белграде, Харбине, Шанхае и других городах. Представители «Первой волны» – это в основном культурные люди «Серебряного века». Из пяти русских писателей, получивших Нобелевскую премию по литературе в XX веке, трое были изгнанными писателями (И. Бунин, А. Солженицын и И. Бродский) [Лю Вэньфэй, 2003, с. 8]. Хотя в Шанхае не было выдающихся русских литераторов, но была большая группа молодых писателей из Харбина и других мест Китая, которые опубликовали множество рассказов, стихов и романов в различных русскоязычных изданиях.

Шанхай стал центром литературы русской диаспоры. Русские литераторы-эмигранты постоянно создавали различные литературные организации, опубликовали антологию произведений русских авторов, обосновавшихся в Шанхае. В 1930-1940-е годы наиболее влиятельной литературно-художественной группой Шанхая стала группа ХЛАМ, ядро которой представляли редактор газеты «Шанхайские новости» Л. В. Арнольдов, писатель В. С. Валь, музыкант А. Г. Бершадский, режиссер балетной группы Э. И. Элиров и другие. Заметное место в культурной жизни русской диаспоры Шанхая сыграла группа «Понедельник». В 1934 году известный писатель И.Бунин установил контакт с этой группой и стал её почетным президентом. Всего за 4 года «Понедельник» превратился в литературную ассоциацию. В то же время в Шанхае были популярны и влиятельны русскоязычные газеты «Шанхайские новости» и «Дискурс».

М. С. Лембридж, сын нефтяного короля, являлся крупнейшим газетным русским предпринимателем на Дальнем Востоке. В январе 1920 года он последовал за побежденными белогвардейцами из армии Колчака и приехал в Харбин. В апреле он и его коллега Г. Н. Шипков основали газету «Заря». 25 октября 1925 года был официально опубликован первый номер «Шанхайских новостей». В 1933 году тираж «Шанхайских новостей» составлял 3500 экземпляров, превышая тираж газет на французском и немецком языках [Ван Ямин, 2015,

с. 151]. В 1929 году П. И. Зайцев основал ещё одну российскую газету в Шанхае и чётко определил, что не будет принимать к печати литературные произведения с коммунистическими тенденциями и никогда не пойдёт на компромисс с красными писателями.

После Второй мировой войны из-за внутриполитических событий в китайском обществе не было второй волны русской эмиграции. Основной группой русскоязычных литераторов были писатели, которые поселились в Шанхае после Октябрьской революции. Произведения русских писателей-эмигрантов существенно отличались от произведений китайской литературы о Шанхае той эпохи. Китайская литература 1920-1930-х годов в основном изображала Шанхай с политически ангажированной позиции в качестве угнетенного и порабощенного колониального города и одновременно города революционного, который постоянно боролся с иностранной эксплуатацией. В произведениях прокоммунистических писателей воссоздавалась удушливая атмосфера коррупции местных властей Шанхая и «грязных» шанхайских денег. Напротив, Шанхай в произведениях русских эмигрантских писателей предстаёт городом восточного обаяния, активной жизни и большого потенциала. Богатство и многообразие жизни города – это и великолепие шанхайских женщин, и красота маленьких мостов на юге, это и крики торговцев вразнос в переулках, и бесконечный поток людей на улицах. Литература русских эмигрантов отражает жизнеспособность города [Ли Синьмэй, 2014, с. 6-10]. В 1930 году вышел в свет сборник «Шанхайские миниатюры», а в 1936 году был опубликован многотомный сборник сочинений русских писателей-эмигрантов «Русские в Шанхае».

Большая часть литературных произведений русских авторов-эмигрантов в Шанхае показывает мучительную скуку, тяготы эмигрантской жизни и душевную тоску по родине. В 1946 году издательская компания Shanghai Times собрала сатирические рассказы российской дворянки Наталии в сборник «Другой взгляд: очерк жизни Шанхая». Этот сборник, состоявший из 23 очерков, называли «Энциклопедией русских эмигрантов Шанхая». Под пером Натальи появлялись не только обычные русские эмигранты, которые жили трудно и с болью в душе, а также эмигранты-спекулянты и чрезвычайно пустые и скучные люди высшего света, которые завидовали Западу и продали родину. Данный сборник отражал сложные и разнообразные чувства русских эмигрантов, проживавших за рубежом после Октябрьской революции. История выживания русской диаспоры в Шанхае отображает трагические последствия глубоких социально-политических потрясений, пережитых Россией и российским народом в начале XX века [Ли Синьмэй, 2014, с. 101-104].

Художественная деятельность. В Шанхае существовали три основных музыкальных центра русского эмигрантского общества: оркестр Шанхайской промышленной концессии, Ассоциация камерной музыки, Шанхайская национальная музыкальная академия. С 1927 по 1929 год Сяо Юймэй, ректор Шанхайской национальной академии музыки, пригласила для сотрудничества 38 иностранных музыкантов, и половина из них были русскими дворянами. Они не только внедряли западные идеи в музыкальное образование в Китае, но и подготовили большое количество выдающихся музыкальных талантов для Китая. Так Б.В.Захаров подготовил пианистов Ли Цуйчжень, Дин Шаньдэ, У Юей. Пианист-педагог М. Лазарев был первым учителем Лю Шикунь. М.Шевцов подготовил первую в китайской музыкальной культуре группу виолончелистов-исполнителей и педагогов. А. Н.Черепнин создал фортепианные произведения «Пастух пикколо», «Музыка пастуха» и ряд других, а также помог Ли Сяньмин и Чжоу Сяоянь выйти на мировую арену. В.Г.Шушлин, педагог по вокалу, подготовил Чжоу Сяоянь, Лан Юйсю, Вэн Кэчжэн. В 1930 году С. С. Аксаков был назван одним из самых популярных исполнителей-пианистов, композиторов и теоретиков музыки в Шанхае [Ли Синьмэй, 2014, с. 17]. Симфонический оркестр Шанхайской промышленной концессии (в 1940 году был переименован в Шанхайский симфонический оркестр), пополненный многими русскими эмигрантами-музыкантами, стал лучшим оркестром на Дальнем Востоке. В 1935 году русские эмигранты-музыканты составляли 60 % исполнителей в этом симфоническом оркестре.

На протяжении 20-30 лет русские дворяне-эмигранты создали различные литературно-художественные сообщества в Шанхае, такие как группа «Понедельник», группа «Вторник», группа «Среда» (ХЛАМ), еврейский литературный клуб «Четверг», группа «Пятница», Литературно-художественное содружество «Восток», «Объединение искусства и творчества», Российское профессиональное театральное общество, Товарищество украинских артистов, Украинское культурно-просветительное общество, Пушкинский комитет, который был инициатором создания памятника

А. С. Пушкину. Основателями и руководящим ядром знаменитого литературно-художественного сообщества ХЛАМ, созданного в 1933 году, являлись известные представители русских эмигрантов-дворян Шанхая: балетмейстер Э. И. Элиров, журналист А. В. Петров, музыкант А. Г. Берзартский, поэт А. О. Кирсанов, художник Л. В. Скелльский, а также другие известные артисты. В 1936 году знаменитый русский певец А. Вертинский исполнил множество своих песен в Шанхае, и в знак признания его выдающихся достижений «Клуб ХЛАМ» присвоил А. Вертинскому почётное звание «Первый рыцарь Шанхайского мира». В том же году русские эмигранты Шанхая торжественно принимали выдающегося русского певца Ф. И. Шаляпина. В феврале 1937 года Пушкинский комитет провел торжественную церемонию открытия Пушкинской бронзовой статуи в Шанхае. Знаменитая русская драматическая труппа во главе с известным исполнителем и режиссером Томским, а также и режиссером музыкальной драмы Прибытковой исполнила множество классических и современных русских пьес. Известные балерины и танцовщики А. Роговская, О. Манжелей и Н. Князев поселились и выступали в Шанхае, благодаря чему Шанхайский балет вступил в период своего процветания в 1930-х годах.

Русские художники Подгурский, Пикуревич, Пашков, Фунди, Данилевский, Хлёнов, Соколовский, Малиновский, Кузнецов, Зацепкин, Лихонос и Густ с 1928 по 1931 годы провели множество выставок. В 1930-х годах русские художники были не только хороши в живописи, но и специализировались в дизайне, архитектуре и прикладном искусстве. Например, архитектор Ярон спроектировал церковь Святого Николая во французской концессии, Лихонос создал проект собора Богоматери. В 1924 году Соколовский поселился в Шанхае и занимался дизайном и оформлением интерьеров в различных архитектурных компаниях в Шанхае и получил квалификацию первоклассного архитектора. Гастер, Сафронов и другие занимались коммерческой рекламой, дизайном окон и дизайном сцены. Легендарная карьера известного русского художника Владимира Тречкова началась в 1930 году, когда он переехал в Шанхай. В Шанхае среди русских эмигрантов было много талантливых архитекторов и художников, таких как Ялонг и Лихонос, все они являлись известными архитекторами в Шанхае. Католик Сапожников – самый успешный и всемирно известный художник среди многих российских художников-эмигрантов.

Культурно-просветительская деятельность. В отличие от Харбина, в Шанхае половина детей русских дворян-эмигрантов получила образование в школах других стран. Русские дворяне-эмигранты основали 12 образовательных групп, 5 русских начальных и средних школ, 12 технических и профессиональных школ и 3 российских дворянских учреждения в Шанхае. Российская академия образования подчеркивала, что «делает все возможное, чтобы русские студенты не могли быть ассимилированы чужой культурой и понуждает их всегда помнить родину и оставаться наследниками русских идей и русской культуры» [Ван Чжичэн, 2007, с. 545]. В 1921 году супруга генерального консула России в Шанхае В. Ф.Гроссе основала первую российскую экспериментальную школу, директором которой был депутат Четвёртой государственной Думы А. Н.Русанов. Генерал-майор М. И.Феодорович, бывший командующий прибрежной защитой на северо-западе Черного моря и командующий авиацией Черноморских вод, был директором Шанхайской морской школы, созданной в 1930 году. Русская дворянка из Орла профессор Вера Васильевна Замодаева основала в 1948 году Колледж русского языка в Восточно-Китайском революционном университете (ныне Шанхайский университет иностранных языков). Под её руководством более 120 человек русских эмигрантов составили коллектив преподавателей Колледжа. Ее дочь Нина Алексеевна Замодаева и её внучка Алла Сергеевна стали русскими профессорами Колледжа и обучили русскому языку большое число молодых талантливых китайцев.

Система образования в русских эмигрантских школах Шанхая имела диверсифицированный характер, так как включала в себя не только образовательные традиции русской этнической группы в рамках Православной Церкви, но и вестернизированное образование в условиях влияния западноевропейских диаспор Шанхая. Из-за экономических трудностей экспатриантов в Шанхае масштабы и возможности русских эмигрантских школ были не так хороши, как в других иностранных школах. У русских дворян-эмигрантов Шанхая были большие противоречия в отношении методов образования молодого поколения. Единого центра, управляющего образованием русских эмигрантов в Шанхае, не было, и поэтому эффективность шанхайских русских школ намного уступала школам Харбина. В 1920-1930 годы в

Шанхае российские эмигранты основали 10 научных учреждений, издавали 24 русские газеты и 27 русских журналов, создали 3 радиостанции и открыли 13 книжных магазинов и библиотек.

Религиозный аспект. После Октябрьской революции Русская Православная Церковь в изгнании разорвала свои отношения с Православной Церковью в Москве под юрисдикцией российского правительства и вместо этого приняла юрисдикцию «Русской православной зарубежной временной епископской конференции» в Сербии. После установления дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом в 1924 году епископ Иннокентий выступил против передачи собственности Русской Православной Церкви в Китае правительству России. Он заявил, что Китайская Православная Церковь не имеет никакого отношения к правительству России. «Только поддерживая богатую духовную жизнь, и укрепляя религиозные убеждения, русские могут продолжать существовать как члены единого русского народа. Также существует и русская идеология. Наше религиозное мышление – это «Святая Русь» [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин, 2003, с. 175].

В Шанхае после Октябрьской революции Православная Церковь стала почвой для духовной жизни подавляющего большинства русских эмигрантов. Белогвардейцы-дворяне, всегда свято веровавшие в православную церковь, и российские эмигранты разных этнических групп объединились и основали 12 церквей в Шанхае. Например, в 1922 году генерал Старк привел инструкторов и стажёров двух дворянских школ в Свято-Николаевскую военную часовню, созданную на улице Jisifeier (ныне улица Ванханду) в Шанхае. В 1925 году генерал-лейтенант Дидерхос и его жена заложили Успенскую часовню в женской школе русских эмигрантов. В 1927 году Гросс представлял все слои русских эмигрантов Шанхая, которые основали церковь Воскресения на улице Fuxinglu. В 1931 году российские военно-морские офицеры, находившиеся в изгнании в Шанхае, заложили фундамент Андреевской церкви на улице Huoshanlu. В память покойного царя Николая II в 1932 году по инициативе Глебова была создана церковь Святого Николая, первая русская церковь на территории французской концессии.

В начале XX века число русских евреев в Шанхае было невелико. Они обычно собирались в еврейском общинном зале синагоги. Однако еврейской общине сефарди всё-таки не хватало сплочённости. В 1902 году был учрежден Шанхайский еврейский синагогский комитет ашкенази, а Х. Каммерлинг стал главой российских евреев-ашкенази. Так сформировалась Еврейская община в Шанхае. Строя синагогу, российские евреи Шанхая начали формировать свои собственные общественные организации. Еврейское общество милосердия и приют для бедных, основанные в 1916 году, были заменены на дома престарелых. Помимо заботы о 50 одиноких стариках, которые жили в больнице, еврейская община также ежедневно оплачивала 120 обедов для самых бедных. В 1922 году российские евреи Шанхая создали еврейское кладбище и еврейское стипендиальное общество. В 1937 году Шанхайская еврейская религиозная община официально зарегистрировалась в Бюро промышленности и торговли Шанхайской концессии. Последовательными лидерами общины были Ю. Гинзбург, М.Блох, Б.Топас, Б.Радомишельский и другие, которые занимались вопросами внешних связей и внутренних дел российских евреев в Шанхае.

Таким образом, с момента открытия порта в 1843 году Шанхай стал уникальным регионом, в котором переплелись культуры всего мира. Он принял иммигрантов как из своей страны, так и из-за рубежа, среди которых важную роль сыграли русские эмигранты-дворяне. Последствия Октябрьской революции, во многом изменившей не только Россию, но и весь мир, стали также причиной небывало масштабной эмиграции русских дворян в Китай и началом истории русской диаспоры Шанхая. Численность иммигрантов из России, хлынувших в Китай в этот период, не только превосходила количество экспатриантов в любой другой период российской истории, но также превосходила и число иностранцев, обосновавшихся во всех провинциях Китая в то время. Демократическая конституционная система, установленная в Шанхае капиталистическими странами Европы и Америки, не только обеспечила относительно свободную политическую обстановку и экономическое процветание, но и дала возможность всем эмигрантам, и в особенности русским дворянам-эмигрантам, проявить свои таланты во всех сферах жизни. Русские дворяне-эмигранты, всегда отличавшиеся духом независимости и свободы, придерживались прозападных убеждений и образа жизни. Они не только сохранили русскую культуру и святость Православной Церкви, но и способствовали экономическому и культурному процветанию Шанхая и других мест, в которых проживали, а также содействовали модернизации Китая.

Библиографический список

1. Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае. Шанхай: Шанхайский книжный магазин Шанлень, 1993. 832 с. (на кит. яз.)

2. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в старом Шанхае//Общественные науки. 1994. № 7. С. 59-63. (на кит. яз.)

3. Ван Чжичэн. Русские эмигранты в Шанхае и Отечественная война Советского Союза // Общественные науки. 1995. № 11. С. 60-63. (на кит. яз.)

4. Ван Чжичэн. Русские евреи в Шанхае и шанхайская еврейская община // Общественные науки. 1996. № 8. С. 61-63. (на кит. яз.)

5. Ван Чжичэн. Русские эмигранты-музыканты в Шанхае (1920-1940). – Шанхай: Шанхайское музыкальное издательство, 2007. 579 с. (на кит. яз.)

6. Ван Ямин. Шанхай в современной китайской литературе и в русской эмигрантской литературе 20-30-х годов XX века // Вестник Ланьчжоу. 2015. № 8. С. 6-11. (на кит. яз.)

7. Ли Синген. Ряска на ветру и на дожде – российская диаспора в Китае (1917-1945). Пекин: Центральное издательство компиляций и переводов, 1997. 434 с. (на кит. яз.)

8. Ли Синьмэй. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае под пером Натальи Ильиной // Русская литература и искусство. 2014. № 10. С. 100-105. (на кит. яз.)

9. Лю Вэньфэй. Структура русской литературы 20 века // Обозрение иностранной литературы. 2003. № 3. С. 147-153. (на кит. яз.)

10. Мосински Сэм. Прощай, Шанхай. Воспоминания еврея-подростка. Шанхай : Шанхайский книжный магазин Шанлень, 2012. 240 с. (на кит. яз.)

11. Пан Гуан и Ван Цзянь. Восточная история евреев в Шанхае за полтора века. Шанхай : Издательство общественных наук и литературы, 2002. 296 с.

12. Сюй Чжэньнин. Русская эмиграция в Шанхае на фоне великих политических изменений (1945-1950). Шанхай : Восточно-Китайский педагогический университет, 2008. 51 с. (на кит. яз.)

13. Сюн Юечжи. Жизнь русских эмигрантов в Шанхае в период новой истории. Шанхай: Шанхайское словарное издательство, 2008. 569 с. (на кит. яз.)

14. Хуан Динтянь. Появление русских эмигрантов в первой половине XX века и их социальная структура // Географический вестник. 2004. № 12. С. 15-19. (на кит. яз.)

15. Чжан Цзуньхуа, Цзян Яньхун, Хань Вэньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. № 5. 2017. С. 331-341.

16. Чжун Нан. Дрожь от чтения Харбинского архива // Хэйлунцзянские исторические заметки. 2011. № 17. С. 25-27. (на кит. яз.)

17. Чжу Сяоци. Община русских эмигрантов Шанхая в новой истории // Ежемесячный вестник науки. 2002. № 11. С. 61-66. (на кит. яз.)

18. Чжу Сяоци. Заметки о шанхайской газете «Chaila // Общественные науки. 2007. № 10. С. 147-153. (на кит. яз.)

19. Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русской эмиграции в Харбине. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2003. 630 с. (на кит. яз.)

Reference List

1. Van Chzhichjen. Istorija russkoj jemigracii v Shanhae = History of Russian Emigration in Shanghai. Shanhaj: Shanhajskij knizhnyj magazin Shanlen', 1993. 832 s. (na kit.jaz.)

2. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v starom Shanhae = Russian Emigrants in Old Shanghai // Obshhestvennye nauki. 1994. № 7. S. 59-63. (na kit.jaz.)

3. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty v Shanhae i Otechestvennaja vojna Sovetskogo Sojuza = Russian Emigrants in Shanghai and the Great Patriotic War of the Soviet Union // Obshhestvennye nauki. 1995. № 11. S. 60-63. (na kit.jaz.)

4. Van Chzhichjen. Russkie evrei v Shanhae i shanhajskaja evrejskaja obshhina = Russian Jews in Shanghai and the Shanghai Jew Community // Obshhestvennye nauki. 1996. № 8. S. 61-63. (na kit.jaz.)

5. Van Chzhichjen. Russkie jemigranty-muzykanty v Shanhae (1920-1940) = Russian Musician Emigrants in Shanghai (1920-1940). Shanhaj: Shanhajskoe muzykal'noe izdatel'stvo, 2007. 579 s. (na kit.jaz.)

6. Van Jamin. Shanhaj v sovremennoj kitajskoj literature i v russkoj jemigrantskoj literature 20-30-h godov XX veka = Shanghai in Modern Chinese Literature and in the Russian Emigrant Literature of the 1920-1930s // Vestnik Lan'chzhou. 2015. № 8. S. 6-11. (na kit.jaz.)

7. Li Singen. Rjaska na vetru i na dozhde – rossijskaja diaspora v Kitae (1917-1945) = Duckweed in the Wind and in the Rain – the Russian Expatriate Community in China (1917-1945). Pekin: Central'noe izdatel'stvo kompiljacij i perevodov, 1997. 434 s. (na kit.jaz.)

8. Li Sin'mjej. Zhizn' russkih jemigrantov v Shanhae pod perom Natal'i Il'inoj = The Life of Russian Emigrants in Shanghai under the Pen of Natalia Ilyina // Russkaja literatura i iskusstvo. 2014. № 10. S. 100-105. (na kit.jaz.)

9. Lju Vjen'fjej. Struktura russkoj literatury 20 veka = Structure of the 20th Century Russian Literature // Obozrenie inostrannoj literatury. 2003. № 3. S.147-153. (na kit.jaz.)

10. Mosinski Sjem. Proshhaj, Shanhaj. Vospominanija evreja-podrostka = Goodbye, Shanghai. Memories of a Teenage Jew. . Shanhaj : Shanhajskij knizhnyj magazin Shanlen', 2012. 240 s. (na kit.jaz.)

11. Pan Guan i Van Czjan'. Vostochnaja istorija evreev v Shanhae za poltora veka = Oriental History of Jews in Shanghai in a Century and a Half. Shanhaj : Izdatel'stvo obshhestvennyh nauk i literatury, 2002. 296 s.

12. Sjuj Chzhjen'nin. Russkaja jemigracija v Shanhae na fone velikih politicheskih izmenenij (1945-1950) = Russian Expatriates in Shanghai in the Context of Great Political Change. Shanhaj : Vostochno-Kitajskij pedagogicheskij universitet, 2008. 51 s. (na kit.jaz.)

13. Sjun Juechzhi. Zhizn' russkih jemigrantov v Shanhae v period novoj istorii = The Life of Russian Emigrants in Shanghai in a New History. Shanhaj: Shanhajskoe slovarnoe izdatel'stvo, 2008. 569 s. (na kit.jaz.)

14. Huan Dintjan'. Pojavlenie russkih jemigrantov v pervoj polovine XX veka i ih social'naja struktura = The Emergence of Russian Emigrants in the First Half of the 20th Century and their Social Structure // Geograficheskij vestnik. 2004. № 12. S. 15-19. (na kit.jaz.)

15. Chzhan Czun'hua, Czjan Jan'hun, Han' Vjen'sjuan'. Russkaja dvorjanskaja jemigracija v Kitae posle Oktjabr'skoj revoljucii = Russian Noble Emigration to China after the October Revolution // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. № 5. 2017. S. 331-341.

16. Chzhun Nan. Drozh' ot chtenija Harbinskogo arhiva = Shiver from Reading the Harbin Archive // Hjejlunczjanskie istoricheskie zametki. 2011. № 17. S. 25-27. (na kit.jaz.)

17. Chzhu Sjaoci. Obshhina russkih jemigrantov Shanhaja v novoj istorii = Russian Expatriate Community of Shanghai in New History // Ezhemesjachnyj vestnik nauki. 2002. № 11. S. 61-66. (na kit.jaz.)

18. Chzhu Sjaoci. Zametki o shanhajskoj gazete «Chaila = Notes on the Shanghai Newspaper “Chaila” // Obshhestvennye nauki. 2007. № 10. S. 147-153. (na kit.jaz.)

19. Shi Fan, Lju Shuan, Gao Lin. Istorija russkoj jemigracii v Harbine = History of Russian Emigration in Harbin. Harbin: Hjejlunczjanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2003. 630 s. (na kit.jaz.)

УДК 008

Т. В. Юрьева **https://orcid.org/0000-0002-1874-5487**

Иконописец П. М. Софронов в Западной Европе: сложение стиля

Для цитирования: Юрьева Т. В. Иконописец П. М. Софронов в Западной Европе: сложение стиля // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 175-180. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-175-180

В статье впервые дается целостный анализ творчества всемирно известного, но мало изученного старообрядческого иконописца и реставратора икон Пимена Максимовича Софронова во второй, европейский период его творчества. Автор осуществляет систематизацию разрозненных сведений о его творчестве, выстраивает хронологию создания основных его произведений, делает предварительный анализ его авторской манеры. Анализируя биографические данные и творчество иконописца во второй, европейский период его творчества, автор статьи выделяет парижско-бельгийский, сербский и итальянский комплексы икон, которые показывают поступательное развитие и окончательное становление мастера-иконописца. Достаточно широкий круг выявленных памятников позволяет исследователю сделать вывод о стилевых особенностях авторской манеры в этот период творчества. В целом Софронова отличает большая мягкость живописных приемов, которая достигается использованием разбеленных красок и пробелов, растушеванные нимбы и узнаваемый “софроновский взгляд”. И если в первый, так называемый причудский период П. М. Софронов во многом еще был зависим от своего учителя, Фролова, и старался не выбиваться из общей стилистики, в которой работала артель, то теперь он становится самостоятельным художником со своей узнаваемой авторской манерой. Исследование получит продолжение в ряде последующих статей автора, посвященных творчеству П. М. Софронова, его жизни в Соединенных Штатах Америки.

Ключевые слова: икона, старообрядчество, иконописание XX века, Русское Зарубежье, общество «Икона» в Париже, институт им. Н. П. Кондакова, П. М. Софронов.

T. V. Yuriyeva

Icon-painter Pimen Sofronov in Western Europe: development of personal style

The article presents the first-ever attempt to perform a holistic analysis of the artistic legacy of Pimen Maksimovich Sofronov, the world-known but poorly-studied Old Belief icon-painter and icon-conservator, of his European period of art. The author undertakes to systematize the sketchy data on Sofronov’s art, establishing the chronology of his major works and doing preliminary analysis of his personal style. Analysis of the artist’s biography along with the artwork of his second, European, period allows for identifying the Paris-Belgian, Serbian and Italian icon complexes reflecting the artist’s progressive development and full establishment as an icon-painting master. The study of multiple extant works has led the author to the conclusion that Sofronov’s European period was marked by a peculiar personal style. Generally, the artist’s style features extreme delicacy of painting techniques achieved through the use of reduced colours and white spaces, shading haloes and distinctive «Sofronov’s look». Whereas in his first, so-called Prichudsky, period P. M. Sofronov was greatly dependent on his tutor Frolov and followed the style common to all members of their association, the second, European, period saw him establishing himself an independent artist with his own manner of painting. Future studies will focus on Pimen Sofronov’s art and life in the USA.

Keywords: icon, Old Belief, icon-painting in XX c., Russian émigré art, the «Icon» association in Paris, the N. P. Kondakov Seminar, P. M. Sofronov.

Творчество всемирно известного старообрядческого иконописца и реставратора икон Пимена Михайловича Софронова можно разделить на несколько периодов. Первый, так называемый причудский (или прибалтийский) был описан нами ранее, в статье «Иконописец П. М. Софронов: причудский период творчества» [Юрьева, 2019]. Данная статья посвящена второму периоду творчества иконописца, который художник провел в Западной Европе.

Впервые его имя звучит во Франции, когда он в ноябре 1928 года участвует в выставке общества «Икона» в Париже. На ней он выставляет образ «Христос Сеятель».

На более длительный период П. М. Софронов приезжает в Париж в 1931 году, когда был приглашен обществом «Икона» для обучения иконо-

© Юрьева Т. В., 2020

писанию его членов. Здесь он руководил школой иконописи, вместе с П. А. Федоровым и Г. В. Морозовым организовал иконописную артель, участвовал в выставках икон, организованных обществом [Вздорнов, Залесская, Лелекова, 2002; Řoutil, 2011]. Благодаря П. М. Софронову, новому поколению иконописцев были привиты традиционные принципы создания иконы: каноничность художественного языка, ориентация на византийские и древнерусские образцы, сохранение техники иконописания. Это на самом деле была серьезная проблема, поскольку настоящих иконописцев в церковном понимании в Париже не было. Ряд членов общества пытался осмыслить феномен иконы теоретически (например, С. К. Маковский [Маковский, 2002], В. П. Рябушинский [Рябушинский, 2002], П. П.Муратов [Муратов, 2002]), а практикой иконописания занимались профессиональные художники, за плечами которых был совсем иной художественный опыт, который еще надо было переосмыслить.

Софронов же был носителем старой иконописной традиции, которую тщательно сохраняли в старообрядческой среде. Это прекрасно понимал В. П. Рябушинский, один из создателей общества «Икона» в Париже, который также сам был старообрядцем. Неизвестно, кому первому пришла идея пригласить Софронова в Париж, самому В. П. Рябушинскому, или, может быть, другому основателю общества икона – П. П. Муратову. Известно, что Муратов бывал в Риге, в кружке ревнителей старины, где тогда преподавал иконопись Софронов [Юрьева, 2019, с 215]. Сохранилась общая фотография членов кружка вместе с П. П.Муратовым, сделанная в 1928 году. На ней Муратов и Софронов стоят рядом, вполоборота друг к другу [Вздорнов, Залесская, Лелекова, 2002, т. 1, с. 137].

Будучи в Париже, помимо руководства школой древнерусской иконописи, П. М. Софронов также в работе участвовал Международного конгресса изографов. В том же 1931 году в Жуанвиле (Франция) вышла его книга «Целебник», которую автор посвятил своему учителю и наставнику Г. Е. Фролову. Это было не только методическое пособие по древнему иконописанию, но и собрание образов святых, которые по молитвам, обращенным к ним, помогают преодолеть хворь и другие житейские невзгоды.

Надо сказать, что пребывание Софронова в Париже было недолгим. Отношения иконописца с парижской эмиграцией, по всей видимости, складывались не всегда гладко. Сам Софронов в своих письмах отзывался о парижанах так: «Здесь, в Париже я преподавание окончил, но недоволен учащимися, потому что у них стремление (лихорадочное) было чтобы не научиться писать, а только чтобы скорей как-нибудь написать икону (и продать) (за малым исключением), и потому почти как мазали, гак, предполагать надо, и будут мазать, чтобы поскорей зделать, а чтобы стараться выполнять и делать з благоговением – это не по нутру, не по характеру современнаго спешнаго парижского течения, хоть в этом деле современная горячка не согласуется» [Ржоутил, 2013, с. 534].

В свою очередь, Л. А. Успенская, супруга известного богослова и иконописца русской эмиграции Л. А. Успенского, назвала его легкомысленным (на это указывает М. Ржоутил [Ржоутил, 2013, с. 548], ссылаясь на работу К. Коткаваары [Kotkavaara, 1999, p. 327]).

Впоследствии, на основе деятельности школы П. А. Федоровым и И. В. Шнейдером была написана книга «Техника иконописи», изданная в Париже в 1947 году [Федоров, Шнейдер, 1947]. На долгие годы она оказалась основным пособием по иконописанию. Важно отметить, что икон, написанных в этот период самим П. М. Софроновым, обнаружить в Париже пока не удалось. Зато известно, что в 1931 году, на выставке общества «Икона», П. М. Софронов познакомился с монахами из Крестовоздвиженского монастыря в Амэ-сюр-Мёз (Бельгия), которые приобрели у него несколько икон: «Всепетая Мати» и «Не рыдай мене Мати». Позже Сафроновым в монастырь были присланы еще иконы. Вероятно, «Спас Вседержитель» и «Богоматерь Казанская». Таким образом, именно эти иконы можно считать произведениями, созданными в Париже. Их характеризует строгость исполнения в соответствии с каноническими образцами [Юрьева, 1996], как это всегда требовалось в старообрядческой среде. Тем не менее, «Спас Вседержитель» вполне узнаваем, его лик уже можно назвать Сафроновским. Этот почерк в исполнении образа Спасителя можно будет проследить и в дальнейшем.

Исследователи не называют дату первого появления Пимена Софронова в Амэ, но в письме к княгине Наталье Григорьевне Яшвиль, датированном 15-м февраля 1933 года иконописец пишет о своем намерении поехать в этот монастырь. Известно, что некоторое время П. М. Софронов обучал монахов при монастыре церковной живописи и написал икону «Матерь Божия», ставшую широко известной благодаря художественным от-

крыткам, выпущенным в Бельгии. Сейчас в Шеветоньском монастыре (как теперь чаще его называют, так как в 1939 году братия монастыря переехала в г. Шеветонь) хранится небольшая коллекция икон П. М. Софронова. Это упомянутые «Спас Вседержитель» (70х55 см), «Богоматерь Казанская» (36х30 см), «Деисус» из трех оплечных икон («Спас Вседержитель» (71х59 см), «Богоматерь» (71х59 см), «Иоанн Креститель» (71х59 см)), иконы «О, всепетая Мати» (или «Аравийская Пресвяиая Богородица») (35,5х31 см) и «Не рыдай Мене Мати…» (27х40 см). Две иконы, «Богоматерь Казанская» и «О, всепетая Мати» подписаны. Первая имеет надпись «Иконописецъ Пименъ Софроновъ Парижъ VI. 1931 г.», вторая «ЗУМ. Иконописецъ П. С.» (ЗУМ означаеи 7440 год от сотворения мира, или 1932 год от Рождества Христова) [Александрова, 2010, с. 102]. Остальные иконы приписываются Софронову преданием монастыря, чему, наверное, можно доверять, так как прошло не так уж много времени с момента их создания. Таким образом, все шеветоньские иконы датируются тридцатыми годами XX века.

В целом, период жизни художника с 1932 по 1939 год можно характеризовать как период достаточно активных его перемещений по Европе. По всей видимости, Софронову удавалось сочетать работу и руководство иконописными школами сразу в нескольких местах.

Так, несколько раз он приезжал в Прагу. Это было в 1932 году (с 18 апреля по 1 июня), в 1935 году (10 по 28 февраля) и в 1936 году (с 6 по 28 февраля). [Ржоутил, 2016, с. 93]. Приглашение для проведения иконописных курсов ему сделал Институт им. Н. П. Кондакова. В общей сложности за достаточно короткое время иконописец обучил более двадцати человек. Кроме того, в Праге Софронов выполнил несколько сложных реставрационных работ и переводов старых икон на новые доски. Писал художник и новые иконы. Например, он сделал икону для Надежды Николаевны Хлудовой, супруги первого премьер-министра Чехословакии Карла Крамаржа [Ржоутил, 2016, с. 94].

В это же время, с 1934 по 1937 г., П. М. Софронов руководил иконописной школой в монастыре Раковица (Югославия) [Рајчевић, 1994]. Эта школа, открытая по инициативе Патриарха Сербского и архиепископа Белградского Варнавы, действовала три года с перерывами на зимние и летние каникулы.

В Сербию иконописец приехал еще в 1933 году по приглашению короля Югославии Александра I (Карагеоргиевича). Ему было предложено расписать домовую церковь св. Андрея в официальной королевской резиденции – дворце на Динье в Белграде (архитекторы Ж. Николич и В. В. Лукомский). Однако к работе в силу обстоятельств Пимен Максимович так и не приступил. Но появились другие заказы. В г. Призрен Софронов писал иконостас и реставрировал церковь. Вместе с В. Я. Предаевичем работал над росписью нового здания Патриархии Сербской Православной церкви (1934 г., архитектор В. В. Лукомский).

Продолжал писать и реставрировать иконы для частных лиц, архиереев сербского Синода, сербских храмов. Так, для храма св. Троицы (1924) в Белграде Софронов создал несколько икон: «Св. Георгий», «Покров св. Богородицы», образ Аксайской Божьей Матери (написанный к 50-летию священства Владыки Екатеринославского Гермогена (Максимова).

Для патриарха Варнавы была написана икона «Иоанн Предтеча, ангел пустыни», для некоего господина Петровича – икона «Святитель Николай Чудотворец». Об этих иконах известно благодаря переписке П. М. Софронова с княгиней Яшвиль. В письмах художник часто посылал ей фотографии своих работ, и теперь они хранятся в архиве Института истории искусств Академии Наук Чешской республики [Архив Института истории искусств, KI-16]

Еще одна сербская работа Софронова – иконостас в мемориальной церкви св. Димитрия в г. Лазаревац (1938-1943). Этот храм – «выдающееся произведение русских зодчих-эмигрантов, глубоко освоивших традиции сербской средневековой архитектуры». [Стефанович, 2008, с. 366]

Главная святыня храма – усыпальница памяти воинов, павших в Колубарской битве 1914 года. Иконостас храма одноярусный, имеет три части, с более широкой, центральной, где находятся Царские врата. Темплон украшен полуовальным арочным фронтоном, в тимпане которого в резной раме размещена икона «Тайная вечеря», увенчанная крестом. Его было поручено выполнить архитектору И. А. Рыку. А иконы для этого иконостаса выполнил П. М. Софронов. Это четыре ростовые образа: «Христос Пантократор», «Богоматерь с младенцем Иисусом Христом», «Пророк Иоанн Предтеча» и «Св. Димитрий Солунский», а также две створки врат с сюжетом «Благовещения» и уже упомянутая икона «Тайная вечеря» над ними.

Эти образы, написанные на золотом фоне, отличаются репрезентативностью и торжественностью. Художник добавляет фигурам больше объемности и даже телесности, чем он делает обычно. Наиболее ярко это выражено в юном лике св. Димитрия. Но делает это художник мягко и деликатно.

Находясь в Сербии, Софронов не только писал иконы и фрески, он также занимался изучением древней церковной живописи на Балканах, объездил многие места и получил представление о бытовавшем здесь стиле иконописания.

Далее его путь лежал в Италию. В 1939 г. по приглашению секретаря Выставочного комитета при Ватикане и правительства Италии Софронов приехал в Рим. Ему был заказан пятиярусный иконостас с 56 иконами в образцовой православной Церкви для Всемирной выставки религиозного искусства в Риме. Но началась вторая мировая война, и выставка не состоялась. Тем не менее, П. М. Софронов выполнил заказ и продемонстрировал иконы на своей персональной выставке в 1941 году. Этот пятирядный иконостас был приобретен Ватиканом и вместе другими работами иконописца находится сейчас в Восточном институте Ватикана и Академии Грегориано в Риме.

Во время Второй мировой войны Софронов, поскольку был русский, жил под надзором полиции. Его спасало только то, что он работал по заказу Ватикана. Только поэтому художник избежал депортации и тюрьмы. По некоторым данным, несмотря на свое шаткое положение, Софронов помогал русским военнопленным, бежавшим из лагеря.

В 1947 году Пимен Софронов выезжает в США, и с этого момента начинается новый период его творчества, который характеризуется как самый плодотворный и требует отдельного научного рассмотрения.

Анализируя иконографические и стилевые особенности произведений, созданных Софроновым в описываемый в статье период, необходимо остановиться еще на одном источнике – каталоге аукциона Сотби от 2004 года [Sotbi's , 2004, lots 121-131], в котором опубликован ряд выставленных на продажу работ художника. Иконы: «Исус Христос в Славе» (209x32 см), «Архангел Михаил» (63x51 см), «Богоматерь с младенцем (Теотокос)» (29,5x24), «Спас Оплечный», «Св. Лука, Евангелист и Иконописец»(208x130 см). Помимо икон были представлены и другие художественные произведения, выполненные мастером. Это две работы «Девушка с коромыслом I» и «Девушка с коромыслом II», портреты А. С. Пушкина и Н. А. Крылова. Каталог ничего не сообщает ни о происхождении этих вещей, ни о их датировке. Вероятно, все они были сделаны Сафроновым на продажу или по частным заказам. Тем не менее, это еще один комплекс произведений, характеризующий авторскую манеру мастера. И если иконописные произведения подтверждают общие выводы о стилистике П. М. Сафронова в этот период, то работы на светскую тематику отсылают нас к Палеху, где учились многие причудские мастера, перенося эту манеру в свои иконы. Черты Палехской иконописной школы, несомненно, присутствуют и в иконах П. М. Софронова.

В целом, в европейский период творчества художника можно наблюдать развитие тех черт, которые складывались ранее и были отмечены в предыдущей статье, посвященной этому художнику [Юрьева, 2019]. Это «большая мягкость живописных приемов, которая достигается использованием разбеленных красок и пробелов» [Мануйлов, 2013, с. 96]. растушеванные нимбы и узнаваемый "софроновский взгляд"» [Мануйлов, 2013, с. 91.] И если в первый, так называемый причудский период, П. М. Софронов во многом еще был зависим от своего учителя, Г. Е. Фролова, и старался не выбиваться из общей стилистики, в которой работала артель, то теперь он становится самостоятельным художником со своей узнаваемой авторской манерой.

Библиографический список

1. Александрова В. Иконы старообрядческого иконописца Пимена Софронова из католического монастыря Шеветонь в Бельгии // Поморский вестник. Издание старообрядческого общества Латвии. № 22-23, декабрь, 2009 – февраль, 2010. С. 101-104.

2. Архив Института истории искусств Академии Наук Чешской республики (АИИИ АН ЧР) Архив документации. Фонд Института им. Кондакова, KI-16.

3. Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже : в 2 т. Москва ; Париж : Прогресс-Традиция, 2002.

4. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде: 1920-1950-е годы. Москва, 2006. 288 с.

5. Маковский, С. К. Красота иконы // Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже : в 2 т. Москва ; Париж : Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2.

6. Мануйлов Ю. Н. Икона староверов Причудья: Гавриил Ефимович Фролов и его иконописная мастерская. Таллинн : Sihtasutus Ikoonimuuseum, 2013. 454 с.

7. Муратов, П. П. Пути русской иконы // Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Ико-

на» в Париже : в 2 т. Москва; Париж : Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2. С. 93-101.

8. Рябушинский В. П. Значение иконы // Вздорнов Г. И., Залесская З. Е., Лелекова О. В. Общество «Икона» в Париже : в 2 т. Москва; Париж : Прогресс-Традиция, 2002. Т. 2. С. 191-104

9. Ржоутил М. «…Желание мое и попечение в том, чтобы не погибло и не ушло в историю правильное иконописание». Письма иконописца П. М. Софронова княгине Н. Г. Яшвиль 1930-х гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). Вып. V. Москва, 2013. С. 518-585.

10. Ржоутил М. Пражский кружок иконописи Пимена Максимовича Софронова (1932-1939) (На материале чешских и зарубежных архивов) // Международные заволокинские чтения. Сб. 4. Рига, 2016. С. 90-97.

11. Стефанович Т. Мемориальная церковь Св. Димитрия в Лазареваце – памятник церковного зодчества Югославии межвоенного периода // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского Зарубежья. Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. С. 366-375.

12. Федоров П. А., Шнейдер И. В. Техника иконописи. Париж : Изд. Общ. Икона, 1947. 58 с.

13. Юрьева Т. В. Иконописец П. М. Софронов: причудский период творчества // Верхневолжский филологический вестник. 2019. № 2. С. 215-219.

14. Юрьева Т. В. «Сгущенный разум человечества» (Эстетические и внеэстетические характеристики канона) // Ярославский педагогический вестник. 1996. № 3. С. 43-46.

15. Рајчевић У. Синодска иконописна школа у монастиру Раковица код Београда // Руска эмиграција у српској култури XX века : зборник радова. Т. 2. Београд, 1994. С. 70-77.

16. Стефановић Т. Спомен церква светој Димитрија за Костурницом у Лазаревцу. Београд. Б.г.

17. Karnow N. Pimen Sofronow: Master iconographer// The Russian Orthodox Journal. 1973. Sept. P. 14-15.

18. Kotkavaara K. Progeny of the Icon. Emigreé Russian Revivalism and Vicissitudes of the Eastern Orthodox Images. Abo : Åbo akad. univ. press, 1999. 395 p.

19. Řoutil M. Objevovániruské ikony v 19. a 20. Století. Sběratelé, mecenáši, restaurátoři akunsthistorici ve službách umění // Ikonav ruském myšlení 20. Století. Sborník statí a studií / Sest. J. B. Lášek, M. Luptáková, M. Řoutil. Praha, 2011. S. 410-413.

20. Sotbi's. The Rassian Sale. London. 24 may, 2004. Lots 121-131.

Reference List

1. Aleksandrova V. Ikony staroobrjadcheskogo ikonopisca Pimena Sofronova iz katolicheskogo monastyrja Sheveton' v Bel'gii = Icons of the Old Belief Icon Painter Pimen Sofronov from the Catholic monastery of Shevetin in Belgium // Pomorskij vestnik. Izdanie staroobrjadcheskogo obshhestva Latvii. № 22-23, dekabr' 2009-fevral', 2010. S. 101-104

2. Arhiv Instituta istorii iskusstv Akademii Nauk Cheshskoj respubliki (AIII AN ChR) Arhiv dokumentacii = Archives for the Institute of Art History of the Academy of Sciences of the Czech Republic. Documentation Repository. Fond Instituta im. Kondakova, KI-16.

3. Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe: V 2 t. = The «Icon» Association in Paris. In 2 volumes. Moskva; Parizh : Progress-Tradicija, 2002.

4. Kosik V. I. Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoj jemigracii v Belgrade: 1920-1950-e gody. = What's it to me, the Cobbles of Belgrade? Essays on Russian Emigration in Belgrade: 1920-1950. Moskva, 2006. 288 s.

5. Makovskij, S. K. Krasota ikony = The Beauty of the Icon // Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe: V 2 t. Moskva; Parizh : Progress-Tradicija, 2002. T. 2.

6. Manujlov Ju. N. Ikona staroverov Prichud'ja: Gavriil Efimovich Frolov i ego ikonopisnaja masterskaja = The Icon of the Prichudye Old-believers: Gavriil Efimovich Frolov and his icon workshop. Tallin : Sihtasutus Ikoonimuuseum, 2013. 454 s.

7. Muratov, P. P. Puti russkoj ikony = The ways of the Russian Icon // Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe: V 2 t. Moskva; Parizh : Progress-Tradicija, 2002. T. 2. S. 93-101.

8. Rjabushinskij V. P. Znachenie ikony = The Icon Value // Vzdornov G. I., Zalesskaja Z. E., Lelekova O. V. Obshhestvo «Ikona» v Parizhe: V 2 t. Moskva; Parizh : Progress-Tradicija, 2002. T. 2. S. 191-104

9. Rzhoutil M. «…Zhelanie moe i popechenie v tom, chtoby ne pogiblo i ne ushlo v istoriju pravil'noe ikonopisanie». Pis'ma ikonopisca P. M. Sofronova knjagine N. G. Jashvil' 1930-h gg. = «…My yearning and care are solely after ensuring that proper icon-paining should not fade into oblivion». Letters of Pimen Sofronov to Princess N. G. Yashvil, year 1930 // Staroobrjadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.). Vyp. V. Moskva, 2013. S. 518-585.

10. Rzhoutil M. Prazhskij kruzhok ikonopisi Pimena Maksimovicha Sofronova (1932-1939) (Na materiale cheshskih i zarubezhnyh arhivov) = The Prague Icon Painting Circle of Pimen Sofronov (1932-1939) // Mezhdunarodnye zavolokinskie chtenija. Sb. 4. Riga, 2016. S. 90-97.

11. Stefanovich T. Memorial'naja cerkov' Sv. Dimitrija v Lazarevace – pamjatnik cerkovnogo zodchestva Jugoslavii mezhvoennogo perioda = St. Dimitri Memorial Church in Lazarevac, a monument to the Yugoslavian Church Art of the Inter-war Period // Izobrazitel'noe iskusstvo, arhitektura i iskusstvovedenie Russkogo Zarubezh'ja. Sankt-Peterburg : Dmitrij Bulanin, 2008. S. 366-375.

12. Fedorov P. A., Shnejder I. V. Tehnika ikonopisi = Icon Painting Technique. Parizh : Izd. Obshh. Ikona, 1947. 58 s.

13. Jur'eva T. V. Ikonopisec P. M. Sofronov: prichudskij period tvorchestva = Icon Painter Pimen Sofronov:

the Prichudye Period // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2019. № 2. S. 215-219.

14. Jur'eva T. V. «Sgushhennyj razum chelovechestva» (Jesteticheskie i vnejesteticheskie harakteristiki kanona) = The Humanity's «Condensed» Intelligence (Esthetic and Non-esthetic Characteristics of the Canon) // Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 1996. № 3. S. 43-46.

15. Pajcheviħ U. Sinodska ikonopisna shkola u monastiru Rakovica kod Beograda// Ruska jemigracija u srpskoj kulturi HH veka: Zbornik radova. T.2. Beograd, 1994. S. 70-77.

16. Stefanoviħ T. Spomen cerkva svetoj Dimitrija za Kosturnicom u Lazarevcu. Beograd. B.g.

17. Karnow N. Pimen Sofronow: Master iconographer// The Russian Orthodox Journal. 1973. Sept. P. 14-15.

18. Kotkavaara K. Progeny of the Icon. Emigreé Russian Revivalism and Vicissitudes of the Eastern Orthodox Images. Abo : Åbo akad. univ. press, 1999. 395 r.

19. Řoutil M. Objevováníruské ikony v 19. a 20. Století. Sběratelé, mecenáši, restaurátoři akunsthistorici ve službách umění // Ikonav ruském myšlení 20. Století. Sborník statí a studií / Sest. J B.Lášek, M. Luptáková, M. Řoutil. Praha, 2011. S. 410-413.

20. Sotbi's. The Rassian Sale. London. 24 may, 2004. Lots 121-131.

УДК 32:008.2

Л. А. Тюкина **https://orcid.org/0000-0002-5676-2325**

Память и историческая память: соотношение понятий

Для цитирования: Тюкина Л. А. Память и историческая память: соотношение понятий // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 181-187. DOI 10.20323/2499-9679-2020-1-20-181-187

В статье рассматриваются вопросы изучения памяти и воспоминаний, исторической памяти, общие и различные механизмы их формирования. Автор использовал комплексный подход, позволивший рассматривать роль памяти и исторической памяти в контексте их регулирования обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению. Историческая память общества в целом обеспечивает непрерывность исторического развития, позволяя передавать воспоминания от поколения к поколению. В статье затрагиваются причины, почему исследования исторической памяти вызывают в настоящее время особый интерес. Само существование нации невозможно при отсутствии коллективной памяти. Память формируется на основе воспоминаний каждого члена конкретного общества и является отображением тех событий, которые актуализируются на современном этапе. Значительное внимание уделено характеристике источников изучения памяти, методическим аспектам ее реконструкции в исследованиях. В статье подчеркивается, что при изучении вопросов памяти необходимо опираться на трансдисциплинарный подход. Материалом для анализа служат труды отечественных и зарубежных философов, культурологов историков и социологов. Исследователями изучаются каналы формирования образов прошлого через индивидуальные, групповые и идеологические (религиозные) каналы. В статье представлены такие понятия как «коммеморация» и «рекоммеморация», а также их роль в формировании образов исторической памяти. Результатом анализа исторической трансформации роли памяти становятся процессы формирования индивидуальной и коллективной исторической памяти. Память индивида структурируется и включается в память той общности, к которой человек принадлежит.

Ключевые слова: память и воспоминания; историческая память; коммеморация, рекоммеморация; индивидуальные и групповые воспоминания.

L. A. Tyukina

Memory and historical memory: term correlation

The article discusses the issue of memory, memories, historical memory, and mechanisms of their formation both commonly shared and unique. The author uses an integrated approach that allows them to consider memory and historical memory as a special mechanism which ensures the continuity of the society development and the transfer of cultural achievements from generation to generation assuming they are regulated by the society. The historical memory of the society as a whole provides for the continuity of historical development allowing the transmission of memories from generation to generation. The article explores the reasons for the issue of historical memory attracting widespread interest. The very existence of a nation is impossible in the absence of collective memory. The memory is formed on the basis of the memories of each member of a particular society and is a reflection of those events that are becoming relevant or acquiring significance at the moment. Considerable attention is paid to the characteristics of memory research sources as well as the methodological aspects of its reconstruction in research. The article emphasizes the importance of adopting a transdisciplinary approach when studying memory issues. The research is based on the works of Russian and foreign philosophers, cultural scientists, historians and sociologists who study channels of forming images of the past through individual, group and ideological (religious) channels. The article presents the concepts of «commemoration» and «recommemoration», as well as their role in the formation of historical memory images. The analysis of the historical transformation of the role of memory results in the formation of individual and collective historical memory. The memory of an individual is structured and included in the memory of the community to which the person belongs.

Keywords: Memory and memories; historical memory; commemoration, recommemoration; individual and group memories.

© Тюкина Л. А., 2020

Введение

В основе современной культурологической практики заложен ряд оригинальных концепций, связанных с изучением материальных и нематериальных объектов прошлого. Благодаря им в статье использован комплексный подход, позволивший рассматривать роль памяти и исторической памяти в контексте их регулирования обществом как особого механизма, обеспечивающего непрерывность развития социума, передачу культурных достижений от поколения к поколению.

Память и воспоминания – это общие термины, которые дифференцируются только тем, что память делает возможным для воспоминания. Память в этом смысле имеет виртуальную и явную инфраструктуру. Люди в значительной степени полагаются на внешние воспоминания разных типов, чтобы создать те хрупкие акты сознания, которые обычно называются памятью [Schacter, 1999, с. 496].

Память и воспоминания являются ключевыми категориями гуманитарных наук XX-XXI вв., поскольку отражают исторические процессы трансформации поколений, формируют новые проблемы для изучения в условиях быстрой смены медиа технологий и научной парадигмы.

Литературный обзор

Зарубежные исследователи Э. Ренан, Э. Дюркгейм, С. Чарновский, Ч. Кули и Дж. Г. Мид, М. Хальбвакс и П. Штомпка, рассуждая о контексте воспоминаний, о роли образов прошлого в жизни общества и обратном влиянии процессов социальных преобразований на представления об истории различных коллективов людей, выделяют в своих теориях, главным образом, содержание, закономерности, формирование и развитие коллективных воспоминаний.

Социокультурные исследования Ф. Бартлетта, Л. Виготски, А. Варбурга, М. Блоха, П. Нора такого явления как память раскрывают социальный характер индивидуальных процессов памяти и анализируют механизмы сохранения памяти в группах.

М. Хальбвакс отмечал отсутствие постоянства сохранения и непрерывного преобразования образов прошлого той или иной группы [Хальбвакс, 2007, с. 348]. Автор рассматривал память как социально обусловленный элемент общественного сознания и коллективной идентичности. Память, по его мнению, нельзя рассматривать как нечто, присущее лишь «сугубо индивидуальному телу или сознанию», потому что существует совершенно исключительное явление формирования группового сознания, исследование которого требует трансдисциплинарного подхода [Хальбвакс, 2005, с. 8.]. М. Хальбвакс выделял индивидуальную память, в основе которой лежит личный опыт, и память коллективную, как взаимосвязанные между собой, тем самым он впервые обратил внимание на изучение памяти в рамках коллективного (социального) измерения, а не только индивидуального автобиографического опыта. М. Хальбвакс сформулировал конструктивистское понимание индивидуальных воспоминаний как реконструкций, основанных на современных социальных системах отсчета, которые используют «память, чтобы воссоздать картину прошлого, которая соответствует обществу в каждую эпоху» [Хальбвакс, 2007, с. 348].

Память рассматривалась Дж.Г. Мидом [Мид, 2014] как феномен индивидуального сознания, находящийся в «глубинах духа» и являющийся хранилищем «следов» и «отпечатков» к пониманию того, что содержание памяти и ее внутренняя организация определяется снаружи, посредством инструментов, которые предоставляются культурой, господствующими нормами, социально-политическим контекстом и т. д. Исследователь отмечает, что каждый человек является потенциальным свидетелем. Собственный (первичный опыт) отдельно взятого свидетеля является основой исследования современной истории. Тем не менее, событие, которое переживается несколькими людьми одновременно, не будет запоминаться единообразно. Каждый человек воспринимает другие, субъективно значимые разделы реальности и придает смысл им на фоне предыдущих социальных переживаний. Процесс запоминания является столь же избирательным, как и восприятие. Некоторые аспекты события забываются, в то время как другие, которые теперь кажутся социально значимыми, актуализируются. «Воспоминания – это не прочные, но впечатляющие продукты того, что мы помним из прошлого, верим в настоящее и ожидаем будущего», – отмечает Д. Л. Шактер [Schacter, 1999, с. 496].

Вместе с тем Э. Ренан отмечал, что существование нации невозможно без общих воспоминаний, хотя и происходит коллективное забвение некоторых моментов прошлого [Андерсон, 2001, с. 285]. По мнению Э. Дюркгейма, для сохранения стабильности общества и для того, чтобы его члены понимали историческую преемственность существования своей группы, они должны иметь определенную степень интеллектуального и ме-

мориального конформизма своих членов [Васильев, 2009, с. 58]. Согласно С. Чарновскому, герой является олицетворением социального единения и воплощением его важнейших ценностей. Рассматривая данный вопрос, он приходит к выводу, что при помощи культа группа утверждает свое бытие и специфичность [Васильев, 2015, с. 72-91].

Современными отечественными учеными ведутся исследования по данной проблеме. Так, М. А. Барг считал, что «общественное сознание является историческим не только потому, что его содержимое со временем совершенствуется и прогрессирует, но и так, как определенной своей стороной оно «обращается» к прошлому, «погружается» в историю» [Барг, 1987, с. 354]. Л. П. Репина на этот счет полагает, что «в основе всякого описания истории есть историческое сознание, которое объединяет настоящее и прошлое, которые, в свою очередь, затем, проецируются в будущее» [Мысливец, 2018, с. 9-19]. Ю. А. Левада также поддерживает данную точку зрения, утверждая, что это понятие охватывает многие формы, которые стихийно сложились или создались наукой, в которых также свое прошлое [Левада, 1984, с. 191-193] осознается обществом.

Исследователи выделяют различные виды памяти. Феномен «социальной памяти» А. Г. Васильев, Ю. М. Лотман, К. Е. Рыбак, Е. В. Грязнова, О. Н.Астафьева и И. В. Кондаков рассматривают как хранение актуальной социальной информации и передачи её к будущему поколению. «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени… С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Лотман, 1992, с. 201-203.], – упоминалось в исследованиях Ю. М. Лотмана. Память – это способ создания реальности, инструмент социализации и идентификации различных социальных субъектов [Грязнова, 2015, с. 92-106].

Зарубежные и отечественные исследователи изучают механизмы формирования памяти, пытаясь ответить на вопрос, почему одни события забываются, а другие воспроизводятся. Память не может воспроизводить события беспорядочно, комплекс определенных составляющих формирует её. Разнообразие механизмов формирования образов прошлого, по мнению исследователей, является основой актуализации памятных исторических событий [Дмитриева, 2015, с. 134]. Таким образом, память формируется на основе воспоминаний каждого члена конкретного общества и является отображением тех событий, которые актуализируются на современном этапе, если объединяют воедино воспоминания многих свидетелей.

Методы

Сложность предмета исследования обусловили разнообразие используемых методов для изучения рассматриваемого культурного и исторического феномена. При подготовке научной статьи был использованы общенаучный метод, включающий анализ и синтез, индукцию и дедукцию [Ковальченко, 2003]. Использование синтеза подразумевало воссоединение конкретного события из более мелких составляющих, а индукции – перевода от частного к общему, зачастую вероятностному, положению. В условиях использования анализа как общенаучного метода позволяло двигаться от сложного к простому. Метод дедукции был использован с целью выведения из гипотезы следствий для развития ее содержания и объяснения наблюдаемых явлений.

Обсуждение

Исследователи И. В. Кондаков и О. Н. Астафьева считают, что политика государства не снижает интерес общества к своей истории, культурному наследию, а содействует толерантности, культурному разнообразию и человеческому творчеству [Ковальченко, 2003]. А. Г. Васильев настаивает на том, что представления о прошлом проходят постоянную трансформацию, что они являются не застывшей суммой исторических истин, а скорее, функцией от непрерывных социальных изменений [Васильев, 2009, с. 58].

Следует выделить события, например, формирующие память семьи. Основанные на коммуникативных практиках, благодаря близости, регулярному взаимодействию и совместному опыту членов семьи, данные воспоминания сохраняются и транслируются на протяжении трех-четырех поколений [Assmann, 1997, с. 43]. В отличие от повседневной формы сохранения памяти, традиции также могут поддерживать воспоминания более 75-100 лет.

Государства-нации в современном мире, используя «фактор демократизации истории» как мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и отдельных личностей, способствовало быстрому возникновению разнообразных форм памяти национальных меньшинств, для которых отвоевание собственного прошлого стало необходимой составляющей утверждения идентичности [Нора, 2001].

Но для того, чтобы группа могла сохранить свои воспоминания надолго и передать их другим поколениям, члены общества должны иметь возможность полагаться на носителей памяти, которые обладают как компетентностью, так и возможностью разрозненные воспоминания прошлого трансформировать в фиксированный поток организованных совместных воспоминаний. Представляется сложным интенсифицировать данный процесс, если живых свидетелей практически не осталось. Например, это актуально в отношении сохранении памяти о непростой судьбе узников концлагерей, воинов и мирных жителей, павших в годы войны, геноцида. Память о жертвах репрессий и войн будет искусственно фиксироваться в устанавливаемых памятниках и мемориалах.

Вместе с тем преемственность «общества, которое читает историю свидетелей или участников событий, описанных в ней» только в книгах, исключается для М. Хальвбакса [Репина, 2004]. По мнению исследователя, работы по истории могут напоминать о событиях, связанных с судьбой той или иной группы, периода общества, но они не смогут отразить целостно те воспоминания живого человека, которые исчезают вместе с уходом очевидца. В данном случае нельзя отождествлять историю с сохранением памяти о тех или иных людях и событиях. По мнению Хальвбакса, историю следует рассматривать как «социальную память», которая подчинена сознательным и бессознательным механизмам выбора группы [Хальбвакс, 2005, с. 8]. Я. Ассманн подчеркивает, что историография зависима от времени и интересов. Он выступает против взгляда на историю как механизма сохранения памяти, так как критический взгляд на исторические события нивелирует любое воспоминание. Согласно Я. Ассманну, «память не имеет ничего общего с исторической наукой» [Assmann, 1997, с. 43]. Если история преследует легитимные цели, то это не «задача историка, а функция социальной памяти». Прошлое, по мнению автора, требует другого познавательного интереса. В нем преобладают «теоретическое любопытство» и «чистое стремление к знаниям», формирование идентичности коллективной памяти [Assmann, 1997, с. 43].

Историческая наука, таким образом, имеет исправительную функцию, которая должна противодействовать легитимной деформации истории через групповые воспоминания [Kleßmann, 2002, с. 3-12]. Процесс отбора исторического прошлого, актуализация или сознательное забвение тех или иных фактов связаны с такими понятиями, как коммеморация и рекоммеморация. Эти два понятия можно считать модификациями механизмов формирования исторической памяти. Один из родоначальников этих понятий А. Мегилл дает определение коммеморации как процесса, когда «зафиксированные воспоминания прошлых событий могут превратиться в нечто, родственное объектам религиозного почитания». Автор полагает, что, в момент возникновения поклонения, «память превращается в нечто иное: память становится коммеморацией» [Мегилл, 2007, с. 110].

Его взгляды оказали влияние на отечественных ученых. Г. М. Агеева определяет коммеморацию как «увековечение памяти о событиях: сооружение памятников, организация музеев, определение знаменательных дат, праздники, массовые мероприятия и многое другое» [Агеева, 2012, с. 156]. Коммеморация рассматривается как целенаправленное актуализирование исторической памяти. В. Н. Бадмаев отмечает, что «историческая память особенно своеобразно реагирует на трагические и драматические события истории: войны, революции, репрессии. Такие периоды характеризуются дестабилизацией общественных структур, ростом противоречий, конфликтов» [Бадмаев, 2012]. В условиях такого рода дестабилизации общества коммеморативные практики играют довольно важную роль. Н. В.Гришина, анализируя взгляды А. Мегилла [Мегилл, 2007, с. 110], считает, что коммеморация является «своеобразным способом скрепления сообщества, целенаправленным воспоминанием». Она отмечает, что «коммеморация возникает в настоящем из желания сообщества, существующего в данный момент, подтверждать чувство своего единства и общности, упрочивая связи внутри сообщества через разделяемое его членами отношение <...> к репрезентации прошлых событий» [Гришина, Школа, 2010, с. 24].

Противоположностью коммеморации является процесс рекоммеморации, представляющий целеустремленный, осознанный процесс забывания, выталкивания из памяти сложных для воспоминания свидетелями исторических событий, например, отсутствие упоминаний о деяниях карательных органов на территории той или иной страны в годы войны. Процесс «забвения», по мнению исследователей, также необходимо определять как один из инструментов формирования исторической памяти. Чем реже упоминаются эпизоды в средствах массовой информации, на уроках истории или исследованиях, тем быстрее данные воспоминания стираются из памяти народа. Данный механизм актуализируют наука и искусство, до-

бывая сюжеты для своих произведений из «хранилища долговременной памяти» – документов [Нора, 2001].

Итак, существует три важных процесса для формирования исторической памяти – актуализация (воспроизведение и узнавание) прошлого, связанная с текущими проблемами, «забвение прошлого» и различные толкования событий и фактов.

Результаты

Историческая память социально предопределена, она генерируется из различных источников, в том числе опирается на личный опыт, то есть включает субъективную точку зрения, связанную с индивидуальными особенностями восприятия, интерпретацией исторического опыта, особенно событий «живой» истории, свидетелем и участником которой был человек. Индивидуальный опыт каждого отдельного человека очень обрывочен, поэтому исключителен и неповторим и охватывает относительно непродолжительный период исторического времени, а значит, не может составлять основу исторической памяти. Он должен наслаиваться, включаться в формируемое обществом историческое информационное пространство, дополнять его, формируя групповые воспоминания. В какой-то степени индивидуальный опыт, эмпирический багаж человека выполняет функции контроля и сличения исторической информации, передаваемой через опыт отдельно взятой семьи.

Основу исторической памяти человека и общества в целом создает та коммуникационная и информационная среда, в которой он находится. Вместе с тем образовательная система и медийная среда в значительной степени контролируются существующей идеологией и рынком. К основным источникам исторической информации следует отнести историческую науку, искусство и литературу, личный опыт. Власть, гражданское общество и церковь выступают главными участниками, заинтересованными в контроле над исторической памятью. Именно данные институты в современном мире формируют «историческое пространство», представленное местами памяти, а также праздниками, годовщинами и другими механизмами актуализации и стимуляции исторической памяти [Мазур]. Основная медиальная возможность любого воспоминания – автобиографическая память так же, как конститутивная, как, например, для формы социального воспоминания [Astrid, Wodianka, 2008]. Можно вспомнить только то, что передается в обмен с другими, и этот обмен требует наличия языковой им семиотической среды (например, в религии).

Заключение

Подводя итог, отметим, что главной задачей формирования исторической памяти является ответственное воспроизведение исторических знаний и представлений, которые существуют в обществе. Данные представления складываются в групповые воспоминания. Однако то, что формируется в групповой памяти может расходится с индивидуальными воспоминаниями членов общества или воспоминаниями семьи. Исследование восприятия отдельно взятого свидетеля, по нашему мнению, является необходимой основой любого исследования, целью которого является сохранение исторической памяти. Вместе с тем такие факторы, как информационные технологии, рынок, идеология или религия, которые определяют особенности информационной среды и культуры общества, формируются на основе механизма исторической информации и передачи данной информации. Образовательная система и средства массовой информации, места памяти, устные коммуникации выступают механизмами воспроизведения исторических событий.

Библиографический список:

1. Агеева Г. М. Практики виртуальной коммеморации в библиотечно-информационной сфере // Библиотечное дело-2012: библиотечно-информационная деятельность в пространстве науки, культуры и образования. Москва : МГУКИ, 2012. Ч. 1. 156 с.

2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Москва , 2001. 285 с.

3. Бадмаев В. Н. Ментальность и историческая память // Вестн. Калмыц. унта. 2012. Вып. 1 (13). 80 с.

4. Барг М. А. Эпохи и идеи: (Становление историзма). Москва : Мысль, 1987. 354 с.

5. Васильев А. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии: Сб. ст. по материалам конгресса / отв. ред. Д. Л. Спивак. Москва, 2009. Т. 6. Культурное наследие: От прошлого к будущему. 58 с.

6. Васильев А. Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72-91.

7. Гришина Н. В. Школа В. О. Ключевского в исторической науке и российской культуре. Челябинск : Энциклопедия, 2010. С. 24.

8. Грязнова Е. В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 1. С. 92-106.

9. Дмитриева О. О. Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических кон-

цепций в отечественной науке // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 6. С. 134.

10. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. Москва, 2003.

11. Левада Ю. А. Историческое сознание и научный метод // Философские проблемы исторической науки. Москва, 1984. С. 191-193.

12. Лотман Ю. М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю. М. Избранные статьи : в 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн : Александра, 1992. С. 201-203.

13. Мазур Л. Н. Образ прошлого: формирование исторической памяти. URL: https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589 (дата обращения: 22.02.2020)

14. Мегилл А. Историческая эпистемология. Москва : Канон+, 2007. 110 с.

15. Мид Дж.Г. Философия настоящего. Москва : Издат. дом НИУ ВШЭ, 2014.

16. Нора П. Всемирное торжество памяти // РЖ Русский журнал / Т. Тихонова, С. Костырко. 2001. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (дата обращения: 22.02.2020)

17. Мысливец Н. Л. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Мысливец Н. Л., Романов О. А. Вестник РУДН. Серия «Социология». 2018. № 1. С. 9-19.

18. Репина Л. П. История исторического знания. Историческое сознание и историческая память. Москва, 2004.

19. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. Вып. 3. С. 12-21.

20. Репина Л. П. История исторического знания / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова. Москва : Дрофа, 2004.

21. Рыбак К. Е. Современные проблемы регулирования музейной деятельности // Культура: управление, экономика, право. 2005. № 4. С. 37-39.

22. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. статья С. Н. Зенкина. Москва, 2007. 348 с.

23. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3 (40-41). С. 8.

24. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München. 1997.

25. Alon C. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method, in: American Historical Review 102 (1997). S. 1386-1403.

26. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München 1997. S. 43.

27. Astrid E., Wodianka St. Film und kulturelle Erinnerung. Plurimediale Konstellationen, Berlin 2008.

28. Astrid E. Nünning Ansgar (Hrsg.), Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität, Kulturspezifität, Berlin 2004.

29. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis, in: Aleida Assmann/Dietrich Harth (Hrsg.), Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung, Frankfurt a. M. 1991, S. 289-304, hier S. 290.

30. Hutton P. Recent scholarship on memory and history. The History Teacher 33.4 (2000). S. 533-548.

31. Kracht K. G. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora, in: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 47 (1996). S. 21-31.

32. Kleßmann C. Zeitgeschichte als wissenschaftliche Aufklärung, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 51-52/2002. S. 3-12.

33. Novick P. Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord, Stuttgart 2001.

34. Schacter D. L., Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit, Reinbek bei Hamburg 1999. S. 496.

35. Harald W. Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: Bios 21 (2008). S. 15-27.

36. Kamenskii A. B. The Battle of Poltava in Russian Historical Memory// Harvard Ukrainian Studies. 2012. Vol. 31. № 1-4. P. 195-204.

37. Al-Farabi R. Z. Historical Memory of Afganistan. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/122/127/ (дата обращения: 22.02.2020)

Reference List

1. Ageeva G. M. Praktiki virtual'noj kommemoracii v bibliotechno-informacionnoj sfere = Virtual Commemoration Practices in the Area of Library and Information Services // Bibliotechnoe delo-2012: bibliotechno-informacionnaja dejatel'nost' v prostranstve nauki, kul'tury i obrazovanija. Moskva : MGUKI, 2012. Ch. 1. 156 s.

2. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva = Imagined Communities. Moskva , 2001. 285 s.

3. Badmaev V. N. Mental'nost' i istoricheskaja pamjat' = Mentality and Creative memory // Vestn. Kalmyc. unta. 2012. Vyp. 1 (13). 80 s.

4. Barg M. A. Jepohi i idei: (Stanovlenie istorizma) = Epochs and Ideas (Establishment of Historism). Moskva : Mysl', 1987. 354 s.

5. Vasil'ev A. Memorializacija i zabvenie kak mehanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobrazija = Memorialization and Oblivion as Mechanisms of Cultural Integrity and Cultural Diversity Production // Fundamental'nye problemy kul'turologii: Sb. st. po materialam kongressa / otv. red. D. L. Spivak. Moskva, 2009. T. 6. Kul'turnoe nasledie: Ot proshlogo k budushhemu. 58 s.

6. Vasil'ev A. G. Tradicija i kul'turnaja pamjat' v kontekste social'nyh innovacij = Tradition and Cultural Memory in the Context of Social Innovations // Chelovek i kul'tura. 2015. № 1. S. 72-91.

7. Grishina N. V. Shkola V. O. Kljuchevskogo v istoricheskoj nauke i rossijskoj kul'ture = Vasily Klyuchevsky's School in Historical Science and Russian Culture. Cheljabinsk : Jenciklopedija, 2010. S. 24.

8. Grjaznova E. V. Social'naja pamjat' kak jelement kul'tury = Social Memory as a Component of Culture // Chelovek i kul'tura. 2015. № 1. S. 92-106.

9. Dmitrieva O. O. Istoricheskaja pamjat' i mehanizmy ee formirovanija: analiz istoriograficheskih koncepcij v otechestvennoj nauke = Historical memory and Mechanisms of its Formation: Analysis of Historiographic Concepts // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 6. S. 134.

10. Koval'chenko I. D. Metody istoricheskogo issledovanija = Methods of Historical Research. Moskva, 2003.

11. Levada Ju. A. Istoricheskoe soznanie i nauchnyj metod = Historical Consciousness and Scientific Method // Filosofskie problemy istoricheskoj nauki. Moskva, 1984. S. 191-193.

12. Lotman Ju. M. Pamjat' v kul'turologicheskom osveshhenii = Memory in the Light of Culture // Lotman Ju. M. Izbrannye stat'i: V 3 t. T. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury. Tallinn : Aleksandra, 1992. S. 201-203.

13. Mazur L. N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoj pamjati = The Image of the Past: Historical Memory Formation. URL: https://journals.urfu.ru/index.php/Izvestia2/article/view/1589 (data obrashhenija: 22.02.2020)

14. Megill A. Istoricheskaja jepistemologija = Historical Epistemology. Moskva : Kanon+, 2007. 110 s.

15. Mid Dzh.G. Filosofija nastojashhego = The Philosophy of the Present. Moskva : Izdat. dom NIU VShJe, 2014.

16. Nora P. Vsemirnoe torzhestvo pamjati = Realms of Memory, the Global Triumph of Memory // RZh Russkij zhurnal / T. Tihonova, S. Kostyrko. 2001. URL: http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html (data obrashhenija: 22.02.2020)

17. Myslivec N. L. Istoricheskaja pamjat' kak sociokul'turnyj fenomen: opyt sociologicheskoj rekonstrukcii = Historical Memory as a Sociocultural Phenomenon: Experience of Sociological Reconstruction // Myslivec N. L., Romanov O. A. Vestnik RUDN. Serija «Sociologija». 2018. № 1. S. 9-19.

18. Repina L. P. Istorija istoricheskogo znanija. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaja pamjat' = The History of Historical Knowledge. Historical Consciousness and Historical Memory. Moskva, 2004.

19. Ragozina T. Je. Kul'turnaja pamjat' versus istoricheskaja pamjat' = Cultural Memory vs Historical Memory // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2017. Vyp. 3. S. 12-21.

20. Repina L. P. Istorija istoricheskogo znanija = The History of Historical Knowledge / L. P. Repina, V. V. Zvereva, M. Ju. Paramonova. Moskva : Drofa, 2004.

21. Rybak K. E. Sovremennye problemy regulirovanija muzejnoj dejatel'nosti = Contemporary Challenges in Museum Activity Regulation // Kul'tura: upravlenie, jekonomika, pravo. 2005. № 4. S. 37-39.

22. Hal'bvaks M. Social'nye ramki pamjati = Les cadres sociaux de la mémoire / per. s fr. i vstup. stat'ja S. N. Zenkina. Moskva, 2007. 348 s.

23. Hal'bvaks M. Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat' = Collective and Historical Memory // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2-3 (40-41). S. 8.

24. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München. 1997.

25. Alon C. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method, in: American Historical Review 102 (1997). S. 1386-1403.

26. Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen, München 1997. S. 43.

27. Astrid E., Wodianka St. Film und kulturelle Erinnerung. Plurimediale Konstellationen, Berlin 2008.

28. Astrid E. Nünning Ansgar (Hrsg.), Medien des kollektiven Gedächtnisses. Konstruktivität, Historizität, Kulturspezifität, Berlin 2004.

29. Burke P. Geschichte als soziales Gedächtnis, in: Aleida Assmann/Dietrich Harth (Hrsg.), Mnemosyne. Formen und Funktionen der kulturellen Erinnerung, Frankfurt a. M. 1991, S. 289-304, hier S. 290.

30. Hutton P. Recent scholarship on memory and history. The History Teacher 33.4 (2000). S. 533-548.

31. Kracht K. G. Gedächtnis und Geschichte: Maurice Halbwachs – Pierre Nora, in: Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 47 (1996). S. 21-31.

32. Kleßmann C. Zeitgeschichte als wissenschaftliche Aufklärung, in: Aus Politik und Zeitgeschichte B 51-52/2002. S. 3-12.

33. Novick P. Nach dem Holocaust. Der Umgang mit dem Massenmord, Stuttgart 2001.

34. Schacter D. L., Wir sind Erinnerung. Gedächtnis und Persönlichkeit, Reinbek bei Hamburg 1999. S. 496.

35. Harald W. Die Medialität des menschlichen Gedächtnisses, in: Bios 21 (2008). S. 15-27.

36. Kamenskii A. B. The Battle of Poltava in Russian Historical Memory// Harvard Ukrainian Studies. 2012. Vol. 31. № 1-4. P. 195-204.

37. Al-Farabi R. Z. Historical Memory of Afganistan. URL: https://bulletin-history.kaznu.kz/index.php/1-history/article/download/122/127/ (data obrashhenija: 22.02.2020)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абызов Алексей Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ивановский государственный политехнический университет». 153000, г. Иваново, пр. Шереметевский, д. 21. E-mail: axxel68@mail.ru

Асафьева Елена Валерьевна – учитель русского языка и литературы МОУ «Средняя школа № 7». 150000, г. Ярославль, ул. Победы, д. 46. E-mail: e71mih@mail.ru

Беглова Елена Ивановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранного языка и культуры речи ФГКОУ ВО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации». 603081, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Богданова Ольга Владимировна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ образовательного регионоведения ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». 191186, г. Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Бринюк Елена Витальевна – педагог дополнительного образования ФГОБУ ВО «Финансовый университет при правительстве Российской Федерации». 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49. E-mail: evbrin@inbox.ru

Вишневская Галина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра интеграции науки и образования ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет». 153025, г. Иваново, ул. Ермака, д. 39. E-mail: galamail2002@mail.ru

Гунько Людмила Андреевна – аспирант ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, пр. Луначарского, д. 5. E-mail: gunkolyuda@mail.ru

Зарина Елена Николаевна – старший преподаватель кафедры массовых коммуникаций ООВО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. E-mail: tuttobene29@gmail.com

Злотникова Татьяна Семеновна – доктор искусствоведения, профессор кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Короткова Наталья Сергеевна – аспирант филологического факультета ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет». 394036, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1. E-mail: Little-Alessa@yandex.ru

Кулаковский Михаил Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Мельникова Екатерина Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: em09@mail.ru

Метёлкина Софья Станиславовна – магистрант кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: parallel14@mail.ru

Некрасов Сергей Михайлович – доктор культурологии, профессор, Всероссийский музей А. С. Пушкина (Мемориальный музей-квартира Н. А. Некрасова). 191104, г. Санкт-Петербург, Литейный проспект, д. 36. E-mail: snekrasoff@mail.ru

Соболева Марина Александровна – магистрант кафедры культурологии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: mary.sobol2013@yandex.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций ООВО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. E-mail: stepanov@mubint.ru

Столярова Александра Георгиевна – соискатель степени кандидата филологических наук ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: aleks-stolyarova@yandex.ru

Труханова Дарья Сергеевна – ассистент кафедры стажировки зарубежных специалистов ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: DSTrukhanova@pushkin.institute

Тюкина Людмила Александровна – старший преподаватель, заведующий кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет». 150023, г. Ярославль, Московский проспект, д. 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Федотова Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Филонова Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: yuliya-filonova@bk.ru

Фокина Мадина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: madi.fokina@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Цзян Юань – аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 141014, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24. E-mail: lenajiang1028@mail.ru

Цзян Яньхун – доктор филологических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий г. Сучжоу. КНР, г. Сучжоу, ул. Shizi, 1, провинция Цзянсу. E-mail: zhangzh_0518@163.com

Чжан Цзунхуа – доктор исторических наук, профессор Гуманитарного института Университета науки и технологий г. Сучжоу. КНР, г. Сучжоу, ул. Shizi, 1, провинция Цзянсу. E-mail: zhangzh_0518@163.com

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Abyzov Aleksei Alekseevich – candidate of philological sciences, associate professor of foreign languages department, Ivanovo state politechnical university.153000, Ivanovo, Sheremetievskiy avenue, 2. E-mail: axxel68@mail.ru

Asafyeva Elena Valerievna – russian language and literature teacher, secondary school № 7. 150000, Yaroslavl, Pobedy str., 46. E-mail: e71mih@mail.ru

Beglova Elena Ivanovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of foreign language and culture of speech, Nizhny Novgorod academy of Ministry of internal affairs of Russia. 603081, Nizhny Novgorod, Ankudinovskoye road, 3. E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Bogdanova Olga Vladimirovna – doctor of philological sciences, professor, leading scientific researcher of research institute of educational area studies, Herzen state pedagogical university. 191186, St.Petersburg, Naberezhnaya Moyki, 48. E-mail: olgabogdanova03@mail.ru

Boldyreva Elena Mikhaylovna – doctor of philological sciences, associate professor, professor of Institute of foreign languages, Southwest university. China, 400715, Chongqing, Baybay region, Tyanshen str., 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Brynyuk Elena Vitalyevna – supplementary education teacher, Financial university under the Government of Russian Federation. 125993, Moscow, Leningradsky avenue, 49. E-mail: evbrin@inbox.ru

Vyshnevskaya Galina Mikhaylovna – doctor of philological sciences, professor, leading scientific researcher of research and educational centre of science and education integration, Ivanovo state university. 153025, Ivanovo, Ermak str., 39. E-mail: galamail2002@mail.ru

Gunko Lyudmila Andreevna – post-graduate student of Cherepovets state university. 162600, Cherepovets, Lunacharskogo avenue, 5. E-mail: gunkolyuda@mail.ru

Zarina Elena Nikolaevna – assistant professor of public communication department, International academy of business and new technologies. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya str., 80. E-mail: tuttobene29@gmail.com

Zlotnikova Tatyana Semyonovna – doctor of arts, professor, culturalogy department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: cij_yar@mail.ru

Korotkova Natalya Sergeevna – post-graduate student of Voronezh state university. 394036, Voronezh, University square, 1. E-mail: Little-Alessa@yandex.ru

Kulakovsky Mikhail Nikolaevich – candidate of philological sciences, associate professor of russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: kulmn@mail.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – doctor of philological sciences, professor, head of department of language theory and german language, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Melnikova Ekaterina Mikhailovna – candidate of philological sciences, associate professor of russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: em09@mail.ru

Metyolkina Sofya Stanislavovna – graduate student of russian language department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: parallel14@mail.ru

Nekrasov Sergei Mikhailovich – doctor of culturalogical sciences, professor, National Pushkin museum (Nekrasov apartment museum). 191104, St.Petersburg, Liteyny avenue, 36. E-mail: snekrasoff@mail.ru

Soboleva Marina Aleksandrovna – graduate student, culturalogy department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: mary.sobol2013@yandex.ru

Stepanov Valentin Nikolaevich – doctor of philological sciences, professor, head of public communication department, International academy of business and new technologies. 150003, Yaroslavl, Sovetskaya sttr., 80. E-mail: stepanov@mubint.ru

Stolyarova Aleksandra Georgievna – applicant for candidate of philological sciences, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, Akademika Volgina str., 6. E-mail: aleks-stolyarova@yandex.ru

Trukhanova Darya Sergeevna – teaching fellow of foreign specialist training department, Pushkin state russian language institute. 117485, Moscow, AkademikaVolgina str., 6. E-mail: DSTrukhanova@pushkin.institute

Tyukina Lyudmila Aleksandrovna – assistant professor, head of foreign languages department, Yaroslavl state technical university. 150023, Yaroslavl, Moskovsky avenue, 88. E-mail: ltyukina@yandex.ru

Fedotova Anna Aleksandrovna – candidate of philological sciences, associate professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: gry_anna@mail.ru

Filonova Yulia Aleksandrovna – candidate of pedagogical sciences, associate professor of russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: yuliya-filonova@bk.ru

Fokina Madina Aleksandrovna – doctor of philological sciences, professor of national philology department, Kostroma state university. 156005, Kostroma, Dzerzhinsky str., 17. E-mail: madi.fokina@mail.ru

Khrenov Nikolai Andreevich – doctor of philosophical sciences, chief scientific researcher of media and mass art department of show-entertaining culture sector, State institute for art studies. 125009, Moscow, Kozitsky lane, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Jiang Yuan – post-graduate student of contemporary russian language department named after professor P. A. Lekant, Moscow region state university. 141014, Mytishchi, Very Voloshinoy str., 24. E-mail: lenajiang1028@mail.ru

Jiang Yanhong – doctor of philological sciences, professor, Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China, Shizi str., 1, Jiangsu Province. E-mail: zhangzh_0518@163.com

Zhang Zonghua – doctor of historical sciences, professor, Humanitarian institute of University of science and technology, Suzhou, China, Shizi str., 1, Jiangsu Province. E-mail: zhangzh_0518@163.com

Yuryeva Tatyana Vladimirovna – doctor of culturalogical sciences, professor of journalism and publishing industry department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – И. А. Воронцова

Объем 24 п. л., 20,5 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 42. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 30.03.2020
Цена свободная

Издатель
Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69